

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2024

№ 79

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_gukun@mail.ru; **Дериглазова Л.В.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор ист. наук, профессор. E-mail: dlarisa@inbox.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сухушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглезнев В.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Щербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия) – кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сиэтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Днев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопал Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief; **Rykun A.U.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology); **Deriglazova L.V.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science); **Agafonova E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor; **Sukhushina E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology); **Borisov E.V.** (Tomsk, Russia); **Ogleznev V.V.** (Tomsk, Russia); **Syrov V.N.** (Tomsk, Russia); **Chernikova I.V.** (Tomsk, Russia); **Ladov V.A.** (Tomsk, Russia); **Uzhaninov K.M.** (Tomsk, Russia); **Shcherbinina N.G.** (Tomsk, Russia); **Kashpur V.V.** (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M.S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviov A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor R.** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Борисов Е.В. Логика для кросс-мировой предикации: теория доказательства.....	5
Павлухина П.А. Логико-семантический анализ отчетов об интенциональных состояниях субъекта.....	17
Потапова Н.Е. Феноменологический подход к осмыслению понятия безопасности.....	26
Резников В.М. Верификация условий применения математики как философская и методологическая проблема.....	33
Черникова И.В. К вопросу о понимании типов научной рациональности: сравнительный анализ категориального каркаса.....	41

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Аверков М.С., Лужецкий И.Г., Попов А.А. Представления Иммануила Канта о задачах просвещения в социокультурном контексте: общая реконструкция и возможности использования в современной сфере образования.....	53
Корниенко М.А. Философско-аллегорическая поэма Алана Лилльского «Плач Природы»: идеи, образы, стилистика.....	65
Найман Е.А. Гносеологическая эстетизация в философии И. Канта.....	77
Слобода Н.М. Феноменологическое прозрение Г. Гарфинкеля: работа с конститутивным социальным порядком.....	91
Храмов В.Б. Философия искусства Гленна Гульда.....	102

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Лягошина Т.В. Большие языковые модели: влияние на публичный дискурс и общество в целом.....	111
Морозов К.Е. Правое либертарианство и суффициентаризм удачи.....	125
Нефедова Л.К., Руди А.Ш. Ностальгия в сакральном ядре культуры.....	134
Сыров В.Н., Агафонова Е.В. Как структурировать историческое время.....	146
Хитрук Е.Б., Быков Р.А. Теоретико-методологические основания исследования отцовства.....	165
Шумилова Э.Е. Восприятие плагиата в академической среде Китая сквозь призму принципов научной этики.....	181
Юрченко Е.К. Внутренние и внешние условия формирования и реализации идентичности.....	189

СОЦИОЛОГИЯ

Атанасова А.А. Современные тренды в исследованиях цифровых инноваций в гражданской сфере.....	199
Гоманова С.О., Ермолаева Ю.В. Волонтерские практики в системе института предупреждения и реагирования на чрезвычайные ситуации в Российской Федерации.....	207
Мальцева Д.В., Ким А.В., Щеглова Т.Е. Изучение сетей коллабораций российских социологов: методологический подход и его апробация.....	221
Мочалова Н.Ю., Ольховикова С.В. Трансформационный потенциал семейного мифа как механизма реконструкции традиционных семейных ценностей.....	233
Томасова Д.А., Глухов А.П. Комплементарность как принцип развития партнерств в инновационной образовательной системе.....	243

ПОЛИТОЛОГИЯ

Борисов Д.А. Дальнейшее осмысление роли идеологии в современных международных отношениях: эвристический аспект на примере деятельности Японии в Центральной Азии.....	258
Ганжа Н.С. Молодежь Иркутска: электоральное поведение через призму политических ценностей.....	272
Скиперских А.В. От «сельсовета» к «технократам»: легитимация политических элит Липецкой области при Игоре Артамонове.....	282

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Borisov E.V. A proof theory for a logic for crossworld predication.....	5
Pavlukhina P.A. A logical-semantic analysis of utterances of intentional states of subject.....	17
Potapova N.E. A phenomenological approach to understanding the concept of safety.....	26
Reznikov V.M. Verification of conditions of using mathematics as a philosophical and methodological problem.....	33
Chernikova I.V. On understanding the types of scientific rationality: A comparative analysis of the categorical framework.....	41

HISTORY OF PHILOSOPHY

Averkov M.S., Luzhetsky I.G., Popov A.A. Immanuel Kant's ideas about the tasks of education in a socio-cultural context: General reconstruction and possibilities of use in the modern field of education.....	53
Kornienko M.A. Alan of Lille's philosophical and allegorical poem "The Plaint of Nature": Ideas, images, style.....	65
Nayman E.A. Epistemological aestheticization in Kant's philosophy.....	77
Sloboda N.M. Harold Garfinkel's phenomenological insight: Working with the constitutive social order.....	91
Khramov V.B. Glenn Gould's philosophy of art.....	102

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Lyagoshina T.V. Large language models: Impact on public discourse and society as a whole.....	111
Morozov K.E. Right-libertarianism and luck sufficientarianism.....	125
Nefedova L. K., Rudi A.Sh. Nostalgia in the sacred core of culture.....	134
Syrov V.N., Agafonova E.V. How to structure historical time.....	146
Khitruk E.B., Bykov R.A. Theoretical and methodological foundations for the study of fatherhood.....	165
Shumilova E.E. Perception of plagiarism in the Chinese academic environment through the prism of the principles of scientific ethics.....	181
Yurchenko E.K. Internal and external factors of identity formation and realization.....	189

SOCIOLOGY

Atanasova A.A. Current trends in research in digital innovations in the civil sphere.....	199
Gomanova S.O., Ermolaeva Yu.V. Volunteer practices in the institution of emergency prevention and response in the Russian Federation.....	207
Maltseva D.V., Kim A.V., Scheglova T.E. Studying collaborative networks of Russian sociologists: A methodological approach and its testing.....	221
Mochalova N.Yu., Olkhovikova S.V. Transformation potential of family myth as a mechanism of reconstructing traditional family values.....	233
Tomasova D.A., Glukhov A.P. Complementarity as a principle for developing partnerships in an innovative educational system.....	24

POLITICAL SCIENCE

Borisov D.A. Further understanding of the role of ideology in contemporary international relations: A heuristic aspect on the example of Japan's activities in Central Asia.....	258
Ganzha N.S. Irkutsk youth: Electoral behavior through the prism of political values.....	272
Skiperskikh A.V. From "village council" to "technocrats": Legitimation of the political elites of Lipetsk Oblast under Igor Artamonov.....	282

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Научная статья
УДК 16
doi: 10.17223/1998863X/79/1

ЛОГИКА ДЛЯ КРОСС-МИРОВОЙ ПРЕДИКАЦИИ: ТЕОРИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Евгений Васильевич Борисов

*Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия, borisov.evgeny@gmail.com*

Аннотация. В одной из недавних публикаций я представил синтаксис и семантику логики *CWPL*, решающей проблему кросс-мировой предикации. В данной статье описана упрощенная версия этой логики (*CWPL₀*), предложена табличная теория доказательства для нее и показана корректность и полнота этой теории относительно соответствующей семантики. Кроме того, показано, как данная теория доказательства может быть трансформирована в теорию доказательства для *CWPL*.

Ключевые слова: модальная логика первого порядка, кросс-мировая предикация, *CWPL₀*, семантика, табличная теория доказательства, полнота

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01465, <https://rscf.ru/project/23-28-01465>. Я признателен И.И. Мухаметшиной за помощь в подготовке текста.

Для цитирования: Борисов Е.В. Логика для кросс-мировой предикации: теория доказательства // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 5–16. doi: 10.17223/1998863X/79/1

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Original article

A PROOF THEORY FOR A LOGIC FOR CROSSWORLD PREDICATION

Evgeny V. Borisov

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, borisov.evgeny@gmail.com*

Abstract. Some sentences of natural languages, such as *John might have been taller than Mary is*, ascribe relations to objects each of which is associated with a possible world. In this example, Mary is associated with the actual world whereas John is associated with a possible world that can be distinct from the actual one. This phenomenon – the phenomenon of crossworld predication – cannot be reflected by means of standard modal logic. Recently, I elaborated a nonstandard logic accommodating crossworld predication; I shall call it *CWPL* (a logic for crossworld predication). *CWPL* is a first-order modal logic with equality; its

formal language contains individual constants and lambda-operator. Semantically, *CWPL* is based on crossworld interpretation of predicates that assigns extensions to each n -ary predicate with respect to n -tuples of possible worlds rather than single possible worlds. Models for *CWPL* have varying domains. In *CWPL*'s semantics, truth values of formulae are relativized, *inter alia*, to partial functions from variables to possible worlds – this enables us to employ crossworld interpretation of predicates when evaluating formulae. In my 2023 paper, I presented syntax and semantics of *CWPL*; in the present paper, I elaborate a tableau proof theory for a slightly simplified version of *CWPL* that I shall call *CWPL*₀. *CWPL*₀ is simpler than *CWPL* in following respects: it is a logic without equality, its formal language does not contain individual constants, and it is based on models with constant domain. In the present paper, a tableau system for *CWPL*₀ is presented and its completeness with respect to the crossworld semantics is established. The presented tableau system is based on tableau proof theory for standard modal logic proposed by Fitting and Mendelsohn, but their proof theory is modified so as to be adequate to crossworld semantics. I also show that the simplifications of *CWPL* mentioned above are not essential in the sense that the presented proof theory for *CWPL*₀ can be transformed into a proof theory for *CWPL* without loss of completeness.

Keywords: first-order modal logic, crossworld predication, *CWPL*₀, semantics, tableau proof theory, completeness

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01465, <https://rscf.ru/project/23-28-01465/>. I am indebted to I. Mukhametshina for assistance in editing.

For citation: Borisov, E.V. (2024) A proof theory for a logic for crossworld predication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 5–16. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/1

Введение

В одной из недавних публикаций [1] я представил синтаксис и семантику логики *CWPL* (crossworld predication logic), отображающей кросс-мировую предикацию. Это модальная логика первого порядка с равенством; ее синтаксические особенности состоят в том, что она содержит λ -оператор и константы. В семантическом плане она базируется на кросс-мировой интерпретации предикатов в моделях с переменным доменом, при этом константы имеют нежесткую интерпретацию. В упомянутой статье, как и в других известных мне публикациях по проблеме кросс-мировой предикации (в частности, [2–5]), дается только синтаксис и семантика соответствующих логических систем, но не приводится теория доказательства. В данной статье восполняется этот пробел для *CWPL*. Ниже дана табличная теория доказательства для незначительно упрощенной версии *CWPL*, которую я обозначу как *CWPL*₀. Упрощения состоят в следующем:

- 1) в *CWPL*₀ в качестве термов используются только переменные (константы не используются);
- 2) *CWPL*₀ – логика без равенства;
- 3) в семантике *CWPL*₀ используются модели с постоянным доменом.

Эти упрощения несущественны в том смысле, что данную ниже теорию доказательства можно адаптировать к *CWPL*, т.е. модифицировать так, чтобы учесть наличие в языке констант с нежесткой интерпретацией и предиката равенства, а также интерпретацию на моделях с переменным доменом (подробнее об этих модификациях будет сказано в разделе 2.4). Первый вариант табличной теории доказательства для логики с кросс-мировой интерпретации

ей предикатов был представлен в [6]. Этот вариант имел лишь ограниченную применимость: он позволял доказывать только замкнутые формулы. Кроме того, в [6] не была показана корректность и полнота этого варианта относительно соответствующей семантики. Теория доказательства, представленная в настоящей статье, преодолевает эту ограниченность: она применима ко всем формулам – как замкнутым, так и открытым. Кроме того, здесь демонстрируется ее корректность и полнота.

1. Синтаксис и семантика $CWPL_0$

$CWPL_0$ строится на языке \mathcal{L} , алфавит которого содержит счетное множество индивидуальных переменных, счетное множество n -местных предикатов для каждого натурального $n \geq 1$, булевы операторы \neg , \rightarrow , модальный оператор \Box , квантор \forall , λ -оператор, запятую и скобки. Множество формул данного языка определяется следующей грамматикой:

$$\varphi ::= P(x_1, \dots, x_n) \mid \neg \varphi \mid (\varphi \rightarrow \psi) \mid \Box \varphi \mid \forall x \varphi \mid (\lambda x.\varphi)(y),$$

где P – n -местный предикат, x_1, \dots, x_n, y – переменные, φ и ψ – формулы. Операторы $\&$, \vee , \diamond , \exists определяются стандартным образом.

Соглашение. Выражение $(x/y)\varphi$ будет использоваться как сокращение для $(\lambda y.\varphi)(x)$.

Определение 1. (Модель) $CWPL_0$ -модель (модель) M – это упорядоченная четверка $\langle G, R, D, I \rangle$, где:

- G – непустое множество (множество возможных миров);
- R – бинарное отношение на G (отношение достижимости);
- D – непустое множество (домен M);
- I – функция, назначающая каждому n -местному предикату и каждой упорядоченной n -ке возможных миров n -местное отношение на D (интерпретация предикатов)¹.

Определение 2. (Оценка переменных в модели) Пусть $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель. Оценка переменных в M – это функция, отображающая переменные на объекты в D .

Определение 3. (VP-функция в модели) Пусть $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель. VP-функция в M – это частичная функция, отображающая переменные на возможные миры в G .²

Определение 4. (x -вариант оценки переменных) Пусть $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель, v – оценка переменных в M , $e \in D$, x – переменная. Тогда $v[e/x]$ – это оценка переменных в M , отображающая x на e , а любую переменную y , отличную от x , на $v(y)$.

Определение 5. (x -вариант VP-функции) Пусть $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель, f – VP-функция в M , $e \in D$, x – переменная. Тогда $f[e/x]$ – это VP-функция в M , такая что:

$$1) f[e/x](x) = e,$$

¹ Таким образом, I назначает экстенционы n -местному предикату не для отдельных миров, как в стандартной семантике, а для упорядоченных n -ок миров. В этом состоит специфика кросс-мировой интерпретации предикатов. Подробнее о кросс-мировой интерпретации предикатов и подходов к ее использованию в семантике см. в [1].

² Термин «VP-функция» происходит от «variable» и «possible world». Отмечу, что, поскольку VP-функции определяются как частичные, \emptyset является VP-функцией в любой модели.

2) для любой переменной y , отличной от x : если f не определена для y , то и $f[e/x]$ не определена для y , а если f определена для y , то $f[e/x](y) = f(y)$.

Определение 6. (Фундированная VP-функция) Пусть $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель, f – VP-функция в M , $w \in G$. Тогда $[fw]$ – VP-функция в M , такая что для любой переменной x :

- 1) если f определена для x , то $[fw](x) = f(x)$;
- 2) если f не определена для x , то $[fw](x) = w^1$.

Определение 7. (Истина в модели) Пусть $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель, $w \in G$, v – оценка переменных в M , f – VP-функция в M , P – n -местный предикат, x_1, \dots, x_n, x, y – переменные, ϕ и ψ – формулы. Отношение истинности (\models) между моделями, возможными мирами, оценками переменных, VP-функциями и формулами определяется следующим образом:

- $M, w, v, f \models P(x_1, \dots, x_n) \Leftrightarrow \langle v(x_1), \dots, v(x_n) \rangle \in I(P)(\langle [fw](x_1), \dots, [fw](x_n) \rangle)$;
- $M, w, v, f \models \neg \phi \Leftrightarrow M, w, v, f \not\models \phi$;
- $M, w, v, f \models \phi \rightarrow \psi \Leftrightarrow (M, w, v, f \models \phi \Rightarrow M, w, v, f \models \psi)$;
- $M, w, v, f \models \Box \phi \Leftrightarrow (\forall u \in R[w]) M, w, v, f \models \phi$, где $R[w] := \{u: w R u\}$;
- $M, w, v, f \models \forall x \phi \Leftrightarrow (\forall e \in D) M, w, v[e/x], f[w/x] \models \phi$;
- $M, w, v, f \models (y/x)\phi \Leftrightarrow M, w, v[v(y)/x], f[w/x] \models \phi$.

Определение 8. (Общезначимость) Формула ϕ называется $CWPL_0$ -общезначимой (общезначимой), если для любой модели $M = \langle G, R, D, I \rangle$, любого возможного мира w в G и любой оценки переменных v в M , $M, w, v, \emptyset \models \phi$.²

Соглашение. Если ϕ – формула, то $\models \phi$ означает, что ϕ общезначима.

2. Табличная теория доказательства $CWPL_0$

В табличной теории доказательства $CWPL_0$ доказательство имеет форму дерева, вершинами которого являются формулы с префиксами³. Префикс представляет собой конечную последовательность натуральных чисел, разделенных точками; например, 1.7.3 – префикс. Формулы записываются на расширенном языке \mathcal{L}^+ , который содержит все символы \mathcal{L} , а также переменные формы x^σ , где x – переменная \mathcal{L} , σ – префикс.

Деревья имитируют семантическую оценку формул. В частности, ветку дерева можно понимать как репрезентацию некоторой модели. При этом:

1. Префиксы можно понимать как возможные миры этой модели.
2. Структура префиксов отображает отношение достижимости: если на ветке встречаются префиксы σ и $\sigma.n$ (n – натуральное число), то $\sigma.n$ достижим из σ .
3. Верхние индексы переменных репрезентируют VP-функцию в данной модели: эта функция отображает переменную формы x^σ на σ .

Будем называть вхождение переменной в формуле немодальным, если оно не лежит в области действия модальных операторов.

Соглашение. Пусть ϕ – формула, а σ – префикс. Тогда ϕ^σ – формула, полученная в результате замены в ϕ всех немодальных свободных вхожде-

¹ Стоит заметить, что $[fw]$ – полная функция.

² В [1] даны два определения общезначимости для $CWPL$. Здесь используется приведенное определение, потому что оно отражает особую роль пустой VP-функции в семантике $CWPL$ и $CWPL_0$.

³ Данная здесь теория доказательства представляет собой модификацию табличной теории доказательства, представленной в [7] для разных систем пропозициональной и первопорядковой модальной логики. Необходимость модификаций вызвана рядом семантических особенностей $CWPL$ (сохраняющихся в $CWPL_0$), отмеченных в [1] и [8].

ний любой переменной x вхождениями x^σ . Например, если φ – это $\forall x Q(x, y) \rightarrow \Diamond P(y)$, то φ^σ – это $\forall x Q(x, y^\sigma) \rightarrow \Diamond P(y)$.

Ветка дерева называется замкнутой, если она содержит $\sigma \varphi$ и $\sigma \neg \varphi$ для некоторого префикса σ и некоторой формулы φ или $\sigma \varphi$ и $\tau \neg \varphi$ для некоторых префиксов σ и τ и некоторой атомарной формулы φ . Незамкнутая ветка называется открытой. Дерево называется замкнутым, если замкнуты все его ветки; незамкнутое дерево называется открытым. Доказательство формулы φ – это замкнутое дерево с корнем $1 \neg \varphi^1$, построенное по перечисленным ниже правилам табличного доказательства.

2.1. Правила табличного доказательства

Данная теория доказательства содержит правила для булевых операторов, модальных операторов, кванторов и λ -оператора¹. Некоторые правила могут применяться к одной и той же формуле несколько раз на одной и той же ветке; это оговаривается в примечаниях к правилам. Если такого примечания нет, правило применяется к каждой формуле подходящего вида только один раз на ветке.

Правила для булевых операторов

Конъюнктивные правила:

$$\frac{\sigma \varphi \ \& \ \psi}{\sigma \varphi, \sigma \psi} \qquad \frac{\sigma \neg (\varphi \vee \psi)}{\sigma \neg \varphi, \sigma \neg \psi} \qquad \frac{\sigma \neg (\varphi \rightarrow \psi)}{\sigma \varphi, \sigma \neg \psi}$$

Дизъюнктивные правила:

$$\frac{\sigma \neg (\varphi \ \& \ \psi)}{\sigma \neg \varphi \ | \ \sigma \neg \psi} \qquad \frac{\sigma \varphi \vee \psi}{\sigma \varphi \ | \ \sigma \psi} \qquad \frac{\sigma \varphi \rightarrow \psi}{\sigma \neg \varphi \ | \ \sigma \psi}$$

Знак «|» между формулами означает разветвление.

Правило двойного отрицания:

$$\frac{\sigma \neg \neg \varphi}{\sigma \varphi}$$

Правила для модальных операторов

Правила возможности:

$$\frac{\sigma \Diamond \varphi}{\sigma.n \ \varphi^{\sigma.n}} \qquad \frac{\sigma \neg \Box \varphi}{\sigma.n \ \neg \varphi^{\sigma.n}}$$

Префикс $\sigma.n$ должен быть новым на ветке.

Правила необходимости:

$$\frac{\sigma \Box \varphi}{\sigma.n \ \varphi^{\sigma.n}} \qquad \frac{\sigma \neg \Diamond \varphi}{\sigma.n \ \neg \varphi^{\sigma.n}}$$

Префикс $\sigma.n$ должен встречаться на ветке выше. Правило может быть применено к $\sigma \Box \varphi$ многократно – один раз для каждого префикса $\sigma.n$, встречающегося на ветке; аналогично для $\sigma \neg \Diamond \varphi$.

¹ Для удобства читателя ниже даются правила не только для примитивных, но и для определяемых операторов.

Правила для кванторов

Правила экзистенциальной квантификации:

$$\frac{\sigma \exists x \varphi(x)}{\sigma \varphi(y^\sigma)} \qquad \frac{\sigma \neg \forall x \varphi(x)}{\sigma \neg \varphi(y^\sigma)}$$

y – новая для ветки переменная.

Правила универсальной квантификации:

$$\frac{\sigma \forall x \varphi(x)}{\sigma \varphi(y^\sigma)} \qquad \frac{\sigma \neg \exists x \varphi(x)}{\sigma \neg \varphi(y^\sigma)}$$

y – любая (не обязательно новая для ветки) переменная. Правило может быть применено много раз: один раз для каждой переменной y . Отмечу, что при применении этого правила мы можем использовать переменную y независимо от того, с какими верхними индексами она встречается на ветке выше. Например, при применении этого правила мы можем дописать формулу $\sigma \neg \varphi(y^\sigma)$, даже если выше y встречалась с другим верхним индексом.

Правила для λ -оператора:

$$\frac{\sigma (x^- / y) \varphi(y)}{\sigma \varphi(x^\sigma)} \qquad \frac{\sigma \neg (x^- / y) \varphi(y)}{\sigma \neg \varphi(x^\sigma)}$$

где x^- – переменная x с верхним индексом или без такового. Отмечу, что если $x^- = x^\tau$ для некоторого τ , при применении правила мы в отмеченных вхождениях x заменяем τ на σ .

Соглашение. $\vdash \varphi$ означает, что φ – теорема $CWPL_0$.

2.2. Корректность табличной теории доказательства $CWPL_0$

Нижеследующая лемма является аналогом стандартной леммы логики первого порядка. Лемма доказывается индукцией по структуре $\varphi(x)$; доказательство рутинно, поэтому я его опускаю.

Лемма 1. Пусть $\varphi(x)$ – формула, в которой не встречается переменная y , $\varphi(y)$ – результат подстановки y вместо всех свободных вхождений x в $\varphi(x)$, $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель, $w \in G$, v и u – оценки переменных в M , f и g – VP-функции в M , и пусть верно следующее:

- для любой переменной z , свободной в $\varphi(x)$, кроме x , $v(z) = u(z)$;
- $v(x) = u(y)$;
- для любой свободной в $\varphi(x)$ переменной z , кроме x , либо f и g не определены для z , либо $f(z) = g(z)$;
- либо f не определена для x и g не определена для y , либо $f(x) = g(y)$.

Тогда

$$M, w, v, f \models \varphi(x) \Leftrightarrow M, w, u, g \models \varphi(y).$$

Следствие 1. Пусть $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель, $w \in G$, v – оценка переменных в M , f и g – VP-функции в M , и пусть f и g согласны относительно всех свободных переменных в φ , т.е. для каждой такой переменной x , либо f и g не определены для x , либо $f(x) = g(x)$. Тогда

$$M, w, v, f \models \varphi \Leftrightarrow M, w, v, g \models \varphi.$$

Следующая лемма потребуется как в доказательстве корректности, так и в доказательстве полноты рассматриваемой теории доказательства.

Лемма 2. Пусть x_1, \dots, x_n – переменные, φ – формула, переменные y_1, \dots, y_n не встречаются в φ . Обозначим как φ^* результат замены в φ всех немодальных свободных вхождений x_i ($1 \leq i \leq n$) вхождениями y_i . Пусть $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель, $w \in M$, v и u – оценки переменных в M , f и f^+ – VP-функции в M , и пусть верно следующее:

- для любой свободной в φ переменной x $v(x) = u(x)$;
- для любого i ($1 \leq i \leq n$), $v(x_i) = u(y_i)$;
- f не определена для $x_1, \dots, x_m, y_1, \dots, y_n$;
- $f^+ = f \cup (\{y_1, \dots, y_n\} \times \{w\})$.

Тогда

$$M, w, v, f \models \varphi \Leftrightarrow M, w, u, f^+ \models \varphi^*.$$

Доказательство. Лемма доказывается индукцией по структуре φ . Рассмотрим базу индукции и случай, когда $\varphi = \Box\psi$; для остальных индуктивных случаев доказательство рутинно.

1) *База индукции.* Чтобы убедиться, что лемма выполняется для атомарных формул, достаточно обратить внимание на следующее: (а) поскольку f не определена для x_i , $[f w](x_i) = w$; (б) поскольку $f^+(y_i) = w$, $[f^+ w](y_i) = w$. Таким образом, $[f w](x_i) = [f^+ w](y_i)$.

2) *Случай, когда $\varphi = \Box\psi$.* В этом случае $\varphi^* = \varphi$, а значит, f и f^+ согласны относительно всех свободных в φ переменных. Тогда лемма вытекает из следствия 1 леммы 1. ■

Определение 9. Пусть S – множество формул с префиксами на языке \mathcal{L}^+ . Пусть $PREF(S)$ и $FOR(S)$ – множество встречающихся в S префиксов и множество встречающихся в S формул соответственно. Пусть все переменные во всех немодальных свободных вхождениях в формулах из $FOR(S)$ имеют верхний индекс из $PREF(S)$. S называется выполнимым, если существует модель $M = \langle G, R, D, I \rangle$, оценка переменных v в M , VP-функция f в M и функция h от $PREF(S)$ к G , такие что:

- 1) для любых префиксов σ и $\sigma.n$ в $PREF(S)$, $h(\sigma) R h(\sigma.n)$,
- 2) для любой переменной x и любого префикса σ в $PREF(S)$, $v(x^\sigma) = v(x)$,
- 3) для всех переменных без верхнего индекса f не определена,
- 4) для любой переменной x и любого префикса σ в $PREF(S)$, $f(x^\sigma) = h(\sigma)$,
- 5) для любой формулы φ и любого префикса σ , если $\sigma \varphi \in S$, $M, h(\sigma), v, f \models \varphi$.

Будем называть ветку дерева выполнимой, если выполнимо множество встречающихся на ней формул с префиксами. Пусть B – ветка некоторого дерева. Если на B применить недизъюнктивное правило, мы получим новую ветку B' . Если на B применить дизъюнктивное правило, мы получим две новые ветки B_1' и B_2' .

Лемма 3. Пусть B – выполнимая ветка дерева. Если на B применить недизъюнктивное правило, то B' выполнима; если на B применить дизъюнктивное правило, то как минимум одна из веток B_1' и B_2' выполнима.

Доказательство. Лемма доказывается перебором правил. Для большинства правил доказательство рутинно. Например, допустим, что на ветке при-

менено конъюнктивное правило к формуле вида $\sigma \varphi \ \& \ \psi$. Поскольку множество формул на B выполнимо, существуют модель M , функция h , оценка переменных v и VP-функция f , предусмотренные определением 9. При этом мы имеем $M, h(\sigma), v, f \models \varphi \ \& \ \psi$, а значит, $M, h(\sigma), v, f \models \varphi$ и $M, h(\sigma), v, f \models \psi$, т.е. две формулы, которых не было в B и которые появляются в B' , не нарушают пункт (5) определения 9. Сохранение остальных пунктов определения очевидно. Таким образом, M, h, v и f показывают выполнимость B' .

Рассмотрим единственный интересный случай – случай применения правила возможности. Пусть B' образуется при применении на B правила возможности к формуле с префиксом $\sigma \diamond \varphi$ (случай применения правила для $\neg \square$ аналогичен). Это значит, что B' содержит $\sigma.n \ \varphi^{\sigma.n}$, причем $\sigma.n$ не встречается на B . Поскольку B выполнима и $\sigma \diamond \varphi$ присутствует на B , существуют M, h, v и f , соответствующие условиям определения 9; в частности, $M, h(\sigma), v, f \models \sigma \diamond \varphi$. Следовательно, в M существует достижимый из $h(\sigma)$ мир w , такой что $M, w, v, f \models \varphi$. Определим h' как $h \cup \{\langle \sigma.n, w \rangle\}$. Тогда $M, h(\sigma.n), v, f \models \varphi$. Пусть $\{x_1, \dots, x_n\}$ – множество переменных, имеющих немодальные свободные вхождения в φ . Отметим, что, поскольку префикс $\sigma.n$ не встречается на B , переменные $x_1^{\sigma.n}, \dots, x_n^{\sigma.n}$ не имеют вхождений в φ . Определим u как $v[v(x_1)/x_1^{\sigma.n}] \dots [v(x_n)/x_n^{\sigma.n}]$, а f^+ как $f \cup \{\langle x_1^{\sigma.n}, w \rangle, \dots, \langle x_n^{\sigma.n}, w \rangle\}$. Тогда, по лемме 2, мы имеем $M, h(\sigma.n), u, f^+ \models \varphi^{\sigma.n}$. При этом следствие 1 леммы 1 показывает, что для любой формулы $\tau \psi$ на B верно $M, h'(\tau), u, f^+ \models \psi$. Наконец, мы имеем $h'(\sigma) R h'(\sigma.n)$. Таким образом, все условия определения 9 верны для множества формул на B' , модели M , функций h', u и f^+ , а значит, B' выполнима. ■

Лемма 4. Для любой формулы φ на языке \mathcal{L} , если φ не общезначима, то $\{1 \neg \varphi^1\}$ выполнимо.

Доказательство. Поскольку φ не общезначима, существуют модель $M = \langle G, R, D, I \rangle$, возможный мир w в G и оценка v переменных языка \mathcal{L} в M , такие что $M, w, v, \emptyset \not\models \varphi$ (1). Поскольку \mathcal{L}^+ – это расширение \mathcal{L} , φ является также формулой \mathcal{L}^+ . Пусть x_1, \dots, x_n – переменные, имеющие немодальные свободные вхождения в φ . Определим оценку u' переменных языка \mathcal{L}^+ в M как $v[v(x_1)/x_1^1] \dots [v(x_n)/x_n^1]$; определим VP-функцию f для \mathcal{L}^+ в M как $\{\langle x_1^1, w \rangle, \dots, \langle x_n^1, w \rangle\}$. По лемме 2, $M, w, v', \emptyset \models \varphi \Leftrightarrow M, w, v', f \models \varphi^1$ (2). При этом, поскольку v' согласна с v относительно всех переменных без верхнего индекса и поскольку в φ нет переменных с верхним индексом, $M, w, v', \emptyset \models \varphi \Leftrightarrow M, w, v, \emptyset \models \varphi$ (3). Из (1) – (3) следует $M, w, v', f \not\models \varphi^1$, а значит, $M, w, v', f \models \neg \varphi^1$. Определив h как $\{\langle 1, w \rangle\}$, легко убедиться, что условия определения 9 выполняются для $\{1 \neg \varphi^1\}$, M, h, v' и f , а значит, $\{1 \neg \varphi^1\}$ выполнимо. ■

Теперь мы можем доказать теорему о корректности.

Теорема 1. (Теорема о корректности табличной теории доказательства SWPL₀) Для любой формулы φ , $\vdash \varphi \Rightarrow \models \varphi$.

Доказательство. Докажем теорему контрапозитивно. Пусть $\not\models \varphi$. Тогда, по лемме 4, $\{1 \neg \varphi^1\}$ выполнимо. Отметим очевидный факт, что любая выполнимая ветка открыта. С учетом этого, по лемме 3, любое дерево с корнем $1 \neg \varphi^1$ содержит открытую ветку, а значит, не является доказательством φ . Таким образом, $\not\vdash \varphi$. ■

2.3. Полнота табличной теории доказательств $SWPL_0$

Дерево, на каждой ветке которого правила табличного доказательства применены ко всем формулам с префиксами, к которым они могут быть применены, будем называть насыщенным. Для доказательства полноты нам потребуется следующая лемма об открытой ветке насыщенного дерева.

Лемма 5. Пусть S – множество формул, встречающихся на открытой ветке B некоторого насыщенного дерева, а $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель со следующими свойствами:

- G – множество встречающихся в S префиксов;
- $R = \{ \langle \sigma, \sigma.n \rangle : \sigma, \sigma.n \in G \}$;
- (а) если в S встречаются свободные переменные без верхнего индекса или переменные с верхним индексом, то D – множество всех таких переменных; (б) если в S не встречаются переменные указанных видов, то $D = \{x\}^1$;
- для любого n -местного предиката P , любых переменных x_1, \dots, x_n и префиксов $\sigma_1, \dots, \sigma_n$, $\langle x_1, \dots, x_n \rangle \in I(P)(\langle \sigma_1, \dots, \sigma_n \rangle) \Leftrightarrow \tau P(x_1^{\sigma_1}, \dots, x_n^{\sigma_n}) \in S$ для некоторого $\tau \in G$.

Пусть v – оценка переменных языка \mathcal{L}^+ в M , такая что для любой переменной $x \in D$ и любого префикса $\sigma \in G$, $v(x) = v(x^\sigma) = x$. Пусть f – VP -функция в M , такая что:

- 1) для любой переменной $x \in D$ и любого префикса $\sigma \in G$, $f(x^\sigma) = \sigma$,
- 2) f не определена для любой переменной без верхнего индекса.

Тогда:

$$\sigma \varphi \in S \Rightarrow M, \sigma, v, f \models \varphi \quad \text{и} \quad \sigma \neg \varphi \in S \Rightarrow M, \sigma, v, f \not\models \varphi$$

Доказательство. Лемма доказывается индукцией по структуре φ . Рассмотрим базу индукции и один из индуктивных случаев – случай, когда $\varphi = \diamond\psi$ (случай, когда $\varphi = \neg \Box\psi$, аналогичен; для остальных случаев доказательство рутинно).

База индукции. В S не может быть атомарных формул, содержащих переменные без верхних индексов. Это связано с тем, что 1) в корне дерева все переменные во всех немодальных свободных вхождениях имеют верхний индекс; 2) в формулах, которые мы получаем в результате применения правил, переменные во всех немодальных свободных вхождениях имеют верхний индекс; 3) в атомарных формулах переменные имеют только немодальные свободные вхождения. Следовательно, атомарные формулы в S имеют вид $P(x_1^{\sigma_1}, \dots, x_n^{\sigma_n})$. Докажем два пункта леммы для формул такого вида.

i) $\sigma P(x_1^{\sigma_1}, \dots, x_n^{\sigma_n}) \in S$. По определению I , из этого следует, что $\langle x_1, \dots, x_n \rangle \in I(P)(\langle \sigma_1, \dots, \sigma_n \rangle)$, а значит, $M, \sigma, v, f \models P(x_1^{\sigma_1}, \dots, x_n^{\sigma_n})$.

ii) $\sigma \neg P(x_1^{\sigma_1}, \dots, x_n^{\sigma_n}) \in S$. В силу открытости B , для любого $\tau \in G$, $\tau P(x_1^{\sigma_1}, \dots, x_n^{\sigma_n}) \notin S$, следовательно, $\langle x_1, \dots, x_n \rangle \notin I(P)(\langle \sigma_1, \dots, \sigma_n \rangle)$, а значит, $M, \sigma, v, f \not\models P(x_1^{\sigma_1}, \dots, x_n^{\sigma_n})$.

Индуктивный случай: $\varphi = \diamond\psi$.

¹ Подпункт (б) мотивирован следующим образом. Рассмотрим насыщенное дерево для формулы $\diamond\forall x P(x)$. Его единственная ветка открыта и содержит единственную формулу с префиксом $1 \neg \forall x P(x)$. Если строить модель по этой ветке, имея только (а), то домен окажется пустым, что не соответствует определению модели.

i) $\sigma \diamond \psi \in S$. Поскольку B – ветка насыщенного дерева, к данной формуле было применено правило возможности, следовательно, $\sigma.n \psi^{\sigma.n} \in S$ для некоторого n . По индуктивной гипотезе из этого следует, что $M, \sigma.n, v, f \models \psi^{\sigma.n}$. Отсюда, по лемме 1, $M, \sigma.n, v, f \models \psi$ (лемму нужно применить столько раз, сколько переменных получили верхний индекс $\sigma.n$ при применении правила возможности к $\sigma \diamond \psi$). А поскольку $\sigma R \sigma.n$, мы получаем $M, \sigma, v, f \models \diamond \psi$, т.е. $M, \sigma, v, f \models \phi$.

ii) $\sigma \neg \diamond \psi \in S$. Поскольку B – ветка насыщенного дерева, $\sigma.n \neg \psi \in S$ для каждого $\sigma.n \in G$. Применяя к ψ индуктивную гипотезу, получаем $M, \sigma.n, v, f \not\models \psi$ для каждого $\sigma.n \in G$. Отсюда, с учетом определения R , $M, \sigma, v, f \not\models \diamond \psi$. ■

Теорема 2. (Теорема о полноте табличной теории доказательства $CWPL_0$) Для любой формулы ϕ , $\models \phi \Rightarrow \vdash \phi$.

Доказательство. Докажем теорему контрапозитивно. Пусть $\not\models \phi$. Тогда любое дерево с корнем $1 \neg \phi^1$ содержит открытую ветку. Рассмотрим открытую ветку насыщенного дерева с этим корнем. По лемме 5, существуют M, v и f , такие что $M, 1, v, f \models \neg \phi^1$. Отсюда, по лемме 1, $M, 1, v, f \models \neg \phi$ и, по следствию 1 этой леммы, $M, 1, v, \emptyset \models \neg \phi$, а значит, $M, 1, v, \emptyset \not\models \phi$. Таким образом, $\not\models \phi$. ■

2.4. $CWPL_0$ и $CWPL$

Данная теория доказательства может быть адаптирована для $CWPL$ посредством следующих модификаций.

1. Формальный язык $CWPL$ содержит индивидуальные константы, которые в моделях для $CWPL$ имеют нежесткую интерпретацию. Этот факт может быть отображен в теории доказательства посредством включения в расширенный язык \mathcal{L}^+ термов формы c_σ , где c – константа, а σ – префикс. Семантический смысл c_σ состоит в репрезентации денотата константы c в мире, репрезентируемом префиксом σ . Для использования этого инструмента необходима модификация правил для λ -оператора, обеспечивающая их применимость к формулам вида $(\lambda x.\phi)(t)$, где t – константа с индексами или без таковых.

2. Модели для $CWPL$ суть модели с переменным доменом, поэтому в табличных доказательствах для данной логики в некоторых случаях необходимо отображать принадлежность денотата термина домену мира. Это можно сделать, если включить в \mathcal{L}^+ переменные вида x_τ^σ , где нижний индекс означает принадлежность денотата x миру, репрезентируемому префиксом τ . Это требует соответствующей модификации правил для кванторов: например, при применении правила для \exists к $\sigma \exists x \phi(x)$ мы должны получать $\sigma \phi(y_\sigma^\sigma)$ (где y – новая для ветки константа).

3. Чтобы учесть поведение равенства в логиках с равенством, необходимо к системе правил табличного доказательства добавить стандартные правила для равенства (правило, позволяющее добавлять к веткам формулы вида $t = t$ с релевантными префиксами, и правило замены равных).

Эти модификации не внесли бы принципиальных изменений в доказательство корректности и полноты, но сделали бы его значительно более громоздким, поэтому в данной статье я ограничился упрощенной логикой $CWPL_0$.

Заключение

В статье предложена табличная теория доказательства для логики $CWPL_0$, которая может быть модифицирована в теорию доказательства для $CWPL$. Показано, что данная теория корректна и полна относительно семантики, изложенной в первом разделе статьи. Данная теория доказательства является улучшенной версией теории доказательства, изложенной в [6]: последняя позволяет доказывать только замкнутые формулы, тогда как изложенная здесь теория применима и к замкнутым, и к открытым формулам. $CWPL$ имеет преимущество перед кросс-мировыми логиками Баттерфилда и Стерлинга ([3]) и Вемайера ([4]) по выразительной силе и преимущество перед кросс-мировой логикой Коцурека ([2]) по простоте языка (подробнее об этом см.: [1]). При этом все упомянутые логики содержат только семантику, т.е. не содержат теорию доказательства. Наличие теории доказательства, корректной и полной относительно соответствующей семантики, является еще одним достоинством $CWPL$.

Список источников

1. Borisov E. A Nonhybrid Logic for Crossworld Predication // Логические исследования. 2023. Т. 29, № 2. С. 125–147.
2. Butterfield J., Stirling C. Predicate modifiers in tense logic // *Logique et Analyse*. 1987. Vol. 30. P. 31–50.
3. Kocurek A.W. The problem of cross-world predication // *Journal of Philosophical Logic*. 2016. Vol. 45. P. 697–742.
4. Wehmeier K.F. Subjunctivity and cross-world predication // *Philosophical Studies*. 2012. Vol. 159. P. 107–122.
5. Wehmeier K., Rückert H. Still in the Mood: The Versatility of Subjunctive Markers in Modal Logic // *Topoi*. 2019. Vol. 38. P. 361–377.
6. Борисов Е.В. Логика для кросс-мировой предикации // Наука как общественное благо / ред. И.Т. Касавин, Л.В. Шиповалова. М.: РОИФН, 2020. Т. 4. С. 205–209.
7. Fitting M.C., Mendelsohn R. *First-Order Modal Logic*. Dordrecht: Springer Science+Business Media, 1998. 287 p.
8. Ламберов Л.Д. К вопросу об особенностях CPL // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 17–24. doi: 10.17223/1998863X/74/2

References

1. Borisov, E.V. (2023) A Nonhybrid Logic for Crossworld Predication. *Logical Investigations*. 29. pp. 125–147.
2. Butterfield, J. & Stirling, C. (1987) Predicate modifiers in tense logic. *Logique et Analyse*. 30. pp. 31–50.
3. Kocurek, A.W. (2016) The problem of cross-world predication. *Journal of Philosophical Logic*. 45. pp. 697–742.
4. Wehmeier, K. F. (2012) Subjunctivity and cross-world predication. *Philosophical Studies*. 159. pp. 107–122.
5. Wehmeier, K. & Rückert, H. (2019) Still in the Mood: The Versatility of Subjunctive Markers in Modal Logic. *Topoi*. 38. pp. 361–377.
6. Borisov, E.V. (2020) Logika dlya kross-mirovoy predikatsii [A logic for crossworld predication]. In: Kasavin, I.T. & Shipovalova, K.V. (eds) *Nauka kak obshchestvennoe blago* [Science as a Public Good]. Vol. 4. Moscow: Russian Society for History and Philosophy of Science. pp. 205–209.
7. Fitting, M.C. & Mendelsohn, R. (1998) *First-Order Modal Logic*. Dordrecht: Springer Science+Business Media.
8. Lamberov, L.D. (2023) On the features of CPL. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 17–24. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/74/2

Сведения об авторе:

Борисов Е.В. – доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Borisov E.V. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, chief researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.04.2024;
одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted 16.04.2024;
approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 11.06.2024*

Научная статья

УДК 165.0

doi: 10.17223/1998863X/79/2

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОТЧЕТОВ ОБ ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЯХ СУБЪЕКТА

Полина Андреевна Павлухина

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
Российское общество истории и философии науки,
Санкт-Петербург, Россия, ppavlukhina01@mail.ru*

Аннотация. Классический анализ отчетов об интенциональных состояниях, разрабатываемый в эпистемической логике, приводит к проблеме логического всеведения. Кроме того, наблюдается идеализированная позиция субъекта познания. Решения данных проблем в рамках эпистемической логики не устраняют их полностью, в связи с чем рассматривается альтернативный анализ отчетов об интенциональных состояниях субъекта в ситуационной семантике с учетом объекта установки.

Ключевые слова: эпистемическая логика, проблема логического всеведения, ситуационная семантика.

Благодарности: работа поддержана грантом Российского научного фонда № 21-18-00496 «Семантическая структура пропозициональных установок сознания».

Для цитирования: Павлухина П.А. Логико-семантический анализ отчетов об интенциональных состояниях субъекта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 17–25. doi: 10.17223/1998863X/79/2

Original article

A LOGICAL-SEMANTIC ANALYSIS OF UTTERANCES OF INTENTIONAL STATES OF SUBJECT

Polina A. Pavlukhina

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation;
Russian Society for History and Philosophy of Science, Saint Petersburg, Russian Federation,
ppavlukhina01@mail.ru*

Abstract. Utterances of the subject's intentional states were analyzed in the second half of the 20th century by researchers of epistemic logic. This approach was unable to complete the solution of the problem of logical omniscience because the subject of utterances does not always know all the consequences of their knowledge in everyday life. Sometimes the subject is convinced that contradictory utterances are true. In this way, epistemic logic idealizes the position of the subject in the analysis of utterances and, moreover, fixes them in one state. Because of this, the subject cannot expand and supplement their knowledge, because they already know all the logical consequences of utterances at the same time. This issue can be solved remaining within the framework of epistemic logic. In this case we have to weaken the subject's cognitive potential for that, and, moreover, we have to take into account the subjective nature of utterances. This approach is based on the analysis of the implicit knowledge of the subject. So, it is important to pay attention on the object of utterances because the perceiver's attention is directed to it. In this regard, the author considers the analysis of utterances of intentional states of subject in situational semantics.

Due to the latter, we take into account situations that the subject has in mind, and, moreover, we consider situations independently of the agent, based on the information provided by the context. It is semantics based on how the world, not the subject's utterances about mental representations, such as knowledge, beliefs, etc., works. In this case, the information is part of the context; it exists independently of the subject and is extracted by them for further transformation into utterances. Also, situational semantics considers the object, which helps to learn more about the ontological aspect of this problem. This is due to the fact that the information that helps us analyze an utterance exists in situations, not in the subject's attitudes. The author concludes that situational semantics appears to be a more universal method in the logical-semantic analysis of utterances of the subject's intentional states, as compared to epistemic logic, because it allows us to consider various types of information of an utterance, not only that which corresponds to the propositional content.

Keywords: epistemic logic, logical omniscience, situational semantics

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation. Project No. 21-18-00496: The Semantic Structure of the Propositional Attitudes of Consciousness.

For citation: Pavlukhina, P.A. (2024) A logical-semantic analysis of utterances of intentional states of subject. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 17–25. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/2

Под интенциональными состояниями субъекта мы будем понимать высказывания, к которым относятся отчеты знания, убеждения, восприятия, воображения, желания, эмоций и памяти. Семантические модели второй половины XX в., работающие с высказываниями естественного языка, столкнулись с проблемами при анализе контекстов знания и убеждения [1. С. 4–5]. Это связано с тем, что данные подходы исходили из положения, согласно которому ментальные установки имеют истинностные пропозиции в качестве семантического содержания, в связи с чем высказывание в каждом возможном мире оценивается либо как истинное, либо как ложное. Данное условие слишком сильное, особенно для случаев, содержащих установки субъекта. Как следствие, мы приходим к проблеме логического всеведения [1. С. 4–5]. Таким образом, формальным системам не всегда удается учитывать положение говорящего, его знание или незнание. В системе объективного знания мы можем утверждать, что если одно высказывание ведет за собой другое, то следующее за ним высказывание обязательно непротиворечивое, но осознает ли это отдельно взятый субъект в своих утверждениях? В повседневной жизни нередко случается, что человек может быть уверен в истинности двух противоречивых утверждений. В связи с этим данная работа посвящена логико-семантическому анализу отчетов об интенциональных состояниях субъекта. Отметим, что данные высказывания содержат как объективные, так и субъективные компоненты в своем основании. В связи с этим анализ таких высказываний невозможен, с одной стороны, без учета состояния субъекта, т.е. его установки знания, с другой стороны, анализа той ситуации, в которой находятся субъект и объект.

Традиционно при рассмотрении отчетов об интенциональных состояниях особое внимание уделяется установкам знания и убеждения, которые чаще всего выражены в виде пропозициональной установки с придаточным предложением. В таком случае моделирование ментальных свойств субъекта, выраженных в других состояниях, например в отчетах желаний, эмоций и восприятия, возможно только после анализа эпистемических свойств знания и

убеждения [2. С. 72–74]. На данном этапе возникает вопрос, связанный с тем, все ли высказывания о ментальных состояниях агента носят пропозициональный характер? Ответ на данный вопрос позволит объединить ментальные установки субъекта в одну категорию и дать им единое описание. Затем в статье будет рассмотрен анализ интенциональных отчетов с использованием аппарата эпистемической логики. Отмечается, что данный подход пытается учитывать субъективный характер высказываний, но, тем не менее, здесь мы сталкиваемся со статичным положением субъекта высказывания и проблемой логического всеведения. В связи с этим в работе будут рассмотрены два решения данной проблемы. Первый подход продолжает анализ в рамках эпистемической логики и связан с ослаблением установки знающего субъекта. Отмечается, что таким методом невозможно полностью преодолеть проблему логического всеведения. Более того, оставаясь в рамках эпистемической логики, мы рассматриваем знание субъекта имплицитно, без учета объекта и внешних условий. Для решения данного вопроса автор статьи предлагает обратить внимание не на пропозициональное содержание высказываний об интенциональном состоянии, но на объект и онтологическую основу ситуации. Для этого рассматривается ситуационная семантика Дж. Барвайса и Дж. Перри, которая получила дальнейшее развитие в работах Ф. Дрекке. Автор приходит к выводу, что ситуационная семантика представляется более универсальным методом при логико-семантическом анализе интенциональных отчетов, так как акцентирует внимание на сценах и информации как части познавательного процесса, в отличие от эпистемической логики, выражающей знание субъекта имплицитно и обращающей внимание на пропозициональное содержание высказывания.

Итак, начнем с вопроса о пропозициональном характере отчетов о ментальных состояниях. Некоторые современные исследователи ставят данный тезис под сомнение (см.: [3, 4]) в связи с тем, что не все подобные высказывания сводимы к форме придаточного предложения. Некоторые из них, например, эмоциональные состояния, прямо направлены на объект, в связи с чем мы не можем оценивать их в качестве истинностных или ложных [3. Р. 7]. Получается, что данные высказывания можно оценивать только по шкале точности, которая может проясняться словно пиксельное изображение [4. Р. 457–458].

Опровергая данный тезис, отметим, что все вышеперечисленные состояния сводятся к пропозициональным установкам, но пропозиции здесь с неспецифическим предикатом [5]. Например, в высказывании: «Кто любит попать, а кто – свиной хрящик» первая часть высказывания означает, что один имеет роман с женой попа, т.е. испытывает взаимное чувство симпатии, а во второй утверждается, что есть кто-то, кто любит есть свиные хрящи. Здесь неспецифический предикат возникает из лексической семантики и контекста, его не нужно проговаривать, т.е. и так ясно, что он значит. Данный пример мы можем расширить и на другие глаголы, выражающие интенциональное состояние субъекта. Монтегю писал, что «искать» означает «пытаться найти», а про «найти» мы знаем, что оно значит [5. Р. 253]. Совокупность пропозиций, истинных, когда ты нашел единорога, существенно отличается от совокупности пропозиций, которые истинны, когда ты нашел корень уравнения. Таким образом, все ментальные состояния субъекта носят пропозициональный характер. Некоторые из них, как в случае с установками знания и

убеждения, выражены в форме пропозициональной установки с придаточным предложением. В других пропозиции выражены неспецифическим предикатом, который понятен нам из контекста высказывания.

Теперь обратимся к анализу интенциональных отчетов в эпистемической логике. Отметим, что в ней мы описываем утверждения о состоянии знания или убеждения субъекта, но не сами состояния. В таком случае мы работаем с имплицитным знанием, т.е. таким знанием, в котором субъект является носителем информации [2].

Рассмотрим анализ отчетов об интенциональных состояниях субъекта в семантике Я. Хинтикки, который анализирует данные состояния как одноместный интенциональный оператор. Данный оператор определяется через содержание установки и выражается следующим образом [6. С. 71–73]:

(1) Ральф видит утку в пруду

$\exists x (x = \text{утка в пруду} \ \& \ \text{Ральф} (x \text{ существует}))$.

Благодаря тому, что квантификатор содержит неявный эпистемический элемент и выражает не объект как таковой (в данном случае утку), но то, как объект представлен субъекту (Ральфу), оказывается возможным обращение к логическому анализу предложений, содержащих интенциональные состояния субъекта [7. С. 160]. Получается, что высказывания о восприятии объекта утверждает нечто об эпистемическом состоянии воспринимающего. В таком случае, утверждает Хинтикка, глаголы восприятия, как и другие интенциональные глаголы, анализируются с использованием семантики возможных миров [7. С. 153–157]. Здесь мы видим включение имплицитного эпистемического элемента в анализ высказывания. Согласно ему, данное высказывание утверждает что-то об эпистемическом состоянии субъекта (в данном примере то, что рассматриваемый объект воспринимается Ральфом в качестве утки). Эпистемический отчет, таким образом, указывает на состояние воспринимающего. Непосредственное восприятие Ральфом утки выступает необходимым условием для истинности данного высказывания.

Таким образом, положение дел, высказываемое агентом, следует из его знаний. Здесь необходимо отметить, что аппарат эпистемической логики позволяет выявлять формальные свойства установок знания и убеждения, а также устанавливать возникающие между ними связи [8]. Главным недостатком данного подхода состоит в идеализации человеческих рассуждений, при которой не учитываются реальные способности субъекта и его возможное непонимание следующих из утверждений выводов. Оставаясь в одной фиксированной точке, идеализация состояния субъекта приводит к проблеме логического всеведения, когда субъект знает все следствия и тавтологии своего знания, но в повседневной жизни люди никогда не выводят все следствия своих убеждений [8]. Субъект, обозначенный в эпистемической логике, застревает в одной фиксированной точке, в которой производится семантический анализ без возможности динамического движения. В таком случае мы не можем объяснить, как субъект может утверждать истинность двух противоречивых высказываний, а также то, как его знания, установки и т.д. могут расти.

Итак, эпистемическая логика не позволяет изменять состояние субъекта: она делает один конкретный снимок ситуации и работает с ним. В действительности субъект обладает ограниченными ресурсами, он не способен обрабатывать весь тот объем информации, который часто может ему приписываться.

ваться. Данная проблема распространяется и на остальные интенциональные состояния субъекта. Чтобы решить данную проблему, оставаясь в рамках эпистемической логики, мы можем попытаться ослабить способности субъекта, и, тем самым, лишить его логического всеведения [9. С. 378]. При попытках построения ослабленных эпистемических систем исследователи специально вводят неполный механизм дедукции, который не способен выводить всевозможные следствия. Отмечается, что в таком случае проблема логического всеведения преодолевается в рамках классической логики, но все еще остается в неклассической логике [10. С. 7–9].

Подводя небольшой итог, отметим, что отчеты об интенциональном состоянии субъекта в эпистемической логике представляется как информационное состояние агента, т.е. его внутренняя установка и картина мира [11]. Статичность данного подхода и обращение к имплицитному знанию не позволяют рассмотреть связь субъекта с внешними условиями. Предлагается ослабить возможности субъекта, но данного условия недостаточно, так как он не фиксирует изменчивое состояние знания субъекта и все равно приводит к проблеме логического всеведения. Возникающая здесь проблема указывает на то, что аппарата эпистемической логики, при котором мы имплицитно рассматриваем установку знания субъекта, недостаточно. Ментальные особенности субъекта отличаются от тех, что сконструированы в данном подходе. Здесь мы должны обратиться к соотношению знания субъекта и логической выводимости, которое тесно связано также и с объектом установки, т.е. воспринимаемым субъектом установки содержанием.

Вместо использования семантики возможных миров, Барвайс и Перри предлагают рассматривать сцены как некоторые аспекты мира в ограниченной области пространства и времени [12. Р. 374–375]. Данный подход получил название ситуационной семантики. Охватываемая сцена может быть как статичной, так и динамичной, а также охватывать совершенно разные масштабы. Более того, они могут включать в себя людей с их действиями и мыслями, что позволяет рассмотреть анализ ментальных состояний субъекта в рамках ситуационной семантики.

В ситуационной семантике отмечается, что, помимо всего прочего, эпистемическая логика упускает различие способов, которыми мы можем высказываться об интенциональных состояниях [13. Р. 369]. Семантика возможных миров сводит их к пропозициональному вхождению, не проводя никакого различия между ним и остальными видами высказываний. В таком случае условия истинности, определяемые при пропозициональном анализе ментальных установок, задают определенные правила, исходя из которых мы рассматриваем все виды возможного суждения об интенциональном состоянии субъекта [6. Р. 115–120]. Информационное содержание данного высказывания отождествляется с набором миров, как в примере (2). Данная стратегия не учитывает многообразия высказываний, сообщающих об интенциональных установках говорящего.

- (2) [Ральф видит, что в пруду плавают утки]^c
 a. = [видит]^w ([Ральф], [в пруду плавают утки]) =
 = [видит]^w (Ральф {w: в пруду плавают утки в w}) = 1
 b. ≠ [[сцена в которой в пруду плавают утки]]^c

Указывая на данную проблему, Барвайс и Перри провели различие между эмпирическими (3а–б) и пропозициональными (3с) вхождениями глаголов восприятия [13. Р. 371–373].

- (3) а. Ральф видел утку в пруду
- б. Ральф видел как плавает утка в пруду
- с. Ральф видел, что в пруду плавает утка

Эмпирическое вхождение глаголов восприятия направлено на сцену, а не на индивида. Например, в высказывании (3б) глагол восприятия направлен не на саму утку, но в целом на происходящую ситуацию, включающую смотрящего на утку в пруду субъекта. При этом отметим, что первое предложение читается как второе и третье лишь с некоторой вероятностью, которая может быть опровергнута. Утка может быть мертвой, пруд может быть высохшим. В таком случае первое высказывание работает, а второе и третье – нет. Получается, что различие между примерами основывается не на значении предложения, но согласно прагматическим соображениям, которые могут быть связаны с ожиданиями слушателя относительно того, когда данное высказывание уместно в разговоре [13. Р. 375]. Особенно ярко это выражено между примерами (3б) и (3с). Утверждение (3с) может следовать из утверждения (3б), но к данному заключению мы приходим, опираясь не на формальные семантические правила, а на прагматические. Данное различие возникает в связи с двойной природой самого восприятия. Внешне воспринимаемый мир, с одной стороны, влияет на нас, но с другой – связан с законами языка и должен каким-то образом выявлять истинность предложений. Таким образом, Ральф видел, как утка плавала в пруду в примере (3б), но, возможно, это была чайка или нечто совершенно другое. Ральф видит утку, но не воспринимает ее как утку или, другими словами, Ральф не видит, что это утка. Высказывание (3с) сообщает нам о том, что произошел процесс узнавания и Ральф распознает нечто как утку. Получается, что утверждение о том, что «Ральф видел утку», не всегда влечет за собой высказывание «есть утка, которую видел Ральф». К такому выводу мы можем прийти, только если это так сказал наблюдатель, а у Ральфа была соответствующая перцепция. Мы можем смотреть на утку, но этого недостаточно для ее видения в смысле узнавания.

Таким образом, концепция Барвайса посвящена условиям истинности эпистемически нейтральных предложений восприятия, в которых глагол встречается только в форме голого инфинитива [13]. Семантическую функцию эпистемически нейтральных высказываний Барвайс видит в том, что они сообщают, что воспринимается воспринимающим, а не в том, что происходит в его голове. Это семантика, основанная на том, как устроен мир, а не на том, как работают ментальные представления субъекта в высказываниях. В таком случае информация выступает как часть контекста, она существует независимо от субъекта и извлекается им для дальнейшего преобразования. Здесь мы говорим больше об онтологии, чем о познании субъекта, так как информация, помогающая нам проводить анализ высказывания, существует в ситуациях, а не в установках субъекта.

Ситуационная семантика послужила основой для дальнейшего анализа информации как положения дел и его отличием от сцен как происходящих ситуаций. На данном этапе обратимся к работам Ф. Дрекке, который проводит различие между эпистемически нейтральными и эпистемически позитив-

ными предложениями восприятия [14. Р. 74]. Дрекке указывает, что предложения вида (3с) носят эпистемический характер, т.е. дают нам определенное «позитивное» знание положений дел, в то время как высказывание (3b) является эпистемически нейтральным и говорит нам о факте восприятия. Большинство философов и исследователей языка принимают идею о том, что некоторые чувственные переживания неэпистемичны в той степени, в которой мы воспринимаем объекты, не замечая их определенные свойства [12, 15]. Однако на данном этапе не следует отождествлять эпистемически нейтральные высказывания Дрекке с тем, что данные высказывания не являются пропозициональными [16. Р. 97–99]. Эпистемическое нейтральное восприятие предполагает, что свойства, которыми обладает объект, служат дальнейшей основой для убеждений и знаний для данного объекта. Данное положение подразумевает, что всякий перцептивный опыт постфактум может быть раскрыт через набор пропозиций, некоторые из них будут описывать эпистемические и когнитивные установки агента: «Утка плавала в пруду», «Ральф видел утку», «Ральф решил, что объект в пруду – это утка». Прагматика возникает тогда, когда на вопрос, адресованный Ральфу, кто плавает в пруду, Ральф, как добросовестный коммуникатор, отвечает: «утка».

Таким образом, отметим, что агенту необходимо удерживать в сознании образ утки, прежде чем идентифицировать нечто в пруду в качестве утки. Убеждения, имеющий явно выраженный вид пропозициональной установки, являются интенциональным состоянием агента, при котором происходит абстрагирование от конкретных элементов чувственных представлений, но при этом отдельные части информации все еще содержатся в сенсорном опыте объекта. Образ, возникающий в результате представления, складывается из той информации, которая получается посредством чувственного восприятия и затем распознавания того, что мы увидели.

Переходя к заключению, отметим, что информация в данных теориях рассматривается не как часть разума, т.е. как то, что субъект сознательно приписывает событиям [17. С. 100]. Вышеприведенные концепции позволяют утверждать, что информация может существовать объективно, независимо от субъекта и его установки, а это, в свою очередь, позволяет объяснить различные интерпретации высказываний естественного языка. Развитие идей ситуационной семантики, с использованием информации в качестве объективного параметра, можно применять к проблемам эпистемологии и философии сознания [15]. Понятие сцены описывает те ситуации, в которых находится познающий субъект, подчеркивая, что значение определяется отношением между объектами и интенциональным состоянием говорящего. Логико-семантический анализ, предпринятый в данной работе, не может установить то, какая из философских концепций наиболее точно выражает и описывает интенциональные установки субъекта. Логика имеет дело не с самими актами ментальных состояний, но с языковыми выражениями, содержащими описание данных актов. В связи с этим данный анализ позволяет выявить свойства отчетов об интенциональном состоянии субъекта, которые проявляются в естественном языке. Как выяснилось, эпистемическая логика не справляется с анализом установок субъекта, идеализируя и фиксируя его состояние. Для решения данного вопроса, с одной стороны, в данной работе мы рассмотрели анализ отчетов об интенциональном состоянии субъекта в рамках эпистеми-

ческой логики, которая позволяет учитывать субъективный характер высказываний. Мы пришли к выводу, что даже несмотря на попытки преодоления проблемы логического всеведения путем ослабления познавательных возможностей субъекта, все еще ставится под сомнение имплицитный характер знания субъекта, в связи с чем проблема логического всеведения не преодолевается до конца. С другой стороны, была предпринята попытка рассмотреть решение вопроса с использованием ситуационной семантики, которая обращает внимание не только на имплицитное знание субъекта, но и на внешнее положение дел в мире. Анализ с использованием ситуационной семантики заключается в том, что, с одной стороны, мы фиксируем ситуации, которые имеет в виду агент, но, с другой стороны, мы фиксируем ситуации независимо от агента, исходя из предоставленной контекстом информации. Автор приходит к выводу, что ситуационная семантика представляется более универсальным методом при логико-семантическом анализе интенциональных отчетов о состояниях субъекта, по сравнению с эпистемической логикой, так как позволяет учитывать различные виды информации высказывания, а не только ту, что соответствует пропозициональному содержанию.

Список источников

1. Моисеева А.Ю. Эпистемическая логика и убеждения о себе: насколько оптимистичен Я. Хинтиikka? // *Философия науки*. 2015. Т. 1, № 3. С. 3–10.
2. Семантика пропозициональных установок // Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования : сб. избран. ст. / сост., вступ. ст. и общ. ред. В.Н. Садовского, В.А. Смирнова. М. : Прогресс, 1980. С. 68–101.
3. Liefke K. Experiential Attitudes are Propositional // *Erkenntnis*. 2022. Vol. 1. P. 1–25.
4. Crane T. Is perception a propositional attitude? // *The Philosophical Quarterly*. 2009. Vol. 59 (236). P. 452–469.
5. Montague R. The proper treatment of quantification in ordinary English // *Formal Philosophy* / ed. R. Thomason. 1973. P. 247–270.
6. Saarinen E. On the Logic of Perception Sentences // *Synthese*. 1983. Vol. 54. P. 115–128.
7. Hintikka J. On the Logic of Perception / ed by D. Reidel, Dordrecht // *Models for Modalities*. 1969. P. 151–183.
8. Hintikka J. Knowledge and Belief: An Introduction to the Logic of the Two Notions. 2nd. ed. College Publications. 2005. P. 148.
9. Hintikka J. Impossible possible worlds vindicated // *Journal of Philosophical logic*. 1975. Vol. 4. P. 475–484.
10. Виньков М.М., Фоминых И.Б. Рассуждения о знаниях и проблема логического всеведения. Ч. I: Модальный подход // *Искусственный интеллект и принятие решений*. 2011. № 4. С. 3–13.
11. Nlililuoto I. Perception, memory, and imagination as propositional attitudes // *Логические исследования*. Т. 26, № 1. С. 36–47.
12. Barwise J., Perry J. *Situations and Attitudes*. Cambridge : MIT Press, 1983. P. 376.
13. Barwise J. Scenes other Situations // *The Journal of Philosophy*. 1981. Vol. 78. P. 369–397.
14. Dretske F. *Seeing and Knowing*. Chicago : University of Chicago Press, 1969. P. 265.
15. Tye M. Nonconceptual Content, Richness, and Fineness of Grain // *Perceptual Experience* / ed. by Tamar S. Gendler & John Hawthorne. Oxford University Press, 2006. P. 504–530.
16. Dretske F. *Simple Seeing* // *Perception, Knowledge, and Belief*. Cambridge : Cambridge University Press. 2000. P. 97–110.
17. Моисеева А.Ю. Реляционный подход к значению и содержанию в ситуационной семантике // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки*. 2018. Т. 13, № 4 (182). С. 95–110.

References

1. Moiseeva, A.Yu. (2015) Epistemicheskaya logika i ubezhdeniya o sebe: naskol'ko optimistichen Ya. Khintikka? [Epistemic Logic and Self-Beliefs: How Optimistic Is J. Hintikka?]. *Filosofiya nauki*. 1(3). pp. 3–10.

2. Hintikka, J. (1980) *Logiko-epistemologicheskie issledovaniya* [Logical-Epistemological Studies]. Moscow: Progress. pp. 68–101.
3. Liefke, K. (2022) Experiential Attitudes are Propositional. *Erkenntnis*. 1. pp. 1–25.
4. Crane, T. (2009) Is perception a propositional attitude? *The Philosophical Quarterly*. 59(236). pp. 452–469.
5. Montague, R. (1973) The proper treatment of quantification in ordinary English. In: Thomason, R. (ed.) *Formal Philosophy*. Yale University Press. pp. 247–270.
6. Saarinen, E. (1983) On the Logic of Perception Sentences. *Synthese*. 54. pp. 115–128.
7. Hintikka, J. (1969) *Models for Modalities*. Springer. pp. 151–183.
8. Hintikka, J. (2005) *Knowledge and Belief: An Introduction to the Logic of the Two Notions*. 2nd. ed. College Publications. p. 148.
9. Hintikka, J. (1975) Impossible possible worlds vindicated. *Journal of Philosophical Logic*. 4. pp. 475–484.
10. Vinkov, M.M. & Fominykh, I.B. (2011) Rassuzhdeniya o znaniyakh i problema logicheskogo vsevedeniya. Ch. I: Modal'nyy podkhod [Reasoning about knowledge and the problem of logical omniscience. Part I: Modal approach]. *Iskusstvennyy intellekt i prinyatie resheniy*. 4. pp. 3–13.
11. Nliniluoto, I. (2020) Perception, memory, and imagination as propositional attitudes. *Logical Investigations*. 26(1). pp. 36–47. DOI: 10.21146/2074-1472-2020-26-1-36-47
12. Barwise, J. & Perry, J. (1983) *Situations and Attitudes*. MIT Press. p. 376.
13. Barwise, J. (1981) Scenes other Situations. *The Journal of Philosophy*. 78. pp. 369–397.
14. Dretske, F. (1969) *Seeing and Knowing*. Routledge and Kegan Paul. p. 265.
15. Tye, M. (2006) Nonconceptual Content, Richness, and Fineness of Grain. In: Gendler, T.G. & Hawthorne, J. (eds) *Perceptual Experience*. Oxford University Press. pp. 504–530.
16. Dretske, F. (2000) *Perception, Knowledge, and Belief*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 97–110.
17. Moiseeva, A.Yu. (2018) Relyatsionnyy podkhod k znacheniyu i soderzhaniyu v situatsionnoy semantike [Relational approach to meaning and content in situational semantics]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3: Obshchestvennye nauki*. 13(4(182)). pp. 95–110.

Сведения об авторе:

Павлухина П.А. – студентка 4-го курса Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); сотрудник проекта Российского общества истории и философии науки «Семантическая структура пропозициональных установок сознания» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ppavlukhina01@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Pavlukhina P.A. – student, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); project team member, Russian Society for History and Philosophy of Science (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ppavlukhina01@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.12.2022;
одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted 27.12.2022;
approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 11.06.2024*

Научная статья

УДК 141.201

doi: 10.17223/1998863X/79/3

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОСМЫСЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Наталья Евгеньевна Потапова

*Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук,
Томск, Россия, potapova.natalya.80@mail.ru*

Аннотация. Представлена точка зрения возможности применения феноменологического подхода к осмыслению понятия безопасности. Проведен анализ эволюции понятия безопасности от древности до современного периода развития общества: восприятие безопасности в зависимости от исторической эпохи. Рассмотрены предпосылки формирования феноменологического направления в сочинениях философов древности.

Ключевые слова: безопасность, культура безопасности, феноменология, восприятие безопасности, феноменологический подход

Для цитирования: Потапова Н.Е. Феноменологический подход к осмыслению понятия безопасности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 26–32. doi: 10.17223/1998863X/79/3

Original article

A PHENOMENOLOGICAL APPROACH TO UNDERSTANDING THE CONCEPT OF SAFETY

Natalya E. Potapova

*Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation, potapova.natalya.80@mail.ru*

Abstract. The paper presents the viewpoint of the possibility of applying a phenomenological approach to understanding the concept of safety. The concept's evolution from antiquity to the modern period of society's development is analyzed: the perception of safety depending on the historical epoch. The prerequisites for the formation of a phenomenological trend in the writings of ancient philosophers are considered.

Keywords: danger, safety, safety culture, phenomenology, phenomenological approach

For citation: Potapova, N.E. (2024) A phenomenological approach to understanding the concept of safety. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 26–32. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/3

При обращении к ретроспективному анализу лейтмотива безопасности в контексте культурного генезиса можно сделать вывод, что тема безопасности была и будет актуальна всегда, так как процессу развития социогенеза всегда сопутствовало окружение опасных факторов, источником которых во многом стал сам человек. Освоение окружающего пространства со времен древности обернулось для человеческого общества формированием пространства соци-

ального, а вместе с ним и культурного. В связи с этим жизнедеятельность людей на всех этапах становления предполагает поиск субъектом путей адаптации в окружающем мире.

Как итог, социум в процессе своего развития постоянно находился в поиске ряда стратегий по обеспечению своего безопасного существования. Если в древности, главным образом, доминировали биологические угрозы, и основной задачей человека было выживание, то с культурным развитием виды угроз трансформировались в иные (созданные человеком) формы, в связи с чем значения безопасности глобализировались. Специфика понятия безопасности иллюстрирует, что данное явление входит в число первостепенных потребностей человека и интересов общества.

История анализа возникновения и становления какой-либо категории или явления начинается с эпохи Античности, представленной в трудах античных мыслителей. Первые представления о проблеме безопасности можно увидеть в трудах древнегреческих философов Платона (427–347 до н. э.) и Аристотеля (384–322 до н. э.) в соотношении субъективного, общественного и государственного аспектов.

В работах Платона понятие «безопасность» формируется в сфере политического понимания в контексте «государство–человек». Об этом он рассуждал в трактатах «Государство», «Политик» и «Законы» [1], в которых вопрос безопасности рассматривался в модели идеального справедливого государства.

В философском же наследии Аристотеля тема безопасности формируется через призму социально-политических взглядов. Мыслитель, размышляя о том, что человек, как социальный сегмент, по своей сущности предназначен к жизни в сообществе, а в обществе есть необходимость обеспечения безопасности в различных аспектах человеческой жизни. В этике Аристотеля безопасность соприкасается с понятием «счастье». Для этого необходимо следовать «золотой середине» и управлять своими поступками, избегая ситуаций, угрожающих безопасности [2].

Следует констатировать, что каждая историческая веха вкладывала в понятие «безопасность» свои интенции и имела свою парадигму к объяснению безопасности человека. Однако в философской мысли достаточно долго отсутствовало четкое определение и понимание безопасности; не рассматривалось в истории философии отчетливо, как самостоятельное понятие, хотя лейтмотив безопасности изначально присутствовал в ней, проявляясь в русле осмысления социально-политических идей.

Интересной точкой зрения на безопасность представляются размышления христианского философа раннего средневековья (IV–V вв.) Августина Аврелия (354–430 гг.), рассматривающего безопасность в аспекте спасения души, в контексте христианской веры и понимания греха. Философ признавал, что безопасность и спасение души не являются элементарными и естественными. В труде «Исповедь» [3] Августин описывает свой сложный путь к вере и спасению, в котором учил, что вера и добродетели должны сочетаться, чтобы обеспечить безопасность души и привести к ее спасению.

Еще одно интересное представление на безопасность находим в работах мыслителя, ученого и религиозного деятеля Фомы Аквинского (1225–1274). Философ ставил блага государства превыше человеческих; если страдает гос-

ударство, то и страдают и его граждане. Для интересов государства и каждой личности необходимо, чтобы каждый человек тщательно выполнял свои обязательства, определенные Богом, – именно в этом заключается гарантия безопасности как государства и общества [4].

Анализ философских работ показывает, что древние мыслители разных эпох выдвигают на передний план проблемы безопасности в рамках государственности, а уже затем человека как части социума в частности.

Феномен безопасности соприкасается с решением проблемы принуждения и свободы человека в обществе и государстве в трудах Н. Макиавелли, Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо и др.

Переходя к более поздним работам о безопасности, нельзя не вспомнить об английском мыслителе, исследовавшим понятия безопасности в аспекте общественного начала, Томасе Гоббсе (1588–1679). В своем главном произведении «Левиафан» [5] философ представил антропологические размышления, направленные на идею национальной безопасности, обосновав ее как квинт-эссенцию формирования любого государственного строя. По мнению Гоббса, главное назначение государства – обеспечение мира и безопасности граждан.

В какой период развития социума произошло вычленение понятия личной безопасности индивида из общесоциальной концепции – проследить достаточно сложно. Логично предположить, что это произошло в тот исторический период, когда человеческая жизнь стала цениться высоко, перешла в разряд абсолютных ценностей и стала восприниматься (как самими людьми, так и обществом) как дорогостоящий ресурс, особенно в эпоху развития промышленности, технологического прогресса, медицины.

В современном постиндустриальном обществе актуальность темы безопасности возрастает в геометрической прогрессии. И это связано, прежде всего, с тем, что на современном культурно-историческом этапе развития социума безопасность интерпретируется как основа сохранения человеческой жизни. И в большей мере это связано с трудовой деятельностью индивида. Человеческое общество, достигнув определенного этапа развития, пришло к выводу, что человек слаб перед лицом постоянно окружающих его опасностей в профессиональной области и в повседневной жизни. Поэтому на этапе своего исторического развития возникла потребность переосмысления явления безопасности, переведя ее из необходимости благополучного существования в социальном пространстве в персональную потребность. Именно вектор развития социума вынудил человека самому заботиться о собственной безопасности с целью комфортной жизнедеятельности и продления своей жизни.

Государство, как общественный строй, старается обеспечить безопасное существование в социальной сфере, а сам индивид, существуя в своей персональной среде, призван обеспечить собственную безопасность на улице, дома, на работе, формируя и воспитывая в себе культуру безопасности как установленные нормы поведения. «Для этого нужно развивать новое мировоззрение, систему идеалов и ценностей, формировать качества личности безопасного типа, создавать общество и государство, и, в конечном итоге, мировое сообщество безопасного типа» [6. С. 18–25].

Тем не менее, несмотря на выделение различных видов безопасности: информационной, экономической, экологической, ядерной и т.д., государственный

порядок не перестал видеть членов социума в аспекте «государство – человек», но однозначно идентифицировал индивида в системе, так как личная безопасность, особенно в производственном сегменте, стала приоритетным направлением. Поэтому человек интуитивно начинает воспринимать безопасность как предмет рефлексии своего сознания, осознавая и оценивая ее сквозь широкую палитру установок, воспроизводящихся на бессознательном уровне в виде прототипических моделей поведения и стимулов, организующих определенную последовательность мыслей, желаний, чувств.

В то же время современная научная мысль никогда так не развивала системный подхода к феномену безопасности. В нашем случае сфокусированной рефлексии над содержанием собственно философского смысла понятия безопасности не проводилось вплоть до начала века, в том числе феноменологической. Сегодня само понятие безопасности вышло на новый уровень восприятия, стало рассматриваться, в том числе научной, академической мыслью, как культурный концепт, феноменологическое явление, и, стало очевидным, что традиционных научных методов (психологических, аналитических и т.п.) для анализа данного явления явно недостаточно. Появилась потребность в более сложных, универсальных философских методах, включающих уникальный способ анализа структуры человеческого сознания и основ его функционирования. Именно поэтому актуальность обращения к анализу безопасности человека посредством феноменологических подходов вызвана тем, что требуется сформировать не просто философские представления о сложном социальном явлении, а обосновать его законы становления и функционирования, а главное, как данное явление вплетено в жизненную концепцию человека: его жизненного опыта и восприятия данного явления посредством этого опыта.

Более того, несмотря на большое количество методологий, применяющихся для анализа безопасности (в особенности ее уровня), во многом они носят количественный характер: статистические данные, количество показателей, влияющих на безопасность и др., и являются, в большей степени, объективной оценкой. Динамичность социального развития общества показало, что качественный подход изучения сути безопасности обращает нас к оценке опыта индивида, особо проявляющимся в соблюдении норм и правил, культуры безопасности того профессионального общества, в котором индивид реализует свою профессиональную деятельность.

Метод предполагает изучение субъективных наблюдений и описаний работников о своем опасном/безопасном поведении, а также их осознания и интерпретации безопасности на рабочем месте. Таким образом, феноменологический метод позволяет исследовать восприятие и осознание людьми опасностей и рисков в том окружении, в котором он находится: например, на том, предприятии, на котором осуществляют свою трудовую функцию. Исследователь, применяя данный метод, может анализировать, как человек осознает присутствие опасностей, как оценивает риски, что он предпринимает на уровне сознания (инстинкта самосохранения, внутренней потребности в безопасных условиях существования), чтобы этих рисков избежать. Феноменология в данном аспекте представляет собой подход к исследованию области безопасности, который стремится описать сущность явления с позиции уже имеющегося опыта человека: что было пережито, и как оно было пережито [7].

Истоки феноменологии можно проследить во многих философских трудах, где видны философствования о природе вещей и опыте восприятия. В работах Аристотеля, например, можно найти элементы, представленные как прототипы феноменологических идей: наблюдение и описание феноменов. В работах Гераклита Эфесского (около 535–475 гг. до н.э.) выражена идея, что все в мире находится в постоянном движении и что истина не может быть описана статично, а должна быть понята через опыт. Его феноменология – это учение о том, как мы воспринимаем и понимаем мир вокруг нас.

Все же основоположником феноменологического подхода считается Эдмунд Гуссерль (1859–1938), немецкий философ, изложивший феноменологию как метод изучения сознания и опыта человека. Свой путь становления феноменологии в философию он инициировал докторской диссертацией «О концепции континуума» [8], в которой предложил феноменологический подход для анализа математических структур. Позднее он заинтересовался осмыслением окружающих явлений, перешел к утверждениям, что явления, анализируемые сознанием человека, могут быть объектом научного исследования, т.е. изучать явления следует в контексте восприятия человеческим сознанием через описание и анализ сознания и опыта, а также на изучении смысла и значимости явлений.

Развитием феноменологического направления в философии занимался и Мартин Хайдеггер (1889–1976), ориентировавшийся на работы Гуссерля, но позже оспорившим некоторые ключевые аспекты. В своей программной работе «Бытие и время» [9] (1927) Хайдеггер делает решающий шаг в развитии собственной феноменологии, направленной на онтологический фокус (развивает свое понимание феноменологии исходя из учения о бытии) и герменевтическое направление (доступ к глубоким структурам человеческого опыта, переживаниям). Философа интересуют люди как действующие лица в окружающем мире, следовательно, следует обратить фокус внимания на отношениях между индивидом и его жизненным миром.

Феноменология – по сути, изучение пережитой практики (опыта) или индивидуального развития человека. В данном ключе рассмотрение безопасности с позиций феноменологии обращает нас к данному явлению как важному аспекту жизни, в котором обыденный опыт человека в социальной среде может быть рассмотрен как проблема философии, и феноменология (в особенности герменевтическая) может помочь выявить глубинные смыслы, которые скрыты в обыденном опыте человеческой жизни.

Феномен безопасности как социального явления исключения в этом отношении не представляет. Теория безопасности включает компонент деятельности, который выступает как практический принцип исследования безопасности. Деятельность есть специфически человеческая форма активного существования и отношения человека к миру. Включение феноменологических методологий исследования дает возможность изучать опыт человека в его социальной трудовой деятельности: интерпретировать личный опыт и переживания в контексте безопасности. Преимущество данного метода заключается в следующем:

– у исследователя есть возможность погрузиться в различные аспекты понимания безопасности, посредством того, как люди воспринимают и оце-

нивают собственные переживания в отношении безопасности (например, через рассказы людей или наблюдения за их поведением);

– метод позволяет анализировать контекст, в котором происходят события и восприятия безопасности, что способствует более точной интерпретации данных;

– метод уделяет внимание индивидуальным особенностям (с учетом опыта каждого отдельного человека) в восприятии безопасности, позволяя выявить уникальные особенности восприятия и поведения людей.

Это может быть целесообразно в формировании новых поведенческих стратегий, способов следования принципам безопасности, профессионального самосовершенствования, т.е. может способствовать разработке более индивидуализированных и эффективных стратегий обеспечения безопасности, учитывая разнообразие переживаний и потребностей людей. Именно поэтому применение феноменологического метода является наиболее ценным инструментом в выбранной исследовательской стратегии.

Феноменологические исследования могут расширить понимание сложных характеристик феномена безопасности, могут быть основой для создания более глубокого понимания субъективных аспектов безопасности и помочь создать эффективные меры мониторинга и предотвращения несчастных случаев на рабочем месте. Успех в этих усилиях зависит как от лучшего понимания потенциальной практической ценности этих подходов, так и от более глубокого теоретического ознакомления с этими подходами и лежащими в их основе философскими установками. В этом ключе феноменология является ценным инструментом и исследовательской стратегией в процессе осмысления сложного явления безопасности.

Список источников

1. Платон. Сочинения : в 3 т. М., 1968. Т. 1. С. 548.
2. Аристотель. Политика. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 551.
3. Блаженный Августин Аврелий. Исповедь. М. : Дарь, 2005. С. 20.
4. Фома Аквинский. Сумма теологии: с комментариями и объяснениями. М. : АСТ, 2019. 320 с.
5. Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 38.
6. Моздаков А.Ю. Понятие безопасности в классической и современной философии // Вопросы философии. 2008. № 4. С. 18–25.
7. Teherani A., Martimianakis T., Stenfors-Hayes T., Wadhwa A., Varpio L. Choosing a qualitative research approach // J. Grad. Med. Educ. Vol. 7, № 4. 2015. P. 669–670.
8. Гуссерль Э. Феноменология. Статья в Британской энциклопедии // Логос. 1991. № 1. С. 12–21.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков : Фолио, 2003. 503 с.

References

1. Plato. (1968) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: URSS. p. 548.
2. Aristotle. (1983) *Politika. Sochineniya: v 4 t.* [Aristotle. Politics. Works: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl'. p. 551.
3. Blessed Augustine Aurelius. (2005) *Isposed'* [Confession]. Moscow: Dar".
4. Thomas Aquinas. (2019) *Summa teologii: s kommentariyami i ob'yasneniyami* [Summa Theologica: with Comments and Explanations]. Moscow: AST.
5. Hobbes, T. (1991) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
6. Mozdakov, A.Yu. (2008) *Ponyatie bezopasnosti v klassicheskoy i sovremennoy filosofii* [The concept of security in classical and modern philosophy]. *Voprosy filosofii*. 4. pp. 18–25.

7. Teherani, A., Martimianakis, T., Stenfors-Hayes, T., Wadhwa, A. & Varpio, L. (2015) Choosing a qualitative research approach. *Journal of Graduate Medical Education*. 7(4). pp. 669–670.

8. Husserl, E. (1991) Fenomenologiya. Stat'ya v Britanskoy entsiklopedii [Phenomenology. Article in the Encyclopedia Britannica]. *Logos*. 1. pp. 12–21.

9. Heidegger, M. (2003) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Kharkov: Folio.

Сведения об авторе:

Потапова Н.Е. – аспирант Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия). E-mail: potapova.natalya.80@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Potapova N.E. – postgraduate student, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: potapova.natalya.80@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.04.2024;
одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted 15.04.2024;
approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 11.06.2024*

Научная статья

УДК 51: 101.8

doi: 10.17223/1998863X/79/4

ВЕРИФИКАЦИЯ УСЛОВИЙ ПРИМЕНЕНИЯ МАТЕМАТИКИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Владимир Моисеевич Резников

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия, mathphil1976@gmail.com

Аннотация. Описаны положения дел, приводящие к участию философов в междисциплинарных исследованиях. Во-первых, формальные методы обладают несовершенствами, однако в науке не принято критиковать, если не существуют альтернативные подходы. Во-вторых, исследователи используют понятие «причина», однако их знание философии недостаточно глубоко. Поэтому философы нужны как критики неадекватного использования категорий и недостатков формальных методов.

Ключевые слова: причина, независимость, вероятность, частотная интерпретация, субъективная интерпретация

Для цитирования: Резников В.М. Верификация условий применения математики как философская и методологическая проблема // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 33–40. doi: 10.17223/1998863X/79/4

Original article

VERIFICATION OF CONDITIONS OF USING MATHEMATICS AS A PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEM

Vladimir M. Reznikov

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, mathphil1976@gmail.com*

Abstract. In the article I demonstrate the value of philosophical research in science by the example of verification of conditions of using mathematics. In recent years, scientists in expert systems often use philosophical concepts, in particular the notion “causal relation” for introducing probabilistic independency, as the mathematical description of independency is not so constructive; therefore, verification of independency in data is a hard problem. Thus, by using philosophical notions in science, analytic philosophers have good chances to participate in multidisciplinary research, as non-philosophers do not commonly have wide and deep knowledge of philosophy. I draw on the example of the famous mathematician Shafer, who used a special version of causal relation to describe independency in his conception of a general probabilistic interpretation. The famous philosopher Cartwright raised a natural question about the adequacy of this interpretation for analyzing other causal relations. I offer another example of usefulness of philosophical analysis for verifying the conditions of application of mathematics which is connected with statistical wars. Statistical wars are battles between representatives of different probability interpretations; in particular, history knows severe battles between representatives of frequency and subjective interpretations. The followers of frequency interpretation are empiricists, the empirical tradition requires a careful verification of conditions of application of the formal apparatus, but such tests are not necessary in the subjective tradition, this is why their critique of opponents is not solid. I used such argumentation in my article in order to show that the critique of Kolmogorov’s conditions of using probability theory on the basis of Bernoulli

theorem by subjectivists is not a serious one. Besides, for an analytic philosopher who knows mathematical methods and can use them, new prospects are opening up due to imperfections of mathematical methods. The point is that scientists try to avoid criticizing shortcomings in the methods in the absence of alternative approaches, so a philosopher receives the chance to participate in research as a critic of imperfections of formal methods in applications.

Keywords: causality, independency, probability, frequency interpretation, subjective interpretation

For citation: Reznikov, V.M. (2024) Verification of conditions of using mathematics as a philosophical and methodological problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 33–40. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/4

Значимость применимости знания была уже вполне осмыслена выдающимися представителями различных областей знания в прошлом столетии. Так, известные философы Г. Райл и А. Полани, при некоторых различиях их оценок, отмечали, что знание ‘Know how’ ведет к пониманию изучаемых положений дел [1]. Известный математик А.Н. Колмогоров настаивал на особой роли применимости математики, так как успехи в основаниях теории вероятностей привели к тому, что принципиально иная проблема применения этой дисциплины оказалась вне поля внимания [2]. Несмотря на значимость проблемы применимости математики, так как ее исследование приводит к корректному применению математики, способствует объяснению и пониманию изучаемых явлений, тем не менее, методологическим и философским основаниям применимости вплоть до настоящего времени не уделяется должного внимания. Чистые математики не всегда интересуются этой проблемой, так как они полагают, что прогресс в математике связан с красотой исследуемых объектов, а в приложениях математики, по их мнению, нет красивых решений. В работе Хакинга было предложено достаточно полное объяснение причин отсутствия интереса философов к приложениям знания [3]. Только прикладные математики и конкретные специалисты, участвующие в ответственных испытаниях с применением математики, серьезно изучают проблемы применимости математики, они находят красоту в оптимальном решении сложных проблем с рациональным использованием интеллектуальных и материальных ресурсов, а также в объектах, к которым применяется математика. Отметим, что известных публикаций по проблеме применимости математики немного, поэтому продолжение исследований этой проблемы является актуальным. Не вызывает сомнений, что эта проблема имеет междисциплинарный характер. Основная задача настоящей публикации состоит в том, чтобы продемонстрировать, что она также представляет интерес и для философских исследований.

Отметим, что проблема корректного применения математики связана с проблемой эффективности математики. По-нашему мнению, объективная характеристика эффективности может быть получена на основе анализа массового применения математики. Наиболее популярной в приложениях математической дисциплиной оказывается математическая статистика, ее корректное применение основано на верификации условий применения методов этой науки к изучаемым данным. Прежде чем исследовать верификацию условий применения математики, зададимся другим вопросом, а именно: что предполагается известным в каждом методе или теореме из теории вероятностей или известно или может быть определено в рамках математической ста-

истики? Легко обнаружить, что в теоремах классической теории вероятностей известны распределения случайных величин, в простейшем случае вероятности событий, а также то, каким образом случайные величины или события связаны, в простейшем случае предполагается, что события являются независимыми. Так как практически все фундаментальные результаты классической теории вероятностей и многие результаты классической математической статистики получены на основе распределений случайных величин и независимости этих величин, то естественно считать, что распределение и независимость – это базовые свойства объектов теории вероятностей и математической статистики. В случае известных вероятностей событий, верификация независимости событий для большинства результатов в теории вероятностей может быть осуществлена на основе следующих соотношений: так, для произвольного числа n событий A_1, A_2, \dots, A_n , условие для их независимости имеет следующий вид [4]:

$$P(A_{i_1} A_{i_2} A_{i_3} \dots A_{i_m}) = P(A_{i_1}) \times P(A_{i_2}) \times P(A_{i_3}) \times \dots \times P(A_{i_m}); \quad (1)$$

$$m = 1, 2, \dots, n; 1 \leq i_1 < i_2 < i_3 < \dots < i_m \leq n.$$

От анализа верификации базовых свойств в теории вероятностей обратимся к их исследованию в математической статистике. Как известно, в математической статистике нет унифицированного способа по определению независимости, и проверка независимости носит контекстуальный характер. Так, например, если две случайные величины имеют нормальное распределение, то для проверки их линейной связи или ее отсутствия (независимости) уместно использовать коэффициент корреляции. В том случае если две случайные величины имеют произвольное общее известное распределение, тогда для верификации их независимости адекватны таблицы сопряженности [5]. Однако таблицы сопряженности не являются универсальными, так они не подходят для верификации независимости результатов некоторых вполне естественных экспериментов. Предположим, что эксперимент заключается в бросании монеты, результатом которого является последовательность нулей и единиц, где герб представлен нулем, а решка единицей. В данном случае таблицы сопряженности не подходят, так как результаты эксперимента описываются не двумя, а одной случайной величиной. Является ли определение независимости по данным сложной задачей? Да, действительно это так, например, в случае сомнения в правильности выявленной независимости на основе n проведенных испытаний, то после реализации дополнительных n экспериментов, верификация независимости должна быть осуществлена на основе данных, полученных в результате проведения $2n$ экспериментов. Современные математики Шейфер и Вовк писали о принципиально сложных проблемах верификации независимости в случае ее проверки для непрерывно продолжающихся экспериментов [6]. Мы показали, что верификация независимости для непрерывно продолжающихся испытаний оказывается сложной и трудозатратной проблемой.

После рассмотрения трудностей формального определения независимости вероятностей обратимся к неформальной верификации этого свойства. Проблемы формальной верификации независимости привели к тому, что в практике научных исследований она не всегда осуществляется, а модели независимых испытаний часто принимаются на основе интуитивных и содер-

жательных рассуждений. Возникает естественный вопрос об обоснованности интуитивных подходов. Приведем некоторые аргументы содержательного и интуитивного характера и дадим их критический анализ.

Во-первых, для принятия модели независимых испытаний часто используются соображения о контроле фоновых условий проводимых экспериментов. В качестве критики приведем следующие соображения. Так, Алимов справедливо отмечал, что за пределами физики полный контроль фоновых условий не возможен, причем даже в физике бывают проблемы с его контролем. Например, из истории физики известно, что когда в лаборатории Резерфорда открыли новый элемент радон, то все приборы зашкаливали. И только когда поняли, что новый элемент – это газ, дополнительно рафинировали условия проведения экспериментов, после этого показания приборов стали корректными [7].

Во-вторых, в качестве формального интуитивного аргумента рассмотрим переход от модели слабо зависимых случайных величин с ничтожными коэффициентами корреляции к модели независимых экспериментов на примере из книги Элясберга [8]. В этом примере дан сравнительный анализ статистических оценок дисперсий для сумм двух групп данных, представляющих собой нормально распределенные случайные величины большого объема. Первую группу составляют независимые случайные величины, а вторую – случайные величины с попарным коэффициентом корреляции 0,01, число случайных величин в каждой группе равно 1 000. Для каждой группы данных вычислялись дисперсии сумм случайных величин. Оказалось, что оценки дисперсий отличались более чем на порядок, а при дальнейшем увеличении выборок, например до 10 000, они разнились более чем на два порядка. Несмотря на неинтуитивность полученного результата, он является вполне логически корректным. Дело в том, что если случайные величины независимы, то попарный коэффициент корреляции равен нулю, однако обратное утверждение не всегда является верным.

Итак, интуитивные методы не гарантируют корректное решение проблемы верификации условий применения математических утверждений, в то же время формальное решение этой проблемы оказывается сложным. Почему верификация свойства независимости оказывается сложной? По-нашему мнению, трудности верификации независимости связаны тем, что определения свойства независимости не вполне конструктивны. Наше предположение находит подтверждение в некоторых рассуждениях А.Н. Колмогорова. По мнению знаменитого математика, оставаясь в рамках математики, сложно решить, имеет ли смысл использовать вероятностные модели независимых экспериментов или этого не стоит делать. А.Н. Колмогоров предполагал, что эта проблема скорее относится к компетенции философии естествознания [4].

Имеются ли в философии адекватные ресурсы для исследования свойства независимости? Да, действительно это так, например, это принцип общей причины, введенный Г. Рейхенбахом [9]. Содержательно принцип общей причины означает следующее: если события А и В коррелируют, но при учете третьего события С, А и В оказываются независимыми, то С является их общей причиной, при этом С по времени предшествует А и В. Отметим, что принцип общей причины интенсивно изучается в современных работах философов и философствующих физиков [10].

Какое значение имеет проблема применимости математики для специалистов в области философии науки и аналитической философии? Во-первых, как мы отмечали, некоторые формальные методы не вполне адекватны для приложений, однако в отличие от философии, в науке не принято критиковать существующие методы, если не существует альтернативных подходов. Поэтому в науке не хватает критиков, и в этой ситуации философ, владеющий формальными методами, получает хорошие шансы для участия в науке. Отметим, что обучение на философских факультетах, изучение философских систем, которые в большей степени оказываются оригинальными разработками, а не развитием работ предшественников, приводят к тому, что выпускники философских факультетов, со временем занимаясь философией, становятся отменными критиками. Во-вторых, в последние годы в науке интенсивно используются некоторые философские понятия, например причинность. В частности, понятие «причинность» применяется в обобщенной интерпретации теории вероятностей Шейфера и в экспертных системах для формализации понятия независимости. Очевидно, что не философы не столь детально и глубоко владеют философскими понятиями и поэтому используют их в неполном объеме. Так, например, Шейфер использовал специальный вариант причинных отношений [11], поэтому у известного философа Картрайт возник естественный вопрос об адекватности этой концепции, если ее применить для анализа других причинных отношений [12]. В-третьих, знание актуальных научных проблем придает новые импульсы для исследования традиционных философских проблем, таких как причинные отношения и приводит к новым вызовам в философских исследованиях, например к исследованию категории независимости, в частности, к обобщению понятий независимости в логике, теории вероятностей и контрафактических высказываниях.

Теперь перейдем к другой значимой проблеме, а именно к анализу верификации условий применимости формальных методов как методологии для исследования философских проблем на примере статистических войн. Статистические войны – это постоянные баталии между сторонниками различных вероятностных интерпретаций и между представителями чистой и прикладной математики в контексте применения статистических методов. Эти баталии в основном вызваны не ошибками оппонентов, а различными философскими предпосылками о природе вероятности у представителей различных интерпретаций. Некоторые истории статистических баталий хорошо известны, в частности жесткая критика частотной интерпретации Мизеса [13]. В то же время в литературе практически нет работ, в которых обсуждается критика условий Колмогорова применения теории вероятностей его современниками, известными математиками Борелем, Фреше, Леви. Впервые о критике условий Колмогорова стало известно из публикаций Шейфера и Вовка [6]. В них авторы дали анализ математических достижений в области теории меры и интегрирования, которые позволили Колмогорову сформулировать аксиомы и тем самым изменить статус этой дисциплины от полуэмпирической дисциплины к математической науке. Кроме того, они уделили внимание условиям Колмогорова применения теории вероятностей и описали аргументы оппонентов против одного из них. Дадим описание критикуемого условия Колмогорова:

«А. Можно практически быть уверенным, что если комплекс условий S будет повторен большое число n раз и если при этом через m обозначено число случаев, при которых событие A наступило, то отношение m/n будет мало отличаться от $P(A)$ » [4. С. 12–13].

В чем состояла критика условия? Оппоненты полагали, что условие A избыточно, так как оно фактически является заключением теоремы Бернулли. Приведем формулировку теоремы Бернулли.

Теорема Бернулли. Проводится n независимых испытаний события A , и m экспериментов оказались успешными. Известно, что теоретическая вероятность появления события A в каждом эксперименте равняется $p(A)$, m/n – это частота события A , ε – это точность вычислений. Тогда при бесконечном числе экспериментов выполняется следующее равенство:

$$\lim_{n \rightarrow \infty} P(|m/n - p(A)| < \varepsilon) = 1. \quad (2)$$

Для исследования обстоятельности критики выдвинем следующий тезис, который оценивает ее основательность. Суть тезиса заключается в следующем: критика оппонентов является допустимой, если верификация ими условий применения математического аппарата осуществляется не менее строго, чем представителями критикуемой концепции. Так как Колмогоров утверждал, что в контексте приложений он в целом следовал Мизесу, представителю частотной интерпретации, поэтому напомним требования эмпириков к применению формального аппарата, так как эта интерпретация является эмпирической. В рамках эмпиризма теоретические величины, как правило, не известны заранее и определяются на основе экспериментов. В теореме Бернулли считаются известными две группы теоретических величин: вероятность успеха, которая считается постоянной величиной, и независимость экспериментальных результатов при проведении испытаний однако в частотной интерпретации они не считаются известными и определяются эмпирически. Так, если на основе большого числа проведенных испытаний частотные характеристики выпадения герба окажутся близкими величинами, то тем самым будет продемонстрировано, что вероятность успеха является постоянной величиной. Верификация независимости результатов испытаний тоже осуществляется экспериментально. Так как критики Колмогорова преимущественно являлись адептами субъективной интерпретации, поэтому напомним их требования к применению формального аппарата теории вероятностей. У субъективистов единственное требование заключается в совместности с аксиоматикой, при этом теоретические величины обычно считаются известными, их верификация не предполагается. Поэтому применение теоремы Бернулли субъективистами и их выводы с ее помощью не считаются основательными и не могут быть приняты последователями частотной интерпретации. Предположим, что вопреки традиции, субъективисты верифицировали условия применения теоремы Бернулли, и оказалось, что условия ее применимости выполнены. Будет ли в этом случае критика субъективистов условий применения Колмогорова корректной? По нашему мнению, она не будет основательной. Дело в том, в частотной интерпретации, вопреки теореме Бернулли, близость вероятности события и его частотных характеристик понимается не по вероятности, а так как это принято в классическом математи-

ческом анализе. При конечном числе испытаний эта близость определяется геометрически, на основе устойчивости частотных характеристик. Поэтому требование Колмогорова о близости вероятности и частот является не заключением теоремы Бернулли, а предпосылкой для ее применения в частотной интерпретации. Поэтому в той степени, в которой Колмогоров являлся сторонником частотной интерпретации, вывод об избыточности его условия оказывается неверным. Таким образом, анализ условий применения математики в совокупности с введенным нами тезисом основательности критики обеспечивают решение некоторых философских проблем.

Таким образом, показано, что анализ верификации условий применения математики имеет эвристическую значимость для исследования философских проблем. По нашему мнению, перспективными представляются исследования по верификации условий применимости не только теорем и методов математики, уже используемых в приложениях, но и формальных результатов, которые еще не применялись, с целью определения их потенциала в контексте приложений.

Список источников

1. Ryle G. *The Concept of Mind*. Chicago : University of Chicago Press, 1949. 334 p.
2. Колмогоров А.Н. Теория вероятностей // Математика, ее содержание, методы и значение. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. Т. 2. 397 с.
3. Хакинг Я. Представление и вмешательство. М. : Логос, 1998. 292 с.
4. Колмогоров А.Н. Основные понятия теории вероятностей. М. : Наука, 1974. 120 с.
5. Крамер Г. Математические методы статистики. М. : Мир, 1975. 648 с.
6. Shafer G., Vovk V. The Sources of Kolmogorov's Grundbegriffe // *Statistical Science*. 2006. № 21 (1). P. 70–98. doi: 10.1214/088342305000000467.
7. Алимов Ю.И. Альтернатива методу математической статистики. М.: Знание, 1980. 64 с.
8. Эльясберг П.Е. Вычислительная информация. Сколько ее нужно? Как обрабатывать? М. : Наука, 1983. 208 с.
9. Рейхенбах Г. Направление времени. М. : УРСС, 2003. 361 с.
10. Hofer-Szabo G., Redei M., Szabo L. *The principle of the common cause*. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. 202 p.
11. Shafer G. The unity and diversity of probability // *Acting Under Uncertainty: Multidisciplinary Conceptions* / ed. by Von G. Fustenberg. Boston : Kluwer, 1990. P. 435–462.
12. Cartwright N. *The Dappled World. A Study of the Boundaries of Science*. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. 247 p.
13. Siegmund-Schultze R. Probability in 19/20: The von Mises-Polya-Controversy // *Archive for History of Exact Sciences*. 2006. P. 431–515. doi: 10.1007/s00407-006-0112-x

Referencies

1. Ryle, G. (1949) *The Concept of Mind*. Chicago: University of Chicago Press.
2. Kolmogorov, A.N. (1956) *Teoriya veroyatnostey* [Probability Theory]. In: Aleksandrov, A.D., Kolmogorov, A.N. & Lavrentev, M.A. (eds) *Matematika, ee sodержание, metody i znachenie* [Mathematics, Its Content, Methods and Meaning]. Moscow: USSR AS.
3. Hacking, I. (1998) *Predstavlenie i vmeshatelstvo* [Representation and Intervention]. Translated from English. Moscow: Logos.
4. Kolmogorov, A.N. (1974) *Osnovnye ponyatiya teorii veroyatnostey* [Foundations of the Theory of Probability] Moscow: Nauka.
5. Cramer, H. (1975) *Matematicheskie metody statistiki* [Mathematical Methods of Statistics]. Translated from Swedish. Moscow: Mir.
6. Shafer, G. & Vovk V. (2006) The Sources of Kolmogorov's Grundbegriffe. *Statistical Science*. 21(1). pp. 70–98. DOI: 10.1214/088342305000000467.
7. Alimov, Yu.I. (1980) *Al'ternativa metodu matematicheskoy statistiki* [Alternative to the method of Mathematical Statistics]. Moscow: Znanie.

8. Elyasberg, P.E. (1983) *Vychislitel'naya informatsiya. Skol'ko ee nuzhno? Kak obrabatyvat'?* [Computational Information. How Much is Needed? How to Process It?]. Moscow: Nauka.
9. Reichenbach, H. (2003) *Napravlenie vremeni* [The Direction of Time]. Translated from English. Moscow: YRCC.
10. Hofer-Szabo, G., Redei, M. & Szabo, L. (2013) *The Principle of the Common Cause*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Shafer, G. (1990) The unity probability. In: Furstenberg, G.M. *Acting Under Uncertainty: Multidisciplinary Conceptions*. Boston: Kluwer.
12. Cartwright, N. (2017) *The Dappled World. A Study of the Boundaries of Science*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Siegmund-Schultze, R. (2006) Probability in 1919/20: the von Mises-Pólya-Controversy. *Arch. Hist. Exact Sci.* 60. pp. 431–515. DOI: 10.1007/s00407-006-0112-x

Сведения об авторе:

Резников В.М. – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: mathphil1976@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Reznikov V.M. – Cand. Sci. (Philosophy), docent, senior researcher of the Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: mathphil1976@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.08 2022;
одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted 12.08 2022;
approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 11.06.2024*

Научная статья

УДК 167

doi: 10.17223/1998863X/79/5

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ТИПОВ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИАЛЬНОГО КАРКАСА

Ирина Васильевна Черникова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
chernic@mail.tsu.ru*

Аннотация. Проводится сравнительный анализ смыслового содержания основных категорий концептуального каркаса трех парадигм научной рациональности. Демонстрируются изменения мировосприятия, научных картин мира и особое понимание объекта, субъекта, познания, знания и критериев истинности и объективности в каждой из парадигм научности.

Ключевые слова: научная рациональность, познание, знание, субъект, объект, истина

Для цитирования: Черникова И.В. К вопросу о понимании типов научной рациональности: сравнительный анализ категориального каркаса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 41–52. doi: 10.17223/1998863X/79/5

Original article

ON UNDERSTANDING THE TYPES OF SCIENTIFIC RATIONALITY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CATEGORICAL FRAMEWORK

Irina V. Chernikova

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, chernic@mail.tsu.ru

Abstract. The impact of science on the development of society and shaping of cultural values is an important area of philosophical research. Currently, the transition to a post-technogenic civilization conditioned by the fast growth of artificial intelligence and human enhancement technologies is being actively discussed. Having included complex self-developing systems (human-dimension objects) in its field of attention, science has ceased to be a purely theoretical activity. The general trend of science transformation is integration with social structures and processes; the model of science as a theory has been replaced by a model of science as a social practice. Science, presented in the concepts of citizen science, “Protoscience”, post-normal science, is focused on the inclusion of public opinion in decision making process and assessing the impacts of the technologies deployment. The study of scientific rationality types is important since it allows us to understand the dynamics of science in culture. Today, an appeal to the context of post-non-classics is present in the studies of technoscience, STS, social assessment of technology, in the methodology of complexity, which is most in demand in conditions of uncertainty. The research given in the article is aimed at a deeper understanding of the essence of the concept of post-nonclassical science through identifying the features of the categorical grid of each of the three types of scientific rationality. A comparative analysis of the semantic content of the main categories of the conceptual framework of scientific paradigms allows demonstrating the integrity of each of the three concepts of scientificity, focused on the knowledge of objects of a certain

type of systemic organization. The results of the study are also presented in the form of a table, which adds clarity and shows the semantic transformation of categories, demonstrating changes in worldview, scientific pictures of the world, understanding of the object, subject, methods of cognition, knowledge and criteria of truth in the classical, non-classical and post-non-classical paradigms of science.

Keywords: scientific rationality, cognition, knowledge, subject, object, truth

For citation: Chernikova, I.V. (2024) On understanding the types of scientific rationality: a comparative analysis of the categorical framework. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 41–52. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/5

Выявляя и анализируя типы научной рациональности, философы стремятся понять динамику науки в культуре и предвидеть черты новой формирующейся парадигмы научной рациональности, определяющей как наше мировидение, так и понимание природы человека. Так, сегодня активно обсуждается переход к посттехногенной цивилизации, обусловленный резким ростом цифровых технологий и проектно-конструктивной активности человека: возникает ли новый тип рациональности для гибридных систем человек–нейросеть, являются ли вычисления и компьютерные технологии основанием перехода к новой науке, ориентированной не на понимание и выявление законов, а на описание корреляций через технологии Big Data [1].

Поэтому столь важное значение имеет предложенная В.С. Стёпиным в 80-х гг. XX в. концепция постнеклассической рациональности, в которой, в отличие от предшествующих типологий, выявлялся третий этап научной динамики. Именно третий шаг (триада) проявляет направленность отмечаемых трансформаций: тенденцию гуманизации, субъективации, все более усиливающегося влияния социальных факторов на науку, позволяя усмотреть ростки новой научности. Однако, несмотря на четкую характеристику критериев различения типов научной рациональности В.С. Стёпиным [2], до сих пор возникают дискуссии, существует ли постнеклассическая научная рациональность и, если существует, то как?¹ Каков статус этого знания (методология, НКМ, мировоззрение...)? Отвечая на поставленные вопросы, будем учитывать, что В.С. Стёпин характеризовал постнеклассику как *парадигму* научной рациональности. Парадигма, понимаемая как дисциплинарная матрица, есть конструкт, включающий в себя и теории, и эмпирический материал, и принятые нормы исследования, и научное мировоззрение.

Постнеклассическая парадигма научной рациональности не исключение, и она тоже в качестве своего ядра должна иметь теоретическое основание, важно выделить таковое. Базовой для постнеклассической парадигмы научности является синергетика. Это отмечал и В.С. Стёпин, указывая, что именно синергетика является примером постнеклассической рациональности: «Синергетика по своим онтологическим и методологическим принципам предстает в качестве одной из важнейших экзemplификаций постнеклассической рациональности. Ключевые понятия синергетики – сложность (complexity) и самоорганизация – фиксируют главные признаки

¹ На третьих Стёпинских чтениях (Москва, 2023 г.) этот вопрос был в центре обсуждения на круглом столе «Постнеклассическая парадигма это: мировоззрение, наука, методология, или (и) рациональность?»

сложных систем – их открытость, процессуальность, нередуцируемость системной целостности к свойствам элементов. Теория динамического хаоса применяется как при описании воспроизводства сложных систем в их взаимодействии со средой (гомеостаз), так и при описании эволюционных процессов, связанных с усложнением системы, формированием в ней новых уровней организации, переходом от более простых к более сложным видам гомеостаза» [2. С. 18].

Но является ли синергетика теорией? В 1990-е гг. проблема статуса синергетики, является ли синергетика теорией или научной картиной мира, или исследовательской программой, обсуждалась очень бурно. Сегодня ответ на вопрос «является ли синергетика теорией?» вполне определенный: синергетика, или теория нелинейности, или, как ее еще называют, теория сложности, в своем становлении и развитии обрела теоретический статус, она имеет теоретическую схему и соответствующий математический формализм – теорию катастроф (разработан российским математиком В.И. Арнольдом и французским математиком Рене Томом).

Ставился также вопрос о применимости постнеклассики к социально-гуманитарным наукам, поскольку В.С. Стёпин обосновывал постнеклассическую парадигму научной рациональности на материале естественных наук. В.Г. Федотовой и группой исследователей сектора социальной философии ИФ РАН было показано, что в отношении социальных наук эта типология также применима [3].

На идею дифференциации типов рациональности на «классику», «неклассику» и «постнеклассику» в психологической науке опираются Ю.П. Зинченко, В.Ф. Петренко, А.В. Юревич и другие известные психологи [4], в том числе и в Томской психологической школе (Э.В. Галажинский, Г.В. Залевский, В.Е. Клочко, О.М. Краснорядцева) [5, 6]. Есть и иная точка зрения, например, А.А. Фёдоров утверждает, что модель В.С. Стёпина, предполагающая выделение классической, неклассической и постнеклассической науки, полученная на материале естествознания, не подходит для описания развития психологической науки [7]. На наш взгляд, это еще раз демонстрирует, что осмысление постнеклассической парадигмы научной рациональности продолжается и вызывает дискуссии.

В определенной степени ответом на вопрос, существует ли постнеклассическая наука, является обращение к факту ее перспективности, подобно тому, как обоснование теории связано с ее предсказательной силой. Эта аргументация развернута автором в пленарном докладе на Третьих Стёпинских чтениях, в котором показано, что обращение к контексту постнеклассики присутствует в исследованиях технонауки, STS, социальной оценки техники, в методологии сложностно-сетевого мышления, в трансдисциплинарных исследованиях производства знания второго типа [8. С. 73–82].

На данном этапе цель нашего исследования – достичь более глубокого понимания сути концепции постнеклассики через выявление особенностей категориальной сетки каждого из трех типов научной рациональности. Сравнительный анализ смыслового содержания основных категорий концептуального каркаса парадигм научности позволяет проявить трансформацию концепций науки. Кроме того, для наглядности представим в форме таблицы, демонстрирующей изменения мировосприятия, научных картин мира, пони-

мания объекта, субъекта, методов познания, знания и критериев истинности (таблица).

Категориальная сетка трех типов научной рациональности

Тип научности	Познание (П.)	Знание (З.)	Субъект (С.)	Объект (О.)	Реальность (Р.) (НКМ)	Истина (И.)
Классическая	П. – репрезентация мира, представление О. в теоретической модели «Познать – знать, как измерить» Галилея	З. – обоснованное, верное убеждение, кодифицированная информация. Теория Ньютона	С. – суверенный познающий разум, со стороны наблюдающий О. Отношения: С. \leftrightarrow О.	О. – простые системы, параметры которых соответствуют макромиру	Р. – пространство, заполненное веществом = материя. Субстанциальная концепция пространства и времени. Механистическая КМ	И. – классическая концепция. Объективность = объектность
Неклассическая	П. учитывает связь между знаниями об О. и характеристиками средств деятельности, в которой обнаруживается О.	З. – ориентировано не на объективную реальность саму по себе, а зависит от способа взаимодействия с ней. Квантовая теория поля	С. = Наблюдатель. Между С. и О. средства и операции деятельности. Отношения: Наблюдаемое \leftrightarrow Наблюдатель	О. – сложные саморегулирующиеся системы, в которых имеется программа функционирования, корректирующая систему на основе обратных связей	Р. – сеть взаимосвязей. Релятивистская концепция пространства и времени. Квантово-релятивистская КМ	Отказ от абсолютной И. Объективность научного знания обеспечивается в эволюционной эпистемологии
Постклассическая	П. \rightarrow конструирование в культурном пространстве. Объектно-ориентированное П. \rightarrow проектно-конструктивная деятельность	Знать – уметь адекватно действовать. З. по сути, становится социальной программой. З. производится с учетом последствий применения. Теория нелинейности	С. = Участник, имеет онтологическую размерность С. – постоянно самоопределяющийся. Отношения: автопоэтический процесс	О. – сложные саморазвивающиеся системы (человекообразные системы). Они характеризуются переходом от одного вида саморегуляции к другому.	Р. – системно организованный процесс, включающий социогенез. Процесс – система. Холистическая КМ	Интеграция И. и нравственности. Объективность задается не только соответствием О., но неотделима от его применения

Для научного мировоззрения, опирающегося на принцип реализма, исходным положением является убеждение в том, что наше познавательное отношение к миру зависит от того, как мы понимаем мир, иначе говоря, познавательное отношение к миру онтологически обосновано. Научное познание, как теоретическая деятельность по формированию объективных знаний об окружающем мире, оформилось в культуре Нового времени и в философии науки обозначается как классическая наука.

В **классической науке** обобщенный образ *реальности* представлен *механистической картиной мира (КМ)*, в которой реальность понимается как пустое пространство, заполненное веществом (материей), поскольку материя отождествлялась с веществом в научном мировоззрении до конца XIX в. Неподелимые корпускулы (атомы) рассматривались как фундаментальные объекты реальности. *Пространство и время* рассматривались как самостоятельные субстанции, существующие независимо от материи: пространство – протя-

женность, время – длительность (*субстанциальная концепция пространства-времени*), тип взаимосвязи – жесткий лапласовский детерминизм. Теория в науке Нового времени начинает пониматься как концептуальная символическая система, построенная на основе опыта. Законы движения тел в пространстве сформулированы в теории тяготения Ньютона.

В классической науке *познание* соединяет теоретическое моделирование («книга Природы написана языком математики») и экспериментальный метод. Один из основоположников науки Нового времени Галилей, характеризуя научное познание, говорил: «Познать – значит знать, как измерить». Познательное отношение впервые задается как субъектно-объектное противостояние, что обусловлено формированием дуалистическим мировидения, получившего название «картезианский каркас мира».

Декарт сформулировал концепцию гносеологического *субъекта*, согласно которой «я – субстанция, вся сущность или природа которой состоит в мышлении и которая для своего бытия не нуждается ни в каком месте и не зависит ни от какой материи» [9. С. 269], И. Кант – концепцию трансцендентального субъекта. Субъект трактуется как суверенный разум, дистанцированный от объекта и занимающий внешнюю по отношению к объекту позицию («око сознания»), расположенное перед «миром-картиной».

Объект предстает как фрагмент реальности, на которую направлена познавательная активность. Реальность в классической науке – это вещь, которая, даже если состоит из нескольких частей, является простой системой типа механизма. Декарт создал *метод аналитического мышления*: суть которого состояла в том, чтобы разбить сложный феномен на части и понять поведение целого на основе свойств этих частей.

Знание понимается как кодифицированная информация, в эпистемологии знание – обоснованное верное убеждение. Знание может быть понято как представление, но представление, которое не только субъективно конструируется, но постоянно проверяется и подправляется в проективной практической деятельности.

Формирование **неклассической науки** началось с исследований электричества и магнетизма. В квантовой физике и в биологии, объекты которых сложные саморегулирующиеся системы, был создан образ *реальности как сети взаимосвязей*. «В классической физике взаимодействие вещества описывалось ньютоновской механикой, где основными понятиями были пространство, время, материя, сила. Новое состояние, способное порождать силу и не связанное с телом, было названо полем, ему соответствовала теория Максвелла, которая в значительной степени усилила математизацию физики. Как отмечал М. Клайн, после Максвелла физическая реальность стала мыслиться в виде непрерывных полей, описываемых дифференциальными уравнениями в частных производных» [10. С. 146]. Утратило смысл понятие «пустое пространство», масса, считавшаяся неизменной характеристикой вещества, оказалась зависящей от скорости движения тела и стала пониматься как одна из форм энергии, время – как не имеющее единого течения. Выяснилось, что пространство может искривляться вблизи гравитирующих масс, время замедляться. В релятивистской концепции *пространство и время* не являются субстанциями, причинность характеризуется вероятностным детерминизмом, целое уже не исчерпывается свойствами частей, необходимо

учитывать системное качество целого. «Мир предстал перед естествоиспытателями уже не как каузальная машина, он стал выглядеть как мир предрасположенностей» [10. С. 148]. В классической физике измеряемая величина определяется однозначно, в квантовой механике представление о событиях формируется только на основе статистических данных, здесь нет места для законов, но есть закономерности. Физическую реальность начали мыслить, как взаимоотношения различных частей единого целого. Известный физик Д. Бом отмечал: «Общепринятые классические понятия о том, что фундаментальной реальностью являются именно эти независимые „элементарные составные части“ мира и, что самые разнообразные системы возникают вследствие различных соединений и взаиморасположений этих частей, превращаются в свою противоположность, что неделимое квантовое единство всей Вселенной является наиболее фундаментальной реальностью, а эти относительно независимые составные части – только лишь частные единичные формы внутри этого единства» [11. Р. 96]. Если в классической физике «вещная реальность» состояла из мельчайших неделимых частиц – атомов, то в квантовой механике в роли элементов физической реальности выступают акты взаимодействия объекта с прибором, т.е. процессы наблюдения.

Познание в неклассической науке – деятельность, в которой учитывается связь между знаниями об объекте и характеристикой свойств и операций деятельности, в которой обнаруживается объект (принцип дополнительности Бора). Познавательное отношение в неклассической науке формулируется через понятие «наблюдаемое–наблюдатель», необходимо учитывать «связь между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности, в которой обнаруживается и познается объект» [12. С. 19]. Аналитическое мышление и редукционистский подход классической науки не годился для познания нового типа системных объектов. Потребовалось *системное мышление*, которое фокусируется не на частях («кирпичиках»), а на взаимосвязях и принципах организации. В начале XX в. формируется системное мировидение и теория систем (А. Богданов и Л. Бергаланфи). Произошел поворот от предметно ориентированного познания к познанию реальности, понимаемой как взаимосвязи и отношения, от реальности вещной, визуально наблюдаемой, к процессам самоорганизации.

Субъект в неклассической науке трактуется как наблюдатель, он уже не суверенный разум; между субъектом и объектом всегда есть посредник – средства и операции деятельности. Для неклассического этапа развития науки характерно снятие субъект-объектного дуализма и новое познавательное отношение – «наблюдаемое – наблюдатель».

Объект исследования в неклассической науке – сложные саморегулирующиеся системы. Функционирование такого рода систем обеспечивается управляющей программой, которая корректирует характер взаимодействий посредством обратных связей. В сложных саморегулирующихся системах целое не только зависит от свойств составляющих частей (элементов), но и определяет их свойства. Саморегулирующаяся система – это система, находящаяся в состоянии устойчивого равновесия – гомеостаза, обеспечивающего саморегуляцию во взаимодействии со средой посредством обмена веществом, энергией, информацией. Гомеостазис – это процесс, находящийся в устойчивом состоянии.

Знание в неклассической науке ориентировано не на объективную реальность саму по себе, а зависит от способа взаимодействия с ней. По словам Гейзенберга, то, с чем мы имеем дело при наблюдении, это не сама природа, но природа, доступная нашему методу задавать вопросы [13]. Гносеологический урок, который был извлечен при анализе познания микромира, это осознание разнообразия реальности, превосходящей возможности любого отдельно взятого языка, любой отдельно взятой логической структуры.

Истина и объективность тоже трансформируются. Основное отличие неклассической научной рациональности от рационализма классического обнаружилось в понимании фактического отсутствия внешнего абсолютного наблюдателя, которому постепенно становится доступна абсолютная истина, а также в признании принципиально невозможным существование самой абсолютной истины. Отказ от абсолютной истины и универсализма в квантовой физике не означал отказа от поиска объективного описания. Скорее наоборот, объективность знания исключает абсолютность знания, как отмечал К. Поппер, «никакое объективное знание не может быть абсолютным. Объективное знание должно быть проверяемым; проверяемым, значит опровержимым; опровержимым, значит, не абсолютным» [14. С. 246]. В квантовой механике возникает необходимость различить два смысла понятия «объективное»: существующее вне и независимо от сознания и существующее «само по себе». Стремясь отличить новое понимание объективности от традиционного, В. Шредингер отмечал, что «умеренно удовлетворительная картина мира была достигнута высокой ценой: за счет удаления нас с картины и занятия позиции стороннего наблюдателя» [15. С. 39] и сформулировал «принцип объективации», под которым понимал то, что называют гипотезой реального мира, который нас окружает. Таким образом, «адекватным квантовой действительности не является описание в соответствии с идеей субстанциальности (независимое существование, существование объекта самого по себе). В квантовой механике невозможно описание безотносительное к средствам и способу наблюдения» [16. С. 229].

В *постнеклассической науке реальность* уже не понимают как внешнюю по отношению к познающему, подобно тому, как среда не является внешней для автопоэтической системы. Реальность в постнеклассической науке характеризуют как системно организованный процесс («процесс-система»), и это радикально меняет наше «видение природы в сторону множественности, темпоральности и сложности» [17. С. 34]. Меняются и онтологические представления, в частности, о существовании. В классической науке существовать – это быть наблюдаемым, измеряемым. В неклассической существование означает соответствие теории: существовать – это быть значением квантифицированной переменной. В постнеклассической науке существование задается опять по-новому. И. Пригожин отмечает, что «существовать не означает отвергать время и видеть себя в статистической Вселенной. Быть может, мы вправе сказать, что существовать – значит быть частью вселенной, претерпевающей процесс „конструирования“, в которую мы погружены. Существовать – это участвовать» [18. С. 254].

Нелинейные процессы были известны в классической физике, но рассматривались как исключение из правила, теперь же мы понимаем, что мир «существенно не линеен», а линейные – редкое исключение. Размышляя над

тем, как связаны три типа систем (простые, сложные системы с гомеостазом и сложные системы с саморазвитием), В.С. Стёпин пришел к выводу, что «онтологически первичными являются саморазвивающиеся системы. Мир с самого начала был устроен как саморазвивающаяся система – от Большого взрыва до наших дней... Если онтологически первично саморазвитие, то простую систему следует рассматривать как аспект саморазвития, как его фрагмент, а не как нечто существующее отдельно» [19. С. 11].

В эпистемологических схемах, на которые опирается современное научное познание, наиболее распространена модель *познания* как конструкции. Как исторический конструктивизм Т. Рокмор характеризовал и модель теоретического знания, предложенную В.С. Стёпиным [20]. Происходит смещение познавательной установки с объектно-ориентированного познания на познание как проектирование человекоразмерных комплексов. Познание такого рода реальности (сложных саморазвивающихся систем, включающих человека) осуществляется в рамках парадигмы сложности, которая, как подчеркивает В.И. Аршинов, есть «связующая, а не разделяющая парадигма... в фокусе остается взаимодействие, рассматриваемое как некое когнитивно-коммуникативное поле, как некая становящаяся среда» [1. С. 107].

Теория *знания* как ментального представления, начиная со второй половины XX в., поставлена под сомнение, хотя по форме знание и остается кодифицированной информацией, по сути, становится социальной программой. Знать в постнеклассической науке означает уметь адекватно действовать. Технонаука, которая является формой постнеклассической науки, относится к деятельности, в рамках которой наука и технология образуют своего рода смесь или же гибрид, «знание производится не только в контексте открытия и фундаментального обоснования, но и в контексте оцениваемых последствий применения (знание второго типа – Mode2)» [21. С. 53]. В технонауке производство знаний является коллективной, а не индивидуальной практикой, а объективность задается не только соответствием научного знания объекту, но и неотделима от его применения. Влияние мегатехнологий на человека, общество, природу не просто велико, но еще на этапе исследований носит необратимый характер, современной науке открылись непредсказуемая неопределенность (хрупкость), нелинейность. Если классическая наука стремилась ответить на вопрос «как», неклассическая – на вопрос «почему», то постнеклассическая, пытаясь объяснить функционирование сложных саморазвивающихся систем, ставит вопрос не только о причинах, но и о резонах, задается вопросом о целесообразности, в том числе и самой познавательной деятельности.

Субъект в постнеклассической науке характеризуется как «сетевой», «целостный», не как изначально данный, а как постоянно самоопределяющийся в процессе коммуникативного действия. «Субъект понимается не как абстрактная мыслительная способность, а как человек, когнитивная способность которого детерминирована его телесной, социальной, коммуникативной природой... Субъект и объект не противостоят друг другу, а дополняют, доопределяют друг друга (образ, представленный гравюрой Эшера „Рисующие руки“)» [22. С. 199]. Такая познавательная ситуация характеризуется учеными (У. Матурана, Ф. Варела, Э. Янч) как автопоэтический процесс. Здесь позиция внешнего наблюдателя исчезала не только гносеологически, но и онтологически.

Изменения, характеризующие субъекта постнеклассической науки, схвачены в терминах «сетевой субъект», «распределенный субъект», «целостный субъект». «Субъект постнеклассической науки не есть фиксированная данность, а постоянно самоопределяющаяся в процессе коммуникативного действия целостность, характеризуемая физиологическими, биологическими, социальными, когнитивными, этическими и прочими параметрами порядка» [23. С. 76].

Объект постнеклассической науки – сложные саморазвивающиеся системы, включающие человека («человекоразмерные системы»). Саморазвитие следует понимать как «переход от одного типа гомеостазиса к другому, это стадия фазового перехода, описываемая теорией самоорганизации (синергетики) в терминах динамического хаоса. Саморазвивающиеся системы порождают новые уровни систем с новыми параметрами порядка, которые рекурсивно начинают влиять на ранее возникшие в ходе эволюции системные уровни» [24. С. 83].

Истина и объективность в постнеклассической науке приобретают особую остроту, что связано с так называемой субъективацией («человекоразмерные» объекты) и релятивизацией (нелинейные процессы) знания, но не означает отказа от стремления к истинному знанию. Объективность научного знания обеспечивается благодаря трактовке познания в русле эволюционной эпистемологии, так проблему объективности научного знания решал К. Поппер, утверждавший, что должен существовать параллелизм между структурными единицами третьего мира знаний и сущностями второго мира – мира ментального. «Мы понимаем потому, что когнитивный порядок как бы привит нашему разуму. Только признавая, что разум есть часть роста знания, мы можем прийти к идее объективного знания» [25. С. 267].

Сегодня общий тренд изменений в постнеклассической науке – это интеграция с общественными структурами и процессами, модель науки как теории сменилась моделью науки как социальной практики и «научную объективность начали отождествлять с научной интерсубъективностью» [26. С. 24]. Понимание объективности, предложенное Л. Дастоном и П. Галисоном, ориентирует не на поиск абсолютно надежных моделей, что недостижимо в условиях неопределенности и сложности, а на максимально высокое качество процесса принятия решений (TRUST – Transparency, Robustness, Uncertainty management, Sustainability, Transdisciplinarity – прозрачность, надежность, управление неопределенностью, устойчивость, трансдисциплинарность) [27].

Сопоставляя понимание истины и условия ее получения в классической, неклассической и постнеклассической науке, В.С. Стёпин и его последователи отмечали обусловленность познания идеалами и нормами познавательной деятельности, во взаимодействии с человекообразными системами в познании сопрягаются теоретическое моделирование и социальные практики, связанные с принятием решений. При этом, подчеркивал В.С. Стёпин, «наука остается наукой, ее фундаментальные установки поиска истины и роста истинного знания сохраняются, но получают новую интерпретацию... В стратегиях деятельности со сложными, человекообразными системами возникает новый тип интеграции истины и нравственности, целерационального и ценностно-рационального действия» [28. С. 35]. Таким образом, сравнительный

анализ смыслового содержания основных категорий концептуального каркаса парадигм научности позволил проявить особенности, отличающие каждую из трех парадигм научной рациональности. Постнеклассическую научную рациональность отличает сопряжение фундаментальных и практико-ориентированных исследований, методология сложности, которая наиболее востребована в условиях неопределенности, и высокая моральная ответственность в процессах принятия решений.

Список источников

1. *Антропомерность* как вызов и ответ современности. Курск : Университетская книга, 2022. 309 с.
2. Стёпин В.С. Исторические типы научной рациональности: проблемы демаркации и преемственности // *Философия, методология и история науки*. 2015. Т. 1, № 1. С. 6–27.
3. Федотова В.Г. Метатеория – Макросоциальный контекст // *Социальные знания и социальные изменения*. М. : ИФ РАН, 2001. С. 4–49.
4. *Постнеклассическая методология в клинической психологии: научная школа Л.С. Выготского – А.Р. Лурия*. URL.: <https://msupsyj.ru/articles/article/149/>
5. Ключко В.Е., Галажинский Э.В., Краснорядцева О.М., Лукьянов О.В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // *Сибирский психологический журнал*. 2015. № 56. С. 9–20.
6. Ключко В.Е. Постнеклассическая транспектива психологической науки // *Вестник Томского государственного университета*. 2007. № 305. С. 157–164.
7. Фёдоров А.А. Постнеклассическая психология и псевдонаука: реалистическая перспектива // *Вопросы философии*. 2020. № 7. С. 93–103.
8. Черникова И.В. Концепция постнеклассики В.С. Стёпина и ее развитие в XXI веке. Третьи Стёпинские чтения. Перспективы философии науки в современную эпоху : материалы международного конф. Москва ; Курск : Университетская книга, 2023. С. 73–82.
9. Декарт Р. *Сочинения* : в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.
10. Черникова И.В. *Философия и история науки*. Томск : НТЛ, 2011. 388с.
11. Bohm V., Hiley B. On the Intuitive Understanding of Nonlocality as Implied by Quantum Theory // *Foundations of Physics*. 1975. Vol. 5. P. 87–99.
12. Черникова И.В. Междисциплинарные и трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки. Томск : Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2018. 86 с.
13. Гейзенберг В. *Физика и философия. Часть и целое*. М. : Наука, 1989. 400 с.
14. *Эволюционная эпистемология и логика социальных наук*: Карл Поппер и его критики. М. : Едиториал УРСС, 2000. 464 с.
15. Шредингер Э. *Разум и материя*. Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. 96 с.
16. Черникова И.В. *Постнеклассическая наука и философия процесса*. Томск : НТЛ, 2007. 250 с.
17. Пригожин И., Стенгерс И. *Порядок из хаоса*. М. : Прогресс, 1996. 432 с.
18. Пригожин И. *Очеловечивание человека, креативность природы и креативность человека* // *Вызов познанию. Стратегии развития науки в современном мире*. М. : Наука, 2004. С. 250–261.
19. *Философия управления сложностью в условиях конвергенции социогуманитарных и естественнонаучных знаний*. Материалы «круглого стола» // *Философия науки и техники*. 2017. № 1. С. 5–30.
20. Рокмор Т. Постнеклассическая концепция науки В.С. Степина и эпистемологический конструктивизм // *Человек. Наука. Цивилизация*. М. : Канон +, 2004. С. 248–260.
21. Черникова И.В., Черникова Д.В. Новая концепция производства знания в технонауке // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2017. № 39. С. 48–59.
22. Черникова И.В., Черникова Д.В. Сложность как способ бытия саморазвивающихся систем // *Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности*. М. : Прогресс-Традиция, 2011. С. 194–210.
23. Черникова И.В. Эволюция субъекта научного познания. // *Вопросы философии*. 2014. № 8. С. 65–76.

24. Стёпин В.С. Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности // Эпистемология и философия науки. 2013. № 2. С. 78–92.
25. Поппер К. Предположения и опровержения. М. : АСТ, 2004. 638 С. 4.
26. Агацци Э. Научная объективность и ее контексты. М. : Прогресс-Традиция, 2014. 424 с.
27. Дастон Л., Галисон П. Объективность. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 584 с.
28. Стёпин В.С. Научное познание в социокультурном измерении // Философия и наука в культурах Востока и Запада. М. : Наука ; Вост. лит., 2013. С. 28–38.

References

1. Budanov, V.G. (ed.) (2022) *Antropomernost' kak vyzov i otvet sovremennosti* [Anthropomernica as a challenge and response to modernity]. Kursk: Universitetskaya kniga.
2. Stepin, V.S. (2015) Istoricheskie tipy nauchnoy ratsionalnosti: problemy demarkatsii i preemstvennosti [Historical types of scientific rationality: Problems of demarcation and continuity]. *Filosofiya, metodologiya i istoriya nauki*. 1(1). pp. 6–27.
3. Fedotova, V.G. (2001) Metateoriya – Makrosotsial'nyy kontekst [Metatheory – Macrosocial context]. In: Fedotova, V. (ed.) *Sotsial'nye znaniya i sotsial'nye izmeneniya* [Social Knowledge and Social Changes]. Moscow: RAS. pp. 4–49.
4. Zinchenko, Yu.P. & Pervichko, E.I. (2012) Postneklassicheskaya metodologiya v klinicheskoy psikhologii: nauchnaya shkola L.S. Vygotskogo – A.R. Luriya [Post-non-classical methodology in clinical psychology: The scientific school of L.S. Vygotsky – A.R. Luria]. *Natsional'nyy psikhologicheskyy zhurnal*. 2(8). pp. 32–45.
5. Klochko, V.E., Galajinskiy, E.V., Krasnoryadtseva, O.M. & Lukyanov, O.V. (2015) System anthropological psychology: framework of categories. *Sibirskiy psikhologicheskyy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 56. pp. 9–20. (In Russian).
6. Klochko, V.E. (2007) Postneklassicheskaya transspetsiya psikhologicheskoy nauki [Post-non-classical transpective of psychological science]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 305. pp. 157–164.
7. Fedorov, A.A. (2020) Postneklassicheskaya psikhologiya i psevdonauka: realisticheskaya perspektiva [Post-non-classical psychology and pseudoscience: A realistic perspective]. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 93–103.
8. Chernikova, I.V. (2023) Kontsepsiya postneklassiki V.S. Stepina i ee razvitiye v XXI veke [The concept of post-non-classics of V.S. Stepina and its development in the 21st century]. *Tret'i Stepinskiye chteniya. Perspektivy filosofii nauki v sovremennuyu epokhu* [The Third Stepina Readings. Prospects of the Philosophy of Science in the Modern Era]. Proc. of the Conference. Moscow; Kursk: Universitetskaya kniga. pp. 73–82
9. Descartes, R. (1989) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Translated from French. Moscow: Mysl'.
10. Chernikova, I.V. (2011) *Filosofiya i istoriya nauki* [Philosophy and History of Science]. Tomsk: NTL.
11. Bohm, B. & Hiley, B. (1975) On the Intuitive Understanding of Nonlocality as Implied by Quantum Theory. *Foundations of Physics*. 5. pp. 87–99.
12. Chernikova, I.V. (2018) *Mezhdistsiplinarnye i transdistsiplinarnye metodologii i tekhnologii sovremennoy nauki* [Interdisciplinary and transdisciplinary methodologies and technologies of modern science]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Heisenberg, W. (1989) *Fizika i filosofiya. Chast' i tseloe* [Physics and Philosophy. Part and Whole]. Moscow: Nauka.
14. Lakhuti, D.G., Sadovsky, V.N. & Finn, V.K. (eds) (2000) *Evolutsionnaya epistemologiya i logika sotsial'nykh nauk: Karl Popper i ego kritiki* [Evolutionary Epistemology and Logic of Social Sciences: Karl Popper and His Critics]. Moscow: Editorial URSS.
15. Schrödinger, E. (2000) *Razum i materiya* [Mind and Matter]. Translated from German. Izhevsk: NITs “Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika.”
16. Chernikova, I.V. (2007) *Postneklassicheskaya nauka i filosofiya protsessa* [Post-non-classical science and philosophy of the process]. Tomsk: NTL.
17. Prigogine, I. & Stengers, I. (1996) *Poryadok iz khaosa* [Order from chaos]. Moscow: Progress.
18. Prigogine, I. (2004) Ochelovechivanie cheloveka, kreativnost' prirody i kreativnost' cheloveka [Humanization of Man, Creativity of Nature, and Creativity of Man]. In: Udumyan, N.K. (ed.) *Vyzov poznaniyu. Strategii razvitiya nauki v sovremennoy mire* [Challenge to Cognition. Strategies for the Development of Science in the Modern World]. Moscow: Nauka. 2004. pp. 250–261.

19. Arshinov, V.I. et al. (2017) *Filosofiya upravleniya slozhnost'yu v usloviyakh konvergentsii sotsiougumanitarnykh i estestvennonauchnykh znaniy*. Materialy kruglogo stola [Philosophy of Complexity Management in the Context of Convergence of Social, Humanitarian, and Natural Scientific Knowledge. Proceedings of the Round Table]. *Filosofiya nauki i tekhniki*. 1. pp. 5–30.

20. Rockmore, T. (2004) Postneklassicheskaya kontseptsiya nauki V.S. Stepina i epistemologicheskii konstruktivizm [V.S. Stepin's Post-Non-Classical Concept of Science and Epistemological Constructivism]. In: Kasavin, I.T. (ed.) *Chelovek. Nauka. Tsvivilizatsiya* [Man. Science. Civilization]. Moscow: Kanon+. pp. 248–260.

21. Chernikova, I.V. & Chernikova, D.V. (2017) The New Concept of Knowledge Production in Technoscience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 39. pp. 48–59. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/39/6

22. Chernikova, I.V. & Chernikova, D.V. (2011) Slozhnost' kak sposob bytiya samorazvivayushchikhsya system [Complexity as a Mode of Being of Self-Developing Systems]. In: Arshinov, V.I. (ed.) *Sinergeticheskaya paradigma. Sinergetika innovatsionnoy slozhnosti* [Synergetic Paradigm. Synergetics of Innovative Complexity]. Moscow: Progress-Traditsiya. pp. 194–210.

23. Chernikova, I.V. (2014) Evolyutsiya sub"ekta nauchnogo poznaniya [Evolution of the Subject of Scientific Knowledge]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 65–76

24. Stepin, V.S. (2013) Osobennosti nauchnogo poznaniya i kriterii tipov nauchnoy ratsional'nosti [Scientific Knowledge and Criteria for Types of Scientific Rationality]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 2. pp. 78–92.

25. Popper, K. (2004) *Predpolozheniya i oproverzheniya* [Assumptions and Refutations]. Translated from English. Moscow: AST.

26. Agatstsi, E. (2014) *Nauchnaya ob"ektivnost' i ee konteksty* [Scientific Objectivity and Its Contexts]. Moscow: Progress-Traditsiya.

27. Daston, L. & Galison, P. (2018) *Ob"ektivnost'* [Objectivity]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.

28. Stepin, V.S. (2013) Nauchnoe poznanie v sotsiokul'turnom izmerenii [Scientific Knowledge in the Sociocultural Dimension]. In: Stepanyants, M.T. (ed.) *Filosofiya i nauka v kul'turakh Vostoka i Zapada* [Philosophy and Science in the Cultures of the East and West]. Moscow: Nauka; Vost. lit. pp. 28–38.

Сведения об авторе:

Черникова И.В. – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: chernic@mail.tsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Chernikova I.V. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, head of the Department of Philosophy and Methodology of Science, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chernic@mail.tsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024;

одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 11.06.2024

The article was submitted 16.04.2024;

approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 11.06.2024

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья

УДК: 37.013.73

doi: 10.17223/1998863X/79/6

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИММАНУИЛА КАНТА О ЗАДАЧАХ ПРОСВЕЩЕНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ: ОБЩАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Михаил Сергеевич Аверков¹, Игорь Геннадьевич Лужецкий²,
Александр Анатольевич Попов³

¹ Красноярский краевой институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, Красноярск, Россия,
averkov@kipk.ru

² Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Открытое образование», Санкт-Петербург, Россия,
ruzecaku@bk.ru

³ Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия;
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия;
Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия,
aktor@mail.ru

Аннотация. Реконструируются представления И. Канта о задачах и условиях просветительской и образовательной деятельности, выделенные в ходе анализа его работ, а также анализируется социокультурный контекст, обусловивший эти представления. Описываются принципы и прецеденты открытого образования как направления, в наибольшей степени реализующего подходы И. Канта к организации просветительской/образовательной деятельности.

Ключевые слова: педагогические взгляды И. Канта, становление субъектности, человеческий разум, открытое образование

Для цитирования: Аверков М.С., Лужецкий И.Г., Попов А.А. Представления Иммануила Канта о задачах просвещения в социокультурном контексте: общая реконструкция и возможности использования в современной сфере образования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 53–64. doi: 10.17223/1998863X/79/6

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

IMMANUEL KANT'S IDEAS ABOUT THE TASKS OF EDUCATION IN A SOCIO-CULTURAL CONTEXT: GENERAL RECONSTRUCTION AND POSSIBILITIES OF USE IN THE MODERN FIELD OF EDUCATION

Mikhail S. Averkov¹, Igor G. Luzhetsky², Alexander A. Popov³

¹ *Krasnoyarsk Regional Institute of Advanced Training and Professional Retraining of Education Workers, Krasnoyarsk, Russian Federation, averkov@kipk.ru*

² *Open Education, Saint Petersburg, Russian Federation, ruzeceku@bk.ru*

³ *Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation; Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, aktor@mail.ru*

Abstract. The article describes Immanuel Kant's key ideas about the conditions of effective education and about the formation of qualities in growing up people that allow them to maximize their abilities for the benefit of others (in modern terminology, their human potential). These ideas are reconstructed by comparing Kant's article "What is Enlightenment?" with his "The Idea of Universal History with a Cosmopolitan Purpose", since in the latter he describes the basic mechanisms of cultural and moral development of humankind. Kant's views on the basic principles of "enlightenment" (including education) are revealed: (a) a person independently makes a decision about their enlightenment, regardless of the encompassing social circumstances; (b) the subject of enlightenment is the entire human race, since it forms new universal models of behavior and activity; at the same time, each individual representative is responsible for the acquired knowledge and abilities as a contribution to the overall viability of the human race; therefore, microsocial associations must be recreated or created within the framework of the educational process; (c) education is deliberately implemented within the framework of solving the most pressing problems facing society at a given time. The above-mentioned ideas of Kant about the organization of education for a long time were only a guideline for the development of pedagogical practice. Currently, they are mainly implemented within the framework of open additional education practices, due to the following methodological forms and pedagogical solutions: educational task, special positional organization of the educational process, and deliberate orientation of students to the development of a socio-cultural object. Using specially designed educational tasks allows: a) simulation for the student of the situation of the most significant achievement in a specific practical area, as well as reconstruction the way of solving problems peculiar to this area; b) the student's immersion in the study of key research or practical problems of the area of their interest, and then taking of a trial and practical action to solve one of them. The use of a special, positional organization of interaction between participants in the educational process allows modeling the collective, universal nature of education in accordance with Kant's ideas, as well as helping each student take their own position in the collective system of cognitive activities and consolidate their own responsibility for its results.

Keywords: Immanuel Kant's pedagogical views, formation of subjectivity, human mind, open education

For citation: Averkov, M.S., Luzhetsky, I.G. & Popov, A.A. (2024) Immanuel Kant's ideas about the tasks of education in a socio-cultural context: general reconstruction and

possibilities of use in the modern field of education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 53–64. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/6

Введение

Взрывообразное расширение возможностей каждого конкретного индивида получать необходимую информацию и использовать ее для принятия персонально значимых решений; обусловленное им появление большого числа равноправных «картин мира»; вытекающая из этих явлений максимальная фрагментация социума [1. С. 43–45], в совокупности обусловили парадоксальную задачу для государственных систем образования. Сформулировать ее можно следующим образом: как организовать учебно-образовательный процесс таким образом, чтобы он *одновременно* позволял конкретному обучающемуся максимально реализовать собственные интересы и возможности, сконструировать персональную «картину мира» и обеспечить освоение общеобязательных социальных норм и моделей поведения и деятельности? [2. С. 80–81]. Для решения этой задачи, в частности, важно заново переосмыслить существующие в культуре онтологические и социально-философские концепции образования и просвещения.

Одним из таких мыслителей является Иммануил Кант (1724–1804), занимавшийся, помимо фундаментальных вопросов познания и этики, разработкой проблематики конкретных гуманитарных сфер и применимости в них выделенных им «общих» принципов разумного и нравственного действия человека. К этим сферам закономерно относится и сфера образования и, шире, просвещения.

Вклад И. Канта в разработку педагогической проблематики традиционно сводится исследователями его творчества к работе «Что такое Просвещение» 1784 г. [3. С. 25–36]. Максимально подробный разбор и комментирование данной работы предпринял М. Фуко, выделивший в качестве ключевой проблемы этой статьи «несовершеннолетие», понимаемое как неспособность и неготовность человека *самостоятельно* использовать собственный разум для достижения значимых результатов. Кроме того, М. Фуко фиксирует, что И. Кант, объясняя феномен «культурного несовершеннолетия», во многом проблематизирует основной пафос современной ему эпохи Просвещения (конец XVII – конец XVIII в.) [4]. Одним из базовых для нее представлений, транслировавшаяся авторами от Дж. Локка до М.Ж.А.Н. Кондорсе, была идея о том, что просвещение больших групп населения является базовым средством для решения социальных проблем [5]. С точки зрения этих авторов, просвещенные монархи могут и должны организовать всеобщее образование для своих подданных, что почти автоматически должно привести конкретный социум к наилучшему состоянию [6. С. 95–107; 7]. Анализ переписки, воспоминаний, массовых изданий второй половины XVIII в. показывает, что массовый образованный читатель того времени в западноевропейских странах воспринимал задачи просвещения именно так [8. С. 93–101]. И именно на массового читателя была рассчитана и работа Канта, вышедшая в популярном «Берлинском ежемесячном журнале» [9].

Проблематизируя распространенные в его время представления о роли просвещения в благоденствии общества, Кант указывает следующее: причина

«отказа» людей от использования собственного разума состоит не во вмешательстве некой внешней инстанции, а в том, что им самим проще и спокойнее жить в «несовершеннолетнем» состоянии, т.е. использовать внешне заданные модели деятельности и принимать решения по устоявшемуся образцу [3. С. 30]. Следовательно, главным актором просвещения становится не «просвещенная» государственная власть, в том числе установленная революционным путем, а сам действующий индивид, осознающий свою потребность в просвещении и выдвигающий соответствующий запрос.

Но далее закономерно возникают две исследовательские проблемы, которые М. Фуко фактически не разрешает, а лишь дает частные указания относительно необходимых изысканий:

1. Какие основания побуждают И. Канта отойти от «канона» своей эпохи и поставить во главу угла вопроса о «Просвещении» персональное решение и персональную ответственность человека, а не внешние инстанции?

2. Исходя из каких оснований, И. Кант, говоря о причинах неудач просвещения, заведомо употребляет категорию «Мы», фиксируя, что и сам он несвободен от тех же дефицитов, что и основная масса людей его времени.

3. Насколько возможно реконструировать основные требования И. Канта к просветительской (и, более узко, образовательной) деятельности; насколько эти требования актуальны в текущей социокультурной эпохе; какие конкретные образовательные практики фактически реализуют данные требования в настоящее время?

I

I. Непосредственные ответы на вопрос о том, почему И. Кант возлагает ответственность за просвещение и просвещенность на конкретного человека и при этом не отделяет самого себя от людей, противящихся собственному просвещению, можно выделить в его работе того же 1784 г. – «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» [3. С. 5–23]. По времени своей публикации она предшествовала эссе «Что такое Просвещение?». Посвящена она была не образовательной проблематике, а философии истории. Но, тем не менее, ее базовые идеи в значительной мере проявляют и дополняют последующую «педагогическую» статью И. Канта.

Уже в одном из первых тезисов этой работы автор указывает: «Природные задатки человека (как единственного разумного существа на Земле) развиваются не в индивиде, а в роде. Разум, которым наделено существо, – это способность расширять за пределы природного инстинкта правила и цели всех его сил: замыслам его нет границ. Но сам разум не действует инстинктивно, а нуждается в испытании, упражнении и обучении, дабы постепенно продвигаться от одной степени проницательности к другой» [3. С. 15–16].

Этот тезис предполагает два важных следствия:

1. Поскольку ключевые характеристики, делающие человека человеком, развиваются в рамках Рода, все люди несут равную ответственность за выход человечества из состояния «несовершеннолетия». Именно поэтому, с нашей точки зрения, автор подчеркивает, что он, несмотря на высокий уровень собственной просвещенности, находится в том же самом положении, что и его читатели, и подвержен тем же самым проблемам.

2. Автор дает целостное определение Разума как характеристики, произвольное использование которой отличает совершеннолетнего человека от несовершеннолетнего. Само же определение Разума, предложенное в данном тезисе, говорит о заведомом преодолении человеком не только природных инстинктов, но и институциональных и социокультурных границ. Это уже заведомо говорило о том, что институционализованные структуры, даже ситуативно либо принципиально благоприятствующие Разуму (просвещенный монарх, революционное правительство, Церковь и т.д.) заведомо создают для него границы, пусть даже более обширные, чем раньше. Тезис о «заведомом преодолении Разумом любых границ» уже был шагом к тому, чтобы признать конкретного индивида – но при этом воспринимающего себя как «родовое» существо, представителя всего человечества – основной инстанцией собственного просвещения. В работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» и в последующем эссе «Что такое Просвещение?» И. Кант зафиксировал несовместимость базовой идеи Разума и представлений о возможности управления им силами «внешних» инстанций.

II. Рассмотрим теперь, в какой мере тезисы данных работ могут быть использованы при решении задач именно *современного* образовательного и, шире, социокультурного процесса.

В рассматриваемых работах есть два положения, носящие характер, полностью соответствующий современным социокультурным вызовам, речь о которых шла выше.

1. Работа И. Канта о проблематике просвещения проникнута пафосом немедленного действия: люди должны начать выходить из состояния несовершеннолетия не в отдаленном предугадываемом времени, а в тот конкретный момент, когда они осознали свое «несовершеннолетие». В противном случае они будут вечно обречены опираться на внешние, специально выстроенные для них опоры (культурные тексты; специалистов, предписывающих правильный образ жизни; духовных вождей и т.д.). Именно эти «опоры» делают максимально затруднительным самостоятельное мышление человека – но преодоление их должно стать результатом его персонального решения.

2. Для того чтобы отказаться от внешних опор при принятии решений и осуществлении деятельности, человеку необходимо выстроить образ «желаемого себя», и, как следствие из него, модель и проект собственной деятельности. Сделать это, с точки зрения И. Канта, можно за счет освоения способов анализа своей эпохи, окружающих людей, фундаментальных («вечных») проблем, стоящих перед человеческим родом, и затем за счет восприятия некой конкретной проблемы как личного вызова, предполагающего решение.

Исходя из этого, можно выделить базовые педагогические условия, при выполнении которых человек определяет собственное будущее и становится совершеннолетним:

а) фиксация проблем современности и принятие их в качестве значимых для себя вызовов;

б) видение и понимание других людей и их интересов.

Метафорически этот тезис И. Кант представляет в работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», где уподобляет человека, не выстроившего самообраз как доминанту собственного развития и не выбрав-

шего для себя проблему, которую он будет заинтересован решать в течение значительной части своей жизни, одиноко растущему дереву. Его ветви разрослись в разные стороны, вместо того, чтобы все соки, данные землей, пустить в рост ствола вверх. В свою очередь, человека, вернее, сообщество людей, определивших свою базовую задачу и ее значение для других людей, И. Кант, напротив, сравнивает с лесом как органической системной целостностью [3. С. 12]. Эти же представления о принципах и основаниях становления человека уже в XX в. сформулировали философы-экзистенциалисты (в частности, М. Бубер [10] и М. де Унамуно [11. С. 79]).

Оба этих тезиса задают важные требования к конкретным образовательным практикам. Оказывается необходимым, *с одной стороны*, учить взрослого человека выделять актуальные проблемы и определять часть из них как *личные* вызовы; *с другой стороны*, учиться сотрудничать с другими людьми в ходе решения общезначимых проблем.

Современные нам педагогические практики часто чрезмерно ориентируются на какой-либо один из приоритетов, описанных выше. Устранить этот дисбаланс оказывается возможным именно за счет реализации позиции И. Канта. Любой человек потенциально свободен и должен научиться пользоваться своей свободой, учитывая, что его авторское действие все равно реализуется в определенных рамках, одна из которых должна быть сконструирована человеком, а другая – аналитически реконструирована и принята, он в полной мере осознает и оформляет свой потенциал, когда станет совершеннолетним, самостоятельно мыслящим.

На основе такого антропологического идеала представляется возможным выстроить результативную педагогическую модель.

Обобщим взгляды И. Канта по вышеуказанным вопросам:

1. Основным предметом просвещения является развитие и успешное применение человеком Разума.

2. Субъектом просвещения может быть лишь его адресат, поскольку только его воля и личностные характеристики делают возможной/невозможной реализацию Разума.

3. Фактически носителем Разума и, следовательно, адресатом просвещения как процесса его развития является не один человек, а весь человеческий род или, по крайней мере, конкретное человеческое сообщество, поскольку предметом преобразования становятся объекты, несоизмеримые по масштабу ни с возможностями, ни со сроками жизни конкретного человека.

4. Предметом реализации человеческого Разума является решение наиболее острых и значимых задач, стоящих в конкретный период времени. При этом ответственность за результаты этих решений заведомо лежит уже на конкретном человеке (или сообществе людей), а не на какой-либо надчеловеческой инстанции. Но точно так же благополучателям этих решений становится именно конкретный человек/человеческие сообщества.

II

Рассмотрим теперь, как базовые представления И. Канта о просвещении стоит реализовать в современной социокультурной ситуации на базе существующих образовательных систем, в контексте современной социокультурной ситуации.

В рамках традиционной транслятивной педагогики принципы Канта могут быть выражены в формировании у обучающегося: а) представлений о скоротечности периода, в течение которого он может реализовать свои интересы и способности, а следовательно, о необходимости в максимально краткое время реализовать эти представления в рамках продуктивных действий; б) представлений о тех ситуациях и моделях действий, в рамках которых он может принести пользу конкретной группе благополучателей. Все эти тематики для размышления, и в особенности вопрос о мере собственности относительно окружающего мира и сопутствующей мере ответственности за этот мир, обеспечивают начало процесса **онтологического и аксиологического самоопределения ученика**: ставят такие вопросы, на которые нельзя не ответить, а после ответа невозможно не поставить персональную цель на определенный промежуток времени.

Но транслятивная образовательная система заведомо не может обеспечить для взрослеющего человека (обучающегося) способности принимать и осуществлять решения в наиболее значимых ситуациях деятельности, в том числе связанных с работой над наиболее значимыми современными проблемами. Аналогично современная транслятивная образовательная система неспособна формировать у обучающегося субъектную позицию.

Исследования нашего коллектива, а также методический анализ реализованных им образовательных программ, показывают, что это противоречие может быть успешно разрешено за счет практик **открытого образования**. Нередко оно отождествляется с так называемым неформальным образованием; подробнее их различия рассматриваются в следующей публикации: [12. С. 7–10].

Основные характеристики открытого образования:

1. Ученик решает задачи, требующие умения сформировать и представить собственную комплексную разработку в рамках конкретных тематик или проблем, и за счет этого обозначает собственный интерес, значимые для него проблемы. Решение таких задач позволяет:

а) обеспечить командное взаимодействие, т.е. соотнесение своей воли с волей других участников процесса, а также построение совокупного действия с иными субъектами;

б) организовать реконструкцию/конструирование социокультурного объекта – воплощения того самого «родового» культурного опыта, о котором говорил И. Кант, и(или) способа задать возможные будущие элементы этого опыта.

2. Ученик реализует индивидуальный образовательный маршрут, опираясь на максимально широкий, открытый круг источников фундаментальных и технологических знаний, в результате чего оформляет наиболее значимый для себя социокультурный объект. На его основе ученик выделяет ту проблематику, которую желает разрабатывать в течение обозримого периода своей жизни, и после этого совместно с наставником формирует соответствующую программу работы.

3. Результатом полного цикла открытого образования становится формирование моделей мышления, позволяющих ученику решать значимые для него задачи [11].

Проекты и программы открытого образования в наибольшей степени реализуют образовательные принципы И. Канта ввиду следующих содержательно-методических особенностей:

3.1. Программы открытого образования делают необходимым и одновременно возможным ответ ученика на ключевые онтологические и антропологические вопросы: «что есть мир, в котором я живу?», «кто я такой?», «как можно, как должно, как мне важно жить эту жизнь?».

3.2. Конкретные знания и компетенции формируются за счет совместной работы учеников и педагога над задачами; искусство педагога в практиках открытого образования состоит в том, чтобы обеспечить ученикам возможность решить эти задачи, а также одновременно оформить и закрепить новые компетенции, сложившиеся в ходе решения.

3.3. Открытое образование предполагает целенаправленную работу с возможными объектами исследований и с актуальной проблематикой.

3.4. Базовые процессы открытого образования позволяют ученикам «поместить себя» в структуру исторического процесса, определить свое желаемое и должное место в нем.

Приведем два образца практик открытого образования, демонстрирующих разные варианты логики работы с социокультурным объектом и, следовательно, с принятием учениками значимых проблем современности: ретроспективную логику (первая практика) и проспективную логику (вторая практика).

1. Педагогически организованная историческая реконструкция живого действия. Сложилась в рамках системы дополнительного образования и форм работы с молодежью еще в 1970–1980 гг., в настоящее время, успешно реализуется в рамках внеурочной деятельности организаций основного общего образования.

Данная форма позволяет обучающимся в максимальной степени освоить задачи и нормы деятельности, свойственные выбранной эпохе, или воссоздать конкретное историческое событие. Участник процесса реконструкции не только на рациональном, но и на эмоциональном, «физическом» уровне оказывается вовлечен в конкретную социокультурную ситуацию, в которой ему необходимо найти значимую проблему, а также решение для нее. *С одной стороны*, он физически и эмоционально «проживает» положение и самоощущение людей, живших в определенную социокультурную эпоху и решавших свойственные ей задачи. *С другой стороны*, за счет сопоставления персонального опыта и ранее полученных теоретических знаний, взрослеющий человек осознает те задачи, которые решали люди реконструируемого периода, разрабатывает для них возможные решения, а затем, в ходе рефлексии, определяет, насколько эти задачи остаются актуальными в наше время и за счет каких инструментов могут быть решены.

2. Программа **«Российская компетентностная олимпиада»**, как и предшествующая и во многом сопутствующая ей практика **«Школа гуманитарного образования»**, ориентированы на *конструирование* новых, ранее не существовавших социальных и социокультурных решений.

В основе данной практики лежит игровое «освоение» учениками неких пространств («планет»), пригодных для жизни и подлежащих освоению, и в этом процессе выстраивают значимые задачи для решения, а также соответ-

ствующие им социальные и культурные отношения. «Планета» была выбрана в качестве базового объекта для игрового конструирования по следующим причинам:

– данная конструкция в массовом сознании предполагает «сверхмасштаб», обеспечивающий предельный уровень проблем, а следовательно, необходимость оформлять для их решения системные теоретические представления;

– иная планета (тем более вымышленная) заведомо предполагает отстранение учеников от повседневного опыта, с одновременным требованием реконструировать базовые законы, в соответствии с которыми на этой планете могут происходить те или иные явления, что побуждает учеников к освоению фундаментальных закономерностей реального мира;

– планета как объект обеспечивает естественную, «органическую» и притом комплексную интеграцию многообразных предметных знаний, с *обязательным* превращением их в инструмент для решения практических задач.

Для разработки проектов по освоению «планет» (фактически, новых, ранее неизвестных социальных и социокультурных целостностей, в том числе новых корпораций, новых образовательных экосистем, новых культурных сообществ), формируются многопозиционные команды учеников – базовые единицы, участвующие в компетентностной олимпиаде. Каждая из этих команд либо заявляет свой проект освоения «планеты», либо обозначает, какой аспект этого развития (ее социальный строй, экономику, философию и т.д.) в рамках решения базовой задачи – требований к развитию планет или планеты. Но в любом случае команды учеников позиционируют себя именно как команды гуманитарных технологов и моделируют соответствующую деятельность. Эти ученические команды проектируют все необходимые условия для того, чтобы разрабатываемые ими социальные и социокультурные целостности («новые планеты») заведомо превосходили, опережали актуальные земные аналоги по своей эффективности или по комфортности для жизни человека. От учеников требуется не просто создать «утопию» и оформить ее концептуальные основания, но, прежде всего, доказать, что предложенные модели, заведомо отличающиеся от земных аналогов, будут *результативны* и *жизнеспособны*. За счет этого ученики не только самостоятельно верифицируют практическую значимость своей разработки, но и сталкиваются с парадоксальным требованием: создать утопию, которая была бы результативнее реальных, практически опробованных образцов.

Главным образовательным результатом в рамках данной модели открытого образования становится опыт принятия ответственности за решение фундаментальных проблем и далее определение того, какая из этих проблем может стать предметом его собственной разработки в течение длительного времени.

Обе предложенные модели открытого образования – ретроспективная и проспективная – реализуют подходы И. Канта к организации просвещения/образования:

– ученики, за счет работы с культурной задачей, ставят задачи относительно собственного образования (*самостоятельно* принимают решение, быть ли им просвещенными);

- перед учениками ставятся конкретные задачи, связанные с реконструкцией и анализом проблем, одновременно фундаментальных и практически значимых в конкретной ситуации (игровой или практической);
- ученики разрешают поставленные проблемы в режиме коллективного мышления (в том числе с предшествующим командообразованием);
- решение предполагает апробацию, оформление дефицитов, переработку исходного содержания в полном соответствии с соответствующим предположением И. Канта.

Заключение

Проведенное исследование позволило оформить следующие представления И. Канта относительно характера и базового способа просвещения, актуальные и применимые в современной социокультурной ситуации:

1. Основные представления И. Канта о просвещении (и в частности, об образовании) предполагают: а) заведомую самостоятельность и ответственность «просвещаемого» субъекта; б) преимущественно коллективный характер процесса просвещения, субъектом которого становится не только и не столько индивид, сколько весь род человеческий; в) неразрывную связь просвещения с решением наиболее актуальных проблем, стоящих перед социумом в данный момент времени.

2. Процесс просвещения, с точки зрения И. Канта, фактически носит диалектический характер. Актором этого процесса, с его точки зрения, является совокупный «род человеческий», при этом в каждый конкретный момент новые представления о действительности и способы работы с ней осваивает конкретный человек, он несет ответственность за то, чтобы результаты его персонального просвещения изменили качество человечества в целом.

3. Представления И. Канта о просвещении вполне могут выступать методологическим основанием для решения современных образовательных задач, требующих сочетания индивидуальной воли и интересов ученика (и работы по их оформлению) с освоением этим учеником базовых культурных оснований, позволяющих поставить и решить значимые задачи.

Проведенное исследование также показало, что на сегодняшний день практически в максимальной степени представления И. Канта о необходимой («должной») организации просвещения реализуются именно в рамках подхода «открытого образования». Ключевыми инструментами здесь выступают *образовательная задача*; *специальная позиционная организация учебно-образовательного процесса*; заведомая ориентация учеников на освоение социокультурного объекта.

Использование специально разработанных образовательных задач позволяет:

- а) ученику стать субъектом значимого действия, а в ходе освоения необходимых для него знаний и технологий – и субъектом собственного образования («просвещения»), как это предполагалось И. Кантом;
- б) ученику погрузиться в посильном для него режиме (при этом позволяющем достигать реально значимых результатов) в изучение ключевых вопросов, стоящих перед сферами познания и практики в текущую историческую эпоху, а затем предпринять пробно-практическое действие по решению одной из значимых современных задач, в полном соответствии к подходу И. Канта.

Использование специальной, позиционной организации взаимодействия между участниками образовательного процесса позволяет:

а) ученику освоить и принять коллективный, командный принцип получения знаний (в отличие от заведомо индивидуального в рамках фронтального образования, где каждый ученик работает с учебником и взаимодействует с учителем индивидуально), и за счет этого получить опыт соучастия в коллективном субъекте просвещения по И. Канту;

б) ученику определить собственную позицию по отношению к осваиваемым знаниям и методам деятельности (согласно представлениям И. Канта), в режиме ответственности за четко обозначенный сегмент работы (позицию в рамках трудовой соорганизации) и за его результат, в сопоставлении с задачами и формами реализации других позиций.

Список источников

1. Амбарова П.А. Социальная фрагментация сообществ в современной России: в поисках социологической теории // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 41–51.
2. Шустова И.Ю. Становление субъектности современного школьника // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 2, № 1 (58). С. 76–86.
3. Кант И. Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1966. Т. 6.
4. Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году. СПб. : Наука, 2011.
5. Лега В.П. Христианство и наука Нового времени // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 10 (783). С. 329–342.
6. Кассирер Э. Философия Просвещения // Вестник культурологии. 2003. С. 87–112.
7. Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. М. : Ин-т философии РАН, 1993.
8. Попов А.А., Ермаков С.В. Дидактика открытого образования. М. : НКЦ, 2020.
9. Асмус В.Ф. Иммануил Кант. М. : Высшая школа, 2005. 438 с.
10. Бубер М. Я и Ты. URL: http://i-text.narod.ru/lib/aktual/buber_Ya_i_Ti.htm
11. Ситдикова А.Г. Антропология Мигеля де Унамуну // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2023. № 1. С. 79–81.
12. Атлас практик неформального образования. Вып. 2 / под науч. ред. А.А. Попова. М. : Образование, 2021.

References

1. Ambarova, P.A. (2022) Sotsial'naya fragmentatsiya soobshchestv v sovremennoy Rossii: v poiskakh sotsiologicheskoy teorii [Social fragmentation of communities in modern Russia: in search of a sociological theory]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1. pp. 41–51.
2. Shustova, I.Yu. (2019) Stanovlenie sub"ektnosti sovremennogo shkol'nika [Formation of the subjectivity of a modern schoolchild]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 2(1(58)). pp. 76–86.
3. Kant, I. (1966) *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 volumes]. Vol. 6. Translated from German. Moscow: Mysl'.
4. Foucault, M. (2011) *Upravlenie soboy i drugimi. Kurs lektiy, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1982–1983 uchebnom godu* [Managing Oneself and Others. A Course of Lectures Delivered at the Collège de France in the 1982–1983 Academic Year]. St. Petersburg: Nauka.
5. Lega, V.P. (2017) *Khristianstvo i nauka Novogo vremeni* [Christianity and Science of the New Time]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. 10(783). pp. 329–342.
6. Cassirer, E. (2003) *Filosofiya Prosveshcheniya* [Philosophy of Enlightenment]. *Vestnik kul'turologii*. 1. pp. 87–112
7. Oгурцов, A.P. (1993) *Filosofiya nauki epokhi Prosveshcheniya* [Philosophy of Science in the Enlightenment]. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
8. Popov, A.A. & Ermakov, S.V. (2020) *Didaktika otkrytogo obrazovaniya* [Didactics of Open Education]. Moscow: NKTs.
9. Asmus, V.F. (2005) *Immanuel Kant* [Immanuel Kan]. Moscow: Vysshaya shkola.

10. Buber, M. (n.d.) *Ya i Ty* [I and You]. Translated from German. [Online] Available from: http://i-text.narod.ru/lib/aktual/buber_Ya_i_Ti.htm

11. Sitdikova, A.G. (2023) *Antropologiya Migelya de Unamuno* [Anthropology of Miguel de Unamuno]. *Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya*. 1. pp. 79–81.

12. Popov, A.A. (ed.) (2021) *Atlas praktik neformal'nogo obrazovaniya* [Atlas of Informal Education Practices]. Vol. 2. Moscow: Obrazovanie.

Сведения об авторе:

Аверков М.С. – доцент Краевого ресурсного центра по работе с одаренным детьми Красноярского краевого института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования (Красноярск, Россия). E-mail: averkov@kipk.ru

Лужецкий И.Г. – эксперт Автономной некоммерческой организации дополнительного профессионального образования «Открытое образование» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ruzeceku@bk.ru

Попов А.А. – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Школы антропологии будущего Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия); эксперт Института непрерывного образования Московского городского педагогического университета (Москва, Россия); профессор кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: aktor@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Averkov M.S. – associate professor of the Regional Resource Center for Working with Gifted Children, Krasnoyarsk Regional Institute for Advanced Training and Professional Retraining of Education Workers (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: averkov@kipk.ru

Luzhetsky I.G. – expert of the Open Education autonomous non-profit organization of additional professional education (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ruzeceku@bk.ru

Popov A.A. – Dr. Sci. (Philosophy), leading researcher at the School of Anthropology of the Future, Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); expert at the Institute of Continuing Education of Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russian Federation); professor of the Department of Sociology and Mass Communications, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: aktor@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.04.2024;
одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 11.06.2024*

*The article was submitted 16.04.2024;
approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 11.06.2024*

Научная статья

УДК 1(091)

doi: 10.17223/1998863X/79/7

ФИЛОСОФСКО-АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ ПОЭМА АЛАНА ЛИЛЛЬСКОГО «ПЛАЧ ПРИРОДЫ»: ИДЕИ, ОБРАЗЫ, СТИЛИСТИКА

Михаил Анатольевич Корниенко

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
mkornienko1@gmail.com*

Аннотация. Предложена версия анализа философско-аллегорического прозиметра «Плач Природы», созданного в XII в. известным поэтом, богословом, ритором и проповедником Аланом Лилльским. Алан Лилльский с помощью идей, образов и совокупности поэтически-философских средств создает натурфилософскую картину мироздания, которая в значительной степени способствовала рецепции натурфилософских идей Шартра средневековым Западом. Обозначена преемственность, существующая в наследии Бернарда Сильвестра и Алана Лилльского.

Ключевые слова: культурный ренессанс, платонизм, неоплатонизм, натурфилософия, природа, микрокосм, макрокосм, прозиметр, символ, метафора, аллегория, персонализация, космология

Для цитирования: Корниенко М.А. Философско-аллегорическая поэма Алана Лилльского «Плач Природы»: идеи, образы, стилистика // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 65–76. doi: 10.17223/1998863X/79/7

Original article

ALAN OF LILLE'S PHILOSOPHICAL AND ALLEGORICAL POEM “THE PLAINT OF NATURE”: IDEAS, IMAGES, STYLE

Mikhail A. Kornienko

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mkornienko1@gmail.com

Abstract. The article analyzes the philosophical and allegorical prosimetrum “The Complaint of Nature”, written in 1176 by Alan of Lille, the famous representative of the Chartres school, poet, theologian, rhetorician, and preacher. The 12th century became the historical and cultural context for works written in the genre of naturalistic exegesis. The century is characterized as an epoch of cultural renaissance, “extraordinary intellectual ferment” (E. Gilson), as the period of the creation of the first modern European cosmology, focused on a “new sense of nature” and associated with the “premonition” of the spirit of Aristotle’s physics. The emphasis in the article is on the Neoplatonic orientation of Alan of Lille’s creative heritage. In addition, the relationship of continuity that exists between Bernard Sylvester’s “Cosmography” and Alan of Lille’s “The Complaint of Nature” is indicated (the perception of Alan’s philosophical and allegorical poetics is difficult to imagine and, indeed, simply impossible without referring to “Cosmography”, written 40 years before “The Complaint of Nature”) The natural-philosophical picture of the universe created by Alan of Lille is distinguished by a system of ideas, images, poetic and philosophical means (metaphors,

veils), allowing one to see the role of the poet's philosophical and allegorical findings for the conclusions made by those analyzing "The Complaint of Nature" – in Chartres, Europeans rediscovered nature and described it in a new style, here "poetry has created a kingdom for itself" (P. Burgen), here the author reflects poetically on the structure of the universe, poetry has been turned into the highest point of rational vision, a system of thought (O.S. Voskoboynikov). By turning to the system of ideas, images, poetic and philosophical means, Alan of Lille creates a natural philosophical concept. The picture of the universe proposed within the framework of this concept contributed to the reception of the problems of the philosophy of nature developed by the Chartres school in the medieval West.

Keywords: cultural renaissance, platonism, neoplatonism, natural philosophy, nature, microcosm, macrocosm, prosimetrum, symbol, metaphor, allegory, personalization, cosmology

For citation: Kornienko, M.A. (2024) Alan of Lille's philosophical and allegorical poem "The Complaint of Nature": ideas, images, style. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 65–76. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/7

Ренессанс XII в. в истории цивилизационного развития Запада по праву считается беспримерным по той интенсивности развития, которая сопровождала интеллектуальный расцвет эпохи, называемый эпохой «необыкновенного интеллектуального брожения» [1]. Беспримерным было и то предчувствие совершенства, о котором позднее скажет Й. Хёйзинга («...новое уже повсюду пускало побеги, и все словно бы устремлялось к будущему совершенству» [2. С. 5]). Эпоха XII в. словно жила этим ожиданием будущего совершенства. По своей сути и значимости ренессанс XII в. стал тем неотъемлемым контекстом, благодаря которому осуществлялось становление Шартрской школы. Уже в первой половине XII в. Шартр получил известность как ученое сообщество и крупный интеллектуальный центр Европы. Этот процесс прежде всего связан с именами основателя школы, епископа Фульберта (так называемого «Сократа»), епископа Ива Шартрского, Гильома из Конша, Бернарда Сильвестра (известного также как Бернард Турский), Тьерри (Теодориха) Шартрского, ярчайшего представителя Шартрской школы, автора комментариев к «*Opuscula Sacra*» Боэция, «Топикам», «Первой аналитике» и «Софистическим опровержениям» Аристотеля; Тьерри известен и как автор математической метафизики творения. Программа школы включала идеи Платона, изучаемого по «Тимею», работы по логике и физике Аристотеля, «Бракосочетание Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы, христианские и арабские источники. Изучались образцовые тексты: «синод искусств, созданный *ad cultum humanitatis*», цветник словесности и поэзии, просвеченный золотыми лучами логики, украшенный серебром риторики» (в оценке В.В. Библихина [3]).

XII в. – время наивысшего, – хотя и недолгого, быстротечного, – расцвета Шартрской школы, занявшей особое место в развитии цивилизации Запада. В философском плане школа ориентирована на идеи неоплатонизма, при этом сами идеи следует рассматривать как результат синтеза идей Платона, Аристотеля, стоицизма, пифагоризма, восточной и христианской мистики и религии. Неоплатонизм заключал в своей парадигме ряд представлений, в числе которых представление о мистически-интуитивном познании высшего, о стадиях перехода от «единого и всеобщего» к материи, о постижении чистой духовности посредством экстаза. Традиция неоплатонизма латинского Запада формировалась как ответ на идеи, заложенные в трудах

Августина и Боэция. В числе тех, чьи труды также способствовали утверждению неоплатонической направленности Шартрской школы, должны быть названы Халкидий и Макробий. Характерной особенностью преподавания философии в XII в. становится смещение вектора интереса в сферу натурфилософии. Во многом причиной этого смещения стало распространение идей Аристотеля и Платона, что ощущалось в сочинениях всех тех, чьи имена в XII в. были связаны с Шартрской школой (Э. Жильсон пишет о «предощущении» духа физики Аристотеля уже в середине XII в. [1. С. 255]).

Расцвет Шартрской школы совпал с ренессансом XII в. О.С. Воскобойников пишет о школе Шартра как о значительном культурном событии эпохи: именно в XII в. Шартр был связан с созданием первой со времен Античности новоевропейской космологии, той космологии, которая была достаточно автономна в отношении с символическим мировоззрением, в которой нашло отражение «новое чувство природы» [4. С. 305]. Особенностью эпохи становится аллегорическая поэзия, своего рода игра поэтического образа, заключенная в его единении с аллегорией. Специфика этой игры отражена в теории облачений (*involucre integumenta*), природа «любит прятаться» (известный восьмой афоризм Гераклита) в одеждах чувственного мира; аллегории и символы являлись средством утаивания смыслов (покров – *integumenta*, своего рода миф, скрывающий истину). У Бернарда Сильвестра покров представлен как доказательство, объяснение; с помощью этого приема осуществляется сокрытие истины, отсюда и название – облачение, покров. Одновременно пристрастие к подобным приемам уживалось с логикой и «геометричностью» интерпретации. Благодаря этому создаваемые трактаты заключали в себе игру поэтико-философского смысла. Именно таким является трактат «О целостности мира» Бернарда Сильвестра, иначе называемый «Космография» [5]. Натуралистическая экзегеза, – аллегорическая драма в своей основе, – повествует о создании «малой вселенной», о человеке. Бернард Сильвестр ведет рассказ об этом событии, произошедшем в ответ на обращение Природы к Разуму: Природа жалуется, рассказывая Разуму о хаотичности, беспорядочности Сильвы (материи). Природа умоляет Нус (в «Космографии» это божественный ум, Провидение) придать «безобразному хаосу» Гиле форму, порядок и красоту. Нус прибегает к помощи простых стихий, он расплетает материю на четыре стихии, чтобы Энтелехия, Душа Мира (святой дух), могла «истечь как бы в эманации». На зов Нуса приходят царица звезд Урания и Фюзис, их встреча заканчивается созданием из того, что осталось, человека (микрокосм). Нус хранит вечные идеи, образцовые формы, его перстом рачерчено время; Нусом определены и судьбы.

«Космография» Бернарда Сильвестра и «Плач Природы» Алана Лилльского сюжетно перекликаются. В историю созданного в Шартрской школе «Космография» Бернарда (эпос, поэма, написанные посредством прозиметра) вошла как «повесть о творении, рассказанная с точки зрения твари» (Льюис Кл.Ст. [6]). В оценке О.С. Воскобойникова, аллегории Алана Лилльского, как и «Роман о Розе», как «Божественная комедия», не могут быть поняты и просто немислимы вне обращения к «Космографии», где каждая синтагма несет множество смыслов [4. С. 322, 326].

Исследователи, изучающие влияние Шартрской школы на формирование интеллектуальных традиций Европы Средневековья [7], пишут о гуманизме

XII в., проявившем себя в единстве познания мира и Бога. Предпосылкой этого единства стало единение философии, свободных искусств, богословия, которое позволяет интерпретировать иносказание, освобождая истину от «покрова». В этом специфика аллегорической поэзии, блестяще представленная Аланом Лилльским. Подчеркнем, однако, наше согласие с позицией О.С. Воскобойникова и П. Дронке, полагающих, что изобретение поэтической космологии не следует приписывать Шартру: «...сочетавших метр с прозой Марциана Капеллу, Бозция, Макробия, псевдо-Апулея, не говоря уж о Вергилии, здесь комментировали с такой же серьезностью, как формально прозаический, но глубоко мифопоэтический по своей духовной направленности „Тимей“... Смысловая глубина „Тимея“ и „Энеиды“ воспринималась одинаково и описывалась в схожих выражениях, ведь и величайший философ, и величайший поэт... пользовались „покровами“, *integumenta*, по сути – мифами, для выражения истины» [4. С. 322–323].

При всем различии в понимании того, чем была Шартрская школа, – «романтическим недоразумением» (Р. Сазерн), школой как институтом, ориентированным на твердые нормы и правила поведения, преподавания, творчества или «литературно-философским братством», выходящим «за рамки собственно Шартра и всей Северной Франции, за рамки поколений, и даже за рамки дружбы», – школа, безусловно, существовала. Стенограммой незавершенного и незавершимого спора называет работу школы М.М. Бахтин [8. С. 290]. Специфику шартрской поэтики, как и средневекового христианского типа мышления, и отражает «Плач Природы» Алана Лилльского, – философско-моралистическая аллегорическая поэма, ставшая сорок лет спустя ответом на «Космографию» Бернарда Сильвестра. Алан Лилльский прожил долгую по меркам тех времен жизнь (ок. 1120 – ок. 1202), входил в число известных клириков эпохи, возглавляемых архиепископом Фомой Бекетом, непревзойденным авторитетом Средневековья; предположительно, был учеником Жильбера Порретанского. Алан – поэт, которого высоко ценили такие корифеи от литературы, как Данте, Спенсер, Чосер; богослов, ритор, проповедник XII в., известный своими проповедями против катаров; он преподавал в Париже, был удостоен титула «*Doctor Universalis*»; признана и его роль в синтезе высокой схоластики. Свои дни Алан закончил в цистерцианском аббатстве Сито в Бургундии.

В основании «Плача Природы» лежат идеи натурфилософии Шартрской школы. Как и Тьерри Шартрским, Аланом представлено арифметическое толкование троического догмата. Существует догадка о том, что «Плач Природы» написан после того, как Алан принял постриг, но принял его вынужденно, «став богословом волею судьбы» (см. об этом у О.С. Воскобойникова, Ф. Юдри), и тогда, как полагает О.С. Воскобойников, «его „Плач“ не только стенание самой Природы, но и жалоба Алана, образованного, талантливого мирянина на свое новое состояние, которое ему вовсе не по душе» [7. С. 399].

«Плач Природы» начинается с диалога, в котором автор обращается к Природе с вопросом о причине ее скорби, стонаний, плача («Поприща своего яви причину! Что к земле грядешь, разлучившись с небом?... Что лицо дождем оросилось слезным? Плачущий твой лик что пророчит миру?...»). Природа в ответ сетует, обращаясь к тому, кто, созданный повелением Высшего

художника, Вселенского художника, Отца и Повивальщика всех вещей, Зодчего мира, Императора мира, Бога-Творца, Высшего наставника и Вышнего распорядителя, «заставившего время течь», должен пребывать в добровольном подчинении ее законам, повиноваться неизменно ее указам. Но от всеобщего правила человек «удаляется непостижимым исключением», человек, источивший почти всю сокровищницу богатств Природы, покушающийся на то, чтобы «обесприродить» природные дары, ополчившийся против Природы солецистической Венеры беззаконием. Природа правит всем тем, что сотворено, и лишь человек не желает подчиниться власти «Бога Творца заместительницы».

Основой для названия послужило начало произведения, где Природа оплакивает деяния человека, совершаемые против нее. В «Плаче Природы» человек как венец творения порицается за нравственное вырождение и, прежде всего, за противоестественность своих пороков. Подобным образом о пороках как о попрании естественных законов природы писали ранее Цицерон, Августин, Сенека. Овидий. В совокупности пороков Аланом названы алчность и скупость, зависть, «дочь гордыни» заносчивость, сама гордыня и высокомерие, лесть и лживость, чревоугодие и пьянство, разнузданность и расточительство, блуд, содомия – все это порождает цепь преступлений, совершаемых против Природы. Эти пороки Алан называет «фурийным воинством». Так, описывая алчность, Алан являет читателю живописный текстуальный ландшафт, в котором разворачивается череда исторических и мифических образов. В совокупности пороков названо и идолопоклонство: «Есть и дочь Идолопоклонства, которую уместно наречь подобающим именем Деньгопоклонство. Это Алчность, из-за которой в людских умах обожествляются деньги, монете воздается честь божественного поклонения; из-за нее, когда говорят о деньгах, Туллиева витийства хрипнет труба; когда ратоборствуют деньги, Гекторова ратоборства молкнут перуны; когда нападают деньги, Геркулесова падает доблесть. Ведь если кто вооружается деньгами, как броней серебряной, ни во что не ставит ни натиск Туллиевой стремнины, ни молнию Гекторова нападения, ни крепость Геркулесовой доблести... Ибо так накаляется голод обладания, что диалектики немеет тонкость, риторики чахнет убедительность. Где обилие денег ведет свою речь, Туллий уж продает чекан своего витийства, Лукреция уже обменивает стыдливости своей монисто на его цену в золоте...» [9. С. 270].

В 470 г. н. э. Марциан Феликс Капелла, римский адвокат, написал роман в 9 книгах в прозе и стихах, озаглавив его «Сатирикон». Две первые части – «Бракосочетание Филологии и Меркурия» («De nuptis Philologiae et Mercurii») – введение к энциклопедическому произведению о семи свободных искусствах (*artes liberales*), – грамматике, диалектике, риторике, геометрии, арифметике, астрономии, музыке, воплощенных в аллегорических образах невест. В «Бракосочетании Филологии и Меркурия» [10] изложен романтический сюжет о любви Меркурия к прекрасной деве Филологии. Брак Меркурия и Филологии стал символом союза мудрости и красноречия (квадривия, «светоча понимания», и тривия, «наставника выражения»). Позднее Иоанн Солсберийский назвал этот союз «сладостным и плодоносным супружеством разума и слова» («*dulcis et fructuosa conjugatio rationis et*

verbi»), выразив это в тезисе: как красноречие становится не просто безрассудным, но слепым, если его не просвещает разум, так и мудрость, не умеющая пользоваться словом, не просто слабосильна, но в некотором роде увечна.

В «браке» Меркурия и Филологии нашла отражение римская традиция «красноречия» («eloquentia»), во Франции эта традиция проявила себя с момента прибытия Алкуина и до последнего десятилетия XII в. Иоанн Солсберийский в «Металогиконе», начиная с первых частей, отстаивает права красноречия. Совершенно очевидно, что получение этих прав привело бы в школах XIII в. к победе цецероновского идеала, того идеала, основателем которого был в латинской классической культуре «Doctus orator» Цицерон. Красноречие («eloquentia») даровано природой, однако питает его мудрость («sapientia»). В этом смысле идеи трактата «Об ораторе» («De oratore») и книги Марциана Капеллы «Бракосочетание Филологии и Меркурия» («De nuptis Philologiae et Mercurii») идентичны. В случае развода Меркурия и Филологии, олицетворений красноречия и мудрости, оба обречены на бесплодие [11].

Следование этой традиции в XII в. считалось неукоснительным требованием, хотя уже к началу XIII в. ситуация изменяется, появляется культура нового типа: ее формирует изучение логики и философии. Изучение классической словесности в XIII в. не было прекращено, но оно было оттеснено схоластической философией и теологией. И если в «Космографии» и отражено влияние «Бракосочетания Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы, то «Плач Природы» скорее ориентирован на «Утешение философией» Бозция [12] и представляет собой визионерский диалог (imaginaria visio), также исполненный в форме прозиметра. Посредством этого визионерского диалога и раскрывается главная тема поэмы «Плач Природы». Сюжет «Плача Природы» словно соткан из видений экстатического сна, что являлось характерным приемом в прозиметре, – так к рассказу об увиденном во сне прибегал ранее Бозций, на «Утешение философией» которого, безусловно, ориентирован Алан. Природа в произведении Алана окружена аллегорическими фигурами Геня, Гименя, Добродетелей, что вполне соответствует тому, как у Бернарда Разум (Провидение) стоит во главе Природы, Урании, Фюзис. В то время как в «Космографии» Бернарда Сильвестра сотворение человека завершается ремесленницей Фюзис, в «Плаче Природы» роль вынесения финального решения по суду над преступником отводится Геню. Отметим, что Природа у Алана – это не Эмпейрия Аристотеля, природа здесь – главный драматический герой и богиня. Однако она не является творцом, как у Бернарда Сильвестра, но лишь оберегает то, что сотворил Бог.

В «Плаче Природы» («De Planctu Naturae») образ природы, представленный в форме аллегии, несет черты величия, красоты, таинственной загадочности. Этот образ формируется Аланом в мозаике многочисленных метафор. Природа у Алана становится воплощением плодovitости, благодаря которой возникает и множится все живое. Она олицетворяет источник жизни – это и причина, и цель, и красота. «Магистр Природы», Алан, указывает на подчиненность Природы Богу. Безусловным достижением Алана является то, что ему удается аллегорически выразить идеи «христианского натурализма» XII в., в рамках которых Природа рассматривалась как труженица Бога. Однако если у Бернарда природа только творит, у Алана Природа – героиня разворачиваю-

щейся драмы, богиня, сберегающая и хранящая то, что создано Богом. Природа испытывает гордость, описывая свои деяния, но выражает смирение, обращаясь к Творцу: «Его деяние просто, мое многообразно; Его произведения прочны, мои распадаются; Его творение восхитительно, мое изменчиво... Он творит, я сотворена. Он – работник, который сделал меня, я изделие этого работника; Он творит из ничего, я выращиваю материю для моих дел; Он действует во имя свое, я – во имя Его» [9. С. 257].

Наука о Природе словно признает свою безусловную зависимость от теологии: «Для того, чтобы узнать, насколько бессильно мое могущество перед лицом божественной науки, обратитесь к теологии, верность и вера которой имеют больше прав на ваше одобрение, чем убедительность моих доводов. Согласно тому, чему учит вера, человек обязан моей способности рождать, но больше – власти Бога возродить» [9. С. 257]. В концепции Алана отражена разновекторность и разнонаправленность целей и действий Природы и Теологии: природа идет от разума к вере, теология – от веры к разуму (Природа говорит об этом: «я знаю, чтобы веровать, она верует, чтобы знать; я соглашаюсь, познавая, она знает, соглашаясь»). Природа Алана подобна Демиургу в «Тимее», – это труженица, не прекращающая внимать божественным Идеям.

Духу той далекой эпохи было свойственно прославлять Природу, одновременно признавая ее подчиненность мудрости Творца. Схожим образом действует и Алан, развертывая в тексте «Плача Природы» свою космогонию, – Природа созидает, следуя божественным указаниям: «Меня, как вице-богиню, как свою заместительницу, назначил Он ставить чекан на различных родах вещей, дабы я, на собственных наковальнях чеканя образы вещей, не позволяла тому, что оформлено, отклоняться от формы, что наложена наковальной, но благодаря моему усердию в работе копия происходит прямо от своего образца, не лишённая никаких даров своей природы... чеканя разные монеты вещей в согласии с видом образца, форму образцовую формуя, уподобляя подобное подобному, я придавала отчеканенному облик отдельных вещей... отправляя я сию должность под таинством божественной власти, что руку моего действия направляла длань высшего могущества, ибо писчая моя трость внезапно сбилась бы с пути, когда б не правил ею перст высшего распорядителя» [9. С. 257].

Природа призывает автора поэмы заставить себя «проголодаться желанием познаний», сама же обещает Алану «простереть мантию благозвучной речи» на упомянутые чудовища пороков.

Описывая специфику стиля «Плача Природы», обратим внимание на роль метафоры в стилистике научного мышления и научного письма в эпоху Средних веков. Метафора являлась неотъемлемой формой средневекового научного мышления как для мистиков, так и для рационалистов. Метафора формировала «умение во всем и вся увидеть нечто еще, пусть даже с помощью простого *quasi* „как бы“, позволяла возвыситься чуть ли не до богопознания» [4. С. 314]. При этом метафора, будучи по природе иносказательной, не шла вразрез с рациональностью объяснения. В XII в. – веке зарождения литературной субъективности Нового времени, – *ratio* и фигуры речи были неразлучны («поэзия сотворила себе царство», П. Бурген). Явлением, характерным для средневекового ренессанса, был поиск гармонии между поэзией

и богословием [4. С. 314]. Способом и средством отыскания этой гармонии для Алана в «Плаче Природы» и была метафора. В частности, Алан обращается к широко распространенной и укоренившейся в литературной традиции Средневековья ранее упомянутой метафоре брака Меркурия и Филологии (дочери Фронесис). Эта поэтическая метафора согласия наук, *concordantial atrium*, как и многочисленные комментарии к созданному ранее Марцианом Капеллой, использовалась в литературной традиции XII в.; использовалась она и Аланом Лилльским.

Образ Природы, увиденный Аланом, четко помещается в рамки традиции визионерского диалога. Основой для построения подобного диалога и служат метафоры, создаваемые на основе сходства, сравнения, аналогии: «...чело, обширной простершееся равниной, млечным цветом лилейное, казалось, с лилией соперничает; брови в золотом звездчатые сиянии; очей безоблачная кротость, дружелюбной ясностью ласкающая, являла редкостный образ двойной звезды; нос, медвяным ароматом умашенный; уст ее нарד подносил ноздрям изысканную снедь благоухания» [9. С. 233]. Совокупность метафор положена автором и в описание сопровождающих Природу и противостоящих «фурийному воинству пороков» Добродетелей, явившихся в заключительной части поэмы, чтобы заслушать речь жреца Геня, объявившего анафему изгнания, произнесшего формулу отлучения человека от «благосклонности Природы», от «лобзания высшей любви». В числе Добродетелей – чистота, непорочность, умеренность, щедрость, невинность, скромность, смирение. Их природа называет «единственными светочами людской темноты», «утренними звездами закатного мира», «особливыми досками для терпящих кораблекрушение»; это добродетели – «гавани от мирских бурунов». Добродетели в понимании Алана – все то, что должно и может привести душу человека к спасению.

Говоря о стилистических особенностях текста Алана Лилльского, в первую очередь следует отметить следующее. Автор использует большое количество стихотворных размеров, что позволяет ему ритмически структурировать все повествование. В «Плаче Природы» порок впервые разоблачается с помощью грамматики и риторики. В целом можно сказать, что стиль Алана равным образом сочетает в себе как особенности античной традиции, так и стилистические традиции Средневековья. По мере развития сюжета текст демонстрирует читателю богатую россыпь антитез, параллелизмов, созвучных окончаний, катахрезм, оксюморонов, перифрастических плеоназмов, фигур этимологии, метафор. Прозиметр – жанр «*chantefable*», представлявший собой сочетание поэзии (элегических дистихов) и ритмизированной художественной прозы (так называемые «качели текста»), предполагал использование многообразия поэтических размеров (анастрофа, синерезис, тмезис, парентезис, афереза, протеза); используется и игра с терминами логики (антецедент, консеквент).

В качестве одной из особенностей текста следует отметить его символику. В частности, Алан дает следующее описание диадемы Природы («царской диадемы рдеющий венец»): «Под обителями двенадцати камней седмичное множество самоцветов, непрестанно свершая круговое движение, в дивном роде игры приятной вело хоровод» [9. С. 235], это описание, в котором «седмичное множество самоцветов» олицетворяет собой Солнце, Луну, Мер-

курий, Венеру, Марс, Юпитер и Сатурн, а выбор камней основан на библейских текстах и образе венца Юноны. Описание диадемы изящно завершается жемчугом – перлом, который здесь являет собой символ Луны: «Последний камень был Перл, который, всех ближе к кромке рдеющего венца, свята чужим светом, просил у карбункула пособить сиянием» [9. С. 236].

Во всеобщем визионерском потоке символов следует выделить описание ризы: «...риза ее, из шелковой нити сотканная, разнообразным цветом протестически преображаемая, служила деве пеплумом; разноцветьем ее расцветившая, смена времен года меняла ее многообразным обликом цветов. Сперва она, выбеленная лилейным блеском, поражала взор. Потом, как бы приведенная к раскаянию, словно стараясь ради лучшего, сияла, окрашенная кровью багрянца. В третий раз, на вершине совершенства, приветствовала взоры зеленью смарагда» [9. С. 236], белый цвет здесь символизирует изначальную чистоту творения, красный – раскаяние после грехопадения, а зеленый (зелень смарагда) – возврат к совершенству после искупления грехов. И то, что риза Природы разорвана на части, являя «ущерба своего бесчестье», символизирует преступления, совершенные человеком против природы. Аналогичный образ разорванной ризы в прозиметре «Утешение философией» Бозция [12] олицетворяет собой то насилие, которое философские школы причинили философии.

Стиль поэмы отличает поэтическая вычурность: Природа призывает дать описание неопишуемому, и тогда будет «распутано нераспутываемое», облагороженное высотой слога, – «заставить проголодаться законное желание познаний», «искоренить мрак неведения», «простереть мантию благозвучной речи на упомянутые чудовища пороков». Природа называет Творца «искусным художником», создавшим изумительный облик мирового чертога, согласовавшего вещи «узами незримого сопряжения», «...несходство к сходству в миротворном единении возвратившего», сотворившего «законное супружество соразмерностей» в «безысходном лабиринте Купидона».

Мифологическому и религиозному сознанию свойственно персонифицировать природные явления. В процессе персонификации эти явления обретают черты личности, осуществляется проекция человеческих черт на мир, мир приобретает свойства антропоморфного явления.

Персонификация (от лат. *persona* – лицо и *facio* – делаю) – олицетворение, антропатизм – представление природных явлений, сил, объектов в образах действующих лиц. Свойства человека признаются за предметами и явлениями реального или вымышленного мира, оказываются присущими животным, растениям, явлениям природы. При этом олицетворение может быть интерпретировано как троп, как приписывание свойств одушевленных предметов предметам неодушевленного мира: «Мир посещает когда, от косности зимней стнящий Феб и приветом ему свет свой ликующий шлет... Феб у ночи когда ее часы похищает и гигантом растет день, что пигмеем ходил» [9. С. 243].

Результатом персонификации как фундаментальной операции мифологического сознания в «Плаче Природы» становятся поэтические метафоры и аллегории. Отметим, что метод аллегории как метод иносказательного толкования и ранее использовался христианскими экзегетами в интерпретации

Библии. В описании прихода весны, встречи весны и Природы Алан часто обращается к приему персонификации. Объектами персонификации становятся уходящая зима, земля, деревья и весна: «...земля, разбоем зимы уже давно обнаженная от своих убранств, рдеющими цветами ризу от вешней стяжала расточительности, дабы не являться неприглядно пред очами девы в бесславии рубища. Весна же, словно мастер, умелый в ткацком искусстве... соткала одежды деревьями, которые, опустив свои кудри на энклитический лад, в некоем поклонении, словно преклонив колена, смиренно девицу молили», «...все творение, неся деве пылкую свою покорность, подвизалось в дивном состязаньи, чтобы снискать ее милость» [9. С. 242]. Весна сравнивается с сукновалом, ткущим одеяние для Земли: «Как сукновал небывалый, лучом обновляя их ризы, огнем багрянки наряд им зажигает весна. Кудри она возвращает деревьям, что зима обкорнала, платье похищенное всем им печется отдать» [9. С. 243].

Алан излагает спор неба и земли о том, кто из них более красив: «...увенчавшись розовым блеском, с небом спорит земля, полная собственных звезд; стяги лета когда воздевший, его приближенье провозвещает миндаль, вешней отрадой цветя» [9. С. 243], «...мыслит о родах своих в почках набухших лоза» [9. С. 243].

В заключение раскроем масштаб и значение проделанного Аланом: по сути, именно Аланом Лилльским завершено создание образа Природы – Книги Природы, отличной от Библии. В отечественной литературе [13] отмечены последствия этого «разведения» Книги природы и Библии. Природа, начиная с достижений Шартрской школы, была воспринята как «текст», равный по значимости тексту библейскому. В то время как Библия написана для человека, живущего в расчете на разум и чудо, Природа сотворена без посредников. «Текст» Книги Природы, написанный в Шартрской школе в XII веке, формировал новый фундамент знания о Природе, а «Плач Природы» Алана Лилльского стал существенной составной частью процессов рецепции натурфилософских идей авторов Шартрской школы на средневековом Западе. Утверждая это, мы исходим из существующего в отечественной литературе мнения: картина Вселенной, сформированная ко второй половине XII в. в Шартрской школе, базировалась на символическом фундаменте, но дальнейшее ее развитие требовало связи мира реального и мира символов, и чтобы понять смысл и характер этой связи, нужна была концепция природы. Эту концепцию сформировал XIII в., используя в полной мере физику Аристотеля. Однако ранее в XII в. в Шартре природа была «заново открыта и описана новым слогом». В Шартрской школе впервые, начиная с эпохи Античности, как считает О.С. Воскобойников [4. С. 308], была сформирована новоевропейская космология, возникло «новое чувство природы», и одним из непревзойденных мастеров слова, сумевших выразить это и облечь в блестящую форму философско-аллегорической поэзии, был Алан Лилльский.

Для данной статьи был использован перевод «Плача Природы», сделанный Р.Л. Шмараковым, – это впервые публикуемый полный перевод, выполненный по изданию Н. Херинга с частичным привлечением переводов Дж. Шеридана, У. Уэзерби и Ф. Юдри.

Список источников

1. Жильсон Э. Философия в средние века. От истоков патристики до конца XIV века. М. : Республика, 2004. 676 с.
2. Хейзинга Й. Осень Средневековья. М. : Азбука, 2021. 720 с.
3. Бибихин В.В. Новый ренессанс. М. : Прогресс-Традиция, 1998. 493 с.
4. Воскобойников О.С. Шартрская школа: авторы, тексты, проблемы // Шартрская школа. М. : Наука, 2019. С. 305–334.
5. Бернард Сильвестр. Космография // Шартрская школа. М. : Наука, 2019. С. 84–134.
6. Льюис К.С. Аллегория любви. Исследование литературной традиции средневековья // Избранные работы по истории культуры. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 928 с. С. 103–106.
7. Воскобойников О.С. Тысячелетнее царство (300–1300). Очерк христианской культуры Запада. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 568 с.
8. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : RUGRAM, 2013. 444 с.
9. Алан Лилльский. Плач Природы // Шартрская школа. М. : Наука, 2019. С. 229–293.
10. Марциан Капелла. Бракосочетание Филологии и Меркурия. М. : URSS, 2019. 400 с.
11. Адо И. Свободные искусства и философия в античной мысли. М. : Греко-лат. кабинет (ГЛК), 2002. 475 с.
12. Бозций. Утешение философией. М. : Рипол-Классик, 2022. 254 с.
13. Петров М.К. Перед «Книгой природы»: Духовные леса и предпосылки научной революции XVII в. // Историко-философские исследования. М. : РОССПЭН, 1996. 510 с.

References

1. Gilson, E. (2004) *Filosofiya v srednie veka. Ot istokov patristiki do kontsa XIV veka* [Philosophy in the Middle Ages. From the Origins of Patristics to the End of the 14th Century]. Translated from French. Moscow: Respublika.
2. Huizinga, J. (2021) *Osen' Srednevekov'ya* [The Autumn of the Middle Ages]. Translated from Dutch. Moscow: Azbuka, 2021. 720 s.
3. Bibikhin, V.V. (1998) *Novyy renessans* [New Renaissance]. Moscow: Progress-Traditsiya.
4. Voskoboynikov, O.S. (2019) *Shartrskaya shkola: avtory, teksty, problemy* [School of Chartres: Authors, Texts, Problems]. In: Guillaume of Conches et al. *Shartrskaya shkola* [School of Chartres]. Translated from French by O.S. Voskoboynikov. Moscow: Nauka. pp. 305–334.
5. Bernard Silvestris. (2019) *Kosmografiya* [Cosmography]. In: Guillaume of Conches et al. *Shartrskaya shkola* [School of Chartres]. Translated from French by O.S. Voskoboynikov. Moscow: Nauka. pp. 84–134.
6. Lewis, C.S. (2015) *Izbrannyye raboty po istorii kul'tury* [Allegory of Love]. Translated from English by N. Epple. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 103–106.
7. Voskoboynikov, O.S. (2018) *Tysyacheletnee tsarstvo (300–1300). Ocherk khristianskoy kul'tury Zapada* [The Millennium (300–1300). An Essay on the Christian Culture of the West]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
8. Bakhtin, M.M. (2013) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: RUGRAM.
9. Alain of Lille. (2019) *Plach Prirody* [The Lament of Nature]. In: Guillaume of Conches et al. *Shartrskaya shkola* [School of Chartres]. Translated from French by O.S. Voskoboynikov. Moscow: Nauka. pp. 229–293.
10. Martian Capella. (2019) *Brakosochetanie Filologii i Merkuriya* [The Marriage of Philology and Mercury]. Moscow: URSS.
11. Hadot, I. (2002) *Svobodnye iskusstva i filosofiya v antichnoy mysli* [Liberal Arts and Philosophy in Ancient Thought]. Translated from French by E. Shichalina. Moscow: Greko-lat. kabinet (GLK).
12. Boethius. (2022) *Uteshenie filosofiyey* [Consolation of Philosophy]. Translated from Latin. Moscow: Ripl-Klassik.
13. Petrov, M.K. (1996) *Istoriko-filosofskie issledovaniya* [Historical and Philosophical Studies]. Moscow: ROSSPEN.

Сведения об авторе:

Корниенко М.А. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mkornienko1@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kornienko M.A. – Cand. Sci. (Philosophy), senior researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Research, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mkornienko1@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.04.2024;
одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted 16.04.2024;
approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 11.06.2024*

Научная статья

УДК 1'16 - 165.2; 18 - 111.85

doi: 10.17223/1998863X/79/8

300-летию Иммануила Канта посвящается

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИЗАЦИЯ В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА

Евгений Артурович Найман

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия;
Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия,
enyman17@rambler.ru*

Аннотация. Рассматриваются проблемы гносеологической эстетизации в философии Канта, состоящей в обосновании основополагающей роли эстетических факторов в познавательной деятельности. Доказывается неразрывная связь между «трансцендентальной эстетикой» и критикой «суждения вкуса», а также определяется роль «трансцендентальной диалектики» при обосновании «эстетического суждения». На материале современной критической философии, философии науки и истории естествознания показана актуальность кантовской эстетической рефлексии.

Ключевые слова: познание, игра познавательных способностей, эстетика, трансцендентальная эстетика, чувственность, разум, воображение, понимание

Для цитирования: Найман Е.А. Гносеологическая эстетизация в философии И. Канта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 77–90. doi: 10.17223/1998863X/79/8

Original article

EPISTEMOLOGICAL AESTHETICIZATION IN KANT'S PHILOSOPHY

Evgeniy A. Nayman

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation;
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tomsk, Russian Federation,
enyman17@rambler.ru*

Abstract. This article focuses on the problems of epistemological aestheticization in Kantian philosophy, which consist in justifying the foundational role of aesthetic factors in cognitive activity. The paper argues for the inseparable connection between “transcendental aesthetics” and the critique of “judgment of taste”, and defines the role of “transcendental dialectics” in grounding “aesthetic judgment”. As a result, two foundational factors of Kantian epistemological aestheticization are identified. Firstly, the basic structures of our cognition, starting from elementary forms of intuition, largely contain aesthetic components. Secondly, in the epistemological sphere, the aesthetic factor reconciles heterogeneous cognitive abilities, ensuring a general harmony between the subjective and the objective. The relevance of Kantian aesthetic reflection is demonstrated through contemporary critical philosophy, philosophy of science, and the history of natural science.

Keywords: cognitive faculties, aesthetics, transcendental aesthetics, sensibility, reason, imagination, understanding

For citation: Nayman, E.A. (2024) Epistemological aestheticization in Kant's philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* –

Основная задача статьи состоит в утверждении решающей роли философии Канта в эстетическом обосновании эпистемологии. После нее обсуждение гносеологических вопросов без учета эстетического компонента становится невозможным. Согласно современному пониманию, эстетические предпосылки определяют как научную истину, так и все формы познания. Представляется, что решительное утверждение эстетики как фундаментальной дисциплины теоретической философии является наиболее актуальной и жизнеспособной частью богатейшего наследия немецкого мыслителя.

М. Хайдеггер впервые подчеркнул значение трансцендентальной эстетики Канта, но рассматривал ее релевантность скорее для аналитики *Dasein*, нежели эпистемологии. Тем не менее основная идея трансцендентальной эстетики, согласно которой реальность открывается лишь в контексте фундаментальных интуиций, пройдя многочисленные временные трансформации, приобрела устойчивую форму. К примеру, Теодор Адорно утверждал, что «категории эстетики есть категории познания» [1. С. 14]. С ним соглашается Пол де Ман: «Эстетика, в течение своего развития еще до Канта и начиная с него, является феноменализмом процесса означивания и понимания» [2. С. 7], где под «феноменализмом» понимается чувственная данность объекта познания. Одо Марквард отмечает, что именно Кант осуществил «эстетический поворот», поскольку эстетика «стала выступать основой философии и утвердилась в этом статусе вплоть до сегодняшнего дня» [3. С. 21].

В задачи данной статьи входит: во-первых, определение смысла гносеологической эстетизации Канта; во-вторых, установление неразрывной связи «трансцендентальной эстетики» и «суждения вкуса» и, в-третьих, оценка ведущей роли «трансцендентальной диалектики» при обосновании эстетического суждения.

Прежде всего, под «гносеологической эстетизацией» понимается утверждение основополагающей роли эстетических факторов в познании, истине и науке. Начиная с проекта А. Баумгартена по эстетическому усовершенствованию науки, трансцендентализации эстетического Кантом и фигуративной интерпретации истины Ницше, указанное направление мысли становилось все более обоснованным и убедительным. Если раньше эстетический характер приписывался только дополнительным аспектам реальности, то в настоящее время признается очевидность ее эстетической конституции как таковой. Любой тщательный анализ обнаруживает в конфигурациях истины то, что считалось ее противоположностью, а именно эстетическое начало.

Исследователи в области естественных наук уже давно осознали важность присутствия эстетических элементов в научном знании. К примеру, Пуанкаре отмечал центральную роль эстетической способности в формировании хорошего математика. Эстетические аргументы относительно своих научных изысканий приводили Бор, Дирак, Эйнштейн и Гейзенберг. Уотсон указывал, что только исходя из принципа элегантности и изящества, ему удалось расшифровать структуру ДНК.

Наиболее провокативно сформулировал эстетический характер истины Фейерабенд, указывая зависимость науки и искусства от стиля мышления. Рорти выдвинул идею «поэтизированной культуры», говоря об эстетиче-

ском характере культурных (в том числе научных) фундаменталий. Нельсон Гудман настаивал на параллели между художественной и научной деятельностью, размышляя об эстетических принципах формирования символических систем. Некоторые философы науки даже причины научных революций находят в изменениях эстетических канонов. Витгенштейн описал конституцию языковых игр и форм жизни в соответствии с эстетическим паттерном. Кроме этого, он говорил о «странном сходстве между философским исследованием (быть может, особенно в математике) и исследованием эстетическим» [4. С. 53], сравнивал свою философскую деятельность с реформированием вкуса («Тот, кто учит сегодня философии, кормит своего ученика не тем, что тому нравится, но тем, что может изменить его вкусы» [4. С. 47]), проводил параллели между своей философией и музыкой («Мой стиль схож с дурной музыкальной композицией» [4. С. 70]), поэзией («На самом деле философский труд надо сочинять так, как сочиняют стихи» [4. С. 51]) и архитектурой («Работа в философии – во многом схоже с работой в архитектуре – более всего есть работа над собой» [4. С. 46]).

Для того чтобы понять смысл кантовской эстетической революции, полезно напомнить, что уже Баумгартен рассматривал новую дисциплину «эстетику» с эпистемологической, а не художественной точки зрения. Изначально понятие «эстетического» в XVIII столетии не было связано с искусством и художественным творчеством. Баумгартен подчеркивал когнитивное значение слова «эстетика», восходящее к «айэстетис» (от греческого *aisthetos* – «чувственный», «воспринимаемый»). Исторически первым значением «эстетического» было «чувственное», а эстетика создавалась как наука о чувственном познании. Как отмечает Маркузе, «философская история термина «эстетическое» отражает репрессивную трактовку чувственных (и, следовательно, „телесных“) познавательных процессов» [5. С. 186].

В первых главах «Эстетики» Баумгартен довольно скромно оценивает планируемый вклад новой дисциплины в познавательную деятельность. По его мнению, ее значение для эпистемологии ограничено сугубо прагматическими соображениями. Эстетика, в качестве верной служанки познания, должна была гарантировать ясность и отчетливость представлений, не претендуя на автономное и уникальное место в системе философского знания. Баумгартен, являясь последователем школы Христиана Вольфа, хорошо усвоил положение Лейбница о чувственности как «низшей гносеологии». Однако ближе к окончанию трактата авторская позиция резко меняется. Эстетика открыто восстает против устоявшегося эпистемологического идеала: абстрактный характер концептуальной истины не способен отразить индивидуальную реальность. Для ее познания требуется другая способность – чувственность, а эстетика призвана выступить адвокатом «конкретного». Терри Иглтон полагает, что в XVIII в. «эстетика становится просто именем, которое дается гибридной форме познания, способной прояснить грубый и необработанный состав восприятия и исторической практики, открывая внутреннюю структуру конкретного» [6. С. 16]. Эстетики стремятся к «экстенсивной ясности» представления, т.е. максимально полному учету его характеристик. Тогда как ученый тяготеет к «интенсивной ясности», раскладывая на простые элементы лишь одну из его характеристик. Экстенсивная ясность присуща знанию, стремящемуся постичь предмет в его индивидуальности и уникаль-

ности, а интенсивная – обратная процедура: выделяет общее, абстрагируясь от несущественных предметных характеристик.

Иначе говоря, эстетика возникает на основе четкого осознания принципиальной несводимости чувственного опыта к абстрактным и универсальным законам, что вовсе не квалифицирует эстетические сущности как темные, неясные и непознаваемые. Наоборот, им присуща удивительная ясность, полнота и определенность. Баумгартен утверждал, что эстетика – «сестра логики», а чувственное познание есть «аналог разума» (*analogon rationis*). Чувственность, как и разум, способна улавливать ясные и отчетливые связи между вещами на интуитивном уровне. Поскольку человек воспринимает мир посредством чувств, то в них присутствует группа способностей, осуществляющая в чувственном мире то же, что разум – в мире умопостигаемом, т.е. достигает согласованности, связанности и единства. В связи с этим «цель эстетики есть совершенство чувственного познания как такового» [7. С. 45]. Принижение его роли в платоновской традиции западной философии вызывает у Баумгартена резкую реакцию: «Против нашей науки можно было бы возразить, что она недостойна философов <...> Отвечаю: а) философ есть человек среди людей, и нехорошо, если он считает эту часть человеческого познания чуждой себе...» [7. С. 41]. Поскольку чистая логическая истина все равно остается сокрытой для людей как чувственно-логическим существам, то в случае конфликта между традиционным идеалом абстрактно-всеобщей истины и новым идеалом эстетико-логической истины необходимо принять решение в пользу последнего, который, апеллируя к *conditio humana*, выдвигает на первый план именно эстетические аспекты. А поскольку такие конфликты возникают постоянно, эстетически обоснованное познание предпочтительнее чисто логического. Жан Рансьер в работе «Разделяя чувственное» пишет: «Под именем эстетики они в первую очередь уловили и осмыслили фундаментальное смещение: художественное отныне все менее и менее идентифицировалось согласно прагматическим критериям „способов делать“, оно все более и более определялось в терминах „способов быть чувственным“» [8. С. 56].

Итак, во взглядах Баумгартена мы видим существенные изменения по сравнению с традиционным представлением об истине и науке. В конечном счете возникновение эстетики было нацелено на эстетическое переосмысление познания. Возможно, немецкий философ еще не мыслит эстетическое в качестве трансцендентального, но уже считает его необходимым элементом когнитивного процесса. Отныне истинное знание должно быть эстетико-логическим, а подлинная наука больше не в состоянии игнорировать свои эстетические основания.

Решительный шаг вперед в направлении развития этих идей сделал Кант, осознав эстетическое как трансцендентальное. Теперь оно служит не просто эмпирико-антропологическим идеалом (как для Баумгартена), а полностью конституирует наше познание. При этом основа такой концепции была заложена уже в разделе «Трансцендентальная эстетика», где обосновывается необходимость эстетических структур для познавательной деятельности. Эта трансцендентальная фундаментализация «эстетического» связана с основным тезисом теоретической философии, согласно которому мы познаем не сами вещи, а лишь заложенное в них нашими априорными познавательными фор-

мами интуиции пространства и времени. И здесь намечается первый и самый элементарный этап кантовской эстетизации: на базовом уровне наше познание содержит эстетические компоненты. В обоих изданиях «Критики чистого разума» Кант заявляет, что трансцендентальная эстетика является «наукой» [9. С. 128], а в «Общих примечаниях к трансцендентальной эстетике» подчеркивает, что ее задача «состоит в том, чтобы не только как правдоподобная гипотеза приобрести некоторую благосклонность, но быть настолько достоверной и несомненной, как этого следует требовать от всякой теории, которая должна служить органом» [9. С. 147]. Последующая эстетика вкуса, возможность которой в 1781 г. Кант оценивал еще крайне скептически [9. С. 128–129], и развитая затем в «Критике способности суждения» (1790), никоим образом не могла притеснить или ограничить трансцендентальную эстетику. Кстати, после Баумгартена Кант размышлял о том, не лучше ли придерживаться значения эстетики как попытки «подвести критическую оценку прекрасного под рациональные принципы», оставив название эстетики для «того учения <...>, которое является истинной наукой» [9. С. 128]. Однако в дальнейшем он никогда не отказывался от названия трансцендентальной эстетики как «эстетики» или от признания ее первостепенной важности для познания. Более того, она приобретает ключевое значение и для теории вкуса, поскольку идея об основополагающей роли эстетического для всех познавательных форм продолжает свое развитие в «Критике способности суждения».

Существует мнение, что третья «Критика» посвящена исключительно «вкусу» и связанных с ним проблем. Кант указывает, что в суждении вкуса познавательные силы (воображение и рассудок) «согласуются между собой, как это вообще требуется для познания» [10. С. 220]. Эстетическое удовольствие зависит от свободной игры воображения и рассудка. Именно в этом смысле суждение вкуса представляет собой чистую форму «душевного состояния», необходимого «для познания вообще» [10. С. 219]. Происходит серьезная переоценка эстетического как архитектурной формы когнитивного события. В § 21 вновь подчеркивается, что здравый смысл, требуемый для «всеобщей сообщаемости чувства», представляет собой «необходимое условие всеобщей сообщаемости» нашего познания [10. С. 244]. Поэтому он «предполагается во всякой логике и в каждом принципе познания» [10. С. 244]. Без этого сокровенного эстетического чувства, известного как «общий смысл» [Gemeinsinn], немислимо никакое познание.

Строгий картезианский подход, унаследованный Кантом, порождает философский поиск всеобщих и необходимых суждений, а их выявление становится одной из центральных проблем критической философии. В эстетической сфере Канта интересуется обоснование суждения о чистой красоте как необходимого и универсального. Напомним, что «эстетическое» связано с восприятием прекрасного объекта, приносящего чувство удовольствия. Несмотря на субъективность эстетического чувства, Кант стремится доказать его универсальность. Каким же образом суждение о красоте предмета может быть сходно с научными утверждениями о сумме углов треугольника или не пересекающихся параллельных прямых? Ведь, казалось бы, субъективность чувств не предполагает всеобщего согласия.

Прежде всего, суждение о прекрасном подразумевает «незаинтересованное» отношение к статусу существования предмета, а также отсутствие кон-

цептуального знания о нем. Например, в моральном суждении для определения субъекта как «доброго», необходимо иметь представление о его свойствах. Подобное касается всех рефлексирующих и определяющих познавательных суждений. Оценивая чистую красоту розы, человек не должен учитывать ни название цветка, ни его биологические функции, ни какие-либо другие физические свойства. Он лишь оценивает способность предмета доставлять ему чувство удовольствия. Тогда возникает вопрос: что в объекте способно пробуждать такое чувство? Отвечая на него, Кант отделяет чувственные качества объекта (цвет, запах, вкус) от его формального образа. При этом формальные предметные качества не только не зависят от конкретных восприятий, но и инвариантны для всех людей, выступая основой их общего согласия. Другими словами, философ призывает выйти за пределы различий в структурах чувственных органов, чтобы продвинуться на более фундаментальный уровень пространственно-временного восприятия.

В «Трансцендентальной эстетике» пространство и время признаются общими априорными формами чувственности, за счет которых люди пребывают в некоем совместном и едином мире. И этот же принцип Кант переносит в эстетическую сферу. Незаинтересованное созерцание приводит к такому же чувству общности, что и априорные основания, позволяющие приписывать предметам математические и геометрические свойства. Геометрические качества объекта определены чувственной формой пространства, а математические – формой времени.

Если субъект уделяет исключительное внимание геометрическим и (или) математическим отношениям в снежинке, тюльпане, картине, скульптуре или рисунке обоев, то может быть уверен, что другие также способны их воспринимать, испытывая аналогичные чувства. Иначе говоря, в суждениях о чистой красоте внимание сконцентрировано только на формальных качествах объекта, его пространственно-временном образе, доступном восприятию каждого человека. Отбрасывая сенсорные и концептуальные предметные свойства, Кант оставляет только пространственно-временные. При этом «форма» обозначается понятиями «*Zeichnung*» (очертание, конфигурация) и «*Abriß*» (набросок или эскиз). Однако эстетический формализм вполне можно расширить, включив в объем понятия «формы», наряду с игрой линий, грациозностью контуров и эффектами светотени, формальные взаимосвязи между элементами. Каковы они? Во-первых, соотношение частей (главных и второстепенных) в рамках целого: стены оживляют выступами, ткани – линиями, полы – геометрическими фигурами и т.д. Во-вторых, разнообразие частей относительно их формы и величины. Мы видим многообразие листьев, кристаллов, снежинок, звезд; в орнаменте – изобилие узоров различной величины; в решетках и колоннах – широкий спектр прямолинейных и криволинейных линий; в архитектуре – различное расположение лицевых и задних фасадов. В-третьих, пропорциональность величин предмета, выраженных в таких геометрических характеристиках, как длина, ширина и высота. Особую роль пропорция величин играет в архитектуре, где закон гармоничного деления является геометрическим. В-четвертых, группировка частей. Самая красивая группировка, созданная природой, – человеческое тело. Однако мы получаем удовольствие и от группировки объектов ландшафта: горных вершин, плывущих облаков, струящихся ручьев и т.д. А какую группировку плоско-

стей можно увидеть в кристалле! В изобразительных искусствах она связана с понятием «симметрии», а в музыке – с ритмическими группами. В-пятых, правильная группировка линий. И в этом случае человеческое тело – основной источник красивых групп линий, но это равным образом касается и животных, и птиц, и листьев. Игра линий – основной формальный признак в архитектуре и живописи.

Здесь важно подчеркнуть: удовольствие человеку доставляют объективные, научно значимые качества объекта, которые британские эмпирики называли «первичными». Таким образом, если, допустим, древний египтянин размышлял только о пространственно-временных характеристиках кристалла, а представитель иной культуры поздних веков, находясь в музее, задумывался о тех же качествах кристалла, то вполне возможно ожидать согласия в их эстетических суждениях.

Кроме этого, эстетическое восприятие осуществляется в форме созерцания, а потому не касается непосредственного бытия вещей. Человек нацелен исключительно на эстетические отношения объектов, не вовлекаясь в реальные. Концентрация на чистой форме объекта близка теоретическому рассмотрению, а незаинтересованная эстетическая позиция становится воспитательницей научного мышления, усиливая в субъекте предрасположенность к абстрагированию. Суждения о чистой красоте имеют универсальное основание, в чем родственны математическим, геометрическим и каузальным суждениям. Однако их универсальность не может быть доказана логически, поскольку базируется на чувстве. Каким же образом Кант обосновывает чувство всеобщей достоверности, лежащее в основе созерцания красоты?

Как мы знаем из его теории познания, категории рассудка, после обретения временной формы за счет «схематизации» продуктивным воображением, придают структуру нашему опыту, привнося в него всеобщность. Кант утверждает, что для любого познавательного суждения обе способности – понимание и воображение – должны идти «нога в ногу». «Воображение» (die Einbildungskraft) – это способность, благодаря которой наши ощущения объединяются для создания элементарного чувственного образа объекта, а «понимание» (der Verstand) – способность, применяющая к нему понятие ради его идентификации как предмета определенного рода.

Гармония этих способностей становится источником нашего глубинного чувства удовольствия от общей готовности к постижению мира. Такая гармония вовсе не предполагает определение вещи, а является общим чувством, возникающим в результате беспристрастной реакции на абстрактную пространственно-временную объектную форму. Человек получает удовольствие от наличия исправного рабочего состояния его познавательных способностей, готовых к плодотворной научной деятельности. Очевидно, что такое когнитивное чувство люди переживают одинаковым образом. Отсюда ключом к теории красоты становится априорное чувство, вызванное гармонией познавательных способностей, которые синхронизируются ради образования эмпирических суждений, наподобие «лист зеленый» или «небо голубое».

Кант утверждает, что в своей пространственно-временной конструкции некоторые объекты в наибольшей степени соответствуют нашим познавательным желаниям. Их структуры выглядят естественно адаптированными к

познавательным способностям, как если бы некий высший разум заложил в них подобную цель. Благодаря таким структурам объекты вызывают гармоничный резонанс между пониманием и воображением, подготавливая их к общей когнитивной активности. Иначе говоря, чистая красота возбуждает и стимулирует весь познавательный процесс.

В конце концов, Кант приходит к выводу, что удовольствие, лежащее в основе эстетического суждения, может быть связано только с «познанием вообще», а не с конкретным познавательным актом, соотносящим понятие и его объект. Всеобщее чувство удовольствия, определяющее суждения о чистой красоте, не зависит от конкретного знания объекта с точки зрения его принадлежности к какому-либо роду или виду. Познавательные силы находятся в состоянии свободной игры, поскольку не детерминированы понятием. Как здесь не вспомнить последователя кантовской философии Шиллера, утверждавшего, что только эстетический человек может быть полноценным человеческим существом: «...человек из всех состояний человека именно игра и *только* игра делает его совершенным» [11. С. 124], и он «играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет» [11. С. 125].

Стратегия Канта при объяснении природы всеобщего удовольствия, лежащего в основе суждений о прекрасном, совершенно гениальна. Зная, что он не может апеллировать к конкретным познавательным актам и сопутствующему им удовольствию ради обоснования этого всеобщего чувства, а также понимая, что оно все же должно быть связано с познанием в процессе объяснения его универсальности, немецкий философ преодолевает эту трудность, заявляя, что при оценке красоты объекта он должен рассматриваться с позиции условий и целей «познания вообще» или, что равнозначно, «способности суждения вообще». Это подобно тому, как если бы мы одобрительно воспринимали какой-либо объект в свете его способности возбуждать в нас чувство удовольствия от самой возможности видения. Аналогично этому можно поддержать нашу повседневную деятельность не в плане конкретной выполняемой работы, а с точки зрения получения удовольствия от состояния общей жизнеспособности.

В случае восприятия объекта чистой красоты, мы не получаем удовлетворения от его познания. Вместо этого, одобрение получает его формальная структура, позволяющая высоко оценить нашу способность познания вообще. Иначе говоря, красота связана с общим удовольствием от жизненной и познавательной активности. Кант указывает на это уже в § 1 «Критики», связывая чувство удовольствия от прекрасного с жизненным чувством: «...здесь представление целиком соотносится с субъектом, и притом с жизненным чувством, которое называется чувством удовольствия или неудовольствия» [10. С. 204]. Для определения природы удовольствия от прекрасного, необходимо иметь представление об общих процессах познания при оценке красивого объекта. Поскольку речь идет о чувстве удовольствия, связанного с познанием как таковым, никакие конкретные познавательные акты не способны играть существенную роль в формировании этого универсального чувства. В связи с этим, когда объект оценивается в перспективе познания вообще, когнитивные способности будут пребывать в активном тоне, но при этом освобождаются от подведения его под определяющее понятие.

Теория познания Канта исходит из общей логической формы суждения «S есть P» и базового предположения о соответствии его частей способностям разума, а именно воображению и рассудку. Их объединение в познавательном акте подобно соединению элементарных частей конкретного суждения. Воображение является хранилищем «S» (т.е. созерцаний или представлений), а рассудок – хранилищем «P» (т.е. понятий или универсалий). Когда же в своей согласованности эти способности настроены на вынесение определенного суждения, то сама структура разума выражает общий союз созерцаний и понятий, отражающий логическую структуру суждения «S есть P» и инстанцирующий познание как таковое. В итоге психологические и эпистемологические аспекты теории Канта вдохновляются основной формой логического суждения, подтверждающей аристотелевскую характеристику человека как рационального животного.

В § 35 Кант отмечает: «...вкус, как субъективная способность суждения, содержит в себе некий принцип подведения, но не созерцаний под *понятия*, а способности к созерцаниям или изображениям (т.е. воображения) под *способность* [давать] понятия (т.е. под рассудок), поскольку первая [способность] в *своей свободе* согласуется с последней в *ее закономерности*» [10. С. 300]. В силу этого мы можем говорить о свободной игре познавательных способностей как о воплощении на более высоком родовом уровне элементарной формы суждения «S есть P». Имеет смысл утверждать, что гармония познавательных способностей непосредственно выражает общую способность суждения.

В итоге Кант не просто развил положение о свободе суждения о чистой красоте от применения понятий к объектам ради достижения эмпирического знания. Он уточнил природу всеобщего удовольствия, лежащего в основе эстетического суждения, и определил его источник в гармонии познавательных способностей, изначально обеспечивающей возможность достижения такого знания. В ходе этого было показано, каким образом само состояние гармонии способностей отражает общую форму логического суждения «S есть P». Такая гармония – универсальна, поскольку выражает познание как таковое, а ее переживание доставляет удовольствие от осознания оперативной продуктивности разума в качестве важнейшей когнитивной предпосылки.

В «Критике чистого разума» Кант определяет цель познания как формирование целостной системы научных знаний, способной предсказать любое мировое событие. Этот идеал имеет решающее значение для кантовской теории красоты. Несмотря на детерминированность нашего опыта категориями, остается неясным, каким образом открытие законов природы может привести к единой и органичной системе. Человек, конечно же, стремится ее построить, но всегда остается опасение, что природа способна противостоять его познавательным намерениям.

Совершенная наука должна допустить рациональность нашего опыта, фундаментальным источником которого является высший разум, управляющий природой. Чтобы направить научную мысль к ее абсолютно систематическому завершению, необходимо предположить наличие цели в каждом элементе природы, а также возможность их объединения в единую систему, выражающую божественный замысел. Кроме того, реализация такого систематического единства требует синтеза чувственного и интеллигибельного.

Кантовская идея игры познавательных способностей как раз-таки и соответствует этому разумному идеалу. Предпосылка, способствующая развитию науки, получает название «принципа целесообразности природы». Познавательные способности могут работать максимально продуктивно, если природа приспособлена к научным целям ее окончательного постижения. Постулировать такую природную организацию – значит рассматривать ее как произведение божественного искусства. Остается надеяться, что существование Бога содействует формированию всеобъемлющей системы природных законов.

Однако далеко не все объекты нашего опыта настолько структурно организованы, чтобы казаться приспособленными к познавательным способностям. Многие из них хаотичны и сопротивляются пониманию. Лишь достаточно организованные объекты (снежинки, цветы, кристаллы и всевозможные абстрактные конструкции), в случайном проявлении их систематической формы, служат подтверждением соответствия природы нашему стремлению к единому знанию. Получается, что чистая красота вдохновляет науку, а систематичность предметных форм гармонизирует наши когнитивные способности, порождая чувство прекрасного. Такое чувство, вызванное формальными конфигурациями объектов, намекает на то, что они являются продуктами целесообразной деятельности присутствующего в мире разумного систематического мышления. Объекты, имеющие «целевую» форму, могут рассматриваться как произведения искусства.

На максимально высоком уровне абстракции Кант утверждает, что прекрасные предметы демонстрируют «целесообразность без представления о цели» (*Zweckmäßigkeit ohne Zweck*). Целесообразность, доставляющая удовольствие, подразумевает идею разумно спроектированной организации. Можно предположить, что подобный разумный проект включен в замысел прекрасной вещи, и эта общая рациональность конструкции совершенно независима от природы объекта. Кант утверждает, что даже если представление не имеет чувственного содержания (например, некая абстрактная математическая или геометрическая структура), то суждение о нем все равно будет эстетическим. В данном случае характер представления как чувственного или концептуального не имеет никакого значения. В суждении о прекрасном заложена возможность эстетической оценки формальной конфигурации любого представления. Таким образом, встреча с прекрасным объектом природы подобна взгляду в зеркало, поскольку его систематическая структура отражает наше рациональное «Я». В красоте обнаруживается отражение человеческого духа. Не зря Гегель в «Первой программе немецкого идеализма» утверждал, что «высший акт разума <...> есть акт эстетический», а «философия духа – это эстетическая философия» [12. С. 212].

Нельзя забывать о том, что суждение вкуса Кант квалифицирует как «рефлексивное». В общем смысле суждение есть способность мышления подводить индивидуальный случай под общее правило. Если правило задано изначально, то суждение, подводящее индивидуальное под общее, будет определяющим, а если для определения индивидуального необходимо искать общее, то мы имеем дело с рефлексивным суждением. Познавательное суждение относится к первому виду, а эстетическое – ко второму. Чувство прекрасного рождается в результате свободной деятельности воображения, при

которой взаимосвязь образов не регулируется понятием. Однако, несмотря на свободный характер игры воображения, в ней все происходит так, как если бы она следовала определенной «логике» с ее случайной и непредвиденной законосообразностью. В музыке, например, вызываемые звуками образные ассоциации кажутся организованными и структурированными, как будто они осмыслены или стремятся выразить какие-либо чувства. И несмотря на то, что воображение не детерминировано понятием, оно структурируется так, будто способно самостоятельно удовлетворить требованиям правил познавательных суждений. В этом случае возникает свободное и неопределенное согласие между воображением и рассудком, которое совершенно непредсказуемо и неуправляемо. Вследствие этого Кант, в отличие от Гегеля, абсолютно не допускает существования науки о прекрасном.

Согласие чувственных и интеллектуальных способностей становится началом воплощения в реальность тех идей разума, которые и должны его актуализировать согласно божественному замыслу. Если конкретный объект чистой красоты случайно не привел бы к гармонии способностей, соответствующей идее систематического единства, а такое согласие было бы результатом какого-либо искусственного или волюнтаристского решения, то требование систематичности, заложенное в божественной идее, было бы вообще невыполнимо. Чувство конечной цели прекрасный объект вызывает в той степени, в которой является неопределенным относительно наших принципов и правил. Все происходит так, как будто объект существует только ради удовлетворения собственного рационального принципа. Нечто реальное является причиной чувства удовольствия, поскольку способно удовлетворять субъективным требованиям, не прибегая к нашему вмешательству в него. В этом смысле естественная красота считается образцом для художественной красоты.

Однако если бы идеи разума не принадлежали человечеству, то возбуждающий их прекрасный объект не вызывал бы никакого общего чувства. Именно идея системы, исключительной мировой разумности является основным принципом эстетической рефлексии. В связи с этим кантовское определение объектов, примиряющих природу и дух, непосредственно приводит к философским теориям романтизма. Прекрасное и является одним из таких объектов, примиряющих чувственность и понятие, находясь в зависимости от руководящей необходимой идеи разума. В итоге рефлексивность суждения вкуса: во-первых, восходит от конкретного (прекрасного объекта) ко всеобщему (требование совершенного союза чувственности и разума); во-вторых, не имеет определенного понятия; в-третьих, только идея системы или Бога способны инициировать рефлексии; в-четвертых, существование прекрасного обусловлено этой идеей, и, наконец, в-пятых, удовольствие является результатом согласия между конкретным реальным предметом и универсальным требованием систематичности.

Одо Марквард задавался вопросом: почему именно в XVIII в. эстетика начинает занимать ведущее место в философском знании? И причину этого видит в эмансипации человека от прежних религиозных связей: «Важным шагом на пути к эмансипации представляется отделение теологии от философии, веры от разума в конце Средневековья. В результате отделения рационального мышления от теологического, мир становится теологически непо-

стижимым. Утрачивая богословскую интерпретацию, он становится профанным, принося глубокое разочарование» [3. С. 23].

Однако и в этом пункте эстетика Канта оказывается «поворотной». Немецкий философ фактически выводит теологию из эстетики, используя эстетическое суждения в качестве доказательства бытия Бога. По его мнению, именно через эстетическое созерцание человек сталкивается с тем аспектом мира, которым всегда была озабочена теология. Мы не можем теоретически доказать существование Бога или постичь его идею не иначе как негативным путем, с помощью отрицания. Тем не менее присутствует намек на трансцендентное в созерцании красоты, при котором ощутима целесообразность и разумность окружающего мира. Мы не способны знать трансцендентное, но можем его почувствовать. Знание о Боге – это осознание того, что человек чувствует перед лицом природы. Такое чувство не может быть переведено в систему рационального аргумента, поскольку последний принадлежит естественной теологии, которая осталась в прошедших веках слепой веры. В «Критике способности суждения» эстетический и религиозный опыт расположены рядом, и именно первый, а не второй, становится архетипом откровения. Только в чувстве прекрасного истина религиозной доктрины странным и невыразимым образом становится для человека чем-то глубоко интимным. Романтики еще с большей силой поднимают эстетический опыт до высочайшего духовного статуса, а эстетика начинает заменять религию в качестве центрального компонента образования.

В европейской философии всегда преобладало картезианское положение о границах человеческого познания, когда его конечность мыслилась на фоне абсолютного божественного всеведения. Знаком предела человеческого познания является чувственность, которая блокировала автономный статус эстетики. С этой точки зрения кантовская философия представляет собой беспрецедентное в истории мысли переключение перспектив.

В «Трансцендентальной эстетике» немецкий философ предлагает перевернуть изначально существовавшее метафизическое отношение между конечным и Абсолютом. Вместо изначального утверждения Абсолюта и последующего ограничения субъекта, Кант начинает с человеческой конечности, чтобы вторым шагом подняться к Абсолюту. Другими словами, ради обновленного взгляда на традиционные метафизические вопросы, необходимо оттолкнуться от простого факта чувственной ограниченности человека. В результате этого божественная фигура Абсолюта релятивизируется, превращаясь в простую «идею разума», объективная реальность которой недоказуема. А это означает, что невозможно релятивизировать чувственное знание, определяя его как низшее бытие перед лицом умопостигаемого Абсолюта. Тем самым Кант ставит под сомнение претензию на доказательство бытия Бога при помощи онтологического аргумента.

Возражения против онтологического аргумента хорошо известны. Логическая возможность понятия не гарантирует его объективности, поскольку бытие не является реальным предикатом. Иначе говоря, божественная идея как необходимая для человеческого разума остается идеальной, пребывая только в мышлении. Тем не менее ее регулирующая функция для познания очень велика, ибо делает осмысленной идею научного прогресса. Кант в теории познания осуществляет глобальную секуляризацию божественной идеи,

на фоне которой производит переоценку чувственности, приводящей к ее независимости от умопостигаемого мира. Исходя из этого, человеческое знание всегда связано с чувственностью, интуицией, которые не должны больше релятивизироваться и девальвироваться. Именно потому, что знание всегда ограничено чувственной интуицией, любое всеведение изгоняется в царство метафизической иллюзии, а чувственное познание должно, наконец, обрести свою полную легитимность. Кант подчеркивает, что «Критику чистого разума» можно читать в обоих направлениях: либо двигаясь от «эстетики» к «диалектике», либо наоборот.

В итоге отметим два основополагающих фактора гносеологической эстетизации. Во-первых, базовые структуры нашего познания в значительной степени содержат эстетические компоненты, начиная от элементарных форм интуиции и до направляющих метафор, образов и идей. Во-вторых, эстетический компонент в гносеологической сфере является примиряющим все разнородные познавательные способности, обеспечивая общую гармонию субъективного и объективного. «Критика способности суждения» свидетельствует о том, что Кант использовал эстетику красоты для собственных эпистемологических целей. Она должна была достичь того, к чему традиционно стремилась философия, но с чем у нее возникали серьезные проблемы: достижение тотальности и универсального примирения противоположностей. «Эстетическое» выражало примирительную перспективу. Структуры считаются «эстетическими» именно в той мере, в которой разнородные вещи находят чудесное соединение, приводятся в гармонию, согласуясь друг с другом. Эстетическое восприятие в целом имеет отношение не столько к отдельным элементам, сколько к отношениям между ними: связям и контрастам, гармониям и соответствиям, противопоставлениям и аналогиям. При этом эстетическое созерцание заинтересовано в их согласовании и завершенности. Красота способна ассимилировать все элементы, относящиеся к чувственному, суммируя их в примирительной перспективе. Ведь красота обозначает совершенную форму чувственного, и это совершенство состоит в свободном соединении частей в целое, т.е. в примирении. А потому переход от элементарного чувства к эстетическому – это движение от несоответствия к приспособлению, от конфликта – к гармонии.

Эстетика у Канта именно как трансцендентальная эстетика (а не теория искусства) стала эпистемологически фундаментальной. С этого момента невозможно говорить о знании, истине и науке без учета эстетических факторов. Именно неспособность признать зависимость нашего познания от эстетического начала была основной ошибкой традиционной метафизики. С Канта вступило в свою силу следующее правило: ни один когнитивный дискурс не может быть успешным без осознания его фундаментальных эстетических элементов. Если Кант и является классическим автором для сегодняшнего дня, то это происходит именно благодаря открытой им протоэстетике познания.

Список источников

1. Adorno T. Kierkegaard: Construction of the aesthetic. Minneapolis : U. of Minnesota P, 1989.
2. Man P. De The Resistance to Theory. Minneapolis : U. of Minneapolis P, 1986.
3. Marquard O. Kant und die Wende zur Ästhetik // Aesthetica und Anaesthetica. München : Wilhelm Fink Verlag, 2003.
4. Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности. М. : АСТ : Астрель, 2010.

5. Маркузе Г. Эрос и Цивилизация: Философское исследование учения Фрейда. Киев, 1995.
6. Eagleton T. *The Ideology of Aesthetic*. Oxford : Cambridge, 1990.
7. Baumgarten А. Эстетика. М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2021.
8. Рансьер Ж. Разделя чувственное. Эстетика и политика. СПб. : Изд-во Европейского университета, 2001.
9. Кант И. Критика чистого разума // Собр. соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 3.
10. Кант И. Критика способности суждения // Собр. соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 5.
11. Шиллер Ф. Письма об эстетическом понимании человека. М. : РИПОЛ классик, 2018.
12. Гегель Г.-В.-Ф. Первая программа немецкого идеализма // Работы разных лет : в 2 т. М., 1972. Т. 1.

References

1. Adorno, T. (1989) *Kierkegaard: Construction of the Aesthetic*. Minneapolis: University of Minnesota.
2. Man, P. De (1986) *The Resistance to Theory*. Minneapolis: University of Minnesota.
3. Marquard, O. (2003) *Aesthetica und Anaesthetica*. Munchen: Wilhelm Fink Verlag.
4. Wittgenstein, L. (2010) *Kul'tura i tsennost'. O dostovernosti* [Culture and Value. On Reliability]. Translated from German. AST: Astrel'.
5. Marcuse, H. (1995) *Eros i Tsivilizatsiya: Filosofskoe issledovanie ucheniya Freyda* [Eros and Civilization: A Philosophical Inquiry into Freud]. Translated from English by A. Yudin. Kiyv: ISA.
6. Eagleton, T. (1990) *The Ideology of Aesthetic*. Oxford: Cambridge.
7. Baumgarten, A. (2021) *Estetika* [Aesthetics]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo.
8. Rancière, J. (2001) *Razdelyaya chuvstvennoe. Estetika i politika* [Dividing the Sensuous. Aesthetics and Politics]. Translated from French. St. Petersburg: European University.
9. Kant, I. (1966a) *Sobranie sochineniy: V 6 t.* [Collected Works: in 6 volumes]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
10. Kant, I. (1966b) *Sobranie sochineniy: V 6 t.* [Collected Works: in 6 volumes]. Vol. 5. Moscow: Mysl'.
11. Schiller, F. (2018) *Pis'ma ob esteticheskom ponimanii cheloveka* [Letters Upon The Aesthetic Education Of Man]. Translated from German. Moscow: RIPOL klassik.
12. Hegel, G.-W.-F. (1972) *Raboty raznyh let: V 2 t.* [Works of Different Years: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.

Сведения об авторе:

Найман Е.А. – доктор философских наук, профессор кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия). E-mail: enyman17@rambler.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Naيمان E.A. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, Department of History of Philosophy and Logic, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); leading research fellow, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: enyman17@rambler.ru.

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.04.2024;
одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted 16.04.2024;
approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 11.06.2024*

Научная статья

УДК 1-165

doi: 10.17223/1998863X/79/9

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОЗРЕНИЕ Г. ГАРФИНКЕЛЯ: РАБОТА С КОНСТИТУТИВНЫМ СОЦИАЛЬНЫМ ПОРЯДКОМ

Николай Михайлович Слобода

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, nsloboda@hse.ru*

Аннотация. Актуализируется проблема конститутивного социального порядка, концептуализированного в рамках этнометодологии Г. Гарфинкеля. Осуществляется попытка обособления его теоретических оснований и способа познания через призму феноменологической философии. Для достижения поставленной цели производится ревизия основных проблем феноменологии, определение ее операционального содержания для последующего использования в анализе специфики этнометодологического подхода.

Ключевые слова: социальный порядок, конститутивный порядок, этнометодология, феноменология

Благодарности: использованы результаты проекта «ТЗ-96 Феноменологические течения в философии XX–XXI вв.: истоки, влияния, развитие», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

Для цитирования: Слобода Н.М. Феноменологическое прозрение Г. Гарфинкеля: работа с конститутивным социальным порядком // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 91–101. doi: 10.17223/1998863X/79/9

Original article

HAROLD GARFINKEL'S PHENOMENOLOGICAL INSIGHT: WORKING WITH THE CONSTITUTIVE SOCIAL ORDER

Nikolai M. Sloboda

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,
nsloboda@hse.ru*

Abstract. The article explicates phenomenological prerequisites for understanding the constitutive social order. The main premise of the work is that the theoretical basis of the constitutive social order, the understanding of which is proposed in Harold Garfinkel's ethnomethodology, can be analyzed from the positions of phenomenological philosophy. The aim of the article is to analyze the theoretical presuppositions and the way of knowing the constitutive social order. The optics of phenomenological philosophy are chosen for the analysis of presuppositions because it is the optics that Garfinkel addresses in his works not only directly, but also through the phenomenological sociology of Alfred Schütz. The main text of the article is divided into two semantic blocks. The first section attempts to define an understanding of phenomenology as phenomenological practice. This is necessary because Garfinkel himself regarded phenomenology as a model for working with current background expectations that constitute an actual-reproducible order. For reflection on the problem of phenomenological practice, we turn to Edmund Husserl, Lothar Eley, and Eugen Fink,

taking into account the analytical works of contemporary researchers. As a result, we emphasize the main attributes of the so understood phenomenology. The second section offers an analysis of the basic philosophical premises of the constitutive social order, relying on the previously defined understanding of phenomenological philosophy. The structure of the subject of ethnomethodology proposed in Garfinkel's early works is analyzed, as well as the main epistemological limitations that determine the specificity of cognition in ethnomethodology. The problem of cognitive process, determined by the requirement of coherence of experience without reference to a privileged topicality, is singled out separately. Cognition in the proposed optics is based on the principle of contextual obviousness. The limitation of cognition of ethnomethodology and phenomenology oriented on the problem of givenness, caused by the closedness of phenomenal idealization, determines isomorphism in their practical implementation.

Keywords: social order, constitutive order, ethnomethodology, phenomenology

Acknowledgements: The results of the project “TK-96 Phenomenological trends in Philosophy of the XX–XXI centuries: origins, influences, development”, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2023, are presented in this work.

For citation: Sloboda, N.M. (2024) Harold Garfinkel's phenomenological insight: working with the constitutive social order. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 91–101. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/9

Проблема социального порядка: нормативное и конститутивное понимание

Проблема социального порядка была поставлена еще до появления социологической науки. Т. Гоббс в своем знаменитом трактате «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» противопоставляет гражданское состояние естественному и тем самым открывает современную социально-политическую топологию. Жизнь человека в естественном состоянии одинока, кратковременна и бедна [1]. Заклучая «общественный договор», человек переходит из состояния враждебности и неприятия к возможности совместной реализации потребностей. Отказ от вседозволенности позволяет перейти от состояния всеобщего недоверия (как следствие, невозможности устойчивых отношений) к перспективе взаимодействия людей, включающей формирование совместно разделяемых представлений. Именно идея гражданского состояния является первым случаем рассмотрения постоянства человеческих отношений как проблемы. Идея социального порядка – рефлексивная идея о собственных основаниях социологической науки.

Несмотря на то что Дж. Александер, У. Скидмор, Дж. Тернер и другие социальные теоретики связывают проблему порядка с разными эпистемологическими вопросами (субъективности и объективности, институционализации и деинституционализации и т.д.), несомненным оказывается то, что через апелляцию к «фактическому характеру регулярностей, наблюдаемых на уровне общества, социолог легитимирует свою дисциплину как самостоятельную» [2. С. 16]. О. Кильдюшов реконструирует различные теоретико-методологические подходы к проблеме социального порядка и приходит к идее, что «вся следующая за „Левиафаном“ интеллектуальная традиция может быть понята как попытка решения ключевой для индивидуализирующего Модерна проблемы стабильности общественного порядка» [3. С. 126]. Формулировка вопроса о нормативном социальном порядке Т. Парсонса финали-

зирует интуиции поствеберовской теории, рассматривающей порядок как регулярность, основанную на ожиданиях, сформированных в зависимости от принадлежности к сообществу [4].

А. Корбут предлагает противопоставлять концепции нормативного порядка Т. Парсонса идею ситуативного действия Г. Гарфинкеля [5]. Если нормативный социальный порядок предполагает наличие формальных структур, предшествующих и определяющих конкретные действия, то ситуативный взгляд, напротив, усматривает источником формальных структур сами действия. Этнометодология предлагает революционное решение проблемы социального порядка – отказавшись от стремления поиска и обоснования собственно социального, как это делают классические социологические теории, она открывает новое понимание порядка. В этом контексте становится понятной мысль Дж. Тернера: «Этнометодология не является новым исследовательским методом; она не пытается ответить на вопрос о том, как возможно общество <...> Скорее этнометодология занимается изучением феномена, которому было уделено незначительное внимание в пределах интеллектуальных границ традиционных теоретических перспектив» [6. С. 422]. Вместо попытки теоретического построения социальной теории, с целью ее валидации посредством процедур верификации (или реификации, в критическом дискурсе Гарфинкеля), автор этнометодологии предлагает радикальную ориентацию на социальную действительность *in vivo*.

Несмотря на то что ранние работы Г. Гарфинкеля скорее обращены к локальным практикам символического продуцирования порядка, а поздние – к *процедурному* характеру упорядочивания, актуально воспроизводящихся «социальных форм», этнометодология не разделяется на две гетерогенные субтопики. Конститутивный (ситуативный) социальный порядок внутренне когерентного этнометодологического проекта уже был подробно проанализирован в диссертации А. Корбута, где он исчерпывающе рассмотрел понятие и свойства конститутивного порядка, а также его исследования в рамках основных направлений этнометодологии [2].

В данной работе предложен анализ теоретических предпосылок и способа познания конститутивного социального порядка в оптике феноменологической философии. Исследовательский акцент сделан на ранних работах Г. Гарфинкеля, эпистемологический и методологический лейтмотив которых сохраняется и в позднем периоде творчества.

Проблему связи феноменологии и этнометодологии разрабатывали такие зарубежные ученые, как Р.Дж. Андерсон, Дж.А. Хьюз, У. Шеррок, Джон Д. Брюер и Мэри Ф. Роджерс, исследующие скорее исторически-биографическую, а не концептуальную взаимосвязь направлений. Для нашей работы значительное влияние имеют исследования Натали Дёпра, утверждающей, что Гарфинкель мыслит актуальное мышление как дискретное, реабилитируя рефлексивность как атрибут практики; это непосредственно связывает его теорию с феноменологией. Но каково понимание феноменологии Г. Гарфинкелем? Уже в заметках 1952 г. Гарфинкель пишет, что для его теории «следует выбрать феноменологию Гуссерля» [7. Р. 121]. Однако в другом месте отмечает, что не следует ограничивать понимание феноменологии рамками представлений классика: «Есть много феноменологий на выбор, или, лучше сказать, есть много феноменологических установок на выбор» [7. Р. 117].

Для достижения цели данного исследования нам стоит определить понимание феноменологии, которое не противоречит утверждениям Гарфинкеля, а также является когерентным форме ее концептуального инкорпорирования в проект этнометодологии.

Темпоральная практика феноменологического мышления

Определение понятия феноменологии является одной из сложнейших внутренних проблем. В перспективе феноменологического движения Э. Гуссерль планировал выступить методологом, а своим ученикам поручить разработку отдельных проблемных регионов философского знания в феноменологическом оптикуме. Однако начав с развития конкретных областей, ученики занялись пересмотром философии своего выдающегося учителя, предложив проекты, отражающие собственное видение феноменологии [8]. К авторам таких проектов относятся М. Хайдеггер, М. Шеллер, О. Беккер, Р. Ингарден, А. Рейнах, О. Финк и др. Подобная ситуация указывает на «открытость» как на основное свойство исторического развития феноменологической философии, требующее соответствующего имплицитного эквивалента в концептуальной составляющей направления.

Лотар Элай отметил, что Гуссерль понимал феноменологию как рабочий проект философии (*Arbeitsphilosophie*) [9], из чего следует, что за основными феноменологическими понятиями и движениями мысли не следует видеть завершенность феноменологических возможностей. Напротив, многоуровневость рефлексии Э. Гуссерля не позволяет задержаться в рамках одной топики, составляя живое исследование вне предметных условностей. Г. Чернавин пишет: «...ревизия методологического инструментария феноменологии должна привести нас к различным стратегиям исследования, применяемых согласованным образом» [10. Р. 33]. В таком случае феноменология представляется тем, что раскрывает свое модуляторное содержание в соответствии с полаганием вопрошающего. Отношение к феноменологии как к проекту с гибким конституированием позволяет производить сдвиги внутри согласованной системы, что открывает возможность для отказа от принятых подразумеваемых и учреждения нового смысла. Таким образом, роль феноменологической философии заключается в том, чтобы выступать регулятивным инструментом философского вопрошания (механикой аккуратного вынесения суждений), учитывающего процедуры *erosche* и феноменологической редукции.

Такое понимание феноменологии может быть прояснено через проблему *данности*, подробно рассмотренной Ойгеном Финком. Он обращает внимание на то, что данность не просто темпорально, но сущностно зависит от операции схватывания, а потому она не может стать краеугольным камнем непосредственности истины. Данность выступает не решением, а основной проблемой [11].

Э. Гуссерль, находясь в поиске основания для построения теоретической логики, выделяет содержание суждения в качестве идеального единства, требующего адекватной идеации. Точное разделение сущности и отношений идеальных единств – вот та точка, с которой должна начинаться философия как строгая наука, свободная от предрассудков метафизики. Именно из нее исходят и в конечном счете в нее упираются последующие мыслительные операции в режиме феноменологической редукции. В более поздних работах Э. Гуссерль уделяет особое внимание проблемам доэгологического и генети-

ческого анализа, поскольку именно в проблеме данности и очевидности находится источник валидации феноменологии.

Невозможность прямого решения проблемы определяет способ осуществления феноменологического философствования, выражающегося в колебательном движении мысли между подразумеванием и редукцией. Мысль соприкасается лишь со смысловым «ракурсом» предметов, обращенным к идеальной intersубъективной идентичности, а потому с очевидностью *данное* сознанию ускользает от прямой дескрипции, уже явив себя на фоне присутствующего спекулятивного [12]. Интенциональность сознания выступает причиной того, что данность открывается не сама по себе, но лишь в условии само собой разумеющегося, предваряющего мышление подразумеванием. Особым подразумеванием, некоторым *пра-мнением*, которое «всегда уже подхвачено и проросло в отдельные мнения» [13. С. 17], является тезис, который можно обозначить как «действительность существует» или «мир как действительность всегда есть» (“die” Welt ist als Wirklichkeit immer da). Вера в бытие вторгается в феноменологическую топикку через «естественную установку». Несмотря на приостановку этого генерального тезиса подразумевания, феноменологический «регистр» все же является хоть и очищенным, но продуктом естественного. Субъект, всегда уже вброшенный в мир, обнаруживает себя определенным, «присутствие всегда уже в себе заблудилось и обозналось» [14. С. 144].

Таким образом, феноменология, усматривающая горизонты подразумевания, обращаясь к *данному*, обнаруживает форму своего осуществления в «колебательном» движении между «естественным» и «противоестественным» (феноменологическим) подразумеванием, осуществляя темпоральную практику феноменологического мышления. Перечислим специальные черты так понятой феноменологической практики: принятие условия спекулятивности фона всякой данности; учет обстоятельства «само собой разумеющегося» не только «естественной», но и «противоестественной» (феноменологической) установки сознания; ситуация «двойной бухгалтерии», обуславливающей включенность субъекта в оба регистра сознания; «колебательный» характер познания, заключающийся в чередовании регистров подразумевания.

Феноменологические предпосылки этнометодологии: ограничения и способ познания

Впервые феноменологические идеи были напрямую использованы в социальной теории А. Шюца. С. Баньковская отмечает, что в работе «Чужак» Шюц радикализирует феноменологическую редукцию, сводя эгологический подход к базовой категории Другого [15]. Последнюю он предлагает рассматривать в качестве результата редукции само-собой-разумеющегося культурного образца группы. Несмотря на то что А. Шюц вводит исследовательскую стратегию прерывания континуума изменений intersубъективности, а также зависимость свойств актора от актуального универсума значений, его теория приспособлена под константный, пусть и множественный переключающийся порядок.

В рамках проблемы конститутивного социального порядка этнометодология имеет специальную черту – ориентацию не на тип порядка, а на практику упорядочивания [2. С. 72]. Энн Роулз подчеркивает, что сами конститутивные практики «прямо конституируют создаваемые им и объекты, и смыслы» [15.

Р. 415]. Подход Г. Гарфинкеля основан на скептическом отношении к «привилегированному доступу» исследователя-социолога к социальной действительности. Теоретические схемы последнего лишь «реифицируются» (reified) посредством социальных исследований. Самые базовые категории социологии подвергаются пересмотру, как например, понятие «действия», которое в этнометодологии должно рассматриваться как «термин, характерный [лишь] для исследовательского словаря научного наблюдателя» [17. Р. 101].

Несмотря на видимую схожесть с символическим интеракционизмом, в этнометодологии символическое оперирование вторично относительно реально-го действия, рациональность зависима от способов поведения. Для закрепления отношения зависимости действия или высказывания от действительного контекста, Гарфинкель использует понятие индексальности (indexicality), «которое, непосредственно вытекая из лингвистического понятия „дейктического“, означает ссылку на данную ситуацию *hic* и *nunc*, т.е., в более общем смысле, на контекст выражения» [18. Р. 117]. Таким образом, этнометодолог ориентируется на изучение предельно доступной непосредственной данности социальной реальности, возможной с учетом схематизма мышления. Он ориентируется на данность не только благодаря ее наглядности, но и в силу собственного умения воспроизводства изучаемого порядка.

Подобная исследовательская стратегия во многом сближает этнометодологию с феноменологией. Уже Гуссерль утвердил принцип всех принципов, гласящий: «любое дающее из самого первоисточника созерцание есть правовой источник познания, и все, что предлагается нам в „интуиции“ из самого первоисточника (так сказать, в своей настоящей живой действительности), нужно принимать таким, каким оно себя дает, но и только в тех рамках, в каких оно себя дает» [19. С. 80]. Схватываемое в интуиции является не трансцендентным, а ситуированным, поскольку разум располагается внутри жизненного мира, в области человеческой практики [20. С. 143]. Это обстоятельство обуславливает ориентацию на принцип «очевидности как исполнения» в качестве основополагающего положения познавательного процесса [21. С. 51], а также отношение к миру через обусловленность внутренних и внешних горизонтов.

Гарфинкель, выражая свое отношение к феноменологии для социальных наук, подчеркивает ее практическое значение: «Я считаю, что труды феноменологов должны быть доступны в качестве технической подготовки к работе социологов во всех ее общих и частных деталях» [22. Р. 14]. Он отказывается от способа определения действия через аналитическую схему, который предлагает его научный руководитель Т. Парсонс. Определение действия последнего в оптике этнометодологии не более чем результат идеализации феноменальных представлений, гипостазированное подразумевание, обусловленное концептуальной схемой.

Г. Гарфинкель рассматривает возможности познания и выражения субъекта в терминах феноменологической социологии А. Шюца, а потому обращается к действию *in vivo*, сказываясь о внутренней механике «читателя» своего мира [17]. Из этой перспективы мир представляется реифицированными (reified) возможностями опыта, осуществляющегося с учетом детерминаций когнитивного стиля (cognitive style) [23]. Гарфинкель, отсылая к работе А. Шюца, приводит шесть концептуально связанных свойств когнитивного

стиля. *Специфическое напряжение сознания* представляет из себя определенный набор принципов, определяющий возможные (релевантные) объекты его области. С этим связано понятие *специфической приостановки суждения* (epoché), отказывающей в возможности миру и его объектам быть иными, чем они представляются. *Специфическая форма социальности* – это отношения, выстроенные между идентичностями в рамках «ограниченного мира». *Преобладающая форма спонтанности* – усматривание порядка в изменении отношений, выстроенных между идентичностями в рамках «ограниченного мира». *Специфическая временная перспектива* и *специфическая форма испытывания своего я* – взаимоопределяющие корреляты действия.

Вслед за Гуссерлем Гарфинкель разделяет ноэзис как событие мышления, длящееся внутри феноменального времени, и ноэму как содержания события мышления. Следует отметить, что он делает особый акцент на необходимости различать ноэму и «реальный объект». В названии каждого из свойств когнитивного стиля присутствует качество «специфичности» (specific), что указывает на зависимость от контекста действительности содержания свойств ее реификации. Несмотря на то что Г. Гарфинкель указывает на «активность» действующего, мышление которого включает собственное содержание, распадаясь на ноэтико-ноэматическое единство, тот не более чем «социологическая кукла, которая должна быть сконструирована как символическое животное с когнитивным стилем, которые вместе означают „актор“» [17].

С одной стороны, в этом заключается главное расхождение феноменологии и этнометодологии. Если феноменологическая философия стремится систематизировать действительное знание и, как следствие, обрести ту истину, которая доступна сознанию в принципе, то этнометодология, являясь социальной теорией, ставит своей целью изучение социальной действительности, свободной от концептуального подразумевания. Феноменология использует данность как отправную точку для различения инвариантов бытийного проявления; этнометодологии достаточно использования «естественной установки», поскольку она ориентирована на исследование повседневного социального упорядочивания.

С другой стороны, как уже было упомянуто ранее, проблема данности в феноменологии является одной из самых сложных. Не является ли состояние феноменологической установки сознания иным типом подразумевания, а сама феноменологическая философия, утверждающая «выход к бытию», учреждением иной самопонятности? В условиях постановки подобной проблемы феноменолог приходит к необходимости «практического» осуществления феноменологии, основывающемся на двух главных тезисах: «мир как действительность всегда уже есть» и «назад к вещам».

Именно в качестве «практики» феноменология и этнометодология достигают изоморфизма. Подобный способ «оперирования» данностью возможен благодаря ситуации «встроенности» субъекта в объект познания, где интенциональное присвоение предметности, осуществляющееся всегда локально, связано с границами «жизненного мира» (Lebenswelt), исходной точкой бытийной самопонятности, обуславливающей горизонт отсылания. Учет этого обстоятельства выражается в «непрямом» постижении референта. Этнометодология «преодолеывает» подобную трудность благодаря *проявлению* воспроизводимого порядка. С этим связан не только прерывающийся эксперимент

(breaching experiment), но и более общее положение, требующее от исследователя быть включенным в производство порядка, разделять «фоновые ожидания», «формирующие отношение к повседневной жизни» [24. С. 68]. Его изучение «изнутри» возможно благодаря способности остраннения (make strange), «не-внимания», подвешивания инерции самопонятного мышления, только что осуществлявшегося со стороны *всегда третьего лица*, но почему-то транслируемого мной. Так Кеннет Либерман, ученик Гарфинкеля, три года жил в общине тибетских монахов, чтобы научиться понимать производство порядка тибетских дебатов для последующего остраннения или выявления приобретенного *само собой разумеющегося* (taken for granted).

Различные практики упорядочивания предполагают агентов упорядочивания, различие которых выражается в понятиях «социальной идентичности» или «популяции». Конституирование определенного способа порядка является следствием того, что агент упорядочивания обладает самопонятными «инструкциями упорядочивания». Социальная идентичность является не условием порядка, но одним из его феноменов, наглядно наблюдаемых и конституируемых в практике взаимодействия. Этнометодолога интересуют не свойства индивида, соотносящиеся с наблюдаемыми особенностями поведения, а конкретные практики упорядочивания, осуществляющиеся конкретными людьми. Эта локальность каждого исследуемого случая находит наиболее острое выражение в понятии «феноменального поля», заимствованного Г. Гарфинкелем из работ М. Мерло-Понти [25]. С одной стороны, конфигурация феноменального поля предопределяет локальное восприятие, но с другой стороны, оно само оказывается конституированным актуальной работой сознания. «Феноменальное поле – это то, что акторы производят и анализируют изнутри разворачивающейся деятельности» [26. С. 236].

«Встроенность» исследователя в объект познания определяет также и специфическое основание познания. Исходным эпистемологическим принципом в поздних работах Э. Гуссерля является очевидность, обладающая контекстуалистским значением на разных уровнях опыта и познания (повседневном, научном, философском). «Согласно контекстуализму, „знать“ – это индексальный термин, подобный „здесь“ или „я“. Следовательно, его семантическое содержание (или значение) „зависит от контекста, в котором оно используется“» [27. Р. 168]. Как уже было сказано, познание в этнометодологии, отказавшейся от эпистемологической модели теоретического созерцания, возможно благодаря собственному умению производства социального порядка (феноменализировано понятных действий) исследователем. Это условие, в свою очередь, подразумевает согласованность индивидуальных действий, которая обеспечена базовым принципом доверия. Г. Гарфинкель, анализируя ситуацию игры (выступающей моделью всякой социальной ситуации), отмечает, что согласие с конститутивным порядком событий «предложено в качестве общего определения термина доверие» [28. С. 12]. Доверие необходимо для предположения целенаправленно понятной феноменализации действий коммуниканта, возможной в рамках совместно разделяемого фона самопонятности.

Таким образом, и Э. Гуссерль, и Г. Гарфинкель пользуются схожим принципом основания познавательного процесса, обусловленным требованием согласованности опыта без отсылания к привилегированной топике. Контекстуалистская очевидность в феноменологии позволяет согласовать раз-

личные уровни опыта, поскольку именно различие очевидностей является принципом их дифференциации. Познание в этнометодологии возможно благодаря тому, что порядок объектов (т.е. сами объекты, общее представление о которых мы разделяем) состоит из *всегда уже* понятных деталей (обладающих свойством описуемости), т.е. сами практики социального упорядочивания по необходимости предполагают узнаваемость. Это важнейшее свойство возможно благодаря тому, что индивид обладает само собой разумеющейся процедурой упорядочивания, т.е. очевидностью, общеразделяемой в той мере, в какой происходит успешное достижение коммуникативных целей. Оно позволяет говорить о совместном упорядочивании, выступая принципом согласования опыта *in vivo*.

Заключение

Мы рассмотрели теоретические основания конститутивного понимания социального порядка. Невозможность апелляции к привилегированной топике (которую можно наблюдать в нормативном подходе к определению социального порядка) принуждает исследователя к радикальной ориентации на локальные практики упорядочивания. Однако познание все же возможно благодаря тому, что социальный порядок, будучи производимым, является понятным индивиду, включенному в практику его производства. Положение социального исследователя внутри объекта наблюдения является не только основанием возможности познания, но и тем, что детерминирует специфику исследовательской практики. Этнометодолог находится в той же конфигурации условий, ограничивающей гносеологический потенциал, что и феноменолог, а потому он также вынужден ориентироваться на само собой разумеющееся в качестве горизонта познания. Это обстоятельство определяет *практический* характер исследования, который состоит в предельном *сближении* с объектом, его экспликации посредством прерывания фона самопонятности, т.е. самих практик упорядочивания, конституирующих не только социальный порядок, но и агентов упорядочивания.

Список источников

1. Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1991. Т. 2. 731 с.
2. Корбут А.М. Концепция конститутивного порядка в этнометодологической традиции : дис. ... канд. социол. наук. М., 2014. 219 с.
3. Кильдюшов О. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15, № 3. С. 122–149.
4. Parsons T. A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers. New York : McGraw Hill, 1937. 775 p.
5. Корбут А.М. Гоббсова проблема и два ее решения: нормативный порядок и ситуативное действие // Социология власти. 2013. Т. 9, № 26. С. 1–2.
6. Тернер Д. Структура социологической теории. М. : Прогресс, 1985. 471 с.
7. Garfinkel H. Toward a Sociological Theory of Information. Boulder, London : Paradigm Publishers, 2008. 328 p.
8. Штигельберг Г. Феноменологическое движение. М. : Логос, 2002. 680 с.
9. Husserl E., Landgrebe L., Eley L. Untersuchungen zur Genealogie der Logik. Hamburg : Meiner, 1985. 479 S.
10. Chernavin G. La phénoménologie en tant que philosophie-en-travail : la dé-limitation, l'enrichissement de sens, l'institution du nouveau : thèse ... de doctorat en Philosophie. Toulouse, 2013. 284 p.
11. Финк О. Элементы критики Гуссерля // Логос. 2016. Т. 110, № 1. С. 47–62.

12. Паткуль А. Трудности феноменологического исследования: Финк и Гуссерль // Логос. 2016. Т. 26, № 1. С. 89–93.
13. Чернавин Г.И. Философия тролля: феномен платных ботов. М. : РИПОЛ классик, 2021. 368 с.
14. Хайдеггер М. Бытие и Время. М. : Ad Marginem, 1997. 451 с.
15. Баньковская С.П. Темпоральная феноменология Инаковости у А. Шюца (или рождение феноменологического социологизма) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 2. С. 212–225.
16. Rawls A.W. Wittgenstein, Durkheim, Garfinkel and Winch: Constitutive Orders of Sense-making // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2011. Vol. 41, № 1. P. 396–418.
17. Garfinkel H. Seeing sociologically: the routine grounds of social action. Boulder, London : Paradigm Publishers, 2006. 239 p.
18. Depraz N. L'ethnologue, un phénoménologue qui s'ignore? L'apport de la phénoménologie aux sciences sociales // Geneses. 1993. Vol. 10. P. 108–123.
19. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М. : Академический проект, 2009. 489 с.
20. Московец С.А., Ладов В.А. Феноменология Гуссерля в контексте метафизики, антиметафизики и постметафизики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. Т. 70. С. 137–146. doi: 10.17223/1998863X/70/12
21. Husserl E. Husserliana. Band XVII. Formale und transzendente logik. Haag : Martinus Nijhoff, 1974. 510 S.
22. When is phenomenology sociological? / H. Garfinkel, J. Heap, G.J. Hinkle [et al.] // The Annals of Phenomenological Sociology. 1977. Vol. 2. P. 1–40.
23. Шюц А.О. множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3, № 2. С. 3–34.
24. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб. : Питер, 2007. 335 с.
25. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб. : Ювента, 1999. 606 с.
26. Рейнюк А.С., Широков А.А. Этнометодология видеоигр: феноменальное поле в игровой практике // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16, № 3. С. 233–279.
27. Marosan B.P. Husserl's contextualist theory of truth // HORIZON. Феноменологические исследования. 2020. Т. 9, № 1. С. 162–183.
28. Гарфинкель Г. Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8, № 1. С. 10–51.

References

1. Hobbes, T. (1991) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
2. Korbut, A.M. (2014) *Kontseptsiya konstitutivnogo poryadka v etnometodologicheskoy traditsii* [The concept of constitutive order in the ethnomethodological tradition]. Sociology Cand. Diss. Moscow.
3. Kildyushov, O. (2016) Problema sotsial'nogo poryadka (Gobbsova problema): k evristike i pragmatike konstitutivnogo voprosa sovremennoy teorii obshchestva [The problem of social order (Hobbes' problem): Towards heuristics and pragmatics of the constitutive question of modern society theory]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 15(3). pp. 122–149.
4. Parsons, T. (1937) *A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers*. New York: McGraw Hill.
5. Korbut, A.M. (2013) Gobbsova problema i dva ee resheniya: normativnyy poryadok i situativnoe deystvie [The Hobbesian Problem and Its Two Solutions: Normative Order and Situational Action]. *Sotsiologiya vlasti*. 9(26). pp. 1–2.
6. Turner, J. (1985) *Struktura sotsiologicheskoy teorii* [The Structure of Sociological Theory]. Translated from English. Moscow: Progress.
7. Garfinkel, H. (2008) *Toward a Sociological Theory of Information*. Boulder, London: Paradigm Publishers.
8. Spiegelberg, G. (2002) *Fenomenologicheskoe dvizhenie* [The Phenomenological Movement]. Translated from English. Moscow: Logos.
9. Husserl, E., Landgrebe, L. & Eley, L. (1985) *Untersuchungen zur Genealogie der Logik*. Hamburg: Meiner.
10. Chernavin, G. (2013) *La phénoménologie en tant que philosophie-en-travail: la dé-limitation, l'enrichissement de sens, l'institution du nouveau*. Thèse de doctorat en Philosophie. Toulouse.
11. Fink, O. (2016) Elementy kritiki Gusserlya [Elements of Husserl's Critique]. *Logos*. 110(1). pp. 47–62.

12. Patkul, A. (2016) Trudnosti fenomenologicheskogo issledovaniya: Fink i Gusserl' [Difficulties of Phenomenological Research: Fink and Husserl]. *Logos*. 26. pp. 89–93.
13. Chernavin, G.I. (2021) *Filosofiya trollya: fenomen platnykh botov* [Troll Philosophy: The Phenomenon of Paid Bots]. Moscow: RIPOL klassik.
14. Heidegger, M. (1997) *Bytie i Vremya* [Being and Time]. Translated from German. Moscow: Ad Marginem.
15. Bankovskaya, S.P. (2020) Temporal'naya fenomenologiya Inakovosti u A. Shchyutsa (ili rozhdenie fenomenologicheskogo sotsiologizma) [Temporal Phenomenology of Otherness in A. Schutz (or the Birth of Phenomenological Sociologism)]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*. 20(2). pp. 212–225.
16. Rawls, A.W. (2011) Wittgenstein, Durkheim, Garfinkel and Winch: Constitutive Orders of Sense-making. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 41(1). pp. 396–418.
17. Garfinkel, H. (2006) *Seeing Sociologically: The Routine Grounds of Social Action*. Boulder, London: Paradigm Publishers.
18. Depraz, N. (1993) L'ethnologue, un phénoménologue qui s'ignore? L'apport de la phénoménologie aux sciences sociales. *Geneses*. 10. pp. 108–123.
19. Husserl, E. (2009) *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas for a Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy]. Translated from German. Moscow: Akademicheskii proekt.
20. Moskovets, S.A. & Ladov, V.A. (2022) Husserl's phenomenology in the context of metaphysics, antimetaphysics and postmetaphysics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 137–146. (In Russian). doi: 10.17223/1998863Kh/70/12
21. Husserl, E. (1974) *Husserliana*. Band XVII. Formale und transzendente logik. Haag: Martinus Nijhoff.
22. Garfinkel, H., Heap, J., Hinkle, G.J. et al. (1977) When is phenomenology sociological? *The Annals of Phenomenological Sociology*. 2. pp. 1–40.
23. Shyuts, A. (2003) O mnozhestvennosti real'nostey [On multiple realities]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 3(2). pp. 3–34.
24. Garfinkel, H. (2007) *Issledovaniya po etnometodologii* [Studies in Ethnomethodology]. St. Petersburg: Piter.
25. Merleau-Ponty, M. (1999) *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. Translated from French. St. Petersburg: Yuventa.
26. Reynyuk, A.S. & Shirokov, A.A. (2017) Etnometodologiya videoigr: fenomenal'noe pole v igrovoy praktike [Ethnomethodology of Video Games: The Phenomenal Field in Gaming Practice]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 16(3). pp. 233–279.
27. Marosan, B.P. (2020) Husserl's contextualist theory of truth. *HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya*. 9(1). pp. 162–183.
28. Garfinkel, H. (2009) Kontseptsiya i eksperimental'nye issledovaniya “doveriya” kak usloviya stabil'nykh soglasovannykh deystviy [The Concept and Experimental Studies of “Trust” as a Condition for Stable Coordinated Actions]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 8(1). pp. 10–51.

Сведения об авторе:

Слобода Н.М. – стажер-исследователь, Научно-учебная лаборатория трансцендентальной философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: nsloboda@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sloboda N.M. – research intern, Scientific and Educational Laboratory of Transcendental Philosophy of the National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: nsloboda@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.09.2023;
одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted 26.09.2023;
approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 11.06.2024

Научная статья

УДК 7.01

doi: 10.17223/1998863X/79/10

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА ГЛЕННА ГУЛЬДА

Валерий Борисович Храмов

*Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
Краснодар, Россия, valery.khram@yandex.ru*

Аннотация. На основе осмысления искусствоведческих работ канадского музыканта и мыслителя Гленна Гульда выявлены основные идеи его философия искусства. В разрезе проблемы творчества проанализированы понятия «структура», «свобода творчества», а также концепции «нравственной природы искусства», «незавершенности творчества», «электронного, анонимного автора», осмыслены особенности его оригинального подхода к интерпретации музыки.

Ключевые слова: Г. Гульд, философия искусства, творчество, музыкальное исполнительство

Для цитирования: Храмов В.Б. Философия искусства Гленна Гульда // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 102–110. doi: 10.17223/1998863X/79/10

Original article

GLENN GOULD'S PHILOSOPHY OF ART

Valery B. Khramov

*Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism,
Krasnodar, Russian Federation, valery.khram@yandex.ru*

Abstract. Glenn Gould is an innovative musician who subjects his work to intellectual reflection. He realized both in life and in art fundamentally new meanings that he developed independently. His theoretical legacy is the sum total of art historical works on the interpretation of music. The article is a reconstruction of Gould's philosophy of art, carried out on the basis of their analysis. The foundation of Gould's philosophy and life is creativity. The main problem of research – freedom of creativity – is solved in line with personalism using the method developed in the philosophy of structuralism. Art is capable of exerting a moral influence on life without social guidance; elements of immorality in it arise due to external influence. Therefore, creativity should be free, including that of a performing musician, from that authorial dictate, which was formed as an imperative in the post-Bach era, when a division of labor arose between the composer and the performer. Each sign specifying the expressiveness of the performance, set by the author in the musical text, limits the freedom of the performer. The method of release is to “simplify” the text by removing all author's indications from it, except for metro-rhythmic and pitch-tone ones, leaving the question of expressive means to the performer to decide. Justification for intervention in the author's text: the basis of the work, its structure, is not created by the composer, because any work is only a variant of another work, more precisely, a variant of the implementation of a similar structure. Therefore, the author's originality in art in the absolute sense of the word is not possible. On this basis, Gould suggests that the performer of music treat the pitch and rhythmic component of the text as a structure and continue the creative process of creating new concepts of the work. The performer becomes a musician in the broad sense of the word, as it was in the Baroque era. In modern “electronic culture” creativity does not end with the performance of the work, because it allows you to continue working with the audio

file. The optimum of his existence is “anonymity”, which helps to free the artist from public control and personal egoism associated with achieving success in life. The desire for it is immoral, because it provokes the artist to unworthy acts not only in relation to colleagues, but also in relation to his work, and the artist is responsible to him.

Keywords: G. Gould, philosophy of art, creativity, musical performance

For citation: Khramov, V.B. (2024) Glenn Gould’s philosophy of art. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 102–110. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/10

По мнению автора, ряд серьезных событий, происходящих в современной культуре, предопределили актуальность темы предлагаемой читателю статьи. Во-первых, годы жизни Г. Гульда – 1932–1982 – пусть и не юбилейно соотносятся с 2022, но девяносто лет со дня рождения и сорок со дня смерти – даты, не оставшиеся незамеченными специалистами и публикой, обострив интерес к творческому наследию канадского музыканта. Во-вторых, пандемия новой коронавирусной инфекции, охватившая планету в 2019 г., сначала «отменила», а потом существенно ограничила практику господствующей несколько веков формы коллективного прослушивания музыки – концерт. Его заменили аудиофайлы и онлайнтрансляции концертов без публики (см.: [1. С. 131–137]). Выяснилось, что гульдовское творчество, его философия искусства, его записи, до сегодняшнего дня остающиеся непревзойденным образцом жанра, были предвосхищением и теоретическим обоснованием названных форм бытования классической и современной музыки.

Канадец Гленн Гульд известен в нашей стране как пианист, как несравненный исполнитель музыки И.С. Баха. Теоретическое наследие музыканта открылось нам лишь в XXI в., в связи с публикацией на русском языке двухтомника его искусствоведческих трудов [2]. Специальных работ по философии у Гульда нет. Но многочисленные статьи, по большей части теоретически объясняющие его творчество, как выяснилось, имеют серьезное философское обоснование. Предлагаемая статья суть реконструкция основных положений философии искусства Гульда, осуществленная на основе текстов, представленных в указанном сборнике статей канадского музыканта.

Возможно, название статьи поставит вопрос – «почему философия искусства?». У нас, когда обсуждают общие проблемы, связанные с художественным творчеством, обычно пишут «эстетика». Дело в том, что классическое определение эстетики – «наука о красоте» – не совсем подходит к тому, что автор будет анализировать. В России (СССР) традиционно держались гегелевской трактовки искусства, полагающей, что красота – обязательная и существенная его сторона [3. С. 96–105]. Гульд-теоретик к эстетической сфере бытия не относился с тем вниманием, которого она, возможно, заслуживает – он не использует термин «эстетика», не анализирует художественное произведение с точки зрения красоты. Он как современный искусствовед исследует его структуры. Поэтому термин «философия искусства» лучше подходит к теме исследования.

Сразу уточню: Гленн Гульд не является философом в традиционном смысле слова. Философия в классическом ее определении – «наука о началах», размышление об исходных понятиях-категориях, которые другие науки используют без специальной интеллектуальной проработки. Гульд с молодых лет проявлял живейший интерес к философии. Его первая опубликованная статья, написанная в двадцатитрехлетнем возрасте, содержит оригинальное

философское обоснование структуры «Гольдберг-вариаций» Баха [4], выполненное в традициях философии персонализма. Но мир исходных понятий-категорий находится вне сферы его интересов. Философия Гульда «ближе» к жизни, к искусству, хотя некий отблеск «метафизических начал» временами отчетливо просматривается в теоретических работах и собственно в художественном творчестве канадского музыканта. Он был величайшим музыкантом-новатором XX в., при этом, в отличие от большинства художников, подвергал свое творчество интеллектуальной рефлексии. Поэтому у нас есть основания считать его философом, причем в сократическом смысле слова.

Сократ, предвосхищая христианских мыслителей Средневековья, полагал, что главный аргумент в философском споре и главный довод, обосновывающий философскую концепцию, – поступок мыслителя. Гульд, подобно Сократу, осуществлял и в жизни и в искусстве (а искусство – главное дело и слово его жизни) принципиально новые, радикальные смыслы-подходы, к которым пришел самостоятельно. Так, на пике артистического успеха в тридцать два года канадец прекратил концертные выступления, оставив сцену ради создания грамзаписей и теоретических работ, ибо убедился, что концертная форма исполнения и прослушивания музыки в «электронную эру» уходит в прошлое. Он был цельной натурой, полагающей «единство слова и дела» нравственной обязанностью. Его радикализм – в искусстве и жизни – есть не только продукт интуитивных, спонтанных прозрений гениального художника, но и результат серьезных теоретических поисков.

Важнейшим «началом» философии и жизни Гульда является творчество. Данное понятие логически выводится из категорий «деятельность» и «свобода», поэтому – не предикамент, «находится» ближе к жизни. Конечно, творческая составляющая просматривается в деятельности любой развитой личности. Но Гульд осуществлял творческий подход к искусству и жизни бескомпромиссно – сделал свою жизнь творчеством. Он, подобно Н.А. Бердяеву и гениям эпохи Возрождения, видел в творчестве главную смысловую ценность. Но, в отличие от того же Бердяева, не менял исходных теоретических позиций, которые сформировал в молодые годы. Эпицентром его творчества было искусство – он разрабатывал раздел философии, который называют «философией искусства».

Гульд называл себя «последним пуританином», обозначая христианские истоки мировоззрения, но его концепция искусства отличалась от христианской, точнее – от раннехристианской. Христианские мыслители, следуя традиции Платона, впервые отметившего и проанализировавшего негативное влияние искусства на нравственность в книге десятой диалога «Государство» [5], относились к искусству с недоверием, видели в нем лишь средство, которое можно использовать либо во благо, либо, что чаще, – во вред [6. С. 137–142]. Гульд был убежден, что это не так. Если искусство не будут использовать в своих целях политики, общественные институты, оно скажет свое улучшающее нравственное сознание «слово» [7]. Он прекрасно знал историю искусства и видел, что происходит в современном художественном мире. Но всякого рода нравственные мерзости, которых много в художественной культуре, впрочем, все-таки поменьше, чем в других сферах социального бытия, объяснял именно влиянием извне, из несвободы, из той пагубной практики, которая сформировалась в эпоху расцвета искусства в эпоху Возрождения.

Именно Ренессансу, как полагал Гульд, мы обязаны тем, что конкуренция стала чуть ли не главным побудительным стимулом художественной деятельности, а в этической сфере сформировалась практика, игнорирующая нравственную «ответственность художника» [8. С. 5–6], а максима «единством слова и дела», была отвергнута. Говоря об ответственности художника, Гульд, вслед за Ж. Маритеном, не забывал упомянуть, что художник ответствен, прежде всего, перед своим произведением [9. С. 171–178].

Гульд не соглашался с Платоном и его последователями, полагающими, что искусство лишь при правильном руководстве может быть нравственным. Любое «руководство» искусством ущербно, даже тогда, когда прикрывается высокими идеалами нравственности. Ибо актуальные нравственные ценности находятся «в руках у времени», и это еще не так уж и страшно, а страшно то, что еще и «в руках» у общественных институтов, добившихся идейно-политического господства. Руководство художественным творчеством: во-первых, ограничивает свободу, что негативно влияет на качество произведения; во-вторых, превращает искусство в «средство» воспитания, политической агитации и проч., изымая его из состава идеального бытия и погружая в бытие реальное; в-третьих, навязывает художнику ценностные смыслы, которые лишь претендуют на статус абсолютных, но, как свидетельствует история, являются всего лишь досадным заблуждением, от которого все равно приходится отказываться [7. С. 173].

Вопрос о свободе творчества – один из главных для Гульда-философа. Свобода – предикамент нравственности. Проблема всесторонне осмыслена в христианской философии. И главный вывод, к которому она пришла: свобода позволяет человеку идти двумя путями – нравственным и безнравственным. Но без свободы и творчество невозможно. Художественное творчество – путь правильный, нравственный. В искусстве, как отмечалось чуть выше, моменты безнравственности возникают из-за внешнего воздействия. Гульд полагает, что творчество музыканта-исполнителя, как и творчество композиторов, должно быть свободным, в том числе и от того авторского диктата, который сформировался как императив в послебаховскую эпоху, когда возникло разделение труда между композитором и исполнителем. Каждый «лишний» уточняющий выразительность исполнения знак, поставленный автором в нотном тексте, ограничивает свободу творчества исполнителя. Способ освобождения, предложенный Гульдом, напоминает прием, который получил в философии название «бритва Оккама», отрезающей лишние сущности – «универсалии», затрудняющие мышление. Гульд «упрощает» авторский текст музыкального произведения, убирая из него все авторские указания, кроме метроритмических и звуковысотных, предоставив вопрос об использовании выразительных средств решать самому исполнителю, т.е. предлагая ему стать «соавтором», призывая к сотворчеству.

Как это не покажется парадоксальным, после сказанного выше, из музыкантов XX в. именно Гульд больше всего напоминает гениев Возрождения – и не только по творческой интенции художественной деятельности, но и по универсальности. Он был и пианистом, и композитором, и музыковедом, и звукорежиссером, и философом... Он, конечно, не был инженером-новатором, как Леонардо, но он был звукорежиссером-новатором. Он не изобрел самолет и подводную лодку, но создал «контрапунктическое радио». И, по-

добно тому, как многие идеи Леонардо не были по достоинству оценены и осуществлены современниками, его, Гульда, идеи до сего дня остаются невостребованными культурой, что может удивить, ибо, в отличие от Леонардо, он не прятал инновации, шифруя в дневнике, – был открыт медиа-аудитории, делал все, чтобы быть понятым и поддержанным. Но он добился лишь того, что его новаторские идеи, будучи осуществленными в уникальном варианте, были высоко оценены современниками как его личные художественные достижения. Наверное, слишком далеко Гульд «шагнул вперед», поэтому добился лишь признания и восхищения современников. Впрочем, это не мало.

У Гульда и Леонардо есть еще одна общая тема, которая связана с интенцией постоянного творческого развития, – «незавершенность». Обычно, обсуждая данную тему, как она, например, представлена в искусстве Леонардо, обращают внимание лишь на то, что великий флорентинец не закончил многие работы, и это трагедия художника, стремящегося к идеалу [11. С. 71–73]. Думается, точнее идею «незавершенности» в искусстве позволяет понять «опыт Гульда». Канадский музыкант трактовал созданный композитором текст музыкального произведения как призыв к творчеству, т.е. как незавершенный. Электронные средства позволяют из музыкального исполнения, имеющего временную форму, поэтому завершенного в том смысле, что оно, после прозвучавшей последней ноты, прекращает существование и уже не может быть «извлечено из прошлого», создать нечто совсем иное. Будучи записанным на диск, музыкальное произведение приобретает в известном смысле «статус вечности», перестает быть тем временным искусством, каким было раньше. Его можно прослушивать неограниченное количество раз, подобно тому, как мы можем много-много раз созерцать фрески «Сикстинской капеллы». В свою очередь записанный музыкальный материал является призывом к продолжению творчества, в которое может включиться и слушатель. У Леонардо не было технической возможности осуществлять новые концепции уже воплощенных идей – и он продолжал творить, изменяя, возможно улучшая, имеющийся проект (пример – долгая и так и незаконченная работа над «Портретом госпожи Лизы дель Джакондо»). Творчество, как доказывал Гульд, не может и не должно завершиться, и каждый осуществленный и записанный проект – вызов-призыв к дальнейшему творчеству. И чем он художественно совершеннее, тем сильнее вызов [10].

Говоря о философии Гульда в контексте проблемы творчества, нельзя упустить, что он изменил представление о роли музыканта-исполнителя в культуре. Изменил прежде всего своим потрясающим искусством, но и теоретической работой тоже, т.е. концептуально обосновал свое искусство. До Гульда исполнитель был тем, кто воссоздает в концертном зале на глазах у публики художественное произведение, созданное композитором, т.е. он был артистом, художественно воплощающим идею произведения, зафиксированную символически как нотный текст. Гульд упраздняет прежнюю практику – «вырезает» понятие «исполнитель» (опять «бритва Оккама»!) из музыкальной культуры. Музыкант, играющий на рояле, должен быть и композитором, владеющим инструментом, ибо «профессионализм никто не отменял» [12. С. 14], и музыковедом, и звукорежиссером, и дирижером, и артистом (об этом он пишет меньше, но сам-то был потрясающим артистом-

коммуникатором). Музыкант на основе искусствоведческого анализа структуры произведения создает новую концепцию, воплощенную в собственно эстетической звуковой форме как аудиозапись.

Концертная форма исполнения и прослушивания музыки, считает Гульд, уходит в прошлое как ущербная и для музыки, и для исполнителя, и для слушателя, доказывая данный тезис опять-таки и словом (теорией) и делом (созданием музыки). Эта форма существует лишь как дань традиции, как социальная привычка, прекрасно освоенная бизнесом. Но по художественной составляющей концертная форма серьезно уступает новой, возникшей в электронную эру форме – аудиозаписи, позволяющей слушать музыку индивидуально, «уединенно». Гульд из грамзаписи, которую до него использовали лишь как средство «увечковечивания концерта» и педагогического пособия, создал новый вид «синтетического искусства». Как он показывает, музыкант, создавая диск (аудиофайл), может стать художником, свободным не только от авторского диктата, но и от концертных условий, и, что немаловажно, от диктата со стороны публики. Свободным – для творчества. И еще, как он пишет, с помощью «технологий можно преодолеть бренность земного существования и сконцентрироваться на некоем идеальном видении» [13. С. 44].

Развивая концепцию музыкальной культуры в «электронную эру», Гульд выдвигает идею «анонимного автора» [14]. Термин может вызвать вопросы, ибо сегодня существует практика издавать произведение искусство под псевдонимом, не раскрывая имя автора. Но в этом случае авторское право продолжает 50 лет со дня издания произведения. Гульд говорит об анонимности творчества вне действия авторских прав как об исключительно плодотворной для музыкального искусства практике. Анонимность, во-первых, освобождает художника от общественного контроля и личного эгоизма, связанного с достижением жизненного успеха. Стремление к нему безнравственно в силу того, что в основе его лежит соревновательный элемент, провоцирующий художника на недостойные поступки не только по отношению к своим коллегам-художникам, но и к своему произведению, а художник, как мы уже знаем, несет ответственность, прежде всего, перед ним. Нравственный смысл художественного творчества осуществляется тогда, когда оно становится автономной ценностью, чему, как полагал Гульд, может сослужить добрую службу новая практика, возникшая в «электронной культуре». Во-вторых, анонимность позволяет продолжить творчество после его фиксации в нотном тексте и после аудиозаписи новой концепции произведения. И дело не только в том, что «институт анонимности» отменяет авторское право. В электронную эпоху появляется возможность работать с уже имеющимися аудиоматериалами, создавая новые концепции произведения. Автор, не ставящий своего имени, «дает добро» на дальнейшую творческую работу с тем, что он создал.

В связи с понятием «анонимность творчества» необходимо рассмотреть понятие «структура», одно из центральных в философии искусства Гульда, ибо всегда, создавая оригинальную концепцию исполняемого произведения, он начинал, в духе философии структурализма, с аналитики его конструктивных особенностей. Философия персонализма, разрабатывая теорию художественного произведения, использовала понятия «идеи-субстанции» и «личности», творящей идею художественного произведения. В русской философии

серебряного века данная концепция весьма обстоятельно представлена в учении идеал-реализма, в частности у Н.О. Лосского [15]. Если пропустить подробности, а выразить суть дела, то мы получим следующее построение. Существует реальное пространственно-временное бытие и идеальное бытие, не имеющее пространственно-временных свойств. Субстанция принадлежит идеальному бытию. Она – неизменный носитель изменяющихся в реальности свойств. В духе Платона Н.О. Лосский определяет состав идеального бытия: обнаруживает формальные идеи (числа) и материальные идеи (родов и видов). Формальные и материальные идеи образуют мир абстрактного идеал-бытия. В составе идеального бытия присутствуют еще и носители активности – деятельные субстанции, личности, принадлежащие к конкретному идеал бытию. Личность творит реальность в соответствии с элементами абстрактного идеал-бытия. Абстрактное и конкретное идеал-бытие создает Бог. Личность, осуществляя творческую деятельность, способна к созданию идей, в том числе идеи художественного произведения. Так, например, идею романа «Анна Каренина» создал Л.Н. Толстой. Идея романа принадлежит идеальному бытию. Содержание этого произведения принадлежит бытию реальному, развивается во времени (во время чтения, например). Идея – что свойственно всякой идее – обладает бесконечно богатым содержанием, соответственно, и воплощение ее в реальности раскрывает одну из возможных граней ее прочтения [16. С. 101–104]. Лосский не был музыковедом. Он любил музыку, обнаруживал в ней глубочайший духовный смысл (особенно ценил «Девятую симфонию» Бетховена). Однако структуры, которые использует композитор, сочиняющий произведение, его не интересовали, ибо технологический аспект музыки он не осознавал в должной степени. Понятно, продолжим логику идеал реализма, что идею, например, «Аппассионаты» создал Бетховен, но вот кто создал ту структуру, на которую он опирался, сочиняя сонату? Изучение истории искусства, конечно, позволяет предположить, что становление конкретных структуры суть результат деятельности многих и многих личностей. В духе иерархического персонализма, сторонником которого был Н.О. Лосский, это вполне объяснимая вещь – личности свободно соединяются в некую «художественную школу», «направление». Результатом творчества столь сложной личности, как «художественная школа», может быть идея структуры, например, «сонатного аллегро». Продукт их творчества в реальном бытии анонимен и в том смысле, что на него не распространяется действие института авторского права. «Рождение» структуры можно объяснить и в духе материалистического понимания истории. Стихийно как результат деятельности многих композиторов кристаллизуется определенная структура музыкального произведения. История музыки, отметим, давно изучает эту проблему и уже разработала ее не только «в целом», но и «в деталях».

Гульд, несмотря на ряд высказываний, позволяющих обнаружить в его концепции идеи христианского персонализма, разрабатывает концепцию произведения в духе современной ему философии структурализма. Он живет в век кибернетики. «Отец кибернетики» Норберт Винер писал: «структура – субстанция», т.е. неизменный носитель вариативного содержания. Н. Винер был знаменит – лауреат Нобелевской премии. Его афоризм знали все образованные люди тех лет. Гульд, не углубляясь в онтологические смыслы структурализма, творчески использовал данную мысль великого кибернетика при-

нительно к искусству. Структура, уподобленная субстанции, не является творческим продуктом автора художественного произведения – структуру не творят, каждый раз сочиняя музыку. Композитор использует структуру уже созданную, поэтому важнейшая составляющая произведения (идея-субстанция), определяющая его строение, архитеконику, не является продуктом его творчества. Значит, как справедливо заключает Гульд, любое произведение есть лишь вариант других произведений, написанных с использованием данной конкретной структуры [17. С. 105]. Иначе не возможно даже искусствоведческое познание, ведь познается, прежде всего, структура, сущность, позволяющая осуществить сравнение разных произведений, написанных в данной конкретной форме.

До сего момента, как ясно из вышесказанного, гульдовские суждения выглядят вполне в духе передовых идей времени и не могли вызывать протест у современников. Но канадский мыслитель, развивая концепцию, делает еще один уникальный шаг: нотный текст, сделанный в стиле Баха (без уточняющих выразительность знаков), нужно трактовать как структуру и, соответственно, творить, подобно тому, как композитор творит, приняв в качестве основы будущего произведения композицию, им не созданную. И подобно тому, как структура-композиция, которую использует композитор, – призыв к творчеству, нотный текст, где зафиксированы только звуковысотная и метроритмическая стороны произведения, – призыв к его продолжению.

Список источников

1. Храмов В.Б. Онлайн-трансляция концерта без публики как феномен художественной культуры // Вестник христианской гуманитарной академии. 2021. № 2. С. 131–137.
2. Гульд Г. Избранное : в 2 кн. М. : Классика XXI век, 2006. Кн. 1. 240 с., Кн. 2. 216 с.
3. Лосский Н.О. Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. М. : Прогресс-Традиция, 1998. 416 с.
4. Гульд Г. Гольдберг-вариации // Избранное. М. : Классика XXI век, 2006. Кн. 1. С. 33–39.
5. Платон. Государство. СПб. : Наука, 2005. Кн. 10. 570 с.
6. Гилберт К., Кун Г. История эстетики. М. : Иностранная литература, 1960. 685 с.
7. Гульд Г. О музыке в Советском Союзе // Избранное. М. : Классика XXI век, 2006. Кн. 1. С. 169–185.
8. Бахтин М.М. Искусство и ответственность. Собр. соч. : в 7 т. М. : Рус. словари, 2003. Т. 1. 955 с.
9. Маритен Ж. Ответственность художника // Самосознание европейской культуры. М. : Политиздат, 1991. С. 171–178.
10. Гульд Г. Перспективы звукозаписи // Избранное. М. : Классика XXI век, 2006. Кн. 2. С. 95–115.
11. Ильин И.А. Неосуществленное в искусстве как проблема // История искусства и эстетика : избр. статьи. М. : Искусство, 1983. С. 67–97.
12. Гульд Г. Почти дисквалифицированный приветствую тебя // Избранное. М. : Классика XXI век, 2006 г. Кн. 2. С. 14.
13. Гульд Г. Стоковский в шести сценах. Г. Избранное. М.: Классика XXI век, 2006. Кн. 2. С. 44.
14. Глен Гульд интервьюирует Глена Гульда относительно Глена Гульда // Гульд Г. Избранное. М. : Классика XXI век. 2006. Кн. 2. С 77–92.
15. Лосский Н.О. Идеал-реализм // Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М. : Республика, 1995. С. 290–348.
16. Храмов В.Б. Исполнение как интерпретация идеи музыкального произведения // Культурная жизнь Юга России. № 4. 2016. С. 101–104.
17. Гульд Г. Штраус и будущее электроники // Избранное. М. : Классика XXI век. 2006. Кн. 1. С. 102–110.

References

1. Khramov, V.B. (2021) Onlayn-translyatsiya kontserta bez publiky kak fenomen khudozhestvennoy kul'tury [Online broadcast of a concert without an audience as a phenomenon of artistic culture]. *Vestnik khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 2. pp. 131–137.
2. Gould, G. (2006a) *Izbrannoe: v 2 kn.* [Selected Works: In 2 books]. Translated from English. Moscow: Klassika XXI vek.
3. Lossky, N.O. (1998) *Mir kak osushchestvlenie krasoty. Osnovy estetiki* [The World as the Realization of Beauty. Fundamentals of Aesthetics]. Moscow: Progress-Traditsiya.
4. Gould, G. (2006b) *Izbrannoe: v 2 kn.* [Selected Works: In 2 books]. Vol. 1. Translated from English. Moscow: Klassika XXI vek. pp. 33–39.
5. Plato. (2005) *Gosudarstvo* [State]. Vol. 10. Translated from Ancient Greek. St. Petersburg: Nauka.
6. Gilbert, K. & Kuhn, G. (1960) *Istoriya estetiki* [History of Aesthetics]. Translated from English by V.V. Kuznetsov, I.S. Tikhomirova. Moscow: Inostrannaya literatura.
7. Gould, G. (2006c) *Izbrannoe: v 2 kn.* [Selected Works: In 2 books]. Vol. 1. Translated from English. Moscow: Klassika XXI vek. pp. 169–185.
8. Bakhtin, M.M. (2003) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 volumes]. Vol. 1. Moscow: Russkie slovari.
9. Maritain, J. (1991) Otvetstvennost' khudozhnika [The Artist's Responsibility]. In: Maritain, J. et al. *Samosoznanie evropeyskoy kul'tury* [Self-Awareness of European Culture]. Moscow: Politizdat. pp. 171–178.
10. Gould, G. (2006d) *Izbrannoe: v 2 kn.* [Selected Works: In 2 books]. Vol. 2. Translated from English. Moscow: Klassika XXI vek. pp. 95–115.
11. Ilin, I.A. (1983) *Istoriya iskusstva i estetika: izbr. stat'i* [History of Art and Aesthetics: Selected Articles]. Moscow: Iskusstvo. pp. 67–97.
12. Gould, G. (2006e) *Izbrannoe: v 2 kn.* [Selected Works: In 2 books]. Vol. 2. Translated from English. Moscow: Klassika XXI vek. pp. 14.
13. Gould, G. (2006f) *Izbrannoe: v 2 kn.* [Selected Works: In 2 books]. Vol. 2. Translated from English. Moscow: Klassika XXI vek. pp. 44.
14. Gould, G. (2006g) *Izbrannoe: v 2 kn.* [Selected Works: In 2 books]. Vol. 2. Translated from English. Moscow: Klassika XXI vek. pp. 77–92.
15. Lossky, N.O. (1995) *Chuvstvennaya, intellektual'naya i misticheskaya intuitsiya* [Sensual, Intellectual, and Mystical Intuition]. Moscow: Respublika. pp. 290–348.
16. Khramov, V.B. (2016) Ispolnenie kak interpretatsiya idei muzykal'nogo proizvedeniya [Performance as an interpretation of the idea of a musical work]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. 4. pp. 101–104.
17. Gould, G. (2006h) *Izbrannoe: v 2 kn.* [Selected Works: In 2 books]. Vol. 1. Translated from English. Moscow: Klassika XXI vek. pp. 102–110.

Сведения об авторе:

Храмов В.Б. – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (Краснодар, Россия). E-mail: valery.khram@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Khramov V.B. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, professor at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications of the Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: valery.khram@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.09.2023;
одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted 28.09.2023;
approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 11.06.2024*

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.77
doi: 10.17223/1998863X/79/11

БОЛЬШИЕ ЯЗЫКОВЫЕ МОДЕЛИ: ВЛИЯНИЕ НА ПУБЛИЧНЫЙ ДИСКУРС И ОБЩЕСТВО В ЦЕЛОМ

Татьяна Викторовна Лягошина

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
lyagoshina.tatiana@gmail.com*

Аннотация. Анализируется влияние Больших языковых моделей (LLM) на публичный дискурс. Рассматриваются структурные и содержательные изменения, которые LLM вносят в общественную коммуникацию, а также потенциальные риски и преимущества их использования. На основе примеров из разных социальных сфер показано влияние LLM на формирование общественного мнения, распространение информации, развитие новых форм коммуникации и пересмотр некоторых научных теорий. Отмечается, что, обогащая общественный дискурс, LLM одновременно порождают и новые этические дилеммы, связанные с достоверностью информации, авторскими правами и др.

Ключевые слова: публичный дискурс, общество, коммуникация, Большие языковые модели, искусственный интеллект, обработка естественного языка, смешанные коммуникативные сообщества «человек-ИИ»

Для цитирования: Лягошина Т.В. Большие языковые модели: влияние на публичный дискурс и общество в целом // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 111–124. doi: 10.17223/1998863X/79/11

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY TATIANA V. LYAGOSHINA

Original article

LARGE LANGUAGE MODELS: IMPACT ON PUBLIC DISCOURSE AND SOCIETY AS A WHOLE

Tatiana V. Lyagoshina

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
lyagoshina.tatiana@gmail.com*

Abstract. The study analyzes the impact of big data-based Large language models (LLMs) on public discourse, having previously considered the principles of functioning and the possibilities for understanding natural language by these models. It is determined that LLMs,

having the abilities of deep information processing, contextual understanding and self-learning, act as new social actors in the information society. These models play a key role in the creation, analysis and dissemination of content, contributing to the development of new forms of communication. They are actively used in social networks, SMM, journalism and other fields to moderate content, aggregate news and create personal recommendations. However, the accelerated generation of information leads to an information overload and the emergence of ethical issues related to the accuracy and impartiality of materials. The study notes that LLMs enrich public discourse while simultaneously creating new ethical dilemmas related to authorship and reliability of information. The Internet and LLM have a significant impact on public discussion, the structure of knowledge and the processes of knowledge acquisition. The emergence of mixed human-AI communities generates both new forms of social interaction and raises questions about information verification and critical analysis of sources. From epistemological point of view, new approaches to understanding and processing knowledge are required today. In the field of linguophilosophy and cognitive sciences, LLMs provide new perspectives for the study of language, consciousness and cognition, especially in the context of human interaction with machine-generated content. The development and wide spread of LLMs indicate profound changes in the social order, so that large language models acquire the property of social agency. This requires all participants in the information society to take a responsible approach to the use and development of such technologies.

Keywords: public discourse, society, communication, large language models, artificial intelligence, natural language processing, mixed human-AI communities

For citation: Lyagoshina, T.V. (2024) Large language models: impact on public discourse and society as a whole. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 111–124. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/11

Публичный дискурс играет ключевую роль в жизни общества: формирует общественное мнение, участвует в продвижении политической и культурной повестки, способствует социальной консолидации. Однако и медиапространство, и общественная коммуникация XX и XXI вв., а соответственно, и их понимание, имеют существенные отличия. В XX в. подробный анализ и оригинальную интерпретацию публичного дискурса предложили М. Фуко и Ю. Хабермас. Первый рассматривает этот социальный феномен как комплекс правил и процедур, определяющих, что и кем может быть сказано, в каких условиях и с какими возможными последствиями. Он же вводит понятие «дискурсивных практик», определяющих способы, посредством которых знание и власть взаимосвязаны и проявляются в обществе через язык. Эта концепция особенно подробно исследуется в его работе «Археология знания» [1]. Фуко анализирует связь языка, знания и общества, способы формирования разных областей знания в различные исторические периоды, а также влияние этих знаниевых структур на публичный дискурс. Он утверждает, что дискурс не просто отражает или выражает социальные структуры, но и активно участвует в их конструировании и поддержании. Хабермас подробно изложил свои идеи о публичном дискурсе в работе «Структурное изменение публичной сферы: исследование категории буржуазного общества» [2]. В этой книге он проанализировал развитие публичной сферы, начиная с XVIII в., и ее влияние на демократию и социальное взаимодействие. В контрасте с акцентом Фуко на власти, Хабермас изучал потенциал публичного дискурса для достижения консенсуса и поддержки демократических идеалов. Он предложил концепцию «идеальной речевой ситуации», где каждый участник дискурса имеет равные возможности для высказывания своих идей без ограничений со стороны внешних сил или властной иерархий. Хабермас верил, что

в рамках такого идеализированного общения возможно достичь взаимопонимания и разрешить конфликты, что является фундаментом для демократического общества. При этом между Фуко и Хабермасом существовало согласие в понимании важности баланса между властью и свободой в дискурсе. Их работы подчеркивают, что публичный дискурс не только выявляет социальные проблемы и предоставляет платформу для их обсуждения, но и определяет восприятие обществом самого себя и своего места в истории. Таким образом, публичный дискурс является не просто средством коммуникации, но центральным элементом социальной структуры, который оказывает значительное влияние на культурные, политические и идеологические аспекты общественной жизни. Он определяет границы возможного и формирует будущее через непрерывный процесс информирования, дискуссий и переговоров.

Сегодня, как и прежде, публичный дискурс является критически важным элементом жизни общества и «направляющей» любых социальных процессов. Однако с прогрессом в области информационных технологий произошла, с одной стороны, серьезная трансформация характера публичного дискурса (его полимодальная гибридизация [3]), с другой – помимо развития и распространения Интернета возникли уникальные инструменты для работы с данными в публичном пространстве, в том числе и так называемые Большие языковые модели (англ. Large language models, LLM) – компьютерные программы, способные «понимать» и генерировать тексты на естественных человеческих языках. Примерами таких LLM, развиваемых сегодня группами разработчиков в разных странах, могут служить GPT, Gemini, PaLM, Llama, Falcon, Grok, YandexGPT, GigaChat и др.

С развитием кибернетики, компьютерных наук, информационных технологий, т.е. уже с первой половины XX в., началась «кэволюция» естественного/человеческого (ЕИ) и искусственного/машинного интеллектов (ИИ) и в настоящее время мы вынужденно сталкиваемся с необходимостью учитывать в наших философских изысканиях интенсивное развитие технологий ИИ, особенно в области создания программ обработки естественного языка (англ. Natural language processing, NLP), частью которых и является предмет нашего научного интереса – Большие языковые модели. Эти модели интенсивно развиваются и получают все более широкое распространение: доступ к большинству из них открыт (англ. open source) как для разработчиков, так и для пользователей и они ежедневно используются сотнями миллионов человек по всему миру как в личных, так и в профессиональных целях.

Говоря о трансформации публичного дискурса, вызванной распространением Интернета, социальных сетей и новыми технологиями работы с данными на естественных языках, мы должны подчеркнуть, что она стала одним из наиболее значительных явлений в общественной коммуникации современности, сделав последнюю более инклюзивной и разнообразной. В современных условиях каждый человек с доступом к сети имеет возможность не просто участвовать в обсуждении актуальных тем, но и становиться инициатором общественного диалога в любой момент времени из любой точки мира. Этот процесс можно охарактеризовать как демократизацию публичного дискурса в двух ключевых аспектах:

1. Генерация контента (текстового и смешанной природы материала): любой может стать автором любого контента и легко его опубликовать, мо-

жет выражать свое мнение и вести диалог со сколь угодно большой аудиторией, получая мгновенный отклик, без потребности в особом разрешении или в посредничестве традиционных медиа.

2. Форма сообщений: интернет-коммуникация чаще всего является неформальной и спонтанной, в ней происходит смешение жанров, языков, модальностей, культурных традиций, что делает общение более динамичным и разнообразным, но также и хаотичным или этически некорректным.

История развития Больших языковых моделей началась с простых программ обработки естественного языка. Одним из примеров таких программ стал виртуальный собеседник ELIZA, разработанный Джозефом Вейценбаумом (Массачусетский технологический институт, США) в 1966 г. ELIZA «пародировала» (термин Вейценбаума) диалог с психотерапевтом, работающим в технике «активного слушания». На самом деле эта программа просто выделяла во входящей фразе значимые слова, которые подставляла в шаблонную фразу, по сути перефразируя высказывание пользователя, что часто выражалось в ответе вопросом на вопрос. Годом ранее, в 1965, в книге советских ученых Алексея Ивахненко и Валентина Лапы «Кибернетические предсказывающие устройства» был опубликован первый рабочий алгоритм для *глубоких многослойных перцептронов прямого распространения*, что по сути является базой для применяемой сегодня технологии «глубокого обучения» [4]. Рассуждая о перспективах развития искусственных интеллектуальных систем, авторы замечали: «Поскольку характер моделируемых в автоматических системах мыслительных способностей постоянно усложняется, следует при создании подобных систем учитывать одно из важных качеств, присущих человеческому мышлению, – способность обучаться предсказанию» [4. С. 3].

К концу последней декады XX в. стали появляться более интересные программы на сложных алгоритмах, выдающие вполне осмысленные ответы на вопросы пользователя (например, сервис вопросов-ответов Ask Jeeves), которые легли в основу «поисковых машин» типа Google, Yandex и т.п.

Современные программы, работающие с естественными языками, серьезно эволюционировали. Последние разработки в этой области получили название Больших языковых моделей. LLM по сути своей является математической моделью (способом обработки информации), реализуемой на искусственной нейронной сети со множественными параметрами. Это статистическая генеративная (в смысле генерирующая, создающая) модель, которая назначает вероятности определенным частям слов, словам или предложениям («токенам»), т.е. дискретным составляющим языка. Практика компьютерного моделирования показала, что с дискретными случайными переменными (в нашем случае – с языковыми «токенами») легко работать, поскольку они принимают значения из некоторого конечного набора. Актуализация каждого из этих значений связана с определенной вероятностью, характеризующей его «вес». Когда эти «веса» известны, не составляет труда рассчитать математическое ожидание и дисперсию.

Модель находит скрытые закономерности и структуру в данных без явных указаний-меток и впоследствии сама генерирует дополнительные незамеченные данные с использованием «обучения без учителя». LLM являются новым этапом развития систем искусственного интеллекта, решающих задачи на естественных языках. Обучаясь на больших текстовых корпусах, они не

только извлекают сведения о структуре различных естественных языков, но и формируют общие знания о мире. Последние поколения LLM демонстрируют новые – эмерджентные – способности: работу с нулевым или крайне малым числом примеров (Few-Shot/Zero-Shot Learning/Prompting) и способность к рассуждениям (Reasoning).

Начало моделям последних поколений было положено исследовательской командой Google. Подробный доклад о своей прорывной работе они сделали в статье «Attention Is All You Need» («Все, что вам нужно – это внимание») в 2017 г. [5]. В последние годы в развитии искусственного интеллекта в виде LLM на первый план вышла программная архитектура «трансформер», приведшая к значительным изменениям в области обработки естественного языка. Эти изменения основаны прежде всего на способности ИИ определять паттерны в данных без последовательной обработки информации, которая имела место ранее. Модели, построенные на архитектуре «трансформер с механизмом внимания», демонстрируют значительные улучшения в понимании контекста и нюансов естественного языка.

Механизм внимания позволяет моделям фокусироваться на значимых связях между словами, по аналогии с тем, как человек сосредоточивается на ключевых элементах предложения для понимания его смысла. Механизм внимания, а точнее – «внимания к себе» (англ. self-attention) – это фундаментальный компонент «трансформера». Он позволяет модели фиксировать отношения между различными позициями в последовательности, назначая разные веса каждой позиции в зависимости от ее значимости для других позиций, сосредоточиться на наиболее важных частях входной последовательности и, в итоге, лучше понять контекст. Основные преимущества моделей на основе механизма внимания:

- улавливают сложные взаимосвязи в последовательности данных, что приводит к более глубокому пониманию контекста и имеет решающее значение для таких задач, как машинный перевод, где значение слова может сильно зависеть от окружающих слов;

- могут обрабатывать входные данные параллельно, что делает их высокоэффективными и масштабируемыми (распараллеливание ускоряет время обучения и логического вывода, делая их подходящими для решения задач в режиме реального времени);

- «прозрачны» для понимания (интерпретации) и коррекции их «поведения», что приводит к созданию более надежных и контролируемых систем ИИ.

- обладают высокой производительностью.

Обучаются LLM на больших объемах (корпусах) текста из всех доступных к моменту обучения источников, что до определенной степени напоминает обучение человека, только в сверхбыстром темпе. Способность LLM улавливать «дальние» зависимости сравнима с человеческой способностью понимать контекст за пределами слов, близко расположенных друг к другу в тексте. Технология глубокого обучения и использование множественных внутренних слоев нейросети позволяют ИИ извлекать закономерности из данных и аналогично нейросетям обучающегося человека модифицировать свою структуру (свойство пластичности).

Обычно LLM обучаются в два этапа: 1) предобучение на обширном корпусе текстов, обеспечивающее общие знания о мире; 2) выравнивание (align-

ment) языковой модели под требуемые характеристики (например: избегать дискриминационной, неэтичной лексики и оценок, риторики ненависти и вражды, выводов, противоречащих научным фактам и т.п.). Две основные техники выравнивания: *prompt engineering* – это оптимизация текстовых запросов (промптов, англ. *prompts*) к нейросетям в виде коротких предложений или фраз, которые содержат вводную информацию для LLM. На основе этой информации модель генерирует свой ответ; *supervised fine-tuning* – дообучение с тонкой настройкой. Используя эти техники, можно научить модель «соблюдать» правила этики, привнести в нее персонажность (генерацию текстов в индивидуальных авторских стилях) и придать ей другие полезные свойства, в том числе для решения специфических профессиональных задач.

Очевидно, что LLM на основе «трансформера с механизмом внимания» и последующие инновации в обучении ИИ открывают новые горизонты для обработки естественного языка, предоставляя беспрецедентные возможности для понимания и генерации машинами текстов на естественных языках. При этом существенные различия между природой машин и человека, соответственно, между машинным и человеческим обучением подчеркивают сложности и ограничения в попытках воспроизведения человеческого восприятия и понимания ИИ-системами. Однако посредством анализа методов обучения ИИ и его подходов к обработке информации можно не только наметить пути дальнейшего развития самого искусственного интеллекта, но и применить эти знания для лучшего понимания интеллекта человеческого.

В теоретическую базу для разработки LLM вошли: идеи структурной лингвистики (дистрибутивная гипотеза) и коннекционизма (подход в когнитивной науке и исследованиях ИИ, который изучает, как мозг может производить когнитивные функции через сети взаимосвязанных простых единиц – нейронов), а также Вычислительная теория сознания (ВТС). Последняя, также известная как *Вычисляемость*, полагает, что человеческий разум представляет собой сложную систему обработки информации и что сознание и процесс познания – это особая форма вычислений [6, 7]. В упомянутых теориях нам важно обратить внимание на три ключевых момента в обработке информации «думающим» объектом: структурирование, вычисление, распределение вероятности.

Первыми достаточно определенно о важности выявления структур, закономерностей их образования и связей в языке высказались Фердинанд де Соссюр и Людвиг Витгенштейн. В публикации «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюр представляет язык как систему знаков, где значения формируются в системе относительных различий. Он вводит концепцию языка как структуры, где каждая единица приобретает значение только в контексте других единиц, что послужило фундаментом для развития структурных и дескриптивных подходов в лингвистике [8].

Витгенштейн, хотя и не являлся лингвистом в традиционном смысле слова, оказал значительное влияние на философию языка и лингвистику: в «Философских исследованиях» он развивает идею языка как формы жизни и вводит понятие «языковые игры», чтобы продемонстрировать, как смыслы слов формируются через их использование в конкретных жизненных контекстах [9]. Его идеи подчеркивают важность контекста и социальной функции языка, что созвучно некоторым аспектам структурного подхода в линг-

вистике. Две упомянутые работы в совокупности предлагают широкий спектр идей, лежащих в основе структурного и дистрибутивного анализа в лингвистике, и до сих пор оказывают значительное влияние на исследования в этих областях.

Леонард Блумфилд, американский лингвист и основатель дескриптивно-го направления структурной лингвистики, разрабатывал данную проблему в 20-х гг. XX в. и подробно изложил идею дистрибутивного анализа в своей фундаментальной работе «Язык» [10]. В ней Блумфилд обсуждает, в частности, как можно анализировать язык, исследуя распределение (дистрибуцию) языковых единиц в больших массивах лингвистических данных. Он акцентировал внимание на важности формы над значением, чем заложил основы для дистрибутивного анализа в лингвистике. В данном методе к текстам изучаемого языка применяется упорядоченный набор универсальных процедур, что позволяет выделить основные единицы языка (фонемы, морфемы, слова, словосочетания), провести их классификацию и установить отношения сочетаемости между ними. Классификация основывается на принципе замещения: языковые единицы относятся к одному и тому же классу, если они могут выступать в одних и тех же контекстах.

В рамках дистрибутивного анализа имеет смысл выделить дистрибутивную семантику, современные подходы которой достаточно полно описаны в книге Алессандро Ленчи и Магнуса Зальгрена «Дистрибутивная семантика» [11]. Ключевая идея состоит в том, что слова, встречающиеся в схожих контекстах, имеют тенденцию нести схожие смыслы. Задачи дистрибутивной семантики можно представить в виде следующих функциональных блоков:

1. Контекст как ключ к значению.
2. Векторное представление слов.
3. Анализ распределения.
4. Определение неизвестных слов из контекста.

Дистрибутивная семантика основывается на дистрибутивной гипотезе: семантическое сходство между двумя лексемами является функцией сходства их лингвистических контекстов.

Экспериментальная психология подтвердила истинность данной гипотезы. Так, в одном из экспериментов участников просили высказать суждение о синонимичности пар слов. Затем данные опроса сравнивали с контекстами, в которых встречались изучаемые слова. Анализ данных показал наличие положительной корреляции между семантической близостью слов и схожестью контекстов [12].

Таким образом, дистрибутивная семантика предоставляет методологический и теоретический инструментарий для изучения семантики через анализ формы и распределения слов в тексте. Являясь мощными инструментами NLP, модели дистрибутивной семантики находят широкое применение как в научных исследованиях, так и на практике, например: выявление семантической близости слов и словосочетаний; автоматическая кластеризация слов по степени их семантической близости; определение тематики документа; извлечение знаний из текстов; построение семантических карт предметных областей; автоматическая генерация тезаурусов и словарей; разрешение лексической неоднозначности; расширение запросов за счет ассоциативных связей; определение тональности высказывания и др. Это, кстати, позволяет LLM

генерировать тексты, которые вписываются в сложные контексты публичного дискурса.

Прежде чем подойти к анализу влияния LLM на публичный дискурс, нам пришлось рассмотреть вопросы, связанные с пониманием природы этих моделей и механизмов, с помощью которых реализуется функция «понимания» ими естественного человеческого языка. Без этой предварительной работы было бы сложно оценить возрастающую роль LLM как нового социального актора или агента, а именно таковыми они и являются, несмотря на всю «неполноценность» (или, вернее, «неполноту») их интеллекта в сравнении с человеческим. Очевидно, что современный публичный дискурс тесно связан с развитием ИИ. Системы искусственного интеллекта, обладающие способностью оперировать большим массивом данных и адаптироваться в соответствии с его изменениями, выполняют важную роль в отборе, анализе и производстве информации, становясь неотъемлемой частью коммуникативных процессов в информационном обществе.

Приведем характеристики LLM, которые считаем наиболее важными в контексте изучения их влияния на публичный дискурс:

1. Способность к глубокой обработке сложной информации: опираясь на вычислительные аналоги человеческого мышления, LLM могут анализировать и генерировать тексты, демонстрируя глубокое понимание (что бы ни подразумевал в контексте машин данный термин) языка и подтекста.

2. Контекстуальное понимание: исходя из принципов дистрибутивной лингвистики, LLM могут улавливать контекст слов и фраз, что делает генерируемый ими контент релевантным и согласующимся с темами обсуждения/вопросами пользователей.

3. Самообучение: способность подгружать из сети вновь появляющуюся информацию, производить соответствующие обновления своей «памяти» и учитывать данные такой модернизации для своей дальнейшей работы.

Уже только эти три упомянутые выше способности делают из LLM полноценного коммуниканта в диалоговых и полилоговых взаимодействиях на любые темы. Причем создание текста языковой моделью и его размещение в «инфосфере» могут быть реализованы автоматически по специальным дополнительным алгоритмам работы LLM в медиапространстве. Например, LLM может выполнять функции SMM-специалиста (менеджмент социальных сетей, англ. social media management, SMM), бот-журналиста, чат-бота, бота интерактивных историй (когда читатели могут влиять на ход сюжета, что позволяет сделать чтение более увлекательным).

Как мы видим, LLM способствуют развитию публичного дискурса, обеспечивая новые формы взаимодействия между людьми и информацией. Наиболее широко они используются в социальных сетях для модерации контента, автоматической агрегации новостей, а также для создания персонализированных информационных/рекламных рекомендаций. Генерация все новых и новых тем для общественной дискуссии и ускорение распространения информации приводят к информационному перенасыщению (когда избыток информации по своему эффекту на поведение человека равен ее полному отсутствию) и порождают вопросы, связанные с этическими аспектами, а именно с точностью и непредвзятостью генерируемых машиной материалов. Однако существуют ли законы, по которым сообщения/послания, сгенериро-

ванные LLM, приобретают статус интересных, актуальных, значимых и мотивирующих для общества (или какой-то его части), носит ли этот процесс спонтанный, хаотический характер – на эти вопросы нам еще предстоит ответить.

Проникая в поле общественной дискуссии, LLM может имитировать стиль и способы выражения самых разных людей, в том числе известных политиков, писателей, деятелей искусства и т.п., тем самым, с одной стороны, происходит обогащение публичного дискурса, – он становится более насыщенным, живым и даже более «научным» или забавным, с другой же – порождаются новые этические дилеммы, связанные с авторством/авторским правом и достоверностью информации. Приведем отрывок из ответов языковой модели ChatGPT на запрос определить стиль писателя и сочинить в этом стиле эссе на тему миграционного кризиса в Европе:

В стиле популярного российского писателя Виктора Пелевина. Характеристика стиля, данная языковой моделью:

Изучение творчества Виктора Пелевина позволяет выявить несколько ключевых особенностей его стиля: глубокая философская пропитанность текстов, ирония, склонность к аллегории и использование элементов постмодернизма. Пелевин мастерски смешивает реальность с фантастикой, осмысляя актуальные социокультурные вопросы через призму абсурда и сюрреализма. С учетом этих особенностей, попытаемся воплотить стилистические особенности Пелевина в эссе на тему современного миграционного кризиса в Европе.

Эссе:

Замерзший небосвод над Европой, как старый добрый Платонов свод, склонился над континентом, безмолвно наблюдая драму миграции. В двадцать первом веке, после того как мир пережил апокалипсисы всех мастей – от экономических катаклизмов до меметических пандемий – Европа стала ареной новой игры. Игры, что не имеет правил, кроме главного: «Кто не спрятался, мы не виноваты».

Поезда и корабли, переполненные людскими судьбами, словно караваны времен океанских путешествий, несут на себе тяжесть веков и надежду на будущее, запакованные в чемоданы и пластиковые пакеты. Они прокладывают путь через границы, сталкиваясь с невидимым забором законов. Они как антенны, которые ищут сигнал в космическом пространстве.

А между тем, в уютных кафе Берлина и Парижа, где кофе по-прежнему подается с круассанами, происходит дискуссия иной природы. Интеллектуалы в очках с толстыми стеклами и джинсах, которые стали новой униформой бунтаря, обсуждают миграционный кризис, как если бы это было новым сюжетом для Жана-Поля Сартра в его экзистенциальном романе.

– Ведь если подумать, то Европа – это такой же многоголосый роман, бесконечный и беспределенный, где каждый мигрант – это слово, а каждая судьба – это предложение, – размышляет один из них.

– Да, но что, если этот роман кто-то реально пишет? И что если этот кто-то – сами мигранты, не осознающие того? – возражает другой, укутываясь в дым сигареты, словно в плащ.

...Так что же это – миграционный кризис? Возможно, это последняя глава в книге истории человечества, написанная от руки невидимого и всемо-

гущего автора. Автора, играющего в игру без правил, где герои могут стать пешками, а пешки – королями, там, где время и пространство смешиваются в одном калейдоскопе событий.

Но главный вопрос остается без ответа: кто же все-таки напишет конец?

LLM могут оказывать как прямое, так и косвенное воздействие на самые разные социальные процессы, в том числе на политику и образование, например:

– Принятие решений: Большие языковые модели могут ускорить и углубить процесс сбора и анализа данных, что поможет принимать более взвешенные политические, социально-значимые решения. Это может повысить эффективность работы всех ветвей власти и государственного управления, например, в таких сферах, как городское планирование, общественное здравоохранение и общественная безопасность.

– Выработка стратегий коммуникации: LLM могут предложить персонализированные коммуникационные стратегии, в том числе для политических кампаний или социальных движений, повышая их воздействие на общественное мнение.

– Цензура и контроль информации: если воспринимать контроль за качественным наполнением и интенсивностью информационных потоков как нормальное регулятивное социальное действие (например, с целью противодействия терроризму, насилию и т.п.), то LLM могут сделать эту работу более действенной. Однако при несбалансированных, авторитарных режимах государственного управления, такая поддержка со стороны ИИ может оказать отрицательное влияние на свободу слова и демократические процессы.

– Персонализированное обучение: Использование языковых моделей может привести к созданию обучающих платформ, способных адаптироваться под нужды конкретного ученика/студента, ускоряя процесс обучения и делая его более эффективным.

– Автоматизация образовательного процесса: от автоматической оценки тестовых работ до создания интерактивных уроков, ИИ может значительно снизить нагрузку на преподавателей и повысить доступность образования.

– Онлайн-образование: Большие языковые модели могут улучшить интерактивность и персонализацию онлайн-курсов, что делает дистанционное образование более привлекательным и доступным.

– Новые навыки и программы/курсы обучения: развитие ИИ в целом и LLM в частности потребует от студентов овладения новыми навыками, включая аналитику данных, машинное обучение, промпт-инжиниринг, этику ИИ и предотвращение возможных негативных последствий его использования, что повлияет на содержание учебных программ.

Обработывая огромные объемы информации, LLM дают нам возможность, с одной стороны, принимать более обоснованные решения, основанные на более широком спектре точек зрения, с другой стороны, в связи с широким распространением LLM остро встают вопросы: помогут ли они нам лучше понять мир или будут способствовать формированию искаженного или предвзятого представления о реальности? О роли агентности, автономии и свободы воли в создании и использовании этих моделей – в какой степени

мы действительно контролируем эти машины и в какой степени они контролируют нас через вмешательство в наше человеческое инфополе?

Важно учитывать, что характер материалов, генерируемых LLM, зависит от данных, на которых они обучались. Если эти данные несбалансированы или содержат предвзятые мнения или не основанные на научных фактах утверждения, модели могут воспроизводить и усиливать эти предвзятости и неточности в публичном дискурсе. Соответственно, на сегодняшнем уровне развития LLM существует необходимость в постоянном мониторинге и корректировке как входных, так и выходных данных (англ. Reinforcement Learning from Human Feedback, RLHF). За рамками проверенных разработчиками и специальными экспертами-контролерами (англ. assessors) вопросов и ответов такие системы могут посоветовать пользователю что-то опасное, ложное, ввести в заблуждение, так как далеко не каждый пользователь обладает квалификацией и опытом для распознавания неадекватности ответа, а задать и проверить все возможные вопросы заранее по понятным причинам не представляется возможным.

Хотя в контексте публичной коммуникации LLM могут также служить инструментом и для борьбы с дезинформацией, автоматически выявляя данные/предложения, которые не соответствуют доказательной базе, все же есть опасения, что эти модели скорее и чаще могут быть использованы для создания убедительных, но ложных нарративов, что представляет собой немалую угрозу интеллектуальной честности/фактологичности публичного дискурса с потенциально деструктивными последствиями для реальной жизни общества.

Таким образом, как и любой мощный инструмент, LLM требуют ответственного и осознанного использования со стороны как разработчиков, так и конечных пользователей. Прозрачность алгоритмов, понимание их ограничений и активное включение широкого круга заинтересованных сторон в процесс обучения и регулирования является ключом к тому, чтобы эти технологии служили общественному благу и способствовали здоровому публичному дискурсу. Такой подход поможет обеспечить, чтобы LLM служили общественному благу и защищали целостность публичного дискурса. Это требует разработки новых стандартов и правил, гарантирующих подлинность и достоверность общественного диалога.

Развитие ИИ и больших языковых моделей бесспорно станет катализатором глубоких изменений во многих аспектах общественной жизни. Важно, чтобы все стороны – разработчики, пользователи, государственные регуляторы и образовательные учреждения – работали вместе для обеспечения этичного использования технологий и максимизации их позитивного влияния на все сферы общества.

Появление Интернета в свое время, а теперь и Больших языковых моделей можно рассматривать одновременно как причины и признаки трансформации глобального социального порядка. Этот порядок сегодня таков, что любая информация, возможность ее получения, создания и распространения, становятся доступными для широкого круга индивидов. Это перераспределение «информационной власти» от традиционных авторитетов (СМИ, политические фигуры, культурные или научные элиты и т.п.) к индивидуальным участникам может рассматриваться как усиление демократических процес-

сов, но также влечет за собой определенные риски и вызовы, такие как нерациональное и деструктивное использование этих технологий (например, намеренное или непреднамеренное введение в заблуждение, приводящее к негативным индивидуальным и(или) социальным последствиям, утечка личных данных и др.).

В целом Интернет и LLM представляют собой мощные инструменты, которые меняют не только способы ведения публичной дискуссии и качественное наполнение публичного дискурса, но и структуру общественного знания и процессы познания. Производство знаний становится более сложным, – в этом процессе теперь принимают участие не только люди, но и машины. Различие между знаниями, вырабатываемыми искусственным интеллектом и созданными человеком, становится все тоньше. Это требует нового подхода к верификации и критическому анализу источников.

Переход к смешанным коммуникативным сообществам «человек-ИИ» порождает новые формы социального взаимодействия; с эпистемологической стороны, он выдвигает вопросы о критериях и методах обоснования знания; а с гносеологической – призывает к исследованию, каким образом индивиды и общество в целом осваивают и интерпретируют информацию в эпоху цифровых технологий.

С точки зрения лингвофилософии и когнитивных наук, Большие языковые модели могут существенно повлиять на понимание феноменов языка, сознания и процесса познания. Нам предстоит исследовать, как люди интерпретируют информацию, представленную искусственным интеллектом, какие когнитивные процессы задействованы при взаимодействии с машинно-генерированным контентом, какова роль сознательности и интенциональности в производстве речи и познавательной функции языка, и как эта роль изменяется, когда человек имеет дело с информацией, созданной LLM, лишенной сознания и интенциональности в традиционном понимании?

Отдельно стоит перечислить наиболее вероятные потенциальные риски, связанные с использованием LLM в публичном дискурсе:

Распространение дезинформации: LLM могут генерировать фейковые новости, которые для большинства могут быть неотличимы от настоящих, что может способствовать поляризации общества, деградации доверия к информации и различным институтам. В этой связи также стоит отметить, что LLM способны «галлюцинировать» – обнаруживать ложные связи в наборе обучающих данных и, соответственно, генерировать на выходе «бред» – верный по синтаксической форме, но лишенный смысла текст.

Разжигание ненависти: LLM могут использоваться для создания контента, проповедующего дискриминацию того или иного типа и разжигающего ненависть к отдельным людям или группам людей, что может привести к росту экстремизма и насилия.

Манипулирование общественным мнением: LLM могут использоваться для создания ботов, которые будут искусственно «порождать» тренды в социальных сетях, распространять пропаганду, манипулировать общественным мнением, повышая степень несправедливой эксплуатации населения.

Проблема «стохастического попугая» или «коллапса моделей»: из-за нарастающего объема материалов, циркулирующих в Интернете, авторами которых являются LLM, возникает риск их обучения на «вторичных» данных,

содержащих в себе неисправленные ошибки ИИ, что приведет к переполнению инфосферы малоинформативной, заведомо ложной и(или) «бредоподобной» информационной продукцией, которая при существенном внешнем сходстве с той, что производят люди, может чрезвычайно затруднить деятельность последних. Эту проблему иногда иронично называют «ИИ Габсбургов», имея в виду, что LLM способны выродиться, как эта древняя правящая испанская династия, в результате «близкородственного кровосмешения».

Очевидно, что Большие языковые модели вносят сегодня значительный вклад в создание нового дискурсивного ландшафта. Их влияние на публичный дискурс многогранно и имеет как положительные, так и отрицательные стороны. По сути мы имеем дело с зарождением и развитием смешанных коммуникативных сообществ «человек-ИИ», и эти сообщества будут появляться и функционировать во всех сферах жизни человека, включая образование, науку, политику и др.

LLM имеют потенциал не только обогащать публичный дискурс как таковой, но и создавать новую социальную реальность, в которой границы между человеческим и машинным взаимодействием становятся все более размытыми. Подходя к развитию LLM ответственно, общество может использовать их для улучшения коммуникации и понимания на глобальном уровне, обеспечивая при этом сохранение критического мышления и подлинности межличностного общения.

Что касается социальных эффектов, то влияние LLM будет заключаться в изменении способов общения, появлении новых форм искусства и литературы, и самое главное – LLM могут изменить наше представление о мире как таковом и о нас самих.

Активное внедрение Больших языковых моделей может привести к значительным и даже радикальным изменениям в науках о языке и обществе. Влияние LLM будет только усиливаться, поэтому так важны междисциплинарные исследования ИИ технологий – важно понимать, какое совместное будущее нас ожидает, какую максимальную пользу мы можем из них извлечь и как минимизировать потенциальные риски и угрозы.

Список источников

1. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой ; вступ. ст. А.С. Колесникова, СПб. : Гуманитарная Академия : Университетская книга, 2004. 416 с.
2. Хэбермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М. : Весь Мир, 2016. 344 с.
3. Лягошина Т.В. Гибридизация публичного дискурса в современном медиапространстве: социальные эффекты и исследовательская перспектива // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 94–103
4. Ивахненко А.Г., Лана В.Г. Кибернетические предсказывающие устройства / Акад. наук УССР. Киев : Наукова думка, 1965. 214 с.
5. Vaswani A. et al. Attention Is All You Need // Proceedings of the 31st International Conference on Neural Information Processing Systems, NIPS 2017 (Long Beach, CA, USA), NY : Curran Associates Inc., 2017.
6. Putnam H. Minds and machines (edited by Alan Ross Anderson). New Jersey : Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, 1964. P. 72–97.
7. Fodor J. The Language of Thought. Cambridge, Massachusetts : MIT Press, 1975. 228 p.
8. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / ред. Ш. Балли, А. Сеше ; пер. с фр. А. Сухотина // Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре; Примечания / пер. с фр. С.В. Чистяковой ; под общ. ред. М.Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.

9. Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. Л. Добросельского. М. : АСТ, 2018. 352 с.
10. Блумфилд Л. Language. Chicago : University of Chicago Press, 1984. 564 p.
11. Lenci, Alessandro; Sahlgren, Magnus. Distributional Semantics. Cambridge University Press, 2023. 452 p.
12. Rubenstein H., Goodenough J. Contextual correlates of synonymy // Commun. ACM. Vol. 8, Iss. 10, 1965. P. 627–633.

References

1. Foucault, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge]. Translated from French by M. Rakova, A. Serebryannikova. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya: Universitetskaya kniga.
2. Habermas, J. (2016) *Strukturnoe izmenenie publichnoy sfery: Issledovaniya otositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [Structural change in the public sphere: Research on the category of bourgeois society]. Translated from German. Moscow: Ves' Mir.
3. Lyagoshina, T.V. (2022) Hybridisation of public discourse in the modern media space: social effects and research perspectives. *Vestnik Tomskogo gosuniversiteta Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 69. pp. 94–103. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/69/11
4. Ivakhnenko, A.G. & Lapa, V.G. (1965) *Kiberneticheskiye predskazyvayushchiye ustroystva* [Cybernetic predictive devices]. Kiev: Naukova dumka.
5. Vaswani, A. et al. (2017) *Attention Is All You Need*. Proceedings of the 31st International Conference on Neural Information Processing Systems, NIPS 2017 (Long Beach, CA, USA), New York: Curran Associates Inc.
6. Putnam, H. (1964) *Minds and Machines*. Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey. pp. 72–97.
7. Fodor, J. (1975) *The Language of Thought*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.
8. Saussure, F. de (1999) *Kurs obshchey lingvistiki* [Course in General Linguistics]. Translated from French by A. Sukhotin. Ekaterinburg: Ural State University.
9. Wittgenstein, L. (2018) *Filosofskiye issledovaniya* [Philosophical Studies]. Translated from German by L. Dobroselskiy. Moscow: AST.
10. Bloomfield, L. (1984) *Language*. Chicago: University of Chicago Press.
11. Lenci, A. & Sahlgren, M. (2023) *Distributional Semantics*. Cambridge University Press.
12. Rubenstein, H. & Goodenough, J. (1965) Contextual correlates of synonymy. *Communications of the ACM*. 8(10). pp. 627–633.

Сведения об авторе:

Лягошина Т.В. – аспирант кафедры истории философии и логики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lyagoshina.tatiana@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Lyagoshina T.V. – postgraduate student of the Department of History of Philosophy and Logic, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lyagoshina.tatiana@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.04.2022;
одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации
The article was submitted 17.04.2022;
approved after reviewing 22.05.2024; accepted for publication*

Научная статья

УДК 172.1

doi: 10.17223/1998863X/79/12

ПРАВОО ЛИБЕРТАРИАНСТВО И СУФФИЦИЕНТАРИЗМ УДАЧИ

Константин Евгеньевич Морозов

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
lovecraft.wittgenstein@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается праволибертарианский аргумент Эрика Мака в пользу суффициентаризма удачи, т.е. чувствительного к ответственности распределения социального минимума. Этот подход исключает предоставление такого социального минимума в форме безусловного базового дохода. Предлагается несколько аргументов в пользу трансформации суффициентаризма удачи в суффициентаризм результатов и, таким образом, праволибертарианского обоснования базового дохода.

Ключевые слова: либертарианство, эгалитаризм, удача, достаточность, распределительная справедливость, естественные права

Для цитирования: Морозов К.Е. Правое либертарианство и суффициентаризм удачи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 125–133. doi: 10.17223/1998863X/79/12

Original article

RIGHT-LIBERTARIANISM AND LUCK SUFFICIENTARIANISM

Konstantin E. Morozov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, lovecraft.wittgenstein@gmail.com

Abstract. Most right-libertarians deny the permissibility of government redistribution, referring to the inviolability of private property rights. In a rare exception, Eric Mack offers a right-libertarian argument for luck sufficientarianism based on the catastrophe clause. In this view, people who find themselves in trouble through no fault of their own may violate someone else's property rights in minor ways to save their own lives. But since a literal interpretation of this clause makes property rights too uncertain, Mack proposes a system of redistribution that will protect people from dire circumstances. As it only applies to those who find themselves in poverty through no fault of their own, Mack's argument rules out a basic income. However, one can combine Mack's argument with basic income by arguing that responsibility-insensitive sufficientarianism is superior to luck sufficientarianism. First, luck sufficientarianism allows for the counterintuitive conclusion that people who have made mistakes in their lives do not deserve help from the rest of the community, even if they are engaged in some socially important activity. Second, luck sufficientarianism unduly interferes with people's private lives to distinguish between deserving and undeserving recipients of social assistance, and inevitably excludes some deserving recipients from the pool of recipients. Third, a condition for holding people responsible for their choices is that they have agency. But maintaining agency requires the presence of some kind of material resources that would protect people from the fear and stress associated with poverty. Thus, responsibility-insensitive sufficientarianism is superior to luck sufficientarianism as an interpretation of the catastrophe clause. And within a libertarian framework, this requires introducing a basic income. First, a basic income technically guarantees everyone protection from extreme poverty and destitution. Second, a basic income guarantees everyone autonomy in how they manage their resources. Third, a basic income does not require means

testing and is therefore responsibility-insensitive. Mack's catastrophe clause therefore offers a right-libertarian argument for a basic income.

Keywords: libertarianism, egalitarianism, luck, sufficiency, distributive justice, natural rights

For citation: Morozov, K.E. (2024) Right-libertarianism and luck sufficientarianism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 125–133. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/12

Либертарианство – это теория справедливости, которая наделяет людей строгими правами против вмешательства в их свободу: против убийств, пыток, искалечений, порабощений, изнасилований и эксплуатации. Что более специфично, так это то, что либертарианцы связывают такие права на свободу с правами частной собственности. Либертарианцы также утверждают, что вмешательство в эти права одинаково нежелательно как со стороны частных лиц, так и со стороны государства. По этой причине многие либертарианцы выступают против государственного налогообложения, поскольку последнее представляет собой принудительное изъятие некоторых сумм денег без согласия налогоплательщиков [1. P. 109].

Некоторые либертарианцы, однако, признают, что определенные формы налогообложения допустимы. Например, левые либертарианцы считают природные ресурсы эгалитарной собственностью всех людей, а поэтому поддерживают налогообложение собственников этих ресурсов и последующее распределение собранных средств в виде безусловного базового дохода [2, 3]. Правые либертарианцы, в свою очередь, отрицают наличие подобных эгалитарных прав на природные ресурсы. Тем не менее даже некоторые из правых либертарианцев признают необходимость принудительного налогообложения с целью финансирования минимального государства, которое будет защищать права и собственность людей [1. P. 111; 4. P. 220]. Однако правые либертарианцы в большинстве своем отрицают допустимость налогового финансирования каких-либо программ социального обеспечения, таких как безусловный базовый доход.

Эрик Мак (Eric Mack) – одно из немногих исключений из этого правила. Он предлагает аргумент в пользу того, что правые либертарианцы должны быть суффициентаристами удачи, т.е. должны поддерживать перераспределение с целью предоставления социального минимума на уровне некоторого порога достаточности, но только когда отсутствие такого минимума вызвано обстоятельствами грубой удачи [5. P. 246; 6. P. 2]. Этот взгляд исключает базовый доход, хотя и допускает более традиционные пособия с проверкой нуждаемости. Цель этой статьи – продемонстрировать, что аргументация Мака терпит неудачу в обосновании суффициентаризма удачи, потому что эта позиция имеет ряд недостатков на фоне суффициентаризма результатов, который требует гарантии базового дохода.

Вслед за крупнейшим либертарианским философом XX в. Робертом Нозиком (Robert Nozick) [7. С. 11] Мак утверждает, что все люди обладают естественными правами, т.е. дополитическими моральными правами [8. P. 49]. Мак связывает обладание такими правами с тезисом обособленности личностей [1. P. 115; 8. P. 69–70]. Согласно этому тезису, люди представляют собой онтологически обособленные существа, каждое из которых живет собственной жизнью. В силу этого онтологического факта не существует ника-

кого общего для всех людей показателя социального благополучия, который надлежало бы максимизировать, как утверждают утилитаристы. То же касается и любых других всеобъемлющих социальных целей, которые претендуют на универсальность. Поскольку каждый живет своей жизнью, то для каждого высшей и конечной целью является реализация собственного благополучия.

Последнее утверждение не стоит понимать как моральную защиту неограниченного эгоизма. Мак признает, что для большинства людей достижение индивидуального счастья невозможно без отношений взаимного признания, дружбы, любви, уважения и привязанности, а эти отношения требуют эмпатии, сострадания, отзывчивости нуждам и интересам других и готовности к самопожертвованию [8. Р. 66]. Однако даже в таком случае самопожертвование и альтруизм морально обоснованы в той мере, в которой они составляют индивидуальное благополучие того, кто идет на соответствующие жертвы. Принуждение кого-то к тому, чтобы жертвовать своим благом ради других, не является морально похвальным ни для того, кто принуждает, ни для того, кого принуждают.

Таким образом, любая вещь в этом мире имеет ценность лишь в той мере, в какой она составляет чье-либо *индивидуальное* благополучие. А это значит, что единственная вещь, которая может иметь непроемкую высшую и конечную ценность, – это сами индивиды. И наиболее разумным способом признания этой ценности каждого является уважение к его естественным моральным правам. Последние представляют собой моральные ограничения на то, как допустимо поступать в отношении других людей, признавая их конечную ценность [8. Р. 77–78].

Мак выделяет следующий набор естественных прав, который следует из признания ценности каждой человеческой личности [8. Р. 80–81]. Во-первых, это право свободно распоряжаться своей личностью, своим телом и своим трудом, т.е. право самопринадлежности. Во-вторых, это право заявлять и отстаивать имущественные претензии на внеличностные объекты либо путем присвоения ничейных ресурсов, либо путем добровольной передачи от другого лица. В-третьих, это право заключать с другими соглашения и требовать надлежащего исполнения условий этих соглашений. Эти три права выступают в качестве базовых, т.е. неприобретенных прав. Однако они оставляют возможность как для приобретения новых прав, так и для их утраты.

Последовательная реализация этих трех прав ведет к обществу, в котором недопустимы какие-либо формы государственного перераспределения богатства и доходов [7. С. 206–212]. Ведь в таком случае люди имеют дополнительные права собственности на то имущество, которое они получили в результате первоначального присвоения или добровольной передачи. Для государства недопустимо вмешиваться в осуществление этих прав, облагая своих граждан налогом, если его цель – перераспределение с целью борьбы с неравенством или бедностью. Естественные права собственности не устанавливаются государством, а ограничивают диапазон допустимых для государства действий [7. С. 11].

Однако Мак вводит два ограничения естественных прав (оговорки), каждое из которых в подходящих обстоятельствах оправдывает некоторое налогообложение [8. Р. 83–84]. Первое ограничение – это «оговорка Локка», кото-

рая устанавливает требование о неухудшении положения других людей в результате присвоения или передачи собственности. Левые либертарианцы интерпретируют оговорку Локка как эгалитарный принцип, который требует некоторого равного распределения ничейных ресурсов [9. С. 36–40]. Правые либертарианцы либо отрицают саму необходимость оговорки Локка [10. Р. 118–134], либо интерпретируют ее как очень слабое инэгалитарное ограничение [7. С. 227–232]. Немногие правые либертарианцы все-таки признают, что из инэгалитарной оговорки Локка также следует допустимость некоторого перераспределения, но они отрицают, что формой такого перераспределения может быть *безусловный* базовый доход [11]¹.

Куда меньшее внимание в существующей литературе уделено второму ограничению, о котором пишет Мак, – «оговорке катастрофы». Согласно ей, люди в чрезвычайных обстоятельствах не обязаны уважать чужие права, если издержки от уважения этих прав для них выше, чем те издержки, который понесет обладатель прав в результате их нарушений [1. Р. 112]. При определенных условиях эта оговорка, как считает Мак, оправдывает некоторое налогообложение и даже перераспределение богатства и доходов. Чтобы проиллюстрировать лежащую в основе этой оговорки интуицию, Мак предлагает ряд воображаемых примеров [1. Р. 109].

Представим хорошо подготовленного альпиниста, который попадает в непредвиденный снежный буран. Если он не найдет себе укрытие, то он рискует умереть от обморожения. Однако на пути ему попадается запертый горный коттедж. Допустимо ли для альпиниста взломать коттедж, чтобы спрятаться внутри от бурана? Если мы всерьез привержены идее, что каждая человеческая личность является высшей ценностью, то наш ответ должен быть: «Да».

Аналогично мы можем представить голодающего бездомного, который проходит мимо открытого окна, на котором сейчас остывает свежее испеченный вишневый пирог. Если жизнь голодающего бездомного имеет высшую ценность, то разве справедливо от нас требовать, чтобы он умирал с голоду и не предпринимал попыток спасти свою жизнь, когда налагаемые им на других людей издержки незначительны?

Эти два примера иллюстрируют ситуации, когда люди оказались в чрезвычайных обстоятельствах не по своей вине и поэтому для них допустимо незначительно нарушить чужие права собственности, чтобы спасти свою жизнь. Но если мы допускаем такие вмешательства в чужие права собственности, то мы оставляем значительное пространство для злоупотреблений. Ведь в таком случае некоторые из тех, кто оказались в бедственном положении по собственной вине, будут покушаться на чужую собственность, пытаясь оправдаться ссылками на оговорку катастрофы. Это сделает социальную жизнь хаотичной, поскольку породит многочисленные споры о том, в каких конкретных случаях покушения на чужую собственность были оправданы.

Решение этой проблемы «социального хаоса» Мак видит в учреждении системы налогообложения и перераспределения, которая бы заранее исклю-

¹ Однако Питер Валлентайн (Peter Vallentyne) [12] и Мэтт Зволински (Matt Zwolinski) [13] предложили аргументацию в пользу того, что инэгалитарная интерпретация оговорки Локка также ведет к обоснованию базового дохода. Но их аргументы делают эту поддержку базового дохода условной в том смысле, что оправдание этой политики зависит от соблюдения некоторых эмпирических допущений, чего нельзя сказать о леволибертарианском обосновании базового дохода [9. С. 41].

чила любые покушения на чью-либо собственность [1. Р. 112, 140–141]. Если государство будет осуществлять перераспределение в пользу тех, кто оказался без средств к выживанию не по своей вине, то ни у кого не будет справедливых оснований, чтобы посягать на чужую собственность. И никто также не сможет протестовать против такого перераспределения, потому что их права собственности ограничены оговоркой катастрофы и поэтому не могут служить в качестве основания против такой системы социальной поддержки.

Описанная Маком схема перераспределения соответствует такой теории распределительной справедливости, как *чувствительный к ответственности суффициентаризм* или просто суффициентаризм удачи [6. Р. 2]. Эта теория ограничивает распределительную справедливость (1) предоставлением социального минимума и (2) нейтрализацией грубой удачи¹ [5. Р. 246]. Пункт (1) отличает эту позицию от более известного эгалитаризма удачи [14], который также стремится нейтрализовать грубую удачу, но не ограничивает перераспределение предоставлением социального минимума. Пункт (2) отличает суффициентаризм удачи от суффициентаризма результатов, который также ограничивается предоставлением социального минимума, но не чувствителен к обстоятельствам грубой удачи.

Все суффициентаристы считают центральной задачей перераспределительной политики государства предоставление всем людям социального минимума – некоторого набора ресурсов, достаточного для минимально достойной жизни. Однако суффициентаристы удачи ограничивают это предоставление теми людьми, которые живут ниже порога достаточности из-за обстоятельств грубой удачи. Суффициентаристы результатов же не ограничивают свою теорию подобным образом, так как государство, с их точки зрения, должно предоставлять социальный минимум всем людям, независимо от того, почему они живут ниже порога достаточности.

Суффициентаризм удачи в интерпретации Мака несовместим с базовым доходом [1. Р. 140]. Последний представляет собой регулярную денежную выплату, на которую имеют право все граждане того или иного государства, независимо от проверок нуждаемости или требований к работе. С точки зрения Мака, получателями социальных выплат могут быть только те, кто оказались в состоянии нужды не по своей вине. Поэтому его предложение по либертарианской системе социального обеспечения предполагает программы гарантированной занятости, а также условные пособия для тех, кто не может выполнять какую-либо работу и кто ищет работу, но не может ее найти. Тем не менее мы могли бы продемонстрировать, что оговорка катастрофы оправдывает базовый доход, поскольку суффициентаризм удачи является менее правдоподобной позицией, чем суффициентаризм результатов.

Аксель Госсери (Axel Gosseries) разрабатывает аргументацию в пользу нечувствительной к ответственности формы суффициентаризма [15]. Он предлагает представить Джека, мужчину с параличом нижних конечностей. Должно ли государство предоставлять ему пособие по инвалидности? На

¹ Грубая удача – это обстоятельства, которые находятся полностью за пределами контроля человека, такие как врожденные дарования, социальное происхождение, географическое положение, гендерная и расовая принадлежность и так далее. Характеристика «грубая» нужна, чтобы отличить ее от опциональной удачи – тех, обстоятельств, которые частично находятся в пределах контроля человека (например, выигрыш в лотерею или попадание в автомобильную аварию в результате нетрезвой езды).

первый взгляд, ответ может быть только: «Да», но для суффициентариста удачи это поспешный ответ. Ведь Джек мог как (I) родиться с соответствующей инвалидностью, так и (II) лишиться способности ходить в результате его увлеченности экстремальным альпинизмом. Если распределение социального минимума должно быть чувствительно к ответственности, то в случае (I) Джек имеет право на социальные выплаты, но в случае (II) он должен самостоятельно искать себе средства для выживания.

Госсери выдвигает сразу два соображения против такой чувствительности к ответственности. Во-первых, это морально неправдоподобное утверждение, что наши обязательства перед нашими нетрудоспособными согражданами ограничены ситуациями чистой грубой удачи. Элизабет Андерсон (Elizabeth Anderson) выдвигает схожий аргумент против эгалитаризма удачи, используя пример пожарного [16. Р. 286–287]. Стать пожарным – это добровольный выбор каждого, кто идет в эту профессию. Но в таком случае если кто-то из пожарных пострадает во время пожара, то он не имеет право на лечение или имеет его в меньшей степени, чем пострадавшие жильцы сгоревшего дома. Но это морально неправдоподобное утверждение, ведь пожарные выполняют важную социальную функцию, и у нас нет оснований помогать им меньше, чем остальным людям¹.

Во-вторых, это требует от государства создать обширный бюрократический аппарат, чтобы определять, чьи случаи нетрудоспособности обусловлены грубой удачей, а чьи – их собственной ответственностью. Это можно понимать как чисто практическое возражение о том, что поддержание такого бюрократического аппарата будет требовать определенных ресурсных затрат, которые могли пойти на выплату социального минимума нуждающимся. Но учреждение подобной системы определения «достойных» и «недостойных» получателей содержит и некоторые моральные риски. С одной стороны, государству придется вмешиваться в частную жизнь граждан, чтобы определить, насколько их права на социальный минимум являются обоснованными, а такое вмешательство само по себе морально проблематично [16. Р. 305]. С другой стороны, ни одна система условной социальной помощи не способна учесть всех получателей, соответствующих критериям «достойного получателя», а потому всегда предполагает риск того, что чьи-то обоснованные притязания на социальный минимум не будут удовлетворены [13. Р. 525–527].

Как отмечает Госсери, суффициентаризм результатов является хорошим ответом на обозначенные соображения. С одной стороны, он не допускает, что некоторые люди будут исключены из числа получателей социальных выплат, и не требует обширного бюрократического аппарата. С другой стороны, его перераспределительные обязательства не столь требовательны, как у приоритаризма, что делает суффициентаризм результатов эффективной формой перераспределения².

¹ Можно также задаться вопросом: разве право альпиниста из примера Мака зависит от того, насколько он ответствен за свое положение? Мы могли бы ослабить допущения Мака и предположить, что альпинист просто плохо подготовился или мог предвидеть снежный буран. Но в этих случаях морально правдоподобно, что ценность его личности оправдывает его проникновение в запертый коттедж ради собственного выживания, даже если он как-либо виноват в своем бедственном положении.

² Госсери также определяет суффициентаризм как «ограниченную форму приоритарного эгалитаризма».

Госсери предлагает также еще одно обоснование в пользу нечувствительного к ответственности суффициентаризма. Это обоснование созвучно идее «либертарианского вэлферизма» Мариуса Островски (Marius Ostrowski) [17]. Основная идея состоит в том, что необходимым условием для возложения ответственности за какой-либо выбор является агентность. Развитие и поддержание агентности требуют определенных когнитивных способностей для рационального планирования и обдумывания возможных вариантов выбора. Однако развитие и поддержание этих способностей требует, чтобы люди были относительно свободны от нужды и вызываемых ею страха и стресса. Права на социальный минимум не могут зависеть от ответственности людей за их выбор, ведь предоставление им этого минимума необходимо для защиты их агентности, которая является условием для возложения на них ответственности за их выборы. Кок-Чор Тан (Kok-Chor Tan) в схожем духе отвечает на возражения Андерсон, предлагая рассматривать достижение всеми порога достаточности вне зависимости от их выборов как предварительное условие для возложения на людей ответственности за их выбор [18. P. 119–126].

Таким образом, суффициентаризм результатов позволяет решить проблемы суффициентаризма удачи. И либертарианский суффициентаризм результатов, в свою очередь, требует безусловного базового дохода [19; 20. P. 307]. Во-первых, базовый доход на уровне порога достаточности просто является технически самым простым способом гарантировать, что каждый в обществе имеет необходимый социальный минимум. Во-вторых, либертарианцы уважают автономию и свободу выбора каждого человека, а базовый доход гарантирует, что каждый будет волен самостоятельно распоряжаться своей долей ресурсов по своему усмотрению. В-третьих, суффициентаризм результатов заботит только фактическое достижение всеми порога достаточности, но не ответственность людей за их выбор, поэтому эта форма суффициентаризма не требует никаких условий или проверок нуждаемости.

Можно сделать вывод, что оговорка катастрофы Мака требует предоставления базового дохода, чтобы гарантировать, что никто не находится ниже порога достаточности и поэтому ни у кого нет справедливых оснований покушаться на чужие права собственности. Сформулированная таким образом оговорка катастрофы становится неотличима от оговорки достаточности Фабиана Вендта (Fabian Wendt) [20, 21]. Согласно ей, право людей заявлять и отстаивать имущественные претензии ограничено соблюдением шаблонного распределительного условия, чтобы у всех было достаточно ресурсов для автономной жизни. С этой точки зрения, никто не может жаловаться на государственное перераспределение, необходимое для обеспечения этого условия, потому что легитимность имущественных притязаний зависит от соблюдения этого условия. На основании этого правые либертарианцы должны отвергнуть суффициентаризм удачи и принять безусловный базовый доход.

Список источников

1. Mack E. Non-Absolute Rights and Libertarian Taxation // *Social Philosophy and Policy*. 2006. Vol. 23, № 2. P. 109–141.
2. Van Parijs P. *Real Freedom for All: What (If Anything) Can Justify Capitalism?* Oxford : Oxford University Press, 1995. 344 p.
3. Steiner H. Compensation for Liberty Lost: Left Libertarianism and Unconditional Basic Income // *Juncture*. 2016. Vol. 22, № 4. P. 293–297.

4. Feser E. Taxation, Forced Labor, and Theft // *The Independent Review*. 2000. Vol. 5, № 2. P. 219–235.
5. Lippert-Rasmussen K. Précis of Luck Egalitarianism // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 2019. Vol. 22, № 3. P. 245–252.
6. Timmer D. Weighted sufficientarianisms: Carl Knight on the excessiveness objection // *Economics and Philosophy*. 2023. Vol. 39, № 3. P. 494–506. doi:10.1017/S026626712200013X
7. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М. : ИРИСЭН, 2008. 424 с.
8. Mack E. Natural Rights // *Arguments for Liberty* / ed. by A.R. Powell, G. Babcock. Washington, DC : Cato Institute, 2016. P. 49–85.
9. Морозов К.Е. Оговорка Локка и базовый доход // *Проблемы этики*. 2022. № 11. С. 29–46.
10. Christmas B. Property and Justice: A Liberal Theory of Natural Rights. New York : Routledge, 2021. 184 p.
11. Daskal S. Libertarianism Left and Right, the Lockean Proviso, and the Reformed Welfare State // *Social Theory and Practice*. 2010. Vol. 36, № 1. P. 21–43.
12. Vallentyne P. Libertarianism and the Justice of a Basic Income // *Basic Income Studies*. 2011. Vol. 6, № 2. P. 1–11.
13. Zwolinski M. Property Rights, Coercion, and the Welfare State: The Libertarian Case for a Basic Income for All // *The Independent Review*. 2015. Vol. 19, № 4. P. 515–529.
14. Сепеда Д.С. Эгалитаризм удачи: два направления критики // *Социологическое обозрение*. 2021. Т. 20, № 2. С. 273–289.
15. Gosseries A. Sufficientarianism // *Routledge Encyclopedia of Philosophy*. 2011. URL: <https://doi.org/10.4324/9780415249126-S112-1> (дата обращения: 10.10.2023).
16. Anderson E. What is the Point of Equality? // *Ethics*. 1999. Vol. 109, № 2. P. 287–337.
17. Ostrowski M.S. Toward Libertarian Welfarism: Protecting Agency in the Night-Watchman State // *Journal of Political Ideologies*. 2013. Vol. 18, № 1. P. 107–128.
18. Tan K.-C. Justice, Institutions, and Luck: The Site, Ground, and Scope of Equality. Oxford : Oxford University Press, 2012. 222 p.
19. Tosi J. Relational Sufficientarianism and Basic Income // *The Future of Work, Technology, and Basic Income* / ed. by M. Cholbi, M. Weber. New York : Routledge, 2019. P. 49–61.
20. Wendt F. Three Types of Sufficientarian Libertarianism // *Res Publica*. 2019. Vol. 25, № 3. P. 301–318.
21. Wendt F. The Sufficiency Proviso // *The Routledge Handbook of Libertarianism* / ed. by J. Brennan, B. van der Vossen, D. Schmidtz. New York : Routledge, 2018. P. 169–183.

References

1. Mack, E. (2006) Non-Absolute Rights and Libertarian Taxation. *Social Philosophy and Policy*. 23(2). pp. 109–141.
2. Van Parijs, P. (1995) *Real Freedom for All: What (If Anything) Can Justify Capitalism?* Oxford: Oxford University Press.
3. Steiner, H. (2016) Compensation for Liberty Lost: Left Libertarianism and Unconditional Basic Income. *Juncture*. 22(4). pp. 293–297.
4. Feser, E. (2000) Taxation, Forced Labor, and Theft. *The Independent Review*. 5(2). pp. 219–235.
5. Lippert-Rasmussen, K. (2019) Précis of Luck Egalitarianism. *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 22(3). pp. 245–252.
6. Timmer, D. (2023) Weighted Sufficientarianisms: Carl Knight on the Excessiveness Objection. *Economics & Philosophy*. 39(3). pp. 494–506. DOI: 10.1017/S026626712200013X
7. Nozick, R. (2008) *Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya* [Anarchy, State, and Utopia]. Translated from English by B. Pinsker. Moscow: IRISEN.
8. Mack, E. (2016) Natural Rights. In: Powell, A.R. & Babcock, G. (eds) *Arguments for Liberty*. Washington, DC: Cato Institute. pp. 49–85.
9. Morozov, K.E. (2022) Ogovorka Lokka i bazovyy dokhod [Locke’s Proviso and Basic Income]. *Problemy etiki*. 11. pp. 29–46.
10. Christmas, B. (2021) *Property and Justice: A Liberal Theory of Natural Rights*. New York: Routledge.
11. Daskal, S. (2010) Libertarianism Left and Right, the Lockean Proviso, and the Reformed Welfare State. *Social Theory and Practice*. 36(1). pp. 21–43.
12. Vallentyne, P. (2011) Libertarianism and the Justice of a Basic Income. *Basic Income Studies*. 6(2). pp. 1–11.

13. Zwolinski, M. (2015) Property Rights, Coercion, and the Welfare State: The Libertarian Case for a Basic Income for All. *The Independent Review*. 19(4). pp. 515–529.
14. Sereda, D.S. (2021) Egalitarizm udachi: dva napravleniya kritiki [Luck Egalitarianism: Two Directions of Criticism]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 20(2). pp. 273–289.
15. Gosseries, A. (2011) Sufficiencyarianism. In: Craig, E. (ed.) *Routledge Encyclopedia of Philosophy*. Routledge. [Online] Available from: <https://doi.org/10.4324/9780415249126-S112-1> (Accessed: 10th October 2023).
16. Anderson, E. (1999) What is the Point of Equality? *Ethics*. 109(2). pp. 287–337.
17. Ostrowski, M.S. (2013) Toward Libertarian Welfarism: Protecting Agency in the Night-Watchman State. *Journal of Political Ideologies*. 18(1). pp. 107–128.
18. Tan, K.-C. (2012) *Justice, Institutions, and Luck: The Site, Ground, and Scope of Equality*. Oxford: Oxford University Press.
19. Tosi, J. (2019) Relational Sufficiencyarianism and Basic Income. In: Cholbi, M. & Weber, M. (ed.) *The Future of Work, Technology, and Basic Income*. New York: Routledge. pp. 49–61.
20. Wendt, F. (2019) Three Types of Sufficiencyarian Libertarianism. *Res Publica*. 25(3). pp. 301–318.
21. Wendt, F. (2018) The Sufficiency Proviso. In: Brennan, J., van der Vossen, B. & Schmitz, D. (eds) *The Routledge Handbook of Libertarianism*. New York: Routledge. pp. 169–183.

Сведения об авторе:

Морозов К.Е. – аспирант кафедры этики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: lovecraft.wittgenstein@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Morozov K.E. – postgraduate student, Department of Ethics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: lovecraft.wittgenstein@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.12.2023;
одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted 11.12.2023;
approved after reviewing 22.05.2024; accepted for publication 11.06.2024*

Научная статья

УДК 130.2

doi: 10.17223/1998863X/79/13

НОСТАЛЬГИЯ В САКРАЛЬНОМ ЯДРЕ КУЛЬТУРЫ

Людмила Константиновна Нефедова¹, Амина Шамильевна Руди²

¹ Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия,
konstans50@yandex.ru

² Омский государственный университет путей сообщения, Омск, Россия,
amina_rudi@mail.ru

Аннотация. Анализируются категориальные смыслы ностальгии как экзистенциальной формы исторической памяти. В ностальгическом представлении прошлого фиксируются безусловные идеалы, составляющие ядро культуры определенной социальной общности. В отличие от других форм коллективной памяти ностальгия не подразумевает исторически точной репрезентации прошлого, побуждает к возврату, восстановлению подлинного, символизированного образом навсегда утраченного дома.

Ключевые слова: ностальгия, сакральное ядро культуры, дом, прошлое, историческая память

Для цитирования: Нефедова Л.К., Руди А.Ш. Ностальгия в сакральном ядре культуры // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 134–145. doi: 10.17223/1998863X/79/13

Original article

NOSTALGIA IN THE SACRED CORE OF CULTURE

Ludmila K. Nefedova¹, Amina Sh. Rudi²

¹ Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation, *konstans50@yandex.ru*

² Omsk State Transport University, Omsk, Russian Federation, *amina_rudi@mail.ru*

Abstract. Nostalgia is seen as an existential form of historical memory. It opens up in such existential aspects as returning home, to one's homeland, on the one hand, and pain, on the other. These meanings are reflected in the term recorded in European languages. Images of nostalgia are widely represented in non-specific forms of philosophizing: in literature, music, painting, cinema. Philosophy notes the illusory nature of nostalgic experiences fraught with disappointment (Immanuel Kant, Max Scheler), the ontological nature of longing for the whole and authentic (Martin Heidegger), and the desire to streamline being (Emmanuel Levinas). In the concept of nostalgia, what is fused together for the yearning person is not the home and the past as such, but the irretrievably lost home and the past associated with the origins of authenticity. The existential return is associated with the formation of a sense of home and is an ancient cultural practice, presented, for example, in the texts of the Old Testament and Russian chronicles. The focus of the house includes all forms of existence: nature, culture, society, people. Nature determines the material appearance of the house. Culture shapes everyday homemaking practices. Society constructs social roles in domestic life. A person, based on natural, cultural and social aspects, comprehends their identity within the confines of their home. The home neutralizes the destructive impact of social resentment. Turning to the origins of nostalgia means seeking consolation and strength to cope with today's trials. The past in a nostalgic vision is mythologized, symbolically

saturated with the content of the core of culture, while being directly connected with the living present of a social group. The core of culture, according to the concept of Daniel Pivovarov, is a complex of unconditional ideals and values of a given culture, developed and sacralized in the process of cultural practices. The nostalgic past is significantly retouched; the transitory and the now insignificant are hidden in it. Unlike other forms of memory, nostalgia encourages symbolic return – the prospect of destruction of the cultural core means the death of the group. The existential nostalgia marks the search for essential meanings, reflection on the inauthenticity of what is happening. Working with memory involves maximizing the deepening of knowledge about one's past over the centuries. The longer a people exists, the stronger its cultural foundations, hence the desire of historically young communities to connect their historical roots with ancient ethnic groups and to romanticize and glorify existing, sometimes controversial, pages of their own history.

Keywords: nostalgia, sacred core of culture, home, past, historical memory

For citation: Nefedova, L.K. & Rudi, A.Sh. (2024) Nostalgia in the sacred core of culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 134–145. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/13

Ностальгия в философском осмыслении

Феномен ностальгии в том или ином аспекте его проживания известен каждому человеку, независимо от возраста, пола, типа личности, судьбы, характера, этнической и религиозной принадлежности. Академические словари не расходятся в трактовке понятия: ностальгия – «тоска по родине, как душевная болезнь» [1. С. 555]; «nostalgia – тоска по родине» [2. С. 737]; «тоска по родине, по прошлому» [3]. Смыслы понятия кажутся вполне очевидными и не требующими особых экспликаций. Тема ностальгии достаточно определенно представлена в неспецифических формах философствования – в искусстве, особенно в художественной литературе и в музыке. Ностальгическое обращение к истокам русской культуры явлено в узнаваемых обликах России, воплощенных в знаковых полотнах А. Саврасова, В. Поленова, И. Левитана. В этих картинах выражено неизменно русское: покой, раздолье, неторопливость, безмятежное принятие своего естества в единстве с миром. Храм, березы или смешанный лес, река, проселочная дорога, простые избы – все эти символы без лишней декоративности существуют, казалось бы, вне времени. Ностальгия ощущается в протяжности полифонного многоголосья в русской музыке от фольклора («Эй, ухнем») до академических произведений («Жизнь за царя» М. Глинки, «Борис Годунов» М. Мусоргского). Православный колокольный звон («Перезвоны» В. Гаврилин), вписанный в темпоральную и событийную ткань ежедневной жизни, звуковое разнообразие этнических и региональных традиций необъятной российской земли (концерты С. Рахманинова) – эти особенности русской музыкальной культуры передают широту, основательность и силу русского характера, обращенность к мощным традициям, подпитывающим своего носителя перед лицом сегодняшних испытаний. В музыке, как народной, классической, так и в более современных ее формах, тема ностальгии обозначена в программных произведениях, обращенных к исторической проблематике, в песенном творчестве с широким диапазоном фиксации экзистенциальных состояний. Ностальгическими мотивами пронизана и так называемая литература русского зарубежья, в частности, творчество В. Набокова, Дон-Аминадо, М. Осоргина. Тоска по прошлому в поиске истоков своего дома, своей земли звучит в исторической

проблематике русской литературы: от «Полтавы» и «Клеветникам России» А. Пушкина до «На независимость Украины» И. Бродского. В искусстве раскрыты смыслы «странной», иррациональной и ностальгической любви к России, призывая «верить» в нее (Ф. Тютчев).

Философия рассматривает феномен ностальгии преимущественно с позиций этики [4], выявляя ее нравственный смысл. Однако для прояснения структурно содержательной модели ностальгии, ее природных, антропологических и культурных характеристик, а также аспектов функционирования требуется дальнейшее исследование в онтологическом и культурфилософском ключе. Тем более, что философы удерживают ностальгию в поле внимания, отмечая различные аспекты ее природы. Так, И. Кант в своих размышлениях о воображении упоминает тоску по родине, свойственную швейцарцам, уроженцам Вестфалии и Померании, оказавшимся на чужбине, но при возвращении обреченных на разочарование, объясняемое ими произошедшими там изменениями, «хотя в действительности все дело в том, что они не властны вернуть свои молодые годы» [5. С. 201]. Таким образом, И. Кант понимает ностальгию как тоску по навсегда утраченному прошлому. М. Шелер душевную тягу к прошлому отмечает у романтических натур, склонных «убежать из собственной эпохи» [6. С. 48]. То есть у Шелера ностальгия по прошлому тоже иллюзорна, возникает вовсе не в силу «притягательности для субъекта самобытных ценностей того времени» [6. С. 48]. К. Ясперс, пришедший к экзистенциализму из области психиатрии [7], замечает аффективную природу ностальгии, способную побудить к убийству [8]. М. Хайдеггер придает проблеме ностальгии онтологическое звучание и сопоставляет ее в целом с философствованием. Создатель фундаментальной онтологии приводит изречение мистика и натурфилософа Новалиса: «Философия есть, собственно, ностальгия, тяга повсюду быть дома» (цит. по: [9. С. 28]), рассматривая ностальгию «как фундаментальное настроение философствования», соотнося ее с вопросами «о мире, конечности, отъединенности» (цит. по: [9. С. 28]). Для М. Хайдеггера ностальгия – тоска не по дому или прошлому, а сущностное состояние человека, вопрошающего о целом: «что такое мир, конечность, уединение?» (цит. по: [9. С. 30]). Так возникает философская трактовка ностальгии как тоски по подлинному. Болезнью возвращения, тоской по утраченному предстает ностальгия под влиянием идей М. Хайдеггера в идеях Э. Левинаса, подчеркивающего иррациональную природу переживания своего нахождения в мире, как в доме, обнаружения порядка бытия [10].

Сегодня, в транзитивный период культурного и социального существования человека тема ностальгии бросает вызов онтологии и философии культуры, поскольку сопрягается с исторической памятью [11], прямым образом коррелируя с идентичностью и выбором цивилизационного развития больших и малых человеческих общностей. Тем не менее в настоящее время тема ностальгии при всей методологической значимости только начинает перемещаться с периферии философского интереса ближе к центру [12], что предполагает возможность ее осмысления с позиций онтологии устойчивости и конструирования понимания самого феномена ностальгии с позиций философской антропологии и философии культуры, что требует пристального внимания к понятию-термину.

Nostos и algos в отношении к сакральному ядру культуры

Категориальные смыслы ностальгии во всей полноте раскрываются еще в гомеровские времена в привычном для древнегреческого языка словообразовании: присоединении к *nostos* (*возвращение на родину*) еще одного слова – *algos* (боль)¹. Античная культура знала жанр носты – историй возвращения греческих героев домой с Троянской войны. Данное понятие оказалось активно востребованным в конце XVII в. и, получив статус медицинского термина², вошло в европейские языки, в том числе и в русский³, в обиходно-литературную речь как общеупотребительное слово. Выйдя за границы медицинской терминологии, слово *nostalgia* обживалось в разных языках примерно одинаково: не расширяя своих смыслов образованием большого гнезда родственных слов (глагол *ностальгировать* и прилагательное *ностальгический* не отличаются высокой степенью частотности употребления). Понятие ностальгии, не стремясь вступать в синонимические и антонимические ряды, остается словом-иностраницем с поддержкой своих категориальных смыслов одноструктурным рядом терминов с международным значением. Это слова на *-гия*: *магия, религия, литургия, генеалогия*. Перевод их на русский язык осуществился не через калькирование, но фиксацию русскими словами, отразившими смыслы, прожитые в своей культуре. В России ностальгия – это, прежде всего, тоска по Родине, а не патология боли навязчивого вечного возвращения. В иных славянских языках при наличии латинского заимствованного слова произошло примерно то же самое. *Stesk, steska* – «тоска» в западнославянских языках. Специфичен эквивалент ностальгии в романо-германских языках: в английском – *homesickness* («дом» и «боль») и в немецком – *heimweh* («домашний уют»). Французы сохранили исконное романское – *nostalgia*. Таким образом понятие ностальгии принято европейскими языками в своем древнем образе сложного слова, сохранив базовые смыслы дома, возвращения, боли, тоски, уюта. Динамика семантических изменений термина «ностальгия» представляет особый интерес для лингвистов [13]. В философии экзистенциала тоски по Родине, в отличие от экзистенциала страха, не получил достаточно пристального осмысления.

В исследовании ностальгии эвристична концепция корпуса культуры как ядра и оболочки [14], нашедшая развитие в трудах Д.В. Пивоварова, понимавшего под ядром культуры комплекс безусловных идеалов и ценностей данной культуры, выработанных и сакрализованных в процессе культурных практик. Заметим, что содержание и смысл сакрального начала не ограничиваются конфессиональностью, а имеют основанием изначальную, как рациональную, так и иррациональную, связь человека с миром, смыслы которой раскрыл Р. Отто [15], выявив в этой связи ряд аспектов: родовую человеческую идентичность в субъектном корреляте с миром и силами, определяющими устойчивость и изменчивость мира; чувство своей малости перед грандиозностью мироздания; трепет и ужас перед непостижимым величием;

¹ Приведем ряд слов, сохранивших эту модель словообразования в русском переводе «Илиады»: пышнопоножные, выпуклокруглые, меднобронные, птицегадатель, прекрасноволосый, последнерожденный и т.д.

² Врач Иоханнес Хоффер использовал термин для определения состояния тоски по дому у солдат (см.: [8. С. 11]).

³ Оказавшись зафиксированным и у Даля.

чувство ценности мира-бога-бытия в его непостижимости рациональным образом и в невозможности достичь понимания, оставаясь в сфере чувственно-иррационального восприятия. В данной Р. Отто феноменологической модели сакрального-нуминозного есть некое устойчивое онтологическое и антропологическое основание, к которому, полагаем, восходит ностальгия. Оно обнаруживается в категориях *дома* и *боли*.

Устойчивость связи человека с Миром-Богом-Бытием обнаруживается в соотносительности сакрального ядра культуры с религиозностью, совестью, связью с Первоединым, с основами человеческого состояния – самодоверенностью человека, которую определяет его *дом*. По сути, это идеалы и ценности выработанными на протяжении жизни культуры. Так, трепеща и ужасаясь перед непостижимым, т.е. пребывая в состоянии «*misterium tremendum*» (Р. Отто), человек находится в вечном возвращении к истокам своей *religio* как связи с первоединым. Религиозность бытийствует в человеке вкупе с *nostos* (с вечным возвращением домой). В основе связи с Богом, миром, бытием лежит возвращение домой, к себе. Человеку свойственны попытки вспомнить себя до своего появления на свет, найти свои истоки и ответы на вопросы: откуда я взялся, что было до меня? Житейская обиходная эмпирика ничего не проясняет, и человек тысячелетиями ищет себя в своем родовом качестве, обращаясь к искусству, философии, религии, науке. Как бы кардинально ни меняли человеческую жизнь культурные и социальные практики – *nostos* – возвращение к своей самодоверенности остается неизменным. Это вечное возвращение, домой сопряженное с болью и разочарованием, оформляется как бессознательный родовой опыт, фундируя вполне сознательную историческую память [16]. В понятии ностальгии слиты воедино для тоскующего не дом и прошлое как таковые, а безвозвратно утраченный дом и прошлое, связанное с истоками аутентичности.

Смыслы концепта *nostos-algos*

В композиционно-текстуальном оформлении концепта *nostos-algos* фиксируются два экзистенциальных аспекта данного феномена.

Первый – *nostos* – возвращение на родину, домой, как в начальную и конечную точку человеческих странствий в мире. Дом здесь – смысложизненная цель, ценность, место вне и внутри человека, где свершаются все наиболее значимые события человеческой жизни. В фокус дома вмещены все формы бытия: природа, культура, социум, человек. Природа определяет диапазон дома от пещеры, чума, шатра до глиняной мазанки, деревянной избы, каменных палат. Культура определяет «ойкономику», домострой, культурные практики домоводства: усадебный или кочевой быт, кухню и пищу, одежду, запасы, расходы. Социум определяет социальные роли в домашнем житье-бытье: хозяина и домочадцев. Человек на основе природного, культурного и социального аспектов постигает свою идентичность именно в пределах своего дома. Дом нивелирует разрушительное воздействие социальных ресентиментов, утешая и закаляя человека. Таким образом проживание экзистенциала *nostos* и формирование чувства дома можно считать древнейшей культурной практикой. *Nostos* – то, что определяет пространственно-временной континуум общности с древнейших времен. *Nostos* является необходимым возвращением к себе, на свое место – в дом, как в кочевом образе

жизни, так и в оседлом. При том, в кочевом образе жизни актуализирован поиск дома, а в оседлом – возможная и пугающая утрата и необходимость защиты.

Идея *nostos* пронизывает Ветхий Завет. Это – поиск, исход, возвращение в *землю обетованную*, текущую молоком и медом. В ней нуждается народ, состоящий из нескольких колен, образующих единое коллективное тело, укрепляющих его как в течение своей жизни, так и включаясь в корпус народа посмертно: «Умер Моисей и приложился к народу своему». К обретению этой земли устремлены все помыслы. Идея дома живет на генетическом уровне: Моисей – приемный сын дочери фараона, египтянин по культуре, по семье, вскормившей его, возвращается в лоно народа своего к лишениям странствий, к возрождению размытой египетским пленением культурной и социальной идентичности, на что потребовались десятилетия хождения по пустыне, вымирание носителей рабского сознания, установление жестких религиозно-этических, культурно-социальных норм-предписаний, с тем, чтобы обрести собственную, определенную, устойчивую идентичность вместо размытой чужими влияниями.

Идея *nostos* пронизывает русские летописные своды. В силу преимущественно оседлого образа жизни славянских племен, наличия иного пространства жизни, позволяющего вести хозяйство с кормящими общность земледелием и ремеслами, стал возможным выход к образованию своих городов – гардариков – крепостей, факторий, ремесленных центров. Оседлость многочисленных славянских племен, взаимодействие с варяжским Севером и степным Югом, просторы лесостепи, равнины и плоскогорья формировали сложную полиэтническую общность и иные смыслы *nostos*: дом не надо было искать, он наследовался, его необходимо было возделывать, сохранять, защищать. Дом – цивилизационный феномен, ему, как и цивилизации в целом, свойственна экспансия. Однако обретение устойчивости отечественного дома осуществлялось не только завоеванием, данью, торговлей, контрибуцией, но и опытом управления: суверенно-междоусобного, вечевого, а также на основе выданных Ордой ярлыков. На основе договоров, побед и поражений, через опыт культурного и социального взаимодействия разных этносов, скрепленного единством места жизни.

Таким образом, вырисовываются две модели дома – дом, к которому надо идти, который надо завоевывать под звуки иерихонской трубы, и дом, который надо защищать от набегов, а после своих победных набегов привозить в свой дом заморские диковинки, раздвигая его границы. Основа оседлого дома также сакрализовалась в сознании общности, как и основа земли обетованной. И в том и в другом случае дом определялся как *земля* – место под солнцем, территория жизни, пребывающая во времени. Утрата дома, даже временная, вызывала боль.

Второй экзистенциальный аспект феномена ностальгии – боль – *algos*. Сегодня этот греческий корень реализует свои изначальные гомеровские смыслы в названиях медицинских болеутоляющих препаратов – анальгетиков. Узнаваем этот корень и в латыни – алгоритм, порядок выполнения действий. Заметим, что если латинский корень прочно вошел в научно-практический словарь, то греческий остался эксплицированным только в медицине. Обращение к европейским языкам – английскому и французскому –

позволяет заметить, что в понятии *nostalgia* смысл понятия *боли* уступает место смыслу понятия *тоски*.

Утрата дома проживается человеком как состояние утраты экзистенциальной устойчивости. Дом – всегда искомое в культуре, как оседлых, так и кочевых этносов. Кочевой – ищет землю обетованную, которая станет домом. Оседлый – уходит из дома, гонимый недостатчей и возвращается в него из-за высоких гор, синих морей для воцарения на своей земле. Таким образом, дом обладает силой притяжения и выталкивания. Притяжение необходимо для оформления места жизни, для ее устойчивого воспроизводства. Выталкивание важно для упорядоченной (алгоритмизированной) экспансии – расширения жизни. Утрата дома – это утрата места силы. Так, Троянская война истощила силы ахейян. Все они стремятся возвратиться домой, хотя возвращение для многих оказывается невозможным или трагичным (как в случае с Агамемноном). Радость обретения дома и воцарение в полной мере выпадают на долю Одиссея. Сюжет возвращения – архетипический и имеет ряд исторических аналогов, прежде всего анабазис Ксенофонта – возвращение десяти тысяч греческих наемников после отступления в битве при Кунаксе на стороне Кира Младшего. Анабазис – это не просто физическое возвращение, это духовное восхождение. Аналог – возвращение блудного сына в Ветхом Завете. Здесь, казалось бы, редуцирована ностальгия в пользу раскаяния блудного сына и отцовского прощения. При этом возвращение (*nostos*) в притче означает, что вернувшийся «был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк. 15:11-32).

Таким образом, тоска по дому – сложный экзистенциальный конструкт, в котором переплетается телесное и духовное начала, притяжение и выталкивание, боль и радость, раскаяние и прощение, обретение опыта. Дом можно обнаружить в сакральном ядре любой культуры, которое всегда является результатом идеалообразования. Архетип дома сохраняется во всех трансформациях культуры и социума. Он просвечивает во всех жизнеспособных социально-культурных образованиях, помогая пережить лихие периоды истории через переосмысление истоков, улавливание преемственных смыслов древних, почти сказочных нарративов, ибо они позволяют проникнуть сквозь вибрации и мерцание исторических оболочек-интерпретаций к неизменным устойчивым смыслам ностальгии как опорной точки, позволяющей субъекту истории осознать свою самодостоверность.

Ностальгия как этико-эмоциональный маркер сохранения и укрепления сакрального ядра культуры

Подобно тому, как целостность и самоидентичность личности обеспечиваются механизмами ее индивидуальной памяти [17], так и самость общности определяется образами ее истоков, «дома». Прошлое, как и все модусы пространственно-временного континуума, в социальной жизнедеятельности наполнено культурными смыслами, а не предстает в физической данности. Конструируемые, сохраняемые и трансформируемые образы прошлого в культуре общности существуют исключительно в ценностной системе координат. Образы прошлого всегда сопряжены с эмоциональными переживаниями идентичности исторического субъекта и определенным пониманием блага. М. Хальбвакс определял прошлое как социально конструируемый феномен, обусловленный наличествующим бытием общности с актуальными в

данный момент ориентирами этой общности. Культурный контекст настоящего времени образует «социальные рамки памяти» [18]. Психологически невозможными «чистые» воспоминания о прошлом, в их в исходной данности, без определенности настоящим моментом считал и Дж. Г. Мид [19. С. 73]. Человек не может восстановить в своей памяти прошлое в том виде, в котором это прошлое было когда-то индивидом пережито: меняется способность осмысления событий под влиянием опыта, приобретенного после вспоминаемого момента, и ракурса, актуальность которого детерминирована именно текущим временем, востребовавшим воспоминания. Соответственно, в различные исторические периоды формируются разные образы разных этапов прошлого. Будучи представленными в публичном культурном пространстве, эти образы как нарративы коллективной памяти обуславливают и содержание индивидуальной памяти. Кроме того, условия актуализации конкретных исторических образов очевидно отличаются по остроте и характеру их восприятия. Образ прошлого, воссоздаваемый ностальгическими практиками, позволяет понять, какого настоящего ищет ностальгирующий субъект. Экзистенциал ностальгии маркирует поиск эссенциальных смыслов, рефлексию неподлинности происходящего. Обращение к корням отражает интенцию к вневременному характеру идентифицируемого ядра культуры. Ведь если возникает тревожное подозрение, что «распалась связь времен», то значит **«Век вывихнут. Век расшатался»**. **«Расшатанность»** своего **«века»**, **драматически констатируемая Гамлетом, побуждает личность связь времен восстановить.**

Различение дефиниций культурных форм работы с прошлым представляется перспективным по критерию объективности. История представляет собой критическую форму осмысления, поиска и хранения сведений о прошлом. История может быть рассмотрена как форма коллективной памяти, подчиненная научным требованиям к истине. Коллективная или индивидуальная память предполагает хранение сведений, сопряженных не столько с объективностью, сколько с эмоциональными переживаниями и личной включенностью людей в масштабные события жизни общности. Память – «живая», непрерывная, подвижная, множественная, субъективная, формирующая идентичность своих носителей, помещающая воспоминание в категорию священного [12]. Ностальгию резонно рассматривать как экзистенциальную форму исторической памяти, в которой образ прошлого мифологизирован, т.е. символически насыщен содержанием ядра культуры, при этом напрямую связан с текущей жизнью общности. Ностальгический образ прошлого значительно ретуширован, преходящее и ныне не значимое в нем скрыто. В отличие от других форм памяти ностальгия побуждает к символическому возврату к «дому» – перспектива разрушения ядра означает гибель группы. Есть прошлое, которое необходимо помнить, чтоб не повторить, а есть прошлое, побуждающее к восстановлению. Поэтому не все культурные обращения к истории действительно являются ностальгическими.

Как экзистенциал ностальгия схватывает целостность связи мира и человека, обнаруживая в остром эмоциональном переживании человека модус бытия и факт присутствия индивида в бытии. Экзистенциал ностальгии переживается не только в приватном и уникальном духовном бытии индивида, но и в бытии социальном, будучи соотносенным в том числе с постпамятью –

отношением «последующих поколений к личным, коллективным, культурным травмам, к изменениям, которым подверглось предыдущее поколение» [20]. Это обстоятельство отражается в психологических исследованиях как феномен ностальгии без памяти [21]. Способность восприятия даже травматичного прошлого в позитивной коннотации объясняется, например, осознанием самого факта выживания: каким бы прошлое ни было, оно пережито, оно нас не уничтожило, а сформировало. В. Каттерманн приводит формулу общественного сознания: «Сегодня мы именно такие, ибо пережили это» [22. S. 463]. Работа с памятью часто предполагает максимальное углубление знаний о своем прошлом в тысячелетиях. Чем дольше существует народ, тем крепче его культурные основы: как древнегреческий мифологический герой, преодолев превратности судьбы, народ возвращается к нормальному укладу жизни, став сильнее. Сложное для понимания собственное прошлое может вызвать на некоторое время отчуждение и отказ от него у ныне живущих, но преодоление травмы в первую очередь выражается в установлении исторических связей с любыми периодами истории, очерчивании линий преемственности. В международном культурном пространстве нации, получившие сравнительно недавно возможность государственной организации, а вместе с ней унификацию официального письменного национального языка, возникновение памятников искусства и культуры, как правило, стремятся связать свои исторические корни с древними этносами, зачастую допуская очевидные натяжки и подмен понятий. Также у исторически молодых наций в коммеморативных практиках активно используются приемы романтизации и мифологизации тех лет, какие имеются в историческом запасе, и в культурных нарративах возникает, например, образ ковбоя не как скромного, необразованного, бедного пастуха, а как воплощение мужественности, образ гангстера 30-х гг. XX в. – не как пример делинквентности в годы страшного беззакония, а как олицетворение мудрости, силы и верности собственным принципам. Ностальгическая мифологизация прошлого стала явственнее проявляться в массовой культуре с появлением кинематографа [23] и телевидения [24].

Резюмируя, надо отметить, что, удаляясь в ходе жизни от истоков, изменяясь и осваивая все новые грани мира, человек усложняется, адаптируется, выживает. Архетипическая утрата дома закономерна – каждый индивид, каждое следующее поколение должны освоить новые грани бытия и «одомашнить их». Меняться может устойчивое, неустойчивое же к изменениям не способно, оно исчезает в процессе изменений. Возникновение тоски по мифологизированным, символично упрощенным образам прошлого становится знаком отдаления от ядра культуры, от базовой идентичности субъекта, что может угрожать его сохранению. Ностальгическое чувство порождено невозможностью возврата, но важно само проживание экзистенциала, напоминающего о подлинном, сакрально значимом. В этой форме памяти значима не столько историческая точность репрезентации, сколько побуждающая к действию и острому переживанию образность, в котором прошлое представлено не в документальной подлинности, а в эссенциальной значимости. Вернуться к объекту, вызывающему тоску и грусть, невозможно потому, что объект мифичен и сконструирован только экзистенциальным переживанием субъекта.

Явленная в ностальгии обращенность к прошлому, к родному дому становится методологическим решением для познания современности. Носталь-

гирование сквозь призму данного в сакральном ядре культуры и одновременно искомого образа дома, истоков открывает возможность критического восприятия текущей действительности.

Список источников

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык-Медиа, 2003. Т. 2. 784 с.
2. *Гак В.Г., Ганишина К.А.* Новый французско-русский словарь. М. : Русский язык, 1999. 1196 с.
3. *Новейший философский словарь* / сост. А.А. Грицанов. Минск : Книжный Дом, 1999. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/newest-dictionary/articles/1378/nostalgiya.htm> (дата обращения: 12.09.2023).
4. *Новиков Е.Ю.* Нравственный смысл ностальгии Новиков Евгений Валерьевич. Нравственный смысл ностальгии : дис. ... канд. филос. наук. М., 2009. 153 с.
5. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // Собрание сочинений в восьми томах. М. : Чоро, 1994. Т. 7. С. 137–376.
6. *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей. СПб. : Наука : Университетская книга, 1999. 231 с.
7. *Перцев А.В.* Молодой Ясперс: Рождение экзистенциализма из пены психиатрии. М. : Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2012. 342 с.
8. *Ясперс К.* Ностальгия и преступления // Собрание сочинений по психопатологии : в 2 т. М. : Академия ; СПб. : Белый Кролик, 1996. Т. 1. С. 8–122.
9. *Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики. Мир – конечность – одиночество. М. : Владимир Даль, 2013. 592 с.
10. *Левинас Э.* Избранное. Тотальность и Бесконечное. М ; СПб. : Университетская книга, 2000. 416 с.
11. *Демин И.В.* Феномен ностальгии в горизонте постметафизической философии истории. Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2012. № 1 (11). С. 16–25.
12. *Сыров В.Н.* Новый виток в трактовке соотношения памяти и истории и его перспективы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 19–35. doi: 10.17223/1998863X/73/2
13. *Murashova E.P.* The Dynamics of the Semantic Changes of the Term “Nostalgia” as a Key Component of Retro // Вопросы прикладной лингвистики. 2021. № 41. С. 103–122.
14. *Беляев Н.А.* Концепция культуры Д.В. Пивоварова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 10. С. 14–17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-kultury-d-v-pivovarova> (дата обращения: 12.09.2023).
15. *Отто Р.* Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та, 2008. 272 с.
16. *Емельянова Т.П.* Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М. : Ин-т философии РАН, 2019. 299 с.
17. *Нефедова Л.К., Руди А.Ш.* Устойчивость архетипа ребенка в культуре // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 131–142. doi: 10.17223/1998863X/72/12
18. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М. : Новое литературное обозрение, 2005. С. 16–50.
19. *Мид Дж.* Философия настоящего. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 271 с.
20. *Иванов А.Г.* Характеристика работы постпамяти: между индивидуальным травматическим опытом и медиастратегией // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 109–121. doi: 10.17223/1998863X/72/10
21. *Романова А.П., Федорова М.М.* «Советская ностальгия» нессоветского цифрового поколения // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22, № 1. С. 6–18.
22. *Kattermann V.* Endlich fertig erinnert? Ein psychoanalytischer Beitrag zur Diskussion kollektiver Vergangenheitsarbeit // Merkur. 2012. № 66 (Mai). S. 459–465.
23. *Bakina T.V.* Nostalgia, Hollywood Style: Costumes in Contemporary Films about American Cinema History // Communications. Media. Design. 2019. Vol. 4, № 2. P. 129–141.

24. Novikova A.A., Chumakova V.P. Soviet Cinema and Nostalgia for the USSR in the Russian Village // Communications. Media. Design. 2019. Vol. 4, № 2. P. 5–25.

References

1. Dal, V.I. (2003) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* T. 2. [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 vols]. Moscow: Russkiy yazyk-Media.
2. Gak, V.G. & Ganshina, K.A. (1999) *Novyy frantsuzsko-russkiy slovar'* [New French-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
3. Gritsanov, A.A. (ed.) (1999) *Noveyshiy filosofskiy slovar'* [The Latest Philosophical Dictionary]. Minsk: Knizhnyy Dom. [Online] Available from: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/newest-dictionary/articles/1378/nostalgiya.htm> (Accessed: 12th September 2023).
4. Novikov, E.Yu. (2009) *Nravstvennyy smysl nostalgii* [The Moral Meaning of Nostalgia]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
5. Kant, I. (1994) *Sobranie sochineniy v vos'mi tomakh* [Collected Works in Eight Volumes]. Vol. 7. Moscow: Choro. pp. 137–376.
6. Sheler, M. (1999) *Resentiment v strukture moraley* [Resentment in the Structure of Morals]. St. Petersburg: Nauka; Universitetskaya kniga.
7. Pertsev, A.V. (2012) *Molodoy Yaspers: Rozhdenie ekzistentsializma iz peny psikhiiatrii* [Young Jaspers: The Birth of Existentialism from the Foam of Psychiatry]. Moscow: Russian Christian Humanitarian Academy.
8. Jaspers, K. (1996) *Sobranie sochineniy po psikhopatologii: v 2 t.* [Collected Works on Psychopathology: in 2 vols]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Akademiya; St. Petersburg: Belyy Krolik. pp. 8–122.
9. Heidegger, M. (2013) *Osnovnye ponyatiya metafiziki. Mir – konechnost' – odinochestvo* [Basic Concepts of Metaphysics. World – Finitude – Loneliness]. Translated from German. Moscow: Vladimir Dal'.
10. Levinas, E. (2000) *Izbrannoe. Total'nost' i Beskonechnoe* [Selected Works. Totality and the Infinite]. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
11. Demin, I.V. (2012) Fenomen nostalgii v gorizonte postmetafizicheskoy filosofii istorii [Phenomenon of Nostalgia in the Horizon of Post-Metaphysical Philosophy of History]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya "Filosofiya. Filologiya."* 1(11). pp. 16–25.
12. Syrov, V. N. (2023) A new turn in the interpretation of the relationship between memory and history, and its prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 73. pp. 19–35. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863KH/73/2
13. Murashova, E.P. (2021) The dynamics of the semantic changes of the term “nostalgia” as a key component of retro. *Voprosy prikladnoy lingvistiki – Issues of Applied Linguistics.* 41. pp. 103–122. DOI: 10.25076/vpl.41.06
14. Belyaev, N.A. (2016) Kontsepsiya kul'tury D.V. Pivovarova [D.V. Pivovarov's concept of culture]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii.* 10. pp. 14–17. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-kul'tury-d-v-pivovarova> (Accessed: 12th September 2023).
15. Otto, R. (2008) *Svyashchennoe. Ob irratsional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s ratsional'nym* [The Sacred. On the Irrational in the Idea of the Divine and Its Relationship with the Rational]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
16. Emel'yanova, T.P. (2019) *Kollektivnaya pamyat' o sobyitiyakh otechestvennoy istorii: sotsial'no-psikhologicheskii podkhod* [Collective Memory of the Events of Russian History: A Social and Psychological Approach]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.
17. Nefedova, L.K. & Rudi, A.Sh. (2023) Stability of the archetype of the child in culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 72. pp. 131–142. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/72/12
18. Halbwachs, M. (2005) Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. In: Gabovich, M. (ed.) *Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* [Memory of the War 60 Years Later: Russia, Germany, Europe]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 16–50.
19. Mead, J. (2014) *Filosofiya nastoyashchego* [Philosophy of the Present]. Moscow: HSE.
20. Ivanov, A. G. (2023) Characteristics of the work of postmemory: Between individual traumatic experience and media strategy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya.*

Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 72. pp. 109–121. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863KH/72/10

21. Romanova, A.P. & Fedorova, M.M. (2021) “Sovetskaya nostal'giya” nesovetskogo tsifrovogo pokoleniya [Soviet Nostalgia of The Post-Soviet Digital Generation]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk – South-Russian Journal of Social Sciences.* 22(1). pp. 6–18. DOI: 10.31429/26190567-22-1-6-18

22. Kattermann, V. (2012) Endlich fertig erinnert? Ein psychoanalytischer Beitrag zur Diskussion kollektiver Vergangenheitsarbeit. *Merkur.* 66 (Mai). pp. 459–465.

23. Bakina, T.V. (2019) Nostalgia, Hollywood Style: Costumes in Contemporary Films about American Cinema History. *Communications. Media. Design.* 4(2). pp. 129–141.

24. Novikova, A.A. & Chumakova, V.P. (2019) Soviet Cinema and Nostalgia for the USSR in the Russian Village. *Communications. Media. Design.* 4(2). pp. 5–25.

Сведения об авторе:

Нефедова Л.К. – доктор философских наук, профессор, профессор, зав. кафедрой философии Омского государственного педагогического университета (Омск, Россия). E-mail: konstans50@yandex.ru

Руди А.Ш. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «История, философия и культурология» Омского государственного университета путей сообщения (Омск, Россия). E-mail: amina_rudi@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Nefedova L.K. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, head of the Department of Philosophy, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: konstans50@yandex.ru

Rudi A.Sh. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, professor at the Department of History, Philosophy and Cultural Studies, Omsk State Transport University (Omsk, Russian Federation). E-mail: amina_rudi@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.09.2023;
одобрена после рецензирования 23.05.2024; принята к публикации 11.06.2024*

*The article was submitted 14.09.2023;
approved after reviewing 23.05.2024; accepted for publication 11.06.2024*

Научная статья

УДК 165, 930.1

doi: 10.17223/1998863X/79/14

КАК СТРУКТУРИРОВАТЬ ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

Василий Николаевич Сыров¹, Елена Васильевна Агафонова²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *agaton1810@gmail.com*

² *narrat59@gmail.com*

Аннотация. Предпринят анализ исследовательской литературы по теме времени, выявлены узловые аспекты критики сложившейся исследовательской традиции и предпринята попытка определения конструктивных путей в исследовании данной проблемы. Показано, что основной пафос критики направлен на версии исторического времени, явно или неявно связанные с идеями линейности, телеологичности, прогрессизма, европоцентризма и этноцентризма, а также на трактовку позиции историка как пассивного наблюдателя статичного прошлого. Выдвинут и обоснован тезис, что наиболее приемлемым для решения вопроса о природе исторического времени следует считать феноменологический подход, а основанием для отделения прошлого от настоящего – явные или неявные (в форме социальных практик) представления акторов (социальных групп) о завершенности/незавершенности тех или иных процессов либо событий.

Ключевые слова: историческое время, линейность, европоцентризм, конструктивизм, множественные темпоральности, синхронизация времени, преследующее прошлое, исторический опыт

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465>.

Для цитирования: Сыров В.Н., Агафонова Е.В. Как структурировать историческое время // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 146–164. doi: 10.17223/1998863X/79/14

Original article

HOW TO STRUCTURE HISTORICAL TIME

Vasily N. Syrov¹, Elena V. Agafonova²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,*

¹ *narrat59@gmail.com*

² *agaton1810@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the research literature on the topic of time, identifies key aspects of criticism of the existing research tradition, and attempts to identify constructive ways to study this problem. It is shown that the main pathos of criticism is aimed at versions of historical time, explicitly or implicitly associated with the ideas of homogeneous time, linearity, teleology, progressivism, Eurocentrism and ethnocentrism, as well as the interpretation of the position of the historian as a passive observer of the static past. As is usually written in the literature, time, especially the past, also was interpreted as an empty

container that contained certain events and processes. From the position of the supporters of this approach, the function of the historian should be precisely to be the guardian of the boundaries separating the past from the present, and this historicization of the past should presuppose the need to establish such boundaries. Moreover, researchers such as Berber Bevernage and Chris Lorenz formulate a thesis about the “political nature” of temporal boundaries. Therefore, critical authors argue that researchers of historical time have paid little attention to the “performative” nature of temporal differences and that the establishment of modes of time (past–present–future) can be interpreted as a certain type of social action, conditioned by such definite social actors. It is argued that the past is dynamic, not static, and its boundaries are constantly being revised. The idea of blurring the boundaries between the present and the past (especially the recent one) has become very popular. Researchers note the persisting or repeating character of the past in the present. They talk about a resistant past, a past penetrating the present, a haunting past. As a result, many modern researchers insist that we should talk not so much about the acceleration of time in the modern era, but about fundamentally new approaches to time as such. They characterize the new understanding of time as “multilayered”, “heterogeneous”, “multitemporal” or “polychronic”. Constructivism, based on the idea of the mediation of any social experience, was chosen as the methodological basis for the formulation of the theses put forward. The chosen concept of time (as well as historical time) is based on a phenomenological interpretation of time. It is based on the interpretation of time as a structure consisting of such modes as past–present–future, each of which represents a temporal extension consisting of such elements as beginning–middle–final. Then its completeness should be considered as the criterion for separating the past from the present. If we deal only with certain types of knowledge or representations, then it is reasonable to believe that what individuals or groups consider completed explicitly, and more often implicitly, by the very form of their practices, should be considered completed. In other words, certain objects, events or processes should be considered completed not in a chronological sense. If objects cease to be an explicit or implicit basis (motivation) for social practices, then they belong to the realm of the past. This approach assumes the possibility of coexistence and interweaving of multiple temporal streams, and therefore the need for their synchronization if some social practices come into conflict with other social practices. We believe that attitudes towards such diversity may be different. If it is possible to convince society (take responsibility) that certain processes or events continue to matter (for example, the issue of restoring justice for victims), then these objects will remain the domain of the present. If memory from certain events is limited to the area of local communities (memorial communities, for example) or reduced to forms of working through trauma (for example), then these objects can be attributed to the area of the past.

Keywords: historical time, linearity, Eurocentrism, constructivism, multiple temporalities, time synchronization, haunting past, historical experience

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465>

For citation: Syrov, V.N. & Agafonova, E.V. (2024) How to structure historical time. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 146–164. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/14

Судя по всему, тема времени, а точнее исторического времени, была актуализирована в статье Франсуа Артога «Порядок времени, режимы историчности» [1], которая дала толчок и направление ее обсуждению. Что касается направления, то оно было связано с введением и обсуждением идеи тех самых «режимов историчности» или «форм согласования прошлого, настоящего и будущего». Сам автор утверждал, что это всего лишь эвристический инструмент, помогающий «лучше постичь не время вообще, все времена или целостность времени, но, главным образом, кризисные моменты времени, когда начинают терять свою очевидность сочленения прошлого, настоящего

и будущего» [1]. Артог, как известно, предложил также схему или логику смены режимов темпоральности, ставшую столь же популярным предметом дискуссий в исследовательской литературе. Что касается тезиса о толчке для исследовательского сообщества, то, судя по потоку литературы, идеи Артога дали импульс для постановки и осмысления весьма широкого круга вопросов, которые давно вышли за пределы тем, поставленных в самой статье и даже темы исторического времени.

Как правило, дискуссии по любой теме затрагивают два рода вопросов: во-первых, расширяют и углубляют область критики сложившейся исследовательской традиции, а во-вторых, предлагают те или иные конструктивные пути и способы заполнения пустот, порожденных критикой. Если начать с первого, то стоит отметить, что в литературе сложился целый набор понятий (если не сказать штампов), используемых для критической оценки объекта анализа. Как отмечают Золтан Симон и Марек Тамм, «линейность, процессуальность развития, телеология и понятие прогресса подвергались бесчисленной критике за последние более чем полвека» [2. Р. 9]. Конечно, концепция прогресса критикуется еще с начала XX в., поэтому новизну можно усмотреть в смещении ее акцентов. Вопрос был поставлен по поводу той модели времени, которая имплицитным образом в ней предполагалась. Кстати, актуализирован был именно сам факт доверия исследовательского сообщества к используемым темпоральным понятиям или, как подчеркивает Александра Лианери, был «брошен вызов самоочевидной природе темпоральных концептов» [3. Р. 605].

У исследователей и по этому поводу сложился соответствующий набор понятий, характеризующих занятую критическую позицию, а именно по отношению к современным трактовкам, провозглашающим «однородность, дискретность, линейность, направленность и абсолютность времени» [3. Р. 605]. Как известно из литературы, время трактовалось как пустой контейнер, в котором содержались те или иные события и процессы. Понятно, что такое понимание не давало никаких критериев отделения прошлого от настоящего (и будущего), кроме чисто хронологической удаленности. Соответственно, столь же очевидными для историков, согласно их критикам, казались границы отделения прошлого от настоящего, как, впрочем, и механизм их смены, связанный с безальтернативностью и жесткой каузальностью. Обобщая все эти характеристики и отталкиваясь от размышлений Алейды Ассман, Симон и Тамм сводят так называемый современный режим времени к реализации трех основных черт: концепция времени в период модерна строится на а) диалектике изменения и устойчивости во времени, непрерывности и прерывистости, временного разрыва и временной привычности; б) ориентации на будущее и в) универсальной применимости, поскольку идея прогресса, особенно в трудах Герберта Спенсера, в частности критерии, им предложенные (пресловутый рост интеграции и дифференциации), были распространены не только на все сферы общественной жизни, но и на сферу живой и неживой природы [2. Р. 11–16].

Собственно это убеждение в универсальности прогресса и было актуализировано в так называемых постколониальных исследованиях в виде критики европоцентризма. Как указывали Бербер Бевернаж и Крис Лоренц, теоретики постколониализма критиковали эту концепцию времени как лежащую в ос-

нове идеи развития и отработанную на материале западной истории (например, в ее периодизации) и как по своей сути телеологическую, позиционирующую Запад как неявную историческую судьбу остального мира [4. Р. 40]. Специалисты резонно полагают, что именно труды теоретиков постколониализма стали одним из оснований темпорального поворота, хотя сама по себе критика европоцентризма отнюдь не нова. Еще знаменитый Освальд Шпенглер неоднократно подчеркивал, что «мы, люди западноевропейской культуры, с нашим историческим чувством являемся исключением, а не правилом. „Всемирная история“ – это наша картина мира, а не картина „человечества“» [5. С. 142]. «Будущим культурам покажется маловероятным, что эта проекция (Древний мир – Средние века – Новое время) со всей ее простодушной прямолинейностью, ее вздорными пропорциями, становящаяся от столетия к столетию все более невозможной и совершенно не допускающая включения заново вступающих в свет нашего исторического сознания областей, ни разу не была-таки серьезно поколеблена в своей значимости» [5. С. 144]. Поэтому, как провозглашал Шпенглер, безрадостную картину линейной истории можно поддерживать, «лишь закрывая глаза на подавляющую груду фактов» [5. С. 151].

Обобщая результаты трудов основоположников постколониализма, Прашант Кидамби указывает, что, «во-первых, постколониальные теоретики актуализировали эволюционистские и историцистские допущения европейских писаний по поводу колонизированных обществ, которые основывались на отрицании их одновременности с западным миром. Во-вторых, они показали, как писатели-националисты в колониальных обществах усвоили многие предположения европейских правящих элит и стремились использовать историю как признак своей собственной современности. В ходе этого процесса история как тип знания оказалась «вовлеченной в жестокую борьбу за господство над другими модусами времени и типами знания. В-третьих, профессиональные историки, пишущие с постколониальной точки зрения, также стремились разработать альтернативы хронологической истории, используя различные новаторские повествовательные стратегии» [6. Р. 229–230].

Согласно замечанию Симона и Тамма, казалось бы, концепции прогресса или модернистского исторического времени должны были дискредитировать себя к настоящему времени, но его открытое отрицание сопровождалось и сопровождается широким распространением практик его применения, в частности в виде тезиса о несомненном прогрессе в отдельных сферах человеческой деятельности [2. Р. 9]. Более того, в своей критике модернистского исторического времени сами критики зачастую опираются на его же постулаты (линейность, поступательность развития) [2. Р. 10]. Отрицание наличия исторического времени за пределами Запада приводит авторов либо к отрицанию историчности как таковой за его границами Запада в целом [2. Р. 6], либо так сказать, к выплескиванию с водой самого ребенка. В этом аспекте стоит обратить внимание на замечание Йорна Рюзена, что большинство попыток критиковать западный этноцентризм и заменить его облагороженным образом незападных культур приводит к воспроизводству этноцентризма самой критикой его западной манифестации [7. Р. 58]. Тем самым, определяя и критикуя этноцентризм или этноцентрический нарциссизм в доминирующих (западноевропейских) исторических нарративах, исследователи рискуют весьма

нерефлексивным образом сохранять и транслировать этот формат истории применительно к собственному прошлому. Как неоднократно подчеркивал тот же Рюзен, логика этноцентризма имплицитно или эксплицитно строится на телеологической непрерывно развертывающейся ценности формирования идентичности и моноцентричной пространственной организации собственной формы жизни в ее временной перспективе [8. Р. 122]. По сути, речь идет о воспроизводстве все той же линейной модели времени, правда, лишенной ее универсальности.

Более глубокий уровень критики линейной концепции времени, а вернее, тех следствий, которые из нее вытекают, мы можем увидеть в рассуждениях З. Симона по поводу сравнения историцистского и конструктивистского подходов к истории. Ключевая идея историцизма или историзма, как отмечает Симон, заключается в утверждении, что «природа любой вещи лежит в ее истории» [9. Р. 1178]. Он указывает на некоторую тонкость, которая лежит в основе этого, казалось бы, несомненного достижения европейской мысли. Дело в том, что она предполагает наличие такой сущности как «природа вещи», как нечто такое, что может быть раскрыто, «посредством того, как оно развивалось с течением времени». Радикальность же конструктивизма заключается в утверждении, что «не существует такого понятия, как „природа“ вещей, есть только их история» [9. Р. 1178]. По сути, можно провести некоторую параллель между историзмом и этноцентризмом, поскольку тот также строится на признании такой сущности, как идентичность, и трактовке истории лишь как места ее раскрытия. В этом плане конструктивизм можно трактовать как более радикальное понимание историзма, поскольку он утверждает, что любой объект не только раскрывается в ходе истории, но и возникает (добавим к этому, и исчезает) в ней. Иначе говоря, время поистине следует считать не контейнером, в котором содержатся, пусть даже изменяясь, те или иные вещи, а скорее сутью вещей. Вернее, время и есть возникновение, трансформация и исчезновение тех или иных вещей. Хотя более точное для конструктивизма утверждение заключается в том, что более продуктивно придерживаться такого подхода к трактовке времени и темпоральности исследуемых объектов (хотя конечно, знать, когда именно вещи, особенно современные, исчезнут, мы, исходя из установок того же конструктивизма, не можем). Как следствие, такой подход позволяет Симону вводить идею так называемого «беспрецедентного изменения» [9. Р. 1180] или радикальной новизны в истории, которая заключается в возникновении объектов, смещающих старые объекты, но лишенных всякой преемственности с ними.

Это сравнение историзма и конструктивизма позволяет перейти к анализу еще одной линии критики прогрессистской концепции времени. Как отмечает Лианери, современные исследования бросают вызов идентичности историков как неких объективных наблюдателей статичного прошлого, от которого они предположительно отделены [3. Р. 605]. Тот же аспект в трактовке статуса историка подчеркивают Бевернаж и Лоренц, когда указывают, что по мере удаленности прошлого от настоящего позиция исследователя все более приобретает характер роли бесстрастного наблюдателя, а не активного участника [4. Р. 34]. Традиционно предполагалось, что соблюдение этого условия должно обеспечить пресловутую объективность исторического исследования. Более того, Бевернаж и Лоренц приводят пример исследователь-

ской позиции, суть которой заключается в утверждении, что историки должны сопротивляться искушению стать «агитаторами памяти» и растущей одержимости ею [4. Р. 42]. Они цитируют слова французского историка Анри Руссо, что историческое познание предполагает освобождающий тип мышления, отвергающий убеждение о предопределенности обществ или индивидов своим прошлым без возможности избежать этой предопределенности [4. Р. 42]. Поэтому, с его позиции и позиции сторонников такого подхода, функция историка как раз должна заключаться в том, чтобы быть хранителем границ, отделяющих прошлое от настоящего, а проводимая им историзация прошлого – предполагать необходимость установления таких границ.

Если теперь начать двигаться в сторону характеристики предполагаемых конструктивных изменений, то резонно оттолкнуться от тезиса о пассивности (даже рекомендуемой) историка. Так, Симон и Тамм начинают свои размышления о природе исторического времени с программной установки: «Понятие исторического времени относится ко времени не как к абстрактной и однородной сущности, а как к динамической контекстуализированной составляющей человеческой жизни, сформированной историческими событиями, социальными и политическими структурами, а также нормами культуры» [2. Р. 1], подчеркивая тем самым аспект обусловленности путей и способов отделения прошлого от настоящего не столько эпистемологическими, сколько практическими (социально-политическими) потребностями. В более категоричной форме эта мысль выражена Бевернажем и Лоренцом, когда они утверждают, что исследователи исторического времени мало уделяли внимания «перформативному» характеру временных разграничений и что установление модусов времени (прошлое–настоящее–будущее) можно трактовать как определенный тип социального действия, обусловленный столь же определенными социальными акторами [4. Р. 34]. Более того, они актуализируют тезис о «политической природе темпоральных границ» [4. Р. 35]. К этому можно добавить, что данное утверждение отнюдь не означает вовлеченности самих историков в собственно политическую активность, хотя сам тезис о том, что они не являются и не должны являться простыми пассивными наблюдателями чуждого им прошлого, столь же широко дебатировался в литературе. В принципе можно утверждать, что сама претензия на установление таких границ, не важно кем и почему она делается, явится актом политическим или, по крайней мере, идеологическим, а не просто эпистемологическим. Поэтому мысль о политической природе темпоральных границ скорее актуализирует тему повышения рефлексивности исследователей по поводу их происхождения и значения.

Соответственно, тезис о «перформативности» влечет за собой пересмотр представлений о характере исторического времени в целом и статусе прошлого в частности. Мысль о том, что прошлое не статично, а динамично и фактически пребывает в состоянии постоянного, хотя и более имплицитного переосмысления, к настоящему времени уже стала общепринятой. Столь же общепринято соотносить эту трансформацию с актуализацией темы памяти и связанной с ней темой недавнего прошлого, в отношении которого вопрос о наличии однозначных границ между прошлым и настоящим был наиболее проблематизирован. Исследователи в один голос стали говорить о прошлом, проникающем в настоящее, вечном прошлом, прошлым, застрявшем в насто-

ящем, сопротивляющемся прошлому. Как отмечает Тамм, «с точки зрения презентистских представлений о памяти, прошлое оказывается далеким от окончания и завершенности, но продолжающим жить многими разными способами; прошлое стало частью настоящего» [2. Р. 51]. Уже давно в литературе отмечался тот факт, что болезненное и даже травматическое отношение к прошлому, как правило недавнему (хотя речь может идти и о событиях достаточно далекого прошлого), может приводить к тому, что хронологически удаленные по времени события могут восприниматься и переживаться как часть настоящего или как «живое настоящее». По этому поводу Бевернаж и Лоренц приводят соответствующие высказывания ряда исследователей, что время жертв или свидетелей носит скорее синхронный, чем диахронный характер, более связано с одновременностью, чем с линейностью [4. Р. 43]. Отношение к подобному роду положению дел может быть весьма различным: от призыва позволить прошлому стать прошлым до требования восстановления справедливости, но одно кажется несомненным. Не хронологическая удаленность становится решающим критерием отделения прошлого от настоящего.

В итоге многие исследователи в один голос твердят о том, что следует говорить не столько об ускорении времени в современную эпоху, сколько о принципиально новых подходах ко времени как таковому. Согласно Тамму, в качестве альтернативных подходов можно использовать идею «множественных темпоральностей» [10. Р. 4]. В самом общем виде такую концепцию можно свести к совокупности следующих положений. Прежде всего, это признание как множественности временных линий, так и их разной направленности, не сводящейся к традиционным форматам цикла или линии. Это отказ от жесткого детерминизма в трактовке связи прошлого, настоящего и будущего и интерпретация времени как веера возможностей. Также под сомнение стала ставиться версия времени как некоторого непрерывного потока, что позволяло трактовать его не только как цепь преемственностей, но и как серию разрывов. Кроме того, такое время можно было бы представить как наложение разных временных линий, к примеру, в одной и той же культуре (пресловутая «многослойность»), но в виде не соотношения «поверхности/глубины», а переплетения («просачивающееся») темпоральностей, которое обусловлено спецификой исторического момента. Ну и стоит заметить, что данный подход также строится на отказе от фиксированного числа временных потоков и допущении, что их число может увеличиваться или сокращаться, при том что каждая временная линия может менять свое направление и границы отделения прошлого от настоящего. Наконец, он предполагает, так сказать, разную скорость временных потоков или разное восприятие темпов времени. Поэтому, как справедливо отмечает Бевернаж, «явления, которые ассоциируются с прошлым у представителей определенного класса или культурной группы в определенном регионе мира, могут вполне восприниматься как современные другими классами и группами» [11. С. 83].

Однако как только такой вопрос поставлен, он влечет за собой следующий. «Как такие различные темпоральности могут быть связаны друг с другом без обращения к концепции эволюционной истории?» – указывает Ланиери [3. Р. 613]. Судя по всему, наиболее привлекательным и продуктивным видится ответ в виде идеи синхронизации этих всевозможных темпоральностей. Причем такая синхронизация, с одной стороны, предполагает отказ от

маркировки тех или иных форм времени как воплощений «отсталости», «примитивности», но с другой стороны, строится на признании идеи «неравенства во времени и исторической не-современности» [12. С. 200–201]. Как пишет по этому поводу неоднократно цитируемый нами Б. Бевернаж, «высказывание, что Другой живет в другом времени или историческом измерении, само по себе не является идеологическим: этот эффект появляется в момент, когда кто-то заявляет, что Другой переживает более раннюю „фазу“ нашей собственной истории/времени» [12. С. 200].

Критика сложившихся темпоральных границ, связываемых с прогрессистской концепцией исторического процесса, неизбежно влечет за собой предложения по поводу новых способов структурирования времени. Характерно в этом плане рассуждение З.Б. Симона: «Во-первых, можно ли представить историческое время в иных терминах, нежели процесс и развитие? Во-вторых, может ли такая, отличная от процессуальной, темпоральность все еще быть „исторической“ (то есть сохранит ли она в себе идею возможности перемен, наступающих в человеческих отношениях с течением времени)» [13. С. 222]. Сам Симон предлагает различать процессуальную темпоральность, которая предполагает «изменения состояния субъекта в человеческом мире, разворачивающиеся на фоне глубокой темпоральной непрерывности» [13. С. 237], и событийную, которая строится и определяется радикальными и беспрецедентными переменами, для которых наиболее уместным является использование термина «событие» [13. С. 237]. В отечественной литературе сходную позицию отстаивает Оксана Головашина [14. С. 226–244].

Таким образом, анализ как критических, так и конструктивных соображений о природе исторического времени позволяет сделать некоторые выводы, которые, в свою очередь, могут предстать основанием для некоторых предлагаемых соображений по этому поводу. Прежде всего, бросается в глаза обилие метафор, посредством которых описываются те или иные его сущностные черты. Такое положение дел понятно, поскольку любая новая идея первоначально и может быть представлена только в форме метафоры. Но поскольку любая метафора требует интерпретации, а они могут весьма различаться, видится возможной и даже необходимой процедура их приемлемой интерпретации. В первую очередь это обстоятельство касается вопроса о природе исторического времени и определении границ, отделяющих прошлое от настоящего, особенно в свете тезиса о так называемом преследующем прошлом или сопротивляющемся прошлом. Во-вторых, поскольку современные трактовки времени исходят из его многовариантности, постольку ключевым становится вопрос о перспективах и возможностях синхронизации. Полагаем, что в литературе этот вопрос лишен пока однозначного решения, оставляя тем самым место для его дальнейшего осмысления. Итак, схема и последовательность последующих рассуждений представлены.

Формулировку некоторых собственных соображений о природе исторического времени начнем с краткой характеристики выбранной методологии, а точнее, с эпистемологической программы, предполагая тем самым ее более-менее универсальную применимость, не сводящуюся к уместности только для анализа данной проблематики. Полагаем, что это конструктивизм, который строится на убеждении (обоснованном, естественно), что наш опыт или любые объекты, которые нам в этом опыте даны или могут быть даны, несут

опосредованный характер и иными быть не могут (по крайней мере, пока в силу отсутствия убедительных контраргументов). Иначе говоря, любые объекты нашего опыта могут быть даны только в форме представлений о них: обыденных, научных, религиозных, мифологических и других, а их характеристика (а именно обоснование выбора) не нуждается в апелляции к аргументам типа «соответствие объективной реальности». Последнее можно назвать своеобразным избыточным добавлением, ничего продуктивного к характеристике этих представлений не добавляющим. Но с другой стороны, конструктивизм требует от его сторонников определенной тщательности в используемом стиле и языке описания (не прибегать к высказываниям типа «на самом деле»).

В выборе концепции времени будем опираться на феноменологический подход, применительно к истории развитый в работе Дэвида Карра «Время, нарратив и история» (1986). Карр, как известно, отталкивался от гуссерлевских рассуждений о природе времени. В рамках данного подхода процедуру схватывания, в частности восприятие объекта, следовало уподобить не обобщению потока мгновенных вневременных слепков или образов объекта посредством их накладывания друг на друга и отождествления путем нахождения сходств и отбрасывания различий, а складыванию частей в целое, где каждая часть приобретает значение только в контексте длящегося целого и сохраняет его только в отношении к чему-то до- и после-. Схватывание целостности объекта, тем самым, вне зависимости от того, является ли он единством во времени или временной последовательностью, следовало представлять как временное растяжение или темпоральное простираение. Если опустить промежуточные звенья рассуждений Карра, то этот тезис означал, образно говоря, что не объекты следовало толковать не как находящиеся во времени или проходящие через временной поток, а само время как нечто возникающее, длящееся и уходящее.

Следующий важный аспект рассуждений Карра состоял в определении характера процедуры схватывания, а по сути, трактовки структуры времени в целом. Он подчеркивал, что «великий вклад Гуссерля лежит в его полагании особой формы памяти, которую он называл первичной памятью или ретенцией, и в резком различении, которое он проводил между ею и памятью в обычном смысле, вторичной памятью или воспоминанием. Действительно, они представляют собой сознание прошлого, но их функции в жизни сознания совершенно различны» [15. Р. 21]. То же касается различения «протенции», или ожидания и проектирования будущего. Ретенцию, как и протенцию, следовало считать составными частями схватывания объекта как целостности. Вторичная же память выполняет функцию воспроизведения в сознании некогда воспринятого объекта. Поэтому воспоминания, отмечал Карр, как форма опыта могут иметь место или не иметь, приходить и уходить, ретенция же является необходимым элементом любого опыта [15. Р. 22]. Иначе говоря, не все, что хронологически прошло до точки «теперь» является прошлым, и не все, что хронологически наступит, следует считать будущим. Опять-таки, пропуская промежуточные звенья его рассуждений, можно было утверждать, что и само время тогда правомерно трактовать как структуру, состоящую из таких модусов, как прошлое, настоящее и будущее, каждый из которых представляет собой не сумму объектов и не миг между прошлым и будущим

(в случае настоящего), а темпорально организованную длительность, конституированную такими элементами, как начало—середина—финал (аналогичными ретенции, импрессии и протенции или структуре нарратива).

На этом этапе рассуждений следует задержаться для некоторых комментариев. Во-первых, начнем с тезиса о феноменологическом подходе. Можно, конечно, утверждать, что это всего лишь феноменологическая концепция времени, полагая, что возможны и другие его версии. Бесспорно, что любая идея всегда возникает в рамках какого-либо подхода или направления. Но так же бесспорно, что она может обрести степень успешности и популярности, придающую ей более-менее общезначимый характер. Полагаем, что с полным правом этот тезис можно отнести к данной концепции. Во-вторых, что касается тезиса о множественности времен. Полагаем, что он прекрасно совместим с данным подходом, поскольку признание разных темпов и направленности протекания времени не только не противоречит, но и предполагает предлагаемую трактовку времени. Ну и, в-третьих, в современных представлениях время принято трактовать как универсальный контекст нашего пассивного и активного опыта. Поэтому мы, естественно, не можем толковать его как некий объект, который можно осмысливать с некоторой внешней (вневременной) позиции. Но это не препятствует нам трактовать те или иные версии времени как некий эффективный инструмент для решения тех или иных задач, не претендуя на то, что мы получили, наконец, последний и окончательный ответ по данной теме.

Итак, как уже было подчеркнуто, настоящее следует считать не мигом, а некоторой темпорально растянутой длительностью. Тогда встает принципиальный вопрос об определении границ, отделяющих прошлое от настоящего (ну и от будущего, естественно). Мы, конечно, не можем утверждать, что настоящее начинается с окончания Второй мировой войны или с падения Берлинской стены, к примеру. Это дело историков, социологов, политологов и политиков, в конце концов. Хотя необходимости исторической теории, призванной дать интерпретацию или обоснование предлагаемым границам, никто не отменял. Но некоторые соображения методологического характера предпринять можем.

Если говорить о сугубо формальных признаках, то принято считать, правда, применительно к историческому времени, что прошлое следует трактовать как нечто завершившееся, а точнее, те или иные события или процессы считать закончившимися, что суть этой дистанции от настоящего еще и в том, что они уже чужды нам, и даже не в смысле понятности смысла тех или иных объектов, а в смысле исчезновения (каузальной) значимости их для нас. В этом плане исследователи настаивают на интеллигибельности прошлого, а именно не просто наличия и доступности источников, но и применимости общепринятых процедур работы с ними. Как отмечает П. Кидамби, «прошлое также подобно настоящему в том, что должно подчиняться тем же критериям понимания и объяснения, как и настоящее» [6. Р. 223].

Ключевой вопрос заключается в том, что и почему следует считать завершившимся. В его обсуждении будем отталкиваться от утверждения, что проблематично установить какие-либо так называемые объективные критерии отделения прошлого от настоящего. Наш тезис будет заключаться в следующем соображении. Если мы имеем дело только с теми или иными видами

знаний и представлений о мире, то резонно полагать, что завершившимся следует считать то, что явно, а чаще неявно самой формой своих практик индивиды или группы считают завершившимся. Иначе говоря, те или иные объекты, события или процессы следует считать закончившимися не в хронологическом смысле (не подписанием мирного договора, к примеру), а тем, что они уже не влияют или не обуславливают объекты, хронологически возникающие после них. Например, если экономические процессы 1960-х гг. определяются не влиянием Великой Отечественной войны, а другими более поздними причинами (поздней экономической политикой Сталина или Хрущева, например), значит война будет относиться к прошлому, а не к настоящему (если, конечно, мы не докажем, что вышеописанные процессы и по сей день влияют на нас). Более строго, с конструктивистских позиций этот тезис звучал бы так: если исследователи могут убедительно показать, что для индивидов явно, а скорее неявно реализацией самих жизненных практик утрачивают свое значение те или иные формы действий и их мотивация, тогда можно утверждать, что данные формы жизни начинают удаляться в область прошлого. Собственно, это и означает утрату значимости, о которой говорилось выше. Использование термина «социальные практики» кажется уместным потому, что связывает мотивы и действия, а именно обусловленность (обычно неререфлексивную) действий представлениями. Конечно, индивиды могут верить в разные вещи. Их действия и мотивы могут быть обусловлены идеологией, часто оторванной от других социальных практик. Это, конечно, усложняет исследовательскую картину, поскольку приходится говорить о более опосредованных формах этих социальных практик и более длинных путях воздействия хронологически ранних объектов на поздние (и разочарованиях, связанных с ними). Но, на наш взгляд, это не отменяет сформулированного выше ключевого тезиса, а требует лишь дополнительных комментариев к нему.

Прежде всего отметим, что этот наш тезис поясняет важную идею Рейнхарта Козеллека, что «опыт и ожидания являются двумя категориями, уместными для трактовки исторического времени». Также он отмечает, что они «также подходят для обнаружения исторического времени в области эмпирических исследований» [16. Р. 258]. Иначе говоря, насколько пространство личного или чужого опыта повторяется, настолько можно полагать, что современность (или прошлое) воспроизводит себя, длясь, так сказать, в хронологическом времени, что и может быть зафиксировано исследователями. Далее следует отметить, что данный подход позволяет в новом свете истолковать тезис Бевернажа о структурировании времени как политическом акте. Наиболее уместно здесь оттолкнуться от мысли Гегеля о сущности всемирно-исторических личностей: «Они были и мыслящими людьми, понимавшими то, что нужно и что своевременно» [17. С. 82]. Это суждение означает, что действия (политические, по сути) тех или иных индивидов или групп могут стать и становятся толчком к созданию новых форм жизни, основанием для изменения массовых социальных практик и тем самым импульсом к формированию новых этапов времени (отделяющих настоящее от прошлого, к примеру).

С этой точки зрения данные акты не следует считать воплощением субъективности и произвола в противовес неким «объективным процессам». Скорее, они и есть форма реализации истории. Понятно, что индивиды и группы

могут ошибаться в определении уместности и необходимости тех или иных действий. Но и эти ошибки также относятся к формам и темпам протекания исторического времени, а точнее, его современного понимания. Поэтому историк вполне может констатировать, что, несмотря на попытки реформаторов, социальные практики остались прежними и потому лишь воспроизводящими те или иные этапы исторического времени. Помимо прочего, данный тезис позволяет увидеть работу историка в несколько новом свете, а именно в контексте ее осмысления с позиций формирования исторического времени. Кстати, таким образом можно говорить о разных стадиях или этапах прошлого, чего, видимо, не скажешь о настоящем.

Однако если прошлое определяется представлениями о его завершенности, то как быть с констатацией разных темпов протекания тех или иных процессов в обществе? По сути, речь идет о возможности и необходимости процедуры синхронизации. Но прежде чем обратиться к этому финальному этапу наших рассуждений, следует акцентировать вопрос о собственно историческом времени. Понятно, что не все в прошлом актуально относится к области истории и даже не все, что сохранилось в источниках или в памяти. Но потенциально таким может быть все что угодно. Например, история повседневности или жизнь социальных низов, которая в веке 18-м или 19-м могла не интересовать историков. В решении вопроса о критериях определения исторического времени будем опираться на идеи Артура Данто. Понятно, что если время и есть сами исторические объекты, то тогда оно будет тождественно темпам, количеству и завершенности тех или иных объектов. Проще говоря, много событий – время бежит, мало – время тянется. Вопрос тогда будет заключаться в том, что из них следует относить к историческим. Как отмечал Данто, чтобы описание приобретало исторический характер, оно должно содержать ссылку на два различных и разделенных во времени события, хотя в них будет описываться более раннее из этих событий. В качестве примера он приводит следующее рассуждение: «Предложение „Тридцатилетняя война началась в 1618 г.“ ссылается на начало и окончание войны, но описывается в нем только начало войны. Принимая во внимание, что эта война была так названа из-за ее длительности, никто не мог охарактеризовать ее в 1618 г. или в любое другое время до 1648 г. как „Тридцатилетнюю войну“» [18. С. 148].

Более упрощенно можно сказать, что историческими следует считать объекты, которые порождают некоторые значимые последствия. Вообще-то и сам Данто не возражает против такой трактовки [18. С. 128]. Опять-таки, опуская комментарии по этому поводу, мы можем утверждать, что писать историю – значит выбирать и описывать те или иные объекты в свете порожденных ими последствий. Понятно, что определяющим критерием значимых последствий следует считать современность. Этот тезис делает понятным утверждение о подвижности прошлого в плане не только смещения границ между ним и так называемой современностью, но и периодического переопределения исторического статуса объектов.

Обратим здесь внимание на один принципиальный момент. Такая трактовка исторического прошлого предполагала бы его истолкование как некоторой каузальной цепи, тянущейся из прошлого в настоящее. Но согласно выше изложенной трактовке времени следовало бы вообще отказать истори-

ческому прошлому в, скажем так, существовании. Если же признавать в прошлом наличие разрывов (в каузальной цепи), то мы вернулись бы к вопросу о критериях определения исторического даже в собственном национальном прошлом. Но ведь значимость (что более согласуется с конструктивистской эпистемологией) можно трактовать как возможность (и необходимость) восприятия тех или иных фрагментов прошлого как некоторого опыта. Иначе говоря, нам интересна история, к примеру, древнеегипетской культуры, что и делает ее историческим объектом именно потому, что мы можем осмыслить ее как некоторый значимый культурный (исторический) опыт, хотя вряд ли нам удастся установить ее каузальную связь с иной национальной историей. Поэтому полагаю, что и по сей день не утратила своего значения мысль Г. Болингброка, что «должным образом поставленное обучение истории чрезвычайно содействует ограждению нашего ума от смехотворного пристрастия к собственной стране и порочного предубеждения против других, тем не менее, те же самые занятия порождают в нас чувство особой привязанности к своему отечеству» [19. С. 16]. Ну и, как справедливо заметил английский мыслитель, если историк «написал хорошую историю перуанцев или мексиканцев, китайцев или татар, москвитов или негров, мы можем винить его, но в еще большей мере должны винить самих себя за то, что не извлекли из нее философского урока» [19. С. 63]. С этой точки зрения вслед за Болингброком мы могли бы утверждать, что констатация задним числом тех или иных процессов как повторение прошлого свидетельствует о том, что из прошлого не извлечен надлежащий урок.

Последняя мысль заставляет еще раз вернуться к утверждению Р. Козеллека о роли пространства опыта и горизонта ожиданий как метаисторических категорий. Ведь в рамках его идей повторяемость и относительную успешность социальных практик стоит более связывать с их ролью в отделении прошлого от настоящего, чем с определением смысла и ценности самого исторического прошлого. Полагаем, что здесь возможно выдвинуть следующие тезисы, позволяющие прояснить предлагаемые нами идеи. Бесспорно, личную жизнь также можно трактовать как серию исторических опытов. Столь же бесспорно, что то, что для индивида является личной историей, для общества или группы может оставаться современностью, а именно трактоваться как серии рутинных практик. Поэтому, так сказать, большая история приобретает смысл или ценность для индивида только тогда, когда он начинает воспринимать себя как часть «Мы». Столь же допустимо утверждать, что рутинность повседневных практик на другом уровне происходящего или с других позиций может восприниматься как некоторая завершенность. Такой подход можно трактовать с позиций «часть–целое», что, видимо, более правомерно для трактовки прошлого как истории при переключении идентичности с «Я» на «Мы». Так, с позиций «целого» или «Мы» прошлое уже закончилось, а с позиции «части» или «Я» практики еще остаются и кажутся рутинными. В этом плане несколько иной акцент приобретает тезис Болингброка, что «опасно руководствоваться конкретными примерами» [19. С. 25]. В соответствии с идеями Козеллека он может означать, что чем более расширяется горизонт ожиданий в силу накопления непредвиденных последствий и осознания неопределенности будущего, тем более сужается пространство эффективности рутинного опыта (т.е. сфера настоящего) и растет

тенденция к осмыслению или восприятию хронологических отдаленных объектов не как причин, обуславливающих настоящее, а именно как исторического опыта. Ну и, наконец, если отделение прошлого от настоящего – это акт политический, то он становится фактически актом явного или неявного принятия решения соответствующими акторами в тех или иных интересах и толчком для переориентации социальных практик и мотивов, к ним побуждающих.

Эти соображения по поводу осознания разных темпов протекания и способов восприятия времени на уровне приватном и публичном подталкивают к финальной стадии осмысления темы времени, а именно к вопросу о принципах его синхронизации. Причем вопрос этот предстает не еще одной из тем, которую можно обсудить (а можно этого и не делать), а необходимым шагом в рассмотрении путей и способов структурирования исторического времени, особенно с позиций конструктивистской парадигмы. Ведь очевидно тогда, что отделение прошлого от настоящего будет определяться не некоторыми объективными обстоятельствами, а явно или неявно занятой позицией. Поэтому, как отмечал Б. Бевернаж, мы и наши современники могут проживать в разных мирах. То, что для одних кажется длящимся настоящим, для других может восприниматься как глубокое прошлое, ну и что само по себе это обстоятельство еще не является основанием для обвинения в несовременности. Добавим, что общие принципы такой синхронизации можно считать одинаковыми, идет ли речь о восприятии времени внутри одного и того же общества или о разных обществах.

Так, во-первых, констатация многообразия способов восприятия времени еще не требует с необходимостью их синхронизации. Если социальные практики одних не вступают в серьезные противоречия с практиками других, то нет оснований навязывать им свои представления о современности или принимать их установки, да и вообще пытаться их каким-либо образом согласовывать.

Во-вторых, в свете доминирования ориентаций на поиск консенсуса, резонно полагать, что процедура синхронизации в качестве методологически первого шага будет требовать начинать именно с попыток поиска путей для диалога. Хотя понятно, что не все формы восприятия времени будут универсально приемлемыми. Так, мы можем желать, чтобы те или иные рутинные практики ушли в прошлое и весьма негативно относиться к тем или иным формам жизни.

В-третьих, следует помнить, что призыв к синхронизации требует разработки надлежащих инструментов. Возможно, что в свете тезиса о мультитемпоральности осмысление и поиск таких инструментов станут одним из важных направлений исследовательской работы. Но можно предположить, что они существовали и раньше, хотя и в неотрефлектированной форме. Так, можно предложить следующий пример, пусть и из другой сферы, а именно из прочтения идей Макса Вебера о роли протестантской этики в формировании духа капитализма. Можно утверждать, что представления о том, что определенные социальные группы просто цинично воспользовались идеологией протестантизма для легитимации своей деятельности, были бы весьма упрощенной или односторонней трактовкой происходивших процессов. Поэтому резонно полагать, что для искренне верующих индивидов протестантизм предстал бы давно искомым ответом на мировоззренческий вопрос «Как

правильно верить?» и обретением смысла жизни, так сказать. Но в любом случае предложенная трактовка религиозной веры представляла тогда соответствующим синтезирующим или синхронизирующим путем для тех, кто имплицитно или эксплицитно воспринимал ее как средство, и для тех, кто видел в ней искомую цель.

В-четвертых, стоит отдельно обратить внимание на вопрос о так называемом преследующем прошлом. Тогда продвигаемый в статье тезис о зависимости завершенности тех или иных объектов от социальных практик можно считать неполной формой ответа на вопрос о критериях структурирования времени. Прежде всего, к нему стоит добавить, что если удастся убедить общество, что те или иные процессы или события продолжают играть значение и по сей день (к примеру, вопрос о восстановлении справедливости для жертв), то они будут оставаться или считаться современностью. Поэтому, кстати, в таком аспекте ответственность следует трактовать не как некоторое избыточное моральное дополнение к современности, а как ее сущностный, по сути, конституирующий или необходимый элемент структурирования исторического времени. Иначе говоря, насколько индивиды готовы взять на себя ответственность за те или иные хронологически отдаленные действия, даже если не они сами являлись их причиной, настолько это обстоятельство будет определять, что для них (общества в целом) станет прошлым, а что останется настоящим.

Столь же правомерна и другая стратегия. Поскольку речь идет об отношении к тем или иным объектам, постольку определение, что считать прошлым, а что настоящим, будет зависеть от доминирующих в обществе настроений и/или способности на них воздействовать или сформировать. Поэтому те или иные даже хронологически недавние события могут быть отнесены к прошлому. Современные теоретики памяти недаром посвящают немалое количество страниц анализу так называемых техник забвения, поскольку именно они напрямую связаны со способами отделения прошлого от настоящего или отнесения к прошлому. Как справедливо отмечает Алейда Ассман, забвение следует считать собирательным понятием, «за которым стоят очень разные действия, методы и стратегии» [20. С. 19]. Но в любом случае именно практики забвения могут стать основанием для общественного консенсуса. Не будем специально касаться вопроса, что само решение вопроса, стоит ли помнить или продуктивнее забыть, будет определяться конкретной ситуацией. Тут вряд ли возможна выработка какого-то общего априорного принципа его решения.

В свете тезиса о множественности временных линий даже в одном и том же обществе можно отметить и, так скажем, их более сложные формы, что, наверное, наиболее выпукло проявляется в теме травмы и травматического опыта (хотя и не сводится к ним). Та же Ассман пишет о как минимум четырех моделях обращения с ним [21. С. 195–216], в частности, ссылаясь на Авишя Маргалита, о возможности формирования так называемых поминальных сообществ [21. С. 195–216]. Сергей Ушакин подчеркивает место и роль так называемых сообществ утраты или постравматических сообществ [22. С. 5–41]. В принципе, общество в целом может стать таким поминальным сообществом, о чем и предостерегает Маргалит, что, конечно, уже подразумевает некоторую тяготеющую к негативной оценке данного положения дел.

Видимо, это состояние и именуют стремлением пребывать в прошлом или утверждением, что прошлое не отпускает. Но вполне возможно, что такое положение дел может приобретать локальный характер в виде формирования именно локальных сообществ, что, наверное, можно свести к тем или иным формам «проработки травмы» и воспринимать как свидетельство сосуществования многих временных линий, а может, даже и отсутствия надобности в их синхронизации.

Поэтому с этой точки зрения можно утверждать, что тезис о так называемом преследующем прошлом либо следует воспринимать как метафору, призванную спровоцировать рефлексию по поводу устоявших форм структурирования времени, либо как некоторую имплицитную оценку отношения к тем или иным хронологически отдаленным объектам (типа это уже все в прошлом). Если говорить более категорично, то речь может идти о некоторой некритически усвоенной и идеологически закрепленной позиции, отражающей, помимо прочего, веру, что роль историка как раз должна заключаться в том, чтобы быть хранителем границ, отделяющих прошлое от настоящего. Правда, заметим, что стремление превратить все общество в поминальное сообщество является зеркальным отражением той же самой идеологии.

Итак, ключевая идея статьи заключалась в утверждении, что критерием структурирования времени, в частности исторического времени, следует считать эксплицитные, а скорее, имплицитные (в форме социальных практик) представления, что считать прошлым, а что настоящим. Соответственно, предполагалось, что и было сделано, прокомментировать некоторые последствия данного тезиса. Отдельный и самостоятельный вопрос, который мы здесь специально рассматривать не будем, заключается в том, что из этих представлений явится мифом, идеологией или формой знания и как это может повлиять на отделение прошлого от современности. Но, как представляется, в целом данный подход позволяет увидеть в новом свете или высветить новые аспекты в трактовке времени или как минимум сделать эту тему объектом отдельного и особого интереса у представителей профессиональных сообществ.

Ну и в заключение отметим два последних момента. Во-первых, как представляется, к историческому времени может относиться только прошлое. Строго говоря, настоящее и будущее не могут быть историческими, потому что мы не знаем, хотя можем предполагать, что в современных событиях или процессах приобретет значение. Попытки предпринимаются, и, в частности, хорошим примером можно считать размышления З.Б. Симона [23. Р. 71–84]. Конечно, в широком смысле историческое время может распространяться на настоящее и будущее, если мы предполагаем, что определенные объекты будут иметь и имеют для нас значение и что именно контроль над этими объектами важен для построения будущего или будет формировать будущее. В этом плане можно говорить о программах типа гегелевской философии истории, где именно развитие идеи свободы придает значимость объектам настоящего и будущего в историческом смысле (правда, Гегель, как известно, с сомнением относился к распространению философии истории на сферу будущего), а остальное остается «гнилым существованием». Хотя в свете критики метанарративов вопрос о том, какие именно идеи, объекты, события или процессы будут иметь историческое значение, остается открытым.

Во-вторых, тезис о политическом значении процедуры отделения прошлого от настоящего ставит вопрос о роли профессиональных сообществ в ее осуществлении. Резонно предположить и надеяться на прогрессирующую позитивную степень их вовлеченности в эту процедуру при всех возможных оговорках и комментариях по этому поводу.

Список источников

1. *Артог Ф.* Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/3/poryadok-vremeni-rezhimy-istorichnosti.html>
2. *Simon Z.B., Tamm M.* The Fabric of Historical Time. Elements in Historical Theory and Practice. Cambridge University Press, 2023. 56 p.
3. *Lianeri A.* Resisting modern temporality: toward a critical history of break in time // History and Theory. 2014. Vol. 53. № 4. P. 603–615.
4. *Lorenz Ch., Bevernage B.* Breaking up Time. Negotiating the Borders between Present, Past and Future // Storia della Storiografia istoire de l'Historiographie / History of Historiography / Geschichte der Geschichtsschreibung / Rivista internazionale / ed. by F. Serra. Pisa : Roma, 2013. Vol. 63, № 1. P. 31–50.
5. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность. М. : Мысль, 1993. 663 с.
6. *Kidambi P.* Chapter 13 Time, Temporality and History Research Methods for History / ed. by L. Faire, S. Gunn. Edinburgh University Press, 2016. P. 220–237.
7. *Rüsen J.* Tradition: A Principle of Historical Sense-Generation and Its Logic and Effect in Historical Culture // History and Theory. 2014. Vol. 51, № 4. P. 45–59.
8. *Rüsen J.* How to Overcome Ethnocentrism: Approaches to a Culture of Recognition by History in the Twenty-First Century // History and Theory. 2004. Vol. 43, № 4. P. 118–129.
9. *Simon Z.B.* Historicism and constructionism: rival ideas of historical change // History of European Ideas. 2019. Vol. 45, № 8. P. 1171–1190.
10. *Tamm M.* Introduction: A Framework for Debating New Approaches to History / ed. by M. Tamm, P. Burke. Debating New Approaches to History. London : Bloomsbury Publishing, 2018. P. 1–21.
11. *Бевернаж Б.* «Прошедшее прошлого»: некоторые размышления о политике историзации и кризисе историцистского прошлого // Логос. Философско-литературный журнал. 2021. Т. 31, № 4. С. 65–94.
12. *Бевернаж Б.* Аллохронизм, равенство во времени и современность. Критика проекта радикальной современности Йоханнеса Фабиана и доводы в пользу новой политики времени // Социология власти. 2016. Т. 28, № 2. С. 174–202.
13. *Симон З.Б.* Трансформация исторического времени: процессуальные и событийные темпоральности // Логос. 2018. Т. 34, № 4. С. 218–222.
14. *Головашина О.В.* От интерсубъективности к интеробъективности: социальная онтология времени. М. : Аквилон, 2019. 336 с
15. *Carr D.* Time, Narrative, and History. Indiana Univ. Press, 1991. 190 p.
16. *Koselleck R.* Futures past: on the semantics of historical time. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1985. 317 p.
17. *Гегель Г.В.Ф.* Введение // Лекции по философии истории / пер. с нем. А.М. Водена. СПб. : Наука, 1993. С. 57–88.
18. *Данто А.* Аналитическая философия истории / пер. с англ. А.Л. Никифорова, О.В. Гавришиной. М. : Идея-Пресс, 2002. 292 с.
19. *Боллингброк.* Письма об изучении и пользе истории / пер. с англ. С.М. Берковской, А.С. Розенцвейга, А.Т. Парфенова. М. : Наука, 1978. 359 с.
20. *Ассман А.* Забвение истории – одержимость историей / пер. с нем. Б. Хлебникова. 2019. М. : Новое лит. обозрение, 552 с.
21. *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2016. 226 с.
22. *Ушакин С.А.* Предисловие. «Нам этой болью дышать»? : О травме, памяти и сообществах... Травма: Пункты / под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М. : Новое лит. обозрение, 2009. С. 5–41.

23. Simon Z.B. The Transformation of Historical Time: Processual and Evental Temporalities // Rethinking Historical Time: New Approaches to Presentism / ed. by M. Tamm, L. Olivier. London : Bloomsbury, 2019. P. 71–84.

References

1. Artog, F. (2008) Poryadok vremeni, rezhimy istorichnosti [The order of time, regimes of historicity]. *Neprikosnovenny zapas*. 3. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/3/poryadok-vremeni-rezhimy-istorichnosti.html>
2. Simon, Z.B. & Tamm, M. (2023) *The Fabric of Historical Time. Elements in Historical Theory and Practice*. Cambridge University Press.
3. Lianeri, A. (2014) Resisting modern temporality: toward a critical history of break in time. *History and Theory*. 53(4). pp. 603–615.
4. Lorenz, Ch. & Bevernage, V. (2013) Breaking up Time. Negotiating the Borders between Present, Past and Future. *Storia della Storiografia*. 63(1). pp. 31–50.
5. Spengler, O. (1993) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii* [The Decline of the West. Essays on the Morphology of World History]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
6. Kidambi, R. (2016) Time, Temporality and History. In: Faire, L. & Gunn, S. (eds) *Research Methods for History*. Edinburgh University Press. pp. 220–237.
7. Rüsen, J. (2014) Tradition: A Principle of Historical Sense-Generation and Its Logic and Effect in Historical Culture. *History and Theory*. 51(4). pp. 45–59.
8. Rüsen, J. (2004) How to Overcome Ethnocentrism: Approaches to a Culture of Recognition by History in the Twenty-First Century. *History and Theory*. 43(4). pp. 118–129.
9. Simon, Z.B. (2019) Historicism and constructionism: rival ideas of historical change. *History of European Ideas*. 45(8). pp. 1171–1190.
10. Tamm, M. (2018) Introduction: A Framework for Debating New Approaches to History. In: Tamm, M. & Burke, P. (eds) *Debating New Approaches to History*. London: Bloomsbury Publishing. pp. 1–21.
11. Bevernage, B. (2021) “Proshedshest' proshlogo”: nekotorye razmyshleniya o politike istorizatsii i krizise istoristskogo proshlogo [“The Past of the Past”: Some Reflections on the Politics of Historicization and the Crisis of the Historicist Past]. *Logos. Filosofsko-literaturnyy zhurnal*. 31(4). pp. 65–94.
12. Bevernage, B. (2016) Allokhronizm, ravenstvo vo vremeni i sovremennost'. Kritika proekta radikal'noy sovremennosti Yokhannesa Fabiana i dovody v pol'zu novoy politiki vremeni [Allochronism, Equality in Time, and Modernity. Critique of Johannes Fabian's Radical Modernity Project and Arguments for a New Politics of Time]. *Sotsiologiya vlasti*. 28(2). pp. 174–202.
13. Simon, Z.B. (2018) Transformatsiya istoricheskogo vremeni: protsessual'nye i sobytiynye temporal'nosti [Transformation of Historical Time: Processual and Event Temporalities]. *Logos*. 34(4). pp. 218–222.
14. Golovashina, O.V. (2019) *Ot intersub"ektivnosti k interob"ektivnosti: sotsial'naya ontologiya vremeni* [From Intersubjectivity to Interobjectivity: Social Ontology of Time]. Moscow: Akvilon.
15. Carr, D. (1991) *Time, Narrative, and History*. Indiana University Press.
16. Koselleck, R. (1985) *Futures past: on the semantics of historical time*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
17. Hegel, G.W.F. (1993) *Leksii po filosofii istorii* [Lectures on the Philosophy of History]. Translated from German by A.M. Woden. St. Petersburg: Nauka. pp. 57–88.
18. Danto, A. (2002) *Analiticheskaya filosofiya istorii* [Analytical Philosophy of History]. Translated from English by A.L. Nikiforov, O.V. Gavrishina. Moscow: Ideya-Press.
19. Bolingbroke. (1978) *Pis'ma ob izuchenii i pol'ze istorii* [Letters on the Study and Usefulness of History]. Translated from English by S.M. Berkovskaya, A.S. Rozentsveyg, A.T. Parfenov. Moscow: Nauka.
20. Assman, A. (2019) *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriey* [Forgetting History – Obsession with History]. Translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnie obozrenie.
21. Assman, A. (2016) *Novoe nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy* [New Discontent with Memorial Culture]. Translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnie obozrenie.
22. Oushakine, S.A. (2009) Predislovie. “Nam etoy bol'yu dyshat”? O travme, pamyati i soobshchestvakh [Preface. “Should We Breathe This Pain?”: On Trauma, Memory, and Communities....]. In: Oushakine, S. & Trubina, E. (eds) *Travma: Punkty* [Trauma: Points]. Moscow: Novoe literaturnie obozrenie. pp. 5–41.

23. Simon, Z.B. (2019) The Transformation of Historical Time: Processual and Evental Temporalities. In: Tamm, M. & Olivier, L. (eds) *Rethinking Historical Time: New Approaches to Presentism*. London: Bloomsbury. pp. 71–84.

Сведения об авторах:

Сыров В.Н. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: narrat59@gmail.com

Агафонова Е.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: agaton1810@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Syrov V.N. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, head of the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: narrat59@gmail.com

Agafonova E.V. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: agaton1810@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.04.2023;
одобрена после рецензирования 23.05.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted 14.04.2023;
approved after reviewing 23.05.2024; accepted for publication 11.06.2024*

Научная статья

УДК 142.72

doi: 10.17223/1998863X/79/15

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТЦОВСТВА

Екатерина Борисовна Хитрук¹, Роман Александрович Быков²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *lubomudreg@gmail.com*

² *nimai.bykov@gmail.com*

Аннотация. Исследуются теоретико-методологические основания изучения отцовства как социального феномена. Несколько последних десятилетий в социальных науках связаны с возрастанием интереса к изучению норм и практик отцовства в традиционном и современном обществе. Однако теоретический фундамент осмысления отцовства в социальных науках еще не сформирован. Авторы предлагают социально-философскую стратегию концептуализации фундаментальных теоретико-методологических оснований изучения отцовства.

Ключевые слова: маскулинность, отцовство, отцовские практики, нормы отцовства, социология отцовства, любовь, новое отцовство, ответственное отцовство, вовлеченное отцовство

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00394, <https://rscf.ru/project/24-28-00394/>

Для цитирования: Хитрук Е.Б., Быков Р.А. Теоретико-методологические основания исследования отцовства // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 165–180. doi: 10.17223/1998863X/79/15

Original article

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR THE STUDY OF FATHERHOOD

Ekaterina B. Khitruk¹, Roman A. Bykov²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *lubomudreg@gmail.com*

² *nimai.bykov@gmail.com*

Abstract. The article examines the theoretical and methodological foundations of the study of fatherhood as a social phenomenon. The authors note that the last few decades in the social sciences have been associated with an increasing interest in studying the norms and practices of fatherhood in traditional and modern societies. Considerable attention is paid in the modern research literature to the psychological, historical and sociological aspects of traditional and modern fatherhood. Paternal practices are carefully analyzed, systematized and typologized. Thanks to this serious work, a significant resource base has been formed. However, the theoretical foundation for understanding fatherhood in sociology has not yet been formed. This situation is referred to in the modern research literature as a “theoretical dead-end” in the study of fatherhood. The authors propose a socio-philosophical strategy for overcoming this crisis, which should include the following fundamental theoretical and methodological foundations. (1) Fatherhood is one of the fundamental categories of social

analysis, since it is associated with norms and practices related not only to the “elementary” level of role distribution in the family, but also to the global social processes of transformation of ideas about masculinity and femininity in modern society, a particular manifestation of which are intra-family transformations. (2) The study of fatherhood should take into account the historical and philosophical context of the formation of ideas about “masculinity” and “fatherhood” in the Western European philosophical tradition. (3) Overcoming the classical concept “non-emotional masculinity” is a direct consequence of the “loosening” of the traditional binary scheme of thinking, on the one hand, and the main condition for the fundamental transformation of the institution of fatherhood in modern society, on the other. (4) The following categories should become the key social markers that allow us to explore the phenomenon of fatherhood in modern society – “the invention of fatherhood” and “the courage to love”.

Keywords: masculinity, fatherhood, fathering, sociology of fatherhood, love, new fatherhood, responsible fatherhood, involved fatherhood

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00394, <https://rscf.ru/project/24-28-00394/>

For citation: Khitruk, E.B. & Bykov, R.A. (2024) Theoretical and methodological foundations for the study of fatherhood. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp.165–180. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/15

Оглядываясь назад на карту своей жизни, я достаточно ясно вижу путевые точки, и среди них нет ничего более яркого и трансформирующего, чем опыт становления отцом.

Марк Хьюм [1. P. 7]

Введение

Изучение феномена отцовства в контексте социальных наук является одним из самых актуальных и динамично развивающихся современных направлений. Острая актуальность и востребованность данной темы объясняются двумя важными обстоятельствами. Во-первых, отцовство осознается как значимый фактор семейного и прежде всего детского благополучия. Особого внимания в этом отношении, как правило, заслуживает тенденция «потери отца» в современном обществе. Отстраненность отцов от детей [2. С. 38], отсутствие заинтересованности в их жизни, «педагогическая неумелость и некомпетентность» [3. С. 271], «низкая родительская культура» отцов [4. С. 205], а также физическое отсутствие отцов в семьях являются предметом серьезной озабоченности современных исследователей семьи и детства [5. С. 14]. Социологи и психологи стремятся проанализировать масштаб данной проблемы в современном обществе, ее кратковременные и долгосрочные последствия, систематизировать данные о генеративном поведении мужчин [6]. Во-вторых, актуальность исследования отцовства связана с глобальным кризисом маскулинности, который фиксируется в социальных науках начиная с 70-х гг. XX в. Традиционные представления о мужественности и, соответственно, об отцовстве как одном из значимых аспектов мужской идентичности, считавшиеся незыблемыми в предыдущие столетия, начинают осознаваться как устаревшие, противоречивые, а главное, оказывающие отрицательное влияние на здоровье и благополучие самих мужчин [7. С. 44]. В рамках этого направления, как правило, речь идет о кризисном переосмыслении и трансформации мужественности в современном мире, а также о необходимости «переизобретения отцовства» [8. С. 299].

Таким образом, отцовство рассматривается в социальных науках как нормы (fatherhood) и практики (fathering) генеративного поведения мужчин, претерпевающие в современном обществе фундаментальные трансформации. Как замечает выдающийся отечественный социолог Елена Юрьевна Рождественская, «отцовство меняется в современном обществе, поскольку разрушены патриархальные семейные структуры, изменились гендерные роли, возникли новые идентичности матери и отца вследствие перемен в гендерных контрактах, что делает необходимым изучение коммуникативной структуры и практик внутри семьи и партнерства. Тезис нашего исследования заключается в том, что этот социальный процесс ремоделирования семейных ролей стимулирует взаимное переопределение социальных позиций в семье, но отцовство испытывает особенно радикальные преобразования» [9. С. 170].

Благодаря последним четырем десятилетиям активного изучения феномена отцовства в социальных науках стало очевидно, что «радикальные преобразования» этого социального института, обретение им «качественно нового состояния» [10. С. 212] представляют собой один из существенных факторов, влияющих на здоровье и благополучие как детей и мужчин, так и, неизбежно, матерей, семей в целом и общественного организма как такового. Отцовство из периферийного аспекта благополучия семьи, вторичного по отношению к «природной» материнской роли, все больше осознается как существенный аспект, требующий к себе соответственного отношения как в исследовательской перспективе, так и в перспективе практической поддержки [11. Р. 397].

Кризис исследований отцовства – «теоретический тупик»

И тем не менее современный этап изучения феномена отцовства не может быть охарактеризован как беспроблемный. Значительный багаж эмпирических исследований, а также бесценная работа по обобщению и систематизации [10. С. 213] этого материала, проделанная современными учеными, вместе с непростой работой по типологизации отцовских практик [2, 9, 12–16] сформировали совершенно новый, исключительный этап в понимании состояния и функционирования семьи. Впервые в истории мужественность выведена из тени «общечеловеческого» [17. С. 293] и рассматривается как специфический феномен, реализующийся в том числе и в специфических генеративных практиках. Отцы стали восприниматься как «реальный» элемент семьи, не только заботящийся «о ней», но и функционирующий «в ней» [9. С. 166] как комплексный феномен [18. С. 95], требующий специализированного и одновременно комплексного исследовательского подхода.

Однако как раз в этой точке изучение отцовства и обретает кризисный характер. Исследователи отмечают, что изучение феномена отцовства, ставшее мейнстримом мужских исследований с 1990-х гг., так и не обрело соответствующего фундаментального теоретического каркаса [19. Р. 2]. Различные исследовательские подходы позволяют «высветить» тот или иной конкретный аспект отцовских практик, однако в целом анализ данных практик остается на эмпирическом уровне. Как отмечает Елена Рождественская, «Тематизация отцовства в социологической оптике вполне может быть сведена к инвентаризации отцовских практик» [9. С. 158]. Инвентаризация вне теоретического контекста при всех бесспорных достоинствах такого рода исследований все

же обнаруживает существенный недостаток концептуализации [19. Р. 1]. Как отмечают Л. Роггман и другие исследователи, «не существует Великой Объединяющей теории отцовства, которая могла бы эффективно направлять исследования отцов» [20. Р. 6], ее нет даже «на горизонте» [19. Р. 20].

Данная ситуация вполне может быть охарактеризована как проблемная в смысле наличия явного противоречия между потребностью в научном исследовании трансформаций мужской идентичности и мужских социальных ролей в современном обществе (прежде всего, отцовства, как одной из самых значимых характеристик мужской идентичности и мужской социальной роли), выражающейся в развитии эмпирических исследований практик отцовства, с одной стороны, и отсутствии фундаментальных теоретических оснований такого исследования, способных задать продуктивную исследовательскую перспективу, – с другой.

Румынская исследовательница отцовства Александра Махт в своей монографии «Отцовство и любовь. Социальное конструирование мужских эмоций» обозначает современное состояние исследования отцовских практик как «зашедшее в тупик»: «отцы просто постоянно переопределяются в соответствии с однообразными категориями анализа» [21. Р. 7].

Итак, на данном этапе можно констатировать, что значительное количество эмпирического материала, накопленного к данному моменту в социальных исследованиях отцовства, не базируется на фундаментальной социальной теории отцовства. Необходимость создания такой теории назрела в современной науке. И работа по ее формированию является одной из самых актуальных задач социологии отцовства, решение которой должно поспособствовать выходу из тупика и дальнейшему более эффективному изучению острого «отцовского вопроса» в современном обществе.

Необходимо отметить, что в исследовательской литературе уже предпринимаются попытки разработки фундаментальных теоретических оснований исследования отцовства. В этом контексте можно особенно выделить, например, обращение Елены Рождественской к теории социального признания Акселя Хоннета [9. С. 158–159]. Е. Рождественская настаивает на том, что именно такой теоретический контекст, рассматривающий каждого индивида как нуждающегося в социальном признании, является наиболее адекватным применительно к анализу отцовства как социального феномена, активно трансформирующегося в современных условиях от авторитарной модели к модели ответственного и участвующего отцовства. «Мы рассматриваем этот феномен, – пишет Елена Юрьевна в своей статье „Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность“, – не только с точки зрения набора разнообразных практик отцовства (fathering), но и с точки зрения нуждающейся в социальном признании роли современного отца и идеологии актуального отцовства, коль скоро прежняя форма патриархального отцовства, построенная на мужской супрематии, уступила идеологии эмансипации обоих гендеров. В перспективе описания массовидных тенденций неимперативного родительства и вовлеченного отцовства концепт социального признания вооружает нас исследовательской оптикой, дающей возможность анализа подкрепляющего поведения в группе близких по взглядам родителей (отцов)» [9. С. 160].

А. Хоннет делает особый акцент на проблематике intersubjectивности в перспективе анализа механизмов достижения индивидами социального

признания. Интерсубъективность обуславливает три сферы взаимодействия, в рамках которых индивид может обрести социальное признание и, как следствие, положительное отношение к себе – любовь, права и солидарность [9. С. 158–159]. В данных трех сферах развивается необходимое для каждого человека ощущение собственного достоинства.

Е. Рождественская считает, что применительно к исследованию отцовства эта теория может быть эффективна в том смысле, что она позволяет понять взаимопересечение трансформирующихся отцовских практик, с одной стороны, и норм маскулинности и отцовства – с другой. Романтизация образа ответственного и вовлеченного отца преобразует нормы отцовства таким образом, что следование им в конкретных практиках становится способом обретения социального признания. Кроме того, осознанное отцовство постепенно становится значимым фактором, оказывающим влияние на семейное право и государственную социальную политику, что делает социальное признание этого феномена более масштабным – значимым не только на «микроровне» членов семьи и друзей, но и на «макроровне» общественной системы [9. С. 166–167].

Спорным моментом данного подхода, на наш взгляд, является то обстоятельство, что он, объясняя причины «практической» заинтересованности современных отцов в следовании нормам осознанного и вовлеченного родительства, оставляет все же в стороне фундаментальные причины трансформации самих социальных норм отцовства. Безусловно, следование новым нормам в современном обществе приносит и должно приносить «дивиденды» социального признания, но по какой причине данные нормы обретают такую ценность, каковы глубинные социальные процессы, приведшие к такой нормативной трансформации? Почему осознанное и вовлеченное родительство ранее не было социально одобряемой нормой для мужчин и социальное признание достигалось ими совершенно иными способами? Эти вопросы в рамках данной теории остаются открытыми.

Еще одной заслуживающей внимания попыткой формулировки фундаментальных теоретических оснований изучения отцовства как социального феномена является концепция «эмоциональной маскулинности», разработанная в трудах румынского социолога Александры Махт. Примечательно, что в концепции А. Махт, так же как и в концепции Е. Рождественской / А. Хоннета, первостепенное значение уделяется любви. Однако если для Е. Рождественской / А. Хоннета любовь обеспечивает путь, условно выражаясь, «от внешнего к внутреннему», т.е. от социального признания к сознанию собственного достоинства, то значение любви в концепции А. Махт является фундаментальным, прежде всего, в плане принятия человеком (в данном случае, мужчиной, отцом) своей собственной эмоциональности (теплоты [21. Р. 5]), что способствует гармоничному выражению любви в общении с близкими людьми (в данном случае с детьми).

А. Махт обращает внимание на то обстоятельство, что в социальных науках сложилась традиция избегания использования понятия «любовь» как неуместного термина, особенно применительно к мужчинам, в том числе к отцам [21. Р. 13]. «Любовь» рассматривается в социальных науках, утверждает А. Махт, как эмоция феминизированная (читай: «несерьезная») [21. Р. 9, 15]. Употребление этого термина может быть ограничено приемлемо отно-

нительно характеристики романтических отношений или отношений между матерью и ребенком, но недопустимо относительно характеристики мужского отношения к детям. А. Махт объясняет эту традицию устоявшимися гендерными стереотипами, поддерживающими традиционную гендерную модель «эмоциональной женщины» и «безэмоционального мужчины» [21. Р. 8].

Данные стереотипы имплицитным образом содержатся в методологических установках социологии как науки со времен теории О. Конта [22. С. 137] и продолжают воздействовать на восприятие проблематики отцовства современными исследователями, делая анализ данной темы, по выражению А. Махт, «социологически близоруким» [21. Р. 4]. Постепенная работа по легитимации любви в социологической перспективе способна, по убеждению Махт, не только создать более эффективный «технологический» инструментарий для изучения и понимания конкретных отцовских практик, но и способствовать формированию адекватной теоретической основы изучения отцовства.

Если исследование отцовства будет исходить из понимания того, что эмоциональность является неотъемлемым компонентом жизни каждого человека (не только женщины, но и мужчины), то перспектива изучения этого сложного социального феномена станет более многомерной, а следовательно, более адекватной тому многомерному опыту, в котором мужчины создают и познают себя в качестве отцов.

Прежде всего эта перспектива будет связана с осознанием того социального напряжения, в котором мужчины конструируют отцовскую любовь. Будучи важнейшим фактором здоровья и благополучия мужчины, ребенка и семьи в целом, отцовская любовь и особенно ее выражение входят в противоречие с традиционными представлениями о мужественности как антиженственности/антиэмоциональности. И поскольку данные представления свойственны не только социологии как науке, о чем было сказано выше, но широко распространены в обществе, поддерживаются женщинами и самими мужчинами, отцовство каждым мужчиной переживается как «процесс становления, полный противоречий» [21. Р. 9]. И мужество быть отцом раскрывается в такой перспективе не только как мужество принятия ответственности за другого человека 24/7 [23. Р. хiii], но и в первую очередь как «мужество любить» [21. Р. 156].

Необходимо подчеркнуть, что концепция «мужской эмоциональности» и «отцовской любви» Александры Махт действительно вскрывает одно из фундаментальных социальных измерений мужественности, а именно необходимость балансировать между общечеловеческой потребностью в переживании и выражении любви, с одной стороны, и социальным запретом на мужскую эмоциональность – с другой. Примеры этой проблемы многочисленны, одним из самых ярких является история маршала де Монлюка, который после смерти своего сына глубоко сокрушался о том, что не проявлял при жизни к нему своей нежности и любви, скрывая их под «бессмысленной маской» холодности и безразличия. Эта история была красноречиво описана в «Опытах» Мишеля де Монтеня и пересказана Игорем Семеновичем Коном в его фундаментальном труде «Мужчина в меняющемся мире» [24. С. 323]. Это кросс-культурное явление и российское общество в этом отношении вовсе не являются исключением. Как отмечает основатель «Кризисного центра для

мужчин» в г. Барнаул Максим Костенко, «поскольку очень важная часть функционирования человека в качестве родителя – это нежность, забота, постоянная эмоциональная поддержка, потребность часто обнимать ребенка и говорить ему, что любишь его, то многим мужчинам сложно даются такие и подобные действия, так как они связывают их с женственностью, а социализация учила их избегать любых проявлений женственности. В результате многие люди подрастают, оставаясь в неведении, любили ли их отцы по-настоящему или нет» [25. С. 22].

Итак, обе попытки создания фундаментальной теоретической перспективы для изучения отцовства как социального феномена подчеркивают значение любви и особое напряжение, которое определяет реальные практики формирования и выражения отцовской любви. «Мужская эмоциональность» становится тем глубинным социальным и одновременно теоретическим фактором, оказывающим влияние как на трансформацию отцовских практик в современном обществе, так и на формирование методологического инструментария, претендующего на серьезный научный анализ таковых трансформаций.

Таким образом, современные попытки выхода из «теоретического тупика» в изучении отцовства демонстрируют «включенность» этого феномена в сложное поле социальных взаимодействий, связанных с устоявшимися представлениями о природе мужественности и женственности, социальном порядке в его гендерном измерении или о «гендерном порядке» как таковом [26. С. 858]. Отцовство в его нормативном и практическом аспектах является индикатором более общих процессов переосмысления социальных ролей мужественности и женственности, а также изменений в практиках, реализующих эти роли.

При этом необходимо избегать упрощающего представления об «элементарности» отцовских трансформаций как внутрисемейных. Как отмечает признанный классик мужских исследований, знаменитый австралийский социолог Рэйвин Коннелл, семья не является «простой» общественной ячейкой, над которой (или в опоре на которую) надстраивается сложная социальная структура [27. С. 14]. Скорее нужно признать, что «внутренний мир семьи представляет собой совокупность многоуровневых отношений, накладывающихся друг на друга, как геологические слои. Ни в одном другом институте отношения не являются столь протяженными во времени, столь интенсивными по степени контакта, столь плотными по переплетению экономики, эмоций, власти и сопротивления» [28. С. 165].

Таким образом, то «мужество любить», которое выявляется современными социологическими исследованиями как маркер трансформации традиционных и, прежде всего, авторитарных форм отцовства в сторону большей осознанности, вовлеченности и ответственности, не является лишь частным делом, это дело, имеющее глобальное социальное значение, это, по выражению Александры Махт, не только «интимный», но и настоящий «политический акт» [21. Р. 156].

Социально-философская перспектива исследования феномена отцовства

Таким образом, можно констатировать, что современный этап в исследовании феномена отцовства демонстрирует потребность перехода на новый теоретический уровень. Несколько десятилетий накопления и систематиза-

ции чрезвычайно ценного эмпирического материала сформировали серьезную ресурсную базу, которая нуждается не только в последовательном расширении и дальнейшей систематизации, но и в методологических основаниях для своего осмысления. Чем обусловлена фундаментальная трансформация норм и практик отцовства в современном мире? Каковы источники традиционной концепции «без эмоциональной маскулинности», тесно связанной с моделями «авторитарного» и «отсутствующего» отцовства [29]? И почему в современном мире мы имеем возможность наблюдать ослабление давления этой классической схемы (не «изживание» и «преодоление», а, скорее, «рассхатывание» ее), проявляющееся в появлении и постепенном распространении исторически новых форм отцовства («новый отец», «вовлеченный отец», «ответственный отец»)?

На наш взгляд, таким более общим по отношению к прикладным социологическим исследованиям отцовства контекстом, в котором ответы на данные вопросы окажутся возможными, является обращение к истории философии в ее социально-философском измерении. Основная теоретическая слабость концептуализации отцовства на данном историческом этапе представляется нам следствием игнорирования тех «метафизических корней» данной проблемы, которые связаны с более чем двухтысячелетней традицией формирования представлений о человеке, мужчине и отце в западноевропейской философской традиции. В отрыве от этой традиции современная ситуация не может быть адекватно понята и осмыслена а следовательно, невозможна и разработка адекватной стратегии поддержки ее положительных (новые формы осознанного отцовства) и преодоления ее негативных (тенденция «потери отца» в современном обществе) составляющих.

Истоки рационального представления об «эмоциональной женственности» и «безэмоциональной мужественности» и, как следствие, о важности «материнской любви» и «отцовской заботы» восходят к классическому представлению о различии полов, развитому в произведениях античных классиков и закрепленному в дальнейшем в традиционном западноевропейском философском дискурсе.

В рамках этой классической парадигмы философствования «мужское» и «женское» являются категориями бытия и анализа, органично встроенными в более фундаментальную систему «бинарных оппозиций», которая представляет собой основание западной метафизики как таковой. Ключевыми оппозициями в данной системе являются такие бинарные пары, как формальное и материальное, разумное и чувственное, душевное и телесное, трансцендентное и имманентное, внешнее и внутреннее, активное и пассивное [30. С. 133; 31. С. 48].

Эта бинарная система понятий представляет собой фундамент, на основании которого выстраивается классическая онтология и антропология, а противоположность мужественности и женственности выступает одним из необходимых ее элементов. Это не только бинарная, но и эссенциальная [17. С. 305] система, продуцирующая представление о «естественном», «природном», незыблемом «порядке вещей».

Знаменитый французский социолог Пьер Бурдьё в своей известной работе «Мужское господство» блестящим образом сформулировал связь между установками такой бинарной системы и социальными практиками, которые ее воплощают («соматизируют»). «Постепенная соматизация фундаменталь-

ных отношений, – писал П. Бурдьё, – конституирующих социальный порядок, приводит к формированию двух типов “природы”, т.е. двух систем натурализованных социальных различий, которые одновременно вписаны как в телесный экзис (в форме двух противоположных и взаимодополняющих типов поз, походки, осанки, жестов и тому подобное), так и в рассудок, воспринимающий все это сквозь серию дуалистических оппозиций» [17. С. 297]. Таким образом, дуалистическая схема мышления и конкретные социальные (в том числе телесные) практики становятся неотделимы друг от друга, обособывая и, в конечном итоге, легитимируя друг друга [17. С. 305].

С самых первых шагов античная философия разрабатывала эту дуалистическую схему мышления, создавая тем самым универсальный объяснительный инструментарий для трактовки и осмысления половых различий. Начиная с философии Пифагора, считавшего числа основой мироздания и возводившего мужское начало к более совершенному типу чисел, а женское – к менее совершенному [32. С. 13], в западной традиции закрепляется представление о том, что мужское противостоит женскому как лучшее худшему, активное – пассивному, разумное – чувственному, внешнее – внутреннему. Классики античной философии развивают эту бинарную систему, продолжая применять к анализу половых различий фундаментальный метафизический принцип противостояния идеального и реального, формального и материального. Великий борец за доступ женщин к образованию и общегражданским трапезам Платон [33. С. 233] обращал при этом внимание своих учеников на то, что мужское начало «сильней от природы и наделено большим умом» [34. С. 90]. А его ученик Аристотель прямо настаивал на существовании «естественной» иерархии между полами, базирующейся на «естественной» иерархии между душой и телом, разумом и чувствами. «Душа властвует над телом как господин, – писал он, – а разум над вашими стремлениями – как государственный муж... Так же и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении» [35. С. 419]

Входя, таким образом, в само основание западной метафизики, бинарная интерпретация пола закрепляется в классическом философском дискурсе и становится одним из важнейших его элементов. Поэтому, когда во второй половине XIX – начале XX в. «женский вопрос» становится важной повесткой дня и побуждает некоторых интеллектуалов специально сформулировать свои воззрения в рамках этой области, данные воззрения несут на себе явный бинарный отпечаток. От знаменитого эссе Артура Шопенгауэра «О женщинах», в котором он характеризует женщину как «род промежуточной ступени между ребенком и мужчиной, который и есть собственно человек» [36. С. 626], до ярчайшего выражения бинаризма в знаменитом высказывании Отто Вейнингера «Как бы низко ни стоял мужчина, он все же бесконечно выше самой возвышенной женщины, настолько выше, что не может быть речи о сравнении, о сопоставлении» [37. С. 280].

Феминистская критика классической онтологии в XX в. сделала очевидными отрицательные последствия данной модели половых различий относительно конструирования представления о женственности [38–40]. Однако не менее серьезными являются следствия классической дуальной парадигмы философствования в отношении интерпретации мужественности, а именно

эталона маскулинности и конкретных практик маскулинности, тесно с ним связанных.

Дуалистическая парадигма философствования, встраивающая мужское начало в череду основополагающих бинарных оппозиций, устанавливает эталон маскулинности, который необходимо должен сочетать в себе такие признаки, как активность, ориентированность на внешнюю самореализацию (трансцендентность), силу, духовность, разумность и т.п. Эти позитивные, на первый взгляд, характеристики продуцируют целый ряд социально значимых «запретов», касающихся поведения мужчин: запрет на проявление, осознание, проговаривание своих эмоций (поскольку мужчина – существо разумное), запрет на проявление и признание своей слабости в том или ином отношении (поскольку мужчина должен быть воплощением силы) и т.п. Известный американский психолог Роберт Брэннон сформулировал основные из этих запретов в виде четырех правил императива мужественности: «1. „Без бабства“ – мужчина должен избегать всего женского; 2. „Большой босс“ – мужчина должен добиваться успеха и опережать других мужчин; 3. „Крепкий дуб“ – мужчина должен быть сильным и не проявлять слабость; 4. „Задай им жару“ – мужчина должен быть крутым и не бояться насилия» [24. С. 75–76]. Ключевым из этих запретов может быть признано правило избегания женского («бегство от женственности» [8. С. 61–62]). Все остальные «нет» и «без» так или иначе могут быть сведены к нему, так как слабость, пассивность и чувственность распознаются в этой бинарной системе как женские атрибуты.

Учитывая тесную связь между бинарной системой мышления и бинаризацией конкретных социальных практик [17], необходимо отметить, что применительно к внутрисемейному пространству данная модель мужественности приводит к формированию совершенно определенного представления о содержании отцовского вклада в воспитание детей. Роль матери связывается с так называемым материнским инстинктом (алогичность) [41. Р. 222], который позволяет ей быть «экспертом» по уходу за детьми и «эмоциональным менеджером» своей семьи [9. С. 162] ухаживать за детьми с самого их рождения, разделять их переживания (эмоциональность), прикасаться к ним в объятиях и поглаживаниях, утешая (телесность, чувственность). В то время как отцовская роль связывается с большей осознанностью (считается не основанной на инстинктах, рациональной) и, соответственно, дистанцированностью. Отец должен проявлять заботу о благополучии и благосостоянии, образовании детей, но он не должен разделять их эмоции и переживания (рациональность), не должен прикасаться к ним помимо необходимости наказания (сверхчувственность), должен ориентироваться на карьеру и вообще внесемейную самореализацию (трансцендентное) [29]. Как метко замечает американский социолог Майкл Киммел, в традиционном обществе на отца возлагалась большая ответственность в плане обеспечения семьи, образования детей, защиты семейных интересов, но он оставался отстраненным от ежедневных собственно родительских забот, «ему не нужно было появляться в детской комнате» [42. Р. 59].

Ослабление жесткой бинарной схемы половых различий в XX столетии, осознание культурной обусловленности традиционных норм мужского и женского поведения, их «деэссенциализация» и «денатурализация» должны рассматриваться в тесной связи как с кризисом западноевропейской метафи-

зики в целом, так и с кризисом отцовства, его «глобальным дрейфом» в сторону большей ответственности, осознанности и вовлеченности. Как негативная тенденция «потери отца» в современном обществе, так и формирование исторически новых форм осознанного и вовлеченного отцовства на фундаментальном теоретическом уровне не могут быть рассмотрены в отрыве от более общего культурного и социально-философского контекста, связанного с трансформацией схемы мышления («мыслительных инструментов» [17. С. 299]), ее глубинной дебинаризацией.

Заключение

В итоге представляется, что выход из «теоретического тупика» в исследовании отцовства необходимо должен быть связан с обогащением серьезного эмпирического изучения отцовских практик, их последовательной «инвентаризации», типологизации и систематизации более общим социально-философским контекстом.

Таким образом, фундаментальными теоретико-методологическими основаниями исследования отцовства должны выступать следующие положения:

1. Отцовство является одной из основополагающих категорий социального анализа, поскольку связано с нормами и практиками, имеющими отношение не только к «элементарному» уровню распределения ролей в семье, но и к глобальным социальным процессам трансформации представлений о мужественности и женственности в современном обществе, частным проявлением которых и являются внутрисемейные трансформации.

2. Исследование отцовства должно учитывать историко-философский контекст формирования представлений о мужественности и отцовстве в западноевропейской философской традиции, поскольку «мыслительные схемы», сформированные и закрепленные в данной традиции, а также их трансформации тесно связаны как с нормативным аспектом отцовства, так и с конкретными отцовскими практиками.

3. Преодоление классического концепта «без эмоциональной маскулинности» является прямым следствием «расшатывания» традиционной бинарной схемы мышления, с одной стороны, и главным условием фундаментальной трансформации института отцовства в современном обществе – с другой.

4. Ключевыми социальными маркерами, позволяющими исследовать феномен отцовства в современном обществе, должны стать следующие категории: «изобретение отцовства» и «мужество любить».

«Изобретение» – поскольку современные трансформации отцовства связаны с появлением, нормализацией и легитимацией исторически новых форм ответственного и вовлеченного отцовства. Эти новые формы все еще находятся в процессе становления и, в конечном счете, зависят от того, насколько свободными, творческими и решительными окажутся сами мужчины, создающие их [18. С. 95]. В этом нелегком деле, по остроумному замечанию Уоррена Фаррелла, могут помочь три важные составляющие вовлеченного отцовства – «последовательность, последовательность, последовательность» [43. Р. 419].

«Мужество любить» – поскольку именно любовь оказывается тем «водоразделом», который обозначает собой границу между отстраненными и авторитарными формами отцовства, с одной стороны, и вовлеченными и ответ-

ственными – с другой. Забота при всей бесспорной важности этой характеристики отцовских норм и практик все же не может конкурировать с любовью, поскольку очень часто воспринимается и окружающими людьми, и самими отцами как забота о семье, т.е. предполагает некоторый модус отстраненности. Очень часто забота становится для мужчины способом избежать вовлеченности в семейные дела за счет концентрации на своих «прямых» и «мужских» обязанностях «кормильца» и «защитника». По меткому замечанию А. Махт, забота иногда может быть формой «бегства от любви» [21. Р. 147].

Таким образом, на новом этапе развития общества социальные исследования должны вооружиться более точными инструментами анализа той «отцовской революции» [8. С. 289–290], которая дает надежду на более счастливое будущее для детей, которые смогут выстраивать свою жизнь, поддерживаемые теплом «отцовской любви», для самих мужчин, которые смогут стать более открытыми для эмоций [44. Р. 53] и, как следствие, для общества в целом. Как отмечает знаменитая французская исследовательница «мужского вопроса» Элизабет Бадентэр, настало время, когда мужчины «должны создать нового отца и новую мужественность. Женщины, затаив дыхание, с нежностью наблюдают за этими мутантами» [8. С. 299].

Список источников

1. *Hume M.* Reading the Water: Fly Fishing, Fatherhood, and Finding Strength in Nature. Vancouver, Berkeley, London : Greystone Books, 2022. 239 p.
2. *Клецина И.С.* Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // *Женщина в российском обществе.* 2009. № 3 (52). С. 29–41.
3. *Кон И.С.* Ребенок и общество : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2003. 336 с.
4. *Кузьмина Л.М.* Социология семьи и отцовства // *Наука и школа.* 2018. № 5. С. 204–207.
5. *Ремнева Н.С.* Перспективы развития региональной семейной политики в отношении отцовства как социального института // *Ответственное отцовство: миф или реальность? : сб. ст. / под общ. ред. М.А. Костенко, Н.С. Жабиной.* Барнаул : Мужской разговор, 2002. С. 13–14.
6. *Ильдарханова Ч.И., Калачикова О.Н.* Концептуализация понятия «генеративное поведение мужчин»: методологические возможности гендерного подхода // *Казанский экономический вестник.* 2019. № 5 (43). С. 77–84.
7. *Хитрук Е.Б.* Проблематизация концепта «мужская сущность» в философии Элизабет Бадентэр // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии.* 2015. № 4 (30). С. 38–45.
8. *Бадентэр Э.* Мужская сущность. М. : Новости, 1995. 304 с.
9. *Рождественская Е.Ю.* Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2020. № 5. С. 155–185.
10. *Ильдарханова Ч.И., Барсуков В.Н.* Состояние и трансформация института отцовства: обзор зарубежных исследований // *Гуманитарий Юга России.* 2019. Т. 8, № 6. С. 211–227.
11. *Bowles H.R., Kotelchuck M., Grau M.G.* Reducing Barriers to Engaged Fatherhood: Three Principles for Promoting Gender Equity in Parenting // *Engaged Fatherhood for Men, Families and Gender Equality: Healthcare, Social Policy, and Work Perspectives.* Springer, 2021. P. 384–418.
12. *Груздева М.А., Калачикова О.Н.* Типология моделей современного отцовства (на примере Вологодской области и Республики Татарстан) // *Социальная политика и социология.* 2020. Т. 19, № 3 (136). С. 50–57.
13. *Токарева Ю.А.* Типология отцовства и характер воспитательной деятельности родителя // *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates.* 2010. № 5. С. 154–160.
14. *Безрукова О.Н.* Практики ответственного отцовства: «Папа-школа» и социальный капитал // *Вестник СПбГУ. Сер. 12: Социология.* 2012. № 3. С. 266–275.
15. *Шевченко И.О.* Институт отцовства: актуальные проблемы в поле социологических исследований // *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение.* 2010. № 3 (46). С. 278–286.

16. Звонарева А.Е. Теоретико-методологические основы исследования отцовских практик // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 2 (54). С. 127–134.
17. Бурдые П. Мужское господство // Бурдые Пьер. Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетей, 2005. С. 286–365.
18. Русских Л.В. Состояние и проблемы современного отцовства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18, № 3. С. 94–98.
19. Adamsons K., Cutler L., Palkovitz R. Theorizing Fathering: Past, Present, and Future // Handbook of the Psychology of Fatherhood. Springer, 2022. P. 1–27.
20. Roggman L.A., Fitzgerald H.E., Bradley R.H., Raikes H. Overview of methodological, measurement, and design issues in studying fathers: An interdisciplinary perspective // Handbook of father involvement: Multidisciplinary perspectives / eds. Erlbaum. C. Tamis-LeMonda, N. Cabrera. 2002. P. 1–30.
21. Macht A. Fatherhood and Love. The Social Construction of Masculine Emotions. Oxford : Palgrave Macmillan, 2020. 194 p.
22. Курамиев А.В. Роль семьи в социологии О. Конта // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 3 (59). С. 135–139.
23. Smith K. Rookie Father: A Playbook for Men Experiencing Fatherhood for the First Time. Familius, 2021. 337 p.
24. Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2009. 496 с.
25. Костенко М.А. Отцовство как социальная практика современного мужчины: проблемы осуществления // Ответственное отцовство: миф или реальность? : сб. ст. / под общ. ред. М.А. Костенко, Н.С. Жабиной. Барнаул : Мужской разговор, 2002. С. 15–22.
26. Коннелл Р. Маскулинности и глобализация // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков : ХЦГИ, 2001 ; СПб. : Алетей, 2001. С. 851–879.
27. Хитрук Е.Б. Концепция гегемонной маскулинности в теории Рэйвин Коннелл: от XX к XXI столетию // Социологический журнал. 2017. Т. 23, № 4. С. 8–30.
28. Коннелл Р. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика / авториз. пер. Т. Барчуновой ; науч. ред. перевода И. Тартаковская ; подгот. рус. версии, примеч. и библиогр. О. Ечевской. М. : Новое лит. обозрение, 2015. 432 с.
29. Хитрук Е.Б. Философские предпосылки формирования феномена «отсутствующий отец» в современной культуре // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 54–59.
30. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000. 387 с.
31. Сиксу Э. Выходы // Гендерная теория и искусство. Антология : 1970–2000. М. : РОССПЭН, 2005. С. 47–57.
32. Хитрук Е.Б. Мужское и женское: от природы к культуре. Томск : Изд. дом Том. гос. ун-та, 2017. 280 с.
33. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 4 : пер. с древнегр. / общ. ред. А.Ф. Loseva, В.Ф. Asmusa, А.А. Тахо-Годи ; авт. ст. в примеч. А.Ф. Losev; примеч. А.А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1994. 830 с.
34. Платон. Федон. Пир. Федр. Парменид : пер. с древнегр. / общ. ред. А.Ф. Loseva, В.Ф. Asmusa, А.А. Тахо-Годи ; примеч. А.Ф. Loseva, А.А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1999. 528 с.
35. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск : Литература, 1998. 1392 с.
36. Шопенгауэр А. Афоризмы и истины: Сочинения. М. : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 2001. 736 с.
37. Вейнингер О. Пол и характер. М. : ТЕРРА, 1992. 480 с.
38. Жеребкин С. Гендерная проблематика в философии // Введение в гендерные исследования : учеб. пособие. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетей, 2001. Ч. I. С. 390–426.
39. Гросс Э. Изменяя очертания тела. Гендерная проблематика в философии // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетей, 2001. С. 599–622.
40. Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1, 2 : пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой ; коммент. М.В. Аристовой. М. : Прогресс ; СПб. : Алетей, 1997. 832 с.
41. Badinter E. Mother love: myth and reality. Motherhood in modern history. New York : Macmillan, 1981. 360 p.
42. Kimmel M. A war against boys? // Tikkun Magazine. 2002. Vol. 15, № 6. P. 57–60.

43. Farrell W., Gray J. The Boy Crisis: Why Our Boys Are Struggling and What We Can Do about It. Dallas : Benbella Books, 2018. 368p.

44. Fernández-Álvarez Ó. Non-Hegemonic Masculinity against Gender Violence // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 161. P. 48–55.

References

1. Hume, M. (2022) *Reading the Water: Fly Fishing, Fatherhood, and Finding Strength in Nature*. Vancouver, Berkeley, London: Greystone Books.

2. Kletsina, I.S. (2009) Otsovstvo v analiticheskikh podkhodakh k izucheniyu maskulinnosti [Fatherhood in analytical approaches to the study of masculinity]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 3(52). pp. 29–41.

3. Kon, I.S. (2003) *Rebenok i obshchestvo* [Child and Society]. Moscow: Akademiya.

4. Kuzmina, L.M. (2018) Sotsiologiya sem'i i otsovstva [Sociology of family and fatherhood]. *Nauka i shkola*. 5. pp. 204–207.

5. Remneva, N.S. (2002) Perspektivy razvitiya regional'noy semeynoy politiki v otnoshenii otsovstva kak sotsial'nogo instituta [Prospects for the development of regional family policy regarding fatherhood as a social institution]. In: Kostenko, M.A. & Zhabina, N.S. (eds) *Otvetstvennoe otsovstvo: mif ili real'nost'*? [Responsible Fatherhood: Myth or Reality?]. Barnaul: Muzhskoy razgovor. pp. 13–14.

6. Ildarhanova, Ch.I. & Kalachikova, O.N. (2019) Kontseptualizatsiya ponyatiya “generativnoe povedenie muzhchin”: metodologicheskie vozmozhnosti gendernogo podkhoda [Conceptualization of the concept of “generative behavior of men”: Methodological possibilities of the gender approach]. *Kazanskiy ekonomicheskij vestnik*. 5(43). pp. 77–84.

7. Khitruk, E.B. (2015) Problematizatsiya kontsepta “muzhskaya sushchnost'” v filosofii Elizabet Badenter [Problematicization of the concept of “male essence” in the philosophy of Elizabeth Badenter]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii*. 4(30). pp. 38–45.

8. Badenter, E. (1995) *Muzhskaya sushchnost'* [Male Identity]. Translated from English. Moscow: Novosti.

9. Rozhdestvenskaya, E.Yu. (2020) Vovlechennoe otsovstvo, zabotlivaya maskulinnost' [Involved fatherhood, nurturing masculinity]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 5. pp. 155–185.

10. Ildarhanova, Ch.I. & Barsukov, V. N. (2019) Sostoyanie i transformatsiya instituta otsovstva: obzor zarubezhnykh issledovaniy [The state and transformation of the institution of fatherhood: a review of foreign studies]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*. 8(6). pp. 211–227.

11. Bowles, H.R. Kotelchuck, M. & Grau, M.G. (2021) Reducing Barriers to Engaged Fatherhood: Three Principles for Promoting Gender Equity in Parenting. In: Grau, M.G., Maestro, M. & Bowles, H.R. (eds) *Engaged Fatherhood for Men, Families and Gender Equality: Healthcare, Social Policy, and Work Perspectives*. Springer. pp. 384–418.

12. Gruzdeva, M.A. & Kalachikova, O.N. (2020) Tipologiya modeley sovremennogo otsovstva (na pri-mere Vologodskoy oblasti i Respubliki Tatarstan) [Typology of models of modern fatherhood (a case study of Vologda and the Republic of Tatarstan)]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*. 19(3(136)). pp. 50–57.

13. Tokareva, Yu.A. (2010) Tipologiya otsovstva i kharakter vospitatel'noy deyatel'nosti roditelya [Typology of paternity and the nature of the parent's educational activities]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*. 5. pp. 154–160.

14. Bezrukova, O.N. (2012) Praktiki otvetstvennogo otsovstva: “Papa-shkola” i sotsial'nyy kapital [Practices of responsible fatherhood: “Dad-school” and social capital]. *Vestnik SPbGU. Seriya 12. Sotsiologiya*. 3. pp. 266–275.

15. Shevchenko, I.O. (2010) Institut otsovstva: aktual'nye problemy v pole sotsiologicheskikh issledovaniy [Institute of Fatherhood: Current problems in the field of sociological research]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*. 3(46). pp. 278–286.

16. Zvonareva, A.E. (2019) Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya otsovskikh praktik [Theoretical and methodological foundations for the study of paternal practices]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*. 2(54). pp. 127–134.

17. Bourdieu, P. (2005) *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: Fields and practices]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya. pp. 286–365.

18. Russkikh, L.V. (2018) Sostoyanie i problemy sovremennogo otsovstva [The state and problems of modern fatherhood]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 18(3). pp. 94–98.
19. Adamsons, K., Cutler, L. & Palkovitz, R. (2022) Theorizing Fathering: Past, Present, and Future. In: Molloy, S., Azzam, P. & Isacco, A. (eds) *Handbook of the Psychology of Fatherhood*. Springer. pp. 1–27.
20. Roggman, L.A., Fitzgerald, H.E., Bradley, R. H. & Raikes, H. (2002) Overview of methodological, measurement, and design issues in studying fathers: An interdisciplinary perspective. In: Tamis-LeMonda, C. & Cabrera, N. (eds) *Handbook of Father Involvement: Multidisciplinary Perspectives*. Erlbaum. pp. 1–30.
21. Macht, A. (2020) *Fatherhood and Love. The Social Construction of Masculine Emotions*. Oxford: Palgrave Macmillan.
22. Kuramshev, A.V. (2020) Rol' sem'i v sotsiologii O. Konta [The role of the family in the sociology of O. Comte]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*. 3(59). pp. 135–139.
23. Smith, K. (2021) *Rookie Father: A Playbook for Men Experiencing Fatherhood for the First Time*. Familius.
24. Kon, I. (2009) *Muzhchina v menyayushchemsya mire* [A man in a changing world]. Moscow: Vremya.
25. Kostenko, M.A. (2002) Otsovstvo kak sotsial'naya praktika sovremennogo muzhchiny: problemy osushchestvleniya [Fatherhood as a social practice of a modern man: problems of implementation]. In: Kostenko, M.A. & Zhabina, N.S. (eds) *Otvetstvennoe otsovstvo: mif ili real'nost'?* [Responsible Fatherhood: Myth or Reality?]. Barnaul: Muzhskoy razgovor. pp. 15–22.
26. Connell, R. (2001) Maskulinnosti i globalizatsiya [Masculinities and Globalization]. In: Zherebkin, S.V. (ed.) *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to Gender Studies]. Kharkov: KhTsGI; St Petersburg: Aleteyya. pp. 851–879.
27. Khitruk, E.B. (2017) Kontseptsiya gegemonnoy maskulinnosti v teorii Reyvin Konnell: ot XX k XXI stoletiyu [The concept of hegemonic masculinity in the theory of Raewyn Connell: From the 20th to the 21st century]. *Sotsiologicheskij zhurnal*. 23(4). pp. 8–30.
28. Connell, R.W. (2015) *Gender i vlast': obshchestvo, lichnost' i gendernaya politika* [Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics]. Translated from English by T. Barchunova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
29. Khitruk, E.B. (2013) Filosofskie predposylki formirovaniya fenomena "otsutstvuyushchiy otets" v sovremennoy kul'ture [Philosophical prerequisites for the formation of the "absent father" phenomenon in modern culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 368. pp. 54–59.
30. Baudrillard, J. (2000) *Simvolicheskij obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Translated from French. Moscow: Dobrosvet.
31. Cixous, E. (2005) Vykhody [Exits]. In: Bredikhina, L.M. & Dipuell, K. (eds) *Gendernaya teoriya i iskusstvo. Antologiya: 1970 – 2000* [Gender Theory and Art. Anthology: 1970–2000]. Moscow: ROSSPEN. pp. 47–57].
32. Khitruk, E.B. (2017) *Muzhskoe i zhenskoe: ot prirody k kul'ture* [Masculine and Feminine: From Nature to Culture]. Tomsk: Tomsk State University.
33. Plato. (1994) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols]. Vol. 4. Translated from Ancient Greek by A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Taho-Godi. Moscow: Mysl'.
34. Plato. (1999) *Fedon. Pir. Fedr. Parmenid* [Phaedo. Feast. Phaedr. Parmenides Translated from Ancient Greek by A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Taho-Godi. Moscow: Mysl'.
35. Aristotle. (1998) *Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii* [Ethics. Policy. Rhetoric. Poetics. Categories]. Translated from ancient Greek. Minsk: Literatura.
36. Schopenhauer, A. (2001) *Aforizmy i istiny: Sochineniya* [Aphorisms and Truths]. Translated from German. Moscow: EKSMO-Press; Khar'kov: Folio.
37. Weininger, O. (1992) *Pol i kharakter* [Sex and Character]. Translated from German. Moscow: TERRA.
38. Zherebkin, S. (2001) Gendernaya problematika v filosofii [Gender issues in philosophy]. In: *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to Gender Studies]. Vol. 1. Kharkov: KhTsGI; St. Petersburg: Aleteyya. pp. 390–426.
39. Gross, E. (2001) Izmenyaya ochertaniya tela. Gendernaya problematika v filosofii [Changing the contours of the body. Gender issues in philosophy]. In: *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to Gender Studies]. Vol. 1. Kharkov: KhTsGI; St. Petersburg: Aleteyya. pp. 599–622.

40. Beauvoir, S. de. (1997) *Vtoroy pol* [Second Gender]. Translated from French. Moscow: Progress; St. Petersburg: Aleteya.
41. Badinter, E. (1981) *Mother Love: Myth and Reality. Motherhood in Modern History*. New York: Macmillan.
42. Kimmel, M. (2018) A war against boys? *Tikkun Magazine*. 15(6). pp. 57–60.
43. Farrell, W. & Gray, J. (2018) *The Boy Crisis: Why Our Boys Are Struggling and What We Can Do about It*. Dallas: Benbella Books.
44. Fernández-Álvarez, Ó. (2014) Non-Hegemonic Masculinity against Gender Violence. *Procedia – Social and Behavioral Sciences* 161. pp. 48–55.

Сведения об авторах:

Хитрук Е.Б. – доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии, ведущий научный сотрудник лаборатории трансдисциплинарных исследований познания, языка и социальных практик Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lubomudreg@gmail.com

Быков Р.А. – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, старший научный сотрудник лаборатории трансдисциплинарных исследований познания, языка и социальных практик Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: nimai.bykov@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Khitruck E.B. – Dr. Sci. (Philosophy), professor of the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); leading researcher at the Laboratory of Transdisciplinary Research of Cognition, Language and Social Practices, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lubomudreg@gmail.com

Bykov R.A. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor at the Department of Sociology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); senior researcher at the Laboratory of Transdisciplinary Research of Cognition, Language and Social Practices, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nimai.bykov@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.03.2024;
одобрена после рецензирования 23.05.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted 29.03.2024;
approved after reviewing 23.05.2024; accepted for publication 11.06.2024*

Научная статья

УДК 17.037

doi: 10.17223/1998863X/79/16

ВОСПРИЯТИЕ ПЛАГИАТА В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ КИТАЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРИНЦИПОВ НАУЧНОЙ ЭТИКИ

Элина Евгеньевна Шумилова

*Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
Астана, Республика Казахстан, e-shumilova@yandex.ru*

Аннотация. На основе базовых философских аргументов и принципов научной этики анализируется восприятие феномена плагиата в академической среде в Китае. Опираясь на многочисленные социологические зарубежные исследования, проведенные среди китайских студентов, аспирантов и преподавателей, автор пытается осмыслить, чем отличается отношение к этому явлению в Китае в разных социальных группах. Делается вывод о том, что, несмотря на осуждение плагиата в целом, в научном студенческом и научном сообществах плагиат не воспринимается как серьезное академическое нарушение научной этики.

Ключевые слова: научная этика, научное исследование, плагиат, хаоси, китайская культура, научное сообщество

Благодарности: статья подготовлена в рамках реализации научного проекта BR21882302 «Казахстанский социум в условиях цифровой трансформации: перспективы и риски» по договору № 387-ПЦФ-23-25-1 от 17.11.2023.

Для цитирования: Шумилова Э.Е. Восприятие плагиата в академической среде Китая сквозь призму принципов научной этики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 180–188. doi: 10.17223/1998863X/79/16

Original article

PERCEPTION OF PLAGIARISM IN THE CHINESE ACADEMIC ENVIRONMENT THROUGH THE PRISM OF THE PRINCIPLES OF SCIENTIFIC ETHICS

Elina E. Shumilova

*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan,
e-shumilova@yandex.ru*

Abstract. The paper analyzes the perception of the phenomenon of plagiarism in the academic environment in China on the basis of basic philosophical arguments and principles of scientific ethics. Based on numerous sociological foreign studies conducted among Chinese students, graduate students and teachers, the author tries to understand how the attitude to this phenomenon in China differs in different social groups. It is concluded that, despite the condemnation of plagiarism in general, it is not perceived as a serious academic violation of scientific ethics in the student and scientific communities. It is often presented in various forms and negatively affects the reputation of Chinese scientists at the international level, creating a biased attitude towards authors based on nationality. The loyal attitude towards plagiarism in China is caused by historical, cultural, social and economic reasons. But a change in attitude to this phenomenon is possible only if a number of issues are

addressed to improve the social status of researchers and teachers in the country and the introduction of ethical standards in the field of scientific research.

Keywords: scientific ethics, scientific research, plagiarism, Chaosi, Chinese culture, scientific community

Acknowledgements: The article was prepared within scientific project BR21882302 “Kazakhstan Society in the Digital Transformation Conditions: Perspectives and Risks” on Agreement No. 387-ПЦФ-23-25-1, 17.11.2023.

For citation: Shumilova, E.E. (2024) Perception of plagiarism in the Chinese academic environment through the prism of the principles of scientific ethics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 181–188. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/

Вопросы авторства и новизны научных идей в философском контексте с точки зрения их воспроизведения в других работах были предметом обсуждения философов на всех этапах развития истории философской мысли. Хотя сам «плагиат» в его современном значении начал использоваться лишь в XVII в., уже в эпоху Античности можно обнаружить яркие примеры серьезного отношения мыслителей к копированию результатов их рассуждений [1. Р. 45–60]. Греки ревниво относились к своему интеллектуальному достоянию. Так, Платон в диалоге «Федон» подчеркивал свое негативное отношение к тем заядлым спорщикам, которые не ищут истины и часто приписывают чужие идеи себе: «Своею премудростью они способны все перепутать и замутить, но при этом остаются вполне собою довольны» [2. С. 157]. Однако среди первых сторонников обоснования приоритета авторства можно отметить Фалеса Милетского. В сочинении Апулея «Флориды» упоминается ряд его открытий, включая изучение смены времен года, движения планет, дуновения ветра, а также его рассуждение о том, что лучшим вознаграждением за его труды будет правильное упоминание его авторства: «Для меня будет достаточным вознаграждением... если, пожелав сообщить кому бы то ни было о том, чему ты у меня выучился, ты не станешь приписывать этого открытия себе, но заявишь во всеулышание, что оно сделано мною, и никем иным» [3. С. 349].

Позднее в произведениях философов эпохи Нового времени и XIX в., в частности Р. Декарта и Ф. Ницше, можно обнаружить рассуждения о вопросах оригинальности творческих мыслей и идей, упоминания чужих произведений, цитирования и даже самой необходимости ученых бороться с плагиатом [4. С. 4–6; 5. С. 157–158]. Взгляды современных философов в отношении плагиата были разнообразными и отражали их индивидуальные убеждения и ценностные предпочтения. Так, М. Фуко утверждал, что в некоторых случаях плагиат может способствовать распространению знаний и идей, что благоприятно в целом для общества. В своей работе «Археология знания» он отмечал, что в определенных случаях копирование идей может быть оправдано способами подчинения самих идей коллективному творчеству и обмену знаниями в разные эпохи [6. С. 268–270]. Аналогично у В. Беньямина можно встретить рассуждения, что творчество не всегда должно быть исключительно оригинальным, и в некоторых случаях плагиат может быть необходим для развития и расширения знаний. В своем эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» В. Беньямин писал, что в некоторых

случаях акты копирования и репродукции могут помочь в расширении культурных знаний и развитии новых творческих идей, особенно в современную эпоху [7. С. 56–57]. Таким образом, восприятие проблемы плагиата менялось в разные эпохи, отражая трансформации в общественном мнении, правилах цитирования и доступности научной информации. Однако только ли историческое время и характер эпохи влияют на восприятие плагиата или же существуют другие факторы?

В идеале научная этика, под которой понимается совокупность правил, которыми должен руководствоваться ученый при выполнении исследования, должна быть универсальной и применяться во всем мире одинаково, но на практике на нее влияют культурные и социальные различия между обществами. Обнаружить разницу можно, проанализировав, например, особенности восприятия феномена плагиата в той или иной стране и обществе. В этом отношении особый интерес для научного сообщества представляет опыт страны с одной из самых быстрорастущих экономик и научных сообществ в мире – Китая.

Исследование восприятия плагиата в Поднебесной является также важным шагом на пути анализа этой проблемы в азиатских странах. Близкие социальные установки и ценности стран этого региона, а также недостаточное знание западных норм научного цитирования позволяют говорить о схожести восприятия проблемы в регионе [8]. Основу данного исследования составляет анализ опросов и интервью с учеными, докторантами и студентами, опубликованных в последние годы исследователями из Китая, Великобритании и США о восприятии плагиата в академической среде различными социальными группами китайского научного сообщества.

В настоящее время Китай стремится стать лидером в мировой науке и технологиях. Большой поток научных публикаций, высокотехнологичные исследования и инновации делают эту страну ключевым игроком в мировой научной сфере. В 2016 г. китайскими исследователями было опубликовано более 470 тыс. научных статей, что вывело Китай на первое место в списке стран с наибольшим количеством опубликованных статей [9]. Однако Китай также возглавляет список стран с наибольшей долей опровержений. Причем, по подсчетам исследователей, около трех четвертей всех отзывов происходит из-за неправомерных действий, а 41% неправомерных действий происходит из-за плагиата [9]. Рост числа подобных академических нарушений в Китае создал китайским исследователям плохую репутацию и, вероятно, привел к снижению количества принимаемых рукописей в академических журналах. Отметим также, что, согласно результатам опроса 30 тыс. китайских ученых и преподавателей о неэтичном поведении в академической среде, опубликованном в 2012 г., половина респондентов знали, что среди известных им исследователей существовал, по крайней мере, один из четырех типов академических нарушений: плагиат, фальсификация данных, двойное копирование публикаций и призрачное авторство [10].

Что определяет различие восприятия плагиата в Китае и в других странах? Возможно ли, что оно связано с разными культурными, социальными или образовательными условиями? В этом отношении интересен сравнительный анализ исследователя из Йоркского университета Великобритании С. Гоу [11. Р. 27–41]. Ученый соотнес китайские и британские культурные

концепции плагиата с помощью выпускников магистратуры британских учебных заведений, работающих в совместных компаниях в Шанхае.

В результате анонимного опроса магистров британских вузов, которые окончили бакалавриат в Китае, С. Гоу выяснил, что «чаоси» (плагиат) в Китае и плагиат в Великобритании как феномены воспринимаются различным образом. Если в Великобритании этот термин интерпретировался как «академическое преступление» или «академическая нечестность», то в Китае он имеет «более легкий смысл» и гибкость с точки зрения интерпретации. К «чаоси» относится списывание на экзаменах и нечестное выполнение домашних заданий начиная с начальной школы. В китайской культуре существовала традиция «делиться» или «помогать» сокурсникам, что иногда получало «молчаливое одобрение» от преподавателей. Как упомянул один участник опроса, преподаватель «закрывал один глаз и открывал другой» [11]. Также опрашиваемые заявили, что в китайских университетах не проводится инструктаж по определению и предотвращению «чаоси», что и легализует подобную деятельность среди студентов и сотрудников высших учебных заведений.

Исследование С. Гоу в целом не является единственным свидетельством того, что многие китайские студенты не знакомы с практикой западного цитирования источников научной информации. Было обнаружено, что азиатские студенты в целом и китайские студенты в частности менее знакомы с западными нормами цитирования и более терпимы к академическим нарушениям [8].

Культурные и социальные особенности Китая могут оказывать влияние на восприятие плагиата. Лояльное отношение к плагиату связано с несколькими факторами. Важное место среди них занимает образовательная политика, направленная на увеличение числа научных публикаций, получившая условное название «публикуй или погибни». Причем в данной ситуации речь идет именно о количественной составляющей, а не о содержании научных публикаций.

Сильное давление на исследователей в китайских университетах по вопросу повышения целевых показателей способствует увеличению плагиата, переводу иностранных научных статей на китайский язык без указания авторства и отсутствию оригинальности в китайских исследованиях. Кроме того, причиной распространения плагиата можно назвать использование традиционных дидактических методов, поощряющих запоминание декларативных знаний вместо критической оценки множества исследовательских подходов и точек зрения. С давних времен практика заучивания наизусть классических текстов считалось важной практикой грамотности в китайском обществе. Исследовательница плагиата из Университета Гонконга Ю. Ли вспоминала, что, когда она училась в школе в 80-х гг. XX в., воспроизведение отрывков из учебников по таким предметам, как история, география и политика, в качестве готовых ответов обычно поощрялось при выполнении домашнего задания или сдаче школьного экзамена, при этом копирование ответов одноклассника в домашнем задании или на экзамене или подача сочинения, скопированного откуда-то, были позорным актом мошенничества [12]. Эти методы продолжают применять на университетском уровне, уделяя мало внимания интертекстуальности или обучению атрибутивным источникам

[13]. Образовательный фон усугубляется успешными, но в то же время стремительными темпами развития и интернационализации высшего образования в Китае.

Совместное исследование Ш. Чена из Китайского университета Гонконга и Б. Макфарлейна из Саутгемптонского университета Великобритании раскрывает еще несколько причин, подталкивающих преподавательский состав в высших учебных заведениях Китая к академической нечестности. Среди них слабая профессиональная саморегуляция и академическая социализация, а также низкая заработная плата [14]. Согласно сравнительному исследованию, в котором приняли участие ученые из 28 стран, только ученые в Армении и России имели более низкие зарплаты, чем их китайские коллеги, в то время как Китай платил самую низкую зарплату начального уровня [15]. Чтобы значительно увеличить свой базовый доход, китайские ученые вынуждены искать дополнительный заработок, при этом важную роль играет финансирование публикаций и исследований. Плата за публикации может быть эквивалентна любой сумме, вплоть до шестимесячной зарплаты за одну научную статью, что является важным материальным стимулом для низкооплачиваемых китайских ученых [14]. Денежные поощрения за написание научных статей могут превышать заработную плату в десятки раз и рассчитываются по очень простой формуле: $10\,000$ китайских юаней $\times 1 +$ импакт-фактор журнала [16. С. 47–48]. Однако большая загруженность китайских ученых и желание быстро увеличить доход часто способствуют снижению качества их научных работ.

Плагиат в Поднебесной варьируется от нескольких скопированных предложений до незаконного присвоения целых документов. Публикации из Китая также подвергались критике за отсутствие корректных ссылок. Среди китайских статей, отозванных в 2016 г., количество ссылок на статью нередко было ниже 10, что часто интерпретируется как признак более низкого качества научного текста. Тем самым это привело к ухудшению репутации китайских исследователей и определенной предвзятости зарубежных редакторов журналов при рецензировании работ ученых с китайскими фамилиями [9].

Формы плагиата, выявленные в статьях китайских авторов, крайне разнообразны. Помимо простого прямого плагиата, который представляет собой дословное копирование последовательного текста, исследователи в области научной этики также выявляют переводной плагиат, заключающейся в переводе новых данных с одного языка на другой, самоплагиат, предполагающий представление автором или авторами ранее опубликованной научной работы как новой, а также плагиат идей [9].

Однако можно ли считать, что плагиат в Китае разрешен или даже поощряется? Совместное исследование профессоров Ю. Ли и Дж. Фловвердью из Гонконга дает отрицательный ответ на этот вопрос. По мнению ученых, плагиат в Китае осуждался еще со времен Троецарствия (220–280 гг.), а его восприятие зависело от исторической эпохи [17]. Так, например, в 50-х и начале 60-х гг. XX в. плагиат часто сравнивали с *развращенными буржуазными идеями о поиске выгод без труда*; в 80-х гг., когда научные исследования начали активно поощряться, плагиат уже рассматривался как противоречащий духу научных исследований, в то время как в 90-х гг. плагиат превратился в нарушение авторских прав по закону.

Американские и китайские ученые Г.К. Грей, Л.К. Боркенхаген, Н.С. Сун и Ш. Тан в совместном исследовании по этике в Китае пришли к выводу, что плагиату можно противодействовать путем усиления подготовки студентов и исследователей по вопросам научной этики, а также введения санкций за правонарушения, связанные с плагиатом, в университетах, исследовательских институтах и научных журналах [9]. По их мнению, признание серьезных последствий плагиата может стать мощным сдерживающим фактором для неэтичного научного поведения в стенах китайских университетов [9]. Внедрение принципов научной этики и добросовестной подготовки научных статей не в отдельных, а во всех высших учебных заведениях Китая по примеру западных стран станет первым шагом на пути к изменению сложившегося положения дел. Аналогично информирование в инструкциях для авторов о мерах ответственности за недобросовестные научные публикации вплоть до уведомления финансирующих исследований научных организаций может послужить сдерживающим фактором к нарушению этических норм в науке. Однако, несмотря на то, что плагиату в целом можно противостоять путем введения санкций за правонарушения, ряд китайских ученых считают такую политику неэффективной. Так, китайский ученый Ю. Ли после проведения опроса и анализа ответов преподавателей Университета Гонконга пришла к выводу, что только сочетание позитивных педагогических практик с повышением осведомленности в области принципов научной этики и этики ведения научных исследований позволит привести к изменениям в мышлении ученых и внедрению более строгих стандартов и правил подготовки научных публикаций. Пока же в китайских научных учреждениях критерием эффективной работы ученого является импакт-фактор журнала или средний уровень цитирования статей в нем. Чем выше импакт-фактор издания, тем выше заработная плата ученого в Китае, что мотивирует китайских ученых публиковаться в крупных и известных журналах и сокращает число «мусорных публикаций». Впрочем, такая тенденция не устраивает самих ученых, полагающих, что импакт-фактор не является объективным показателем оценки потенциала ученого, а есть оценка качества самого научного журнала [16. Р. 47–48].

Подводя итог, следует отметить, что на сегодняшний день восприятие феномена плагиата является серьезной проблемой в научном сообществе Китая, что негативно сказывается на репутации и качестве научных исследований. Данная проблема имеет под собой глубокие исторические, культурные и социально-экономические корни в китайской культуре, а ее решение потребует времени и широкого комплексного подхода, включая изменения в системе образования, повышение материального обеспечения ученых, снижение академической нагрузки, внедрение норм научной этики. Сыграть важную роль в борьбе с плагиатом также может международное сотрудничество и обмен опытом. Ученые и академические сообщества всего мира должны работать сообща, чтобы создать и поддерживать этические стандарты, которые будут применяться как на местном, так и на глобальном уровне. Только при таких условиях можно ожидать постепенного улучшения профессиональной репутации китайских ученых и академической среды в целом. При правильном подходе и усилиях Китай может стать примером для других стран в борьбе с плагиатом и соблюдении научной этики.

Список источников

1. Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. М : АН СССР, 1956. 436 с.
2. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М. : Медимум, 1996. 240 с.
3. Декарт Р. Сочинения : в 2 т. / сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. М. : Мысль, 1989. Т. I. 654 с.
4. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М. : Прогресс, 1994. 512 с.
5. Платон. Сочинения : в 4 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. СПб. : Изд-во СПб. ун-та : Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 2. 626 с.
6. Фуко М. Археология знания. СПб. : Университетская книга, 2004. 416 с.
7. Шестакович А.Г. Проблемы развития публикационной культуры в научном обществе России // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2019. № 2 (28). С. 43–50.
8. Altbach P.G., Reisberg L., Yudkevich M., Androushchak G., Pacheco I.F. Paying the professoriate: A global comparison of compensation and contracts. New York ; London : Routledge, 2012. 384 p.
9. Chen S., Macfarlane B. Handbook of Academic Integrity. Singapore: Shpringer Science Business Media, 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/283716738_Academic_Integrity_in_China
10. Daileader Ph. Plagiarism in Early Modern Europe: The Case of Ignazio Paredi. Toronto : University of Toronto Press, 2000. 320 p.
11. Gow S.A. Cultural bridge for the academic concept of plagiarism: a comparison of Chinese and British cultural concepts of plagiarism by Chinese master's graduates of UK institutions employed by sino-foreign joint ventures in Shanghai, China // Plagiarism across Europe and beyond. Conference Proceedings. Brno (Czech Republic). 2013. June 12–13. P. 27–41.
12. Gray G.C., Borkenhagen L.K., Sung N.S., Tang S.A. Primer on Plagiarism: Resources for Educators in China // Change. The Magazine of Higher Learning. 2019. Vol 51, № 2. P. 55–62.
13. Hu G., Lei J. Investigating Chinese University Students' Knowledge of and Attitudes Toward Plagiarism from an Integrated Perspective // Language Learning. 2012. Vol. 62, № 3. P. 813–850.
14. Li Y. Academic Staff's Perspectives upon Student Plagiarism: A Case Study at A University in Hong Kong // Asia Pacific Journal of Education. 2015. Vol. 35, № 1. P. 1–13.
15. Li Y., Flowerdew J. What really is the relationship between plagiarism and culture? Some thoughts from the Chinese context // Pecorari D., Shaw Ph. Student Plagiarism in Higher Education. Reflections on Teaching Practice. Routledge, 2019. P. 139–156.
16. Rinnert C., Kobayashi H. Borrowing Words and Ideas: Insights from Japanese L1 Writers // Journal of Asian Pacific Communication. 2005. Vol. 15, № 1. P. 15–29.

References

1. Apuleius. (1956) *Apologiya. Metamorfozy. Floridy* [Apology. Metamorphoses. Florida]. Moscow: USSR AS.
2. Benjamin, W. (1996) *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti. Izbrannye esse* [The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction. Selected Essays]. Translated from German. Moscow: Medium.
3. Descartes, R. (1989) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Mysl'.
4. Nietzsche, F. (1994) *Tak govoril Zaratustra* [Thus Spoke Zarathustra]. Translated from German. Moscow: Progress.
5. Plato. (2007) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 2. Translated from German. St. Petersburg: St. Petersburg State University; Oleg Abyshko.
6. Foucault, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge]. Translated from French. St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
7. Shestakovich, A.G. (2019) Problemy razvitiya publikatsionnoy kultury v nauchnom obshchestve Rossii [Problems of development of publication culture in the Russian scientific society]. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika.* 2(28). pp. 43–50.
8. Altbach, P.G., Reisberg, L., Yudkevich, M., Androushchak, G. & Pacheco, I.F. (2012) *Paying the professoriate: A global comparison of compensation and contracts*. New York; London: Routledge.

9. Chen, S. & Macfarlane, B. (2015) *Handbook of Academic Integrity*. Singapore: Shpringer Science Business Media. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/283716738_Academic_Integrity_in_China.

10. Daileader, Ph. (2000) *Plagiarism in Early Modern Europe: The Case of Ignazio Paredi*. Toronto: University of Toronto Press.

11. Gow, S.A. (2013) Cultural bridge for the academic concept of plagiarism: a comparison of Chinese and British cultural concepts of plagiarism by Chinese master's graduates of UK institutions employed by sino-foreign joint ventures in Shanghai, China. *Plagiarism Across Europe and Beyond*. Conference Proceedings. Brno (Czech Republic). June 12–13, 2013. pp. 27–41.

12. Gray, G.C., Borkenhagen, L.K., Sung, N.S. & Tang, S.A. (2019) Primer on Plagiarism: Resources for Educators in China. *Change. The Magazine of Higher Learning*. 51(2). pp. 55–62.

13. Hu, G. & Lei, J. (2012) Investigating Chinese University Students' Knowledge of and Attitudes Toward Plagiarism from an Integrated Perspective. *Language Learning*. 62(3). pp. 813–850.

14. Li, Y. (2015) Academic Staff's Perspectives upon Student Plagiarism: A Case Study at A University in Hong Kong. *Asia Pacific Journal of Education*. 35(1). pp. 1–13.

15. Li, Y. & Flowerdew, J. (2019) What really is the relationship between plagiarism and culture? Some thoughts from the Chinese context. In: Pecorari, D. & Shaw, Ph. (eds) *Student Plagiarism in Higher Education. Reflections on Teaching Practice*. Routledge. pp. 139–156.

16. Rinnert, C. & Kobayashi, N. (2005) Borrowing Words and Ideas: Insights from Japanese L1 Writers. *Journal of Asian Pacific Communication*. 15(1). pp. 15–29.

Сведения об авторе:

Шумилова Э.Е. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан). E-mail: e-shumilova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Shumilova E.E. – Cand. Sci. (History), senior researcher, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: e-shumilova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.04.2024;
одобрена после рецензирования 23.05.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted 14.04.2024;
approved after reviewing 23.05.2024; accepted for publication 11.06.2024*

Научная статья

УДК 1:304.2

doi: 10.17223/1998863X/79/17

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Егор Константинович Юрченко

*Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия,
yurch96@gmail.com*

Аннотация. Проведен анализ внутренних и внешних факторов, которые влияют на идентичность субъекта. Внутренние факторы формируют представление субъекта, внешние факторы задают условия соответствия субъекта и окружающей действительности. Данное взаимодействие может приводить к комплексным осложнениям в реализации идентичности. Выделены условия реализации идентичности, нарушение которых приводит к нереализованной идентичности.

Ключевые слова: идентичность, реализация, общество, социальные отношения, рефлексия, культура, деятельность

Для цитирования: Юрченко Е.К. Внутренние и внешние условия формирования и реализации идентичности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 189–198. doi: 10.17223/1998863X/79/17

Original article

INTERNAL AND EXTERNAL FACTORS OF IDENTITY FORMATION AND REALIZATION

Egor K. Yurchenko

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, yurch96@gmail.com

Abstract: This study is focused on analyzing the dependence of identity on internal and external factors and emphasizing the conditions of its realization. In this article, I delve into the understanding of identity formation and outline the conditions that affect the realization of identity through the consideration of existing theoretical positions in the field of identity. In this regard, the understanding of identity, the dependence of its formation and functioning on internal and external factors is specified. The scientific novelty of this study consists in clarifying the influence of external and internal factors on the construction and functioning of identity and highlighting the possibility of false definition of the subject's identity. The complex system and dynamics of interaction include many components that can affect the realization of identity. The realization of identity includes the consistent formation of the subject's representation of oneself and the actualization of this representation, which is related to the expectations and requirements of the social space and the real regularities of the subject's existence in the world. Topical theoretical positions on the formation and functioning of identity touch upon the problem of the impact of internal (personal) and external (social) factors. The internal factors of identity construction and realization include genetic and neurobiological features, values, motivational sphere, needs, moral responsibility, experience, skills and abilities, internal structure and dynamics of the psyche, and meaning. External factors include culture, social environment, education, social institutions, political movements, macro-social processes, and social relations. Globalization and virtualization put an additional burden on the preservation of identity. This article identifies the conditions of identity realization: possession of certain qualities and

characteristics; reading of these qualities with minimization of distortions; inclusion in social relations and acceptance of the impact of external factors; actualization of identity in action; acceptance of identity by “others”. From violations of the conditions of formation of identity can be formed a corresponding type of unrealized identity: untenable, substituted, latent, residual, confrontational, false-recognized. The basis for the fulfillment of the conditions of identity realization is the absence of conflict between internal and external factors that determine the subject’s identity.

Keywords: identity, realization, society, social relations, reflexion, culture, action

For citation: Yurchenko, E.K. (2024) Internal and external factors of identity formation and realization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 189–000. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/17

Введение

Актуальность данной темы заключается в том, что в современном мире процесс формирования идентичности связан с большим количеством факторов, которые могут приводить к неоднозначным результатам. Каждому субъекту необходимо выстраивать возможности последовательного самоопределения, которое бы не нарушало те условия, которые лежат в основании ощущения его тождественности в социальном пространстве. Глобализация и постоянные вызовы, которые связаны с гетерогенизацией культуры, политическими и социальными прессами, виртуализацией и нарушением образа возможного будущего, ставят субъект в уязвимое положение. Постоянное расширение факторов, воздействующих на субъект, приводит к усложнению выстраивания и формирования идентичности. В результате того что человеческая природа и социальное взаимодействие не обладают абсолютной точностью и определенностью, возникает необходимость теоретического осмысления процесса реализации идентичности в современном мире. Постоянное расширение факторов, воздействующих на субъект, приводит к усложнению выстраивания и формирования идентичности. В результате субъект может погружаться в состояние «незнания» ошибочного конструирования идентичности.

Цель данного исследования – обозначить зависимость реализации идентичности от внутренних и внешних факторов и выделить нарушения условий реализации идентичности в социальном пространстве.

Теоретико-методологические основания исследования. Используется социально-философская методология, которая основывается на рефлексии по отношению к основаниям социальной жизни. Проводится анализ существующих положений в теории идентичности. В результате осмысления разных факторов и обобщения их в условия реализации идентичности формируется представление о возможных нарушениях в динамическом процессе конструирования идентичности. Существующие теории в области изучения идентичности комплексно рассматривают различные определители и факторы, влияющие на нее. Но существуют определенные проблемы, которые касаются функциональной части процесса идентификации и неопределенности результата. Этот результат может выходить за рамки «достигнутой» идентичности и «кризиса» идентичности.

Новизна. Выделены основные условия реализации идентичности вследствие искажений функционирования этих условий, которые ведут к образо-

ванию нереализованной идентичности. В условия формирования идентичности входят: обладание определенными качествами и характеристиками; считывание этих качеств с минимизацией искажений; включенность в социальные отношения и принятие воздействия внешних факторов; актуализация идентичности в деятельности; принятие идентичности «другими». Определены результаты нарушения этих условий, которые приводят к определенным видам нереализованной идентичности. Показано, что сложное взаимодействие индивидуальных особенностей и социального влияния на идентичность ведет к возможности возникновения определенных искажений. Внутренние факторы формируют представление субъекта о себе самом и реализуют ответственный акт идентификации, тогда как внешние факторы задают условия соответствия субъекта и окружающей действительности.

В сущности, идентичность можно описать как особый набор характеристик, убеждений и проявлений, которые определяют личность или группу. Но эти атрибуты не статичны, а динамично формируются под воздействием стечения внутренних и внешних факторов. Как раз динамичность является одной из предпосылок для выдвижения теории нарушений реализации идентичности, так как возможен не только рост и укрепление своей тождественности, но и регресс в структурировании и актуализации идентичности в определенный момент жизнедеятельности субъекта.

Внутренние и внешние условия, влияющие на функционирование идентичности. Исследование «идентичности» как сложного конструкта было значительно продвинуто Э. Эриксоном. Эриксон углубился в психосоциальные аспекты идентичности, выделив четыре ключевых аспекта: сознательное признание своей индивидуальности, бессознательное стремление к непрерывности личного характера, идея «эго-синтеза» и поддержание соответствия идеалам и идентичности группы [1]. В его работах отражены условия конструирования идентичности, которые касаются включенности индивида в контекст социальных отношений и новые ролевые необходимости. Дальнейшее расширение и более глубокий анализ теории Эриксона, особенно в отношении подростковой стадии развития человека, были предприняты Дж. Крогером. В работах Крогера также подчеркивается концепция моральной идентичности как важнейший элемент формирования личности в подростковом возрасте [2]. К моральным составляющим относятся переживание и определение своих ценностей, понимание блага и зла, формирование смыслового представления о реальности. А.А. Белик в своей работе подробно изложил основные структурные элементы теории Дж. Мида, где описывает антропологические принципы конструирования идентичности [3]. Также этому вопросу в своей работе уделяет внимание О.Б. Давыдов, который анализирует единство индивидуального и коллективного в идентичности с точки зрения социальной философии. В конечной сути своей идеи О.Б. Давыдов стоит на том, что идентичность формируется полностью под воздействием общества [4]. В.Л. Виньоль и другие исследователи представили интегративный взгляд на идентичность [5]. Выделяется два основных смысла идентичности – социальный и личный. Подчеркивается важность учета как личного, так и социального контекста при формировании идентичности, а также взаимодействия индивидуальных способностей и влияния общества при формировании идентичности. Д. Карр рассматривает понятие личной идентичности, утвер-

ждая, что она неразрывно связана с социальной идентичностью [6]. Его анализ идентичности включает различные факторы: рефлексию, нарратив, интересубъективность и членство в группе. Личная идентичность формируется под влиянием социальных ролей, групповой принадлежности и коллективного опыта и переплетается с ними. Л.С. Яковлева и В.И. Кудашов, которые формируют свою теорию в рамках структурного и конструктивистского подходов к идентичности, подчеркивают ее изменчивость и процессуальный характер [7]. В анализ включены основные характеристики личностной идентичности, такие как ее зависимость от социального контекста, рефлексивное конструирование и роль индивидуального выбора. В статье С. Роккас и М.Б. Брюэр представлена концепция сложности социальной идентичности [8]. Это понятие относится к субъективному представлению индивидом своих множественных групповых идентичностей. В статье подчеркивается, что на сложность социальной идентичности влияют как внешние факторы – культура, поведение других групп, социальные институты, так и индивидуальные различия в когнитивном стиле и мотивации. Вклад в развитие теории социальной идентичности внес Р. Дженкинс, выделяя в своей работе основные аспекты, которые затрагивают динамику и условия формирования идентичности [9]. В них входят: идентификация на основе общих признаков; динамичность социальной идентичности; зависимость от власти в обществе; влияние как внутренних факторов, так и внешних; возможное несовпадение этих факторов; символизм и ритуальность; множественность идентичности. Д. Коте и Ч. Левин рассматривали влияние социальных институтов на формирование идентичности в подростковом возрасте, особенно уделяя внимание школе и семейным отношениям [10]. Сложность определения идентичности заключается в ее динамике. С.В. Герасимов в своей работе уделяет внимание зависимости тождественности человека от ситуационных социальных происшествий [11]. Этот взгляд на идентичность позволяет сформировать проблему постоянной угрозы целостности существующей системы идентичностей.

Изучение широкого набора факторов, от которых зависит возможность реализации и формирования идентичности на социальном уровне, формирует представление о множестве видов идентичностей. Национальная и культурная составляющие в том числе, играют весомую роль в выстраивании представления субъекта о себе и причастности других. Эту позицию и глубокий теоретический анализ можно проследить в работах Ч. Линдхольма и Д. Блума. Ч. Линдхольм выделил основные отличительные признаки разных культур и их взгляды по самоопределению относительно ритуального поведения, символов и истории существования разных народностей [12]. Д. Блум актуализировал понимание важности политических процессов, географического положения, идеологии, миграции на формирование идентичности [13]. Эту область исследования идентичности раскрывают работы О. Козиной, которая выдвигает гипотезу о влиянии отчуждения на формирование национальной идентичности [14]. Б. Андерсон делает акцент на политических движениях, который вызывают необходимость учитывать ситуационные механизмы формирования идентичности в национально-гражданском ключе [15]. К внутренним факторам, кроме рефлексии, собственного выбора и нарратива относится понимание моральной и духовной стороны. Некоторые исследова-

тели, в том числе С. Гитлин анализируют зависимость между ценностями, личностной идентичностью и моральным «Я» [16].

Анализ показывает многофакторность процесса конструирования идентичности. Причем авторы придерживаются разносторонних позиций по поводу того, что сильнее определяет направление развития идентичности – внутренние или внешние факторы. Смысловые уровни личностной и социальной идентичности включают в себя множество компонент, которые определяют восприятие и ролевое поведение субъекта. К внутренним факторам конструирования и реализации идентичности можно отнести генетические и нейробиологические особенности, ценности, мотивационную сферу, потребности, моральную ответственность, опыт, навыки и способности, внутреннюю структуру и динамику психики, смысл и ответственность. С другой стороны, внешние факторы, такие как культура, социальное окружение, образование, социальные институты, политические движения, макросоциальные процессы, социальные отношения, играют не менее важную роль. Появление цифровых технологий и Интернета еще добавило сложности в понимании идентичности. Цифровая эпоха открыла новые формы выражения и конструирования идентичности, бросая вызов традиционным представлениям и стирая границы между физическим и виртуальным «Я». К.А. Шарина и Н.Е. Стенякова с помощью психологической методологии определили виртуальную идентичность как продолжение социальной [17]. Ш. Теркл выделяет проблему самоизображения людей в виртуальном пространстве, что делает виртуальную идентичность нестабильной [18]. В этом плане виртуальность может добавлять неопределенности в конструировании идентичности. И процесс сопоставления внутренних и внешних факторов осложняется еще одной формой воздействия – виртуальностью.

Процесс реализации идентичности может сопровождаться искажениями и нарушениями во взаимодействии внутренних и внешних условий. В основании для ошибок входит эмоциональная категоризация и когнитивные искажения, которые меняют восприятие и представление субъекта о себе самом. Феномен аномии, развитый Р. Мертоном, может вызывать проблемы в актуализации идентичности, так как связан с дезорганизацией социальных институтов и формированием деструктивного поведения [19]. Нарушение и непредсказуемость процессов образования и воспитания не дает четкого представления будущего у человека, что ведет к потерянности и неопределенности определения своей тождественности. Глобализация, виртуализация и открытость мира ведут к возникновению дополнительных прессов для устойчивой идентификации. В результате образуется сложная система идентичностей, которые могут конфликтовать между собой. В связи с этим необходимо определить, в каком случае идентичность может существовать и быть реализованной в сложной изменчивой динамике отношений в современном мире.

Реализуемость идентичности

Реализация идентичности включает в себя последовательное формирование представления субъекта о самом себе и актуализацию этого представления, которое связано с ожиданиями и требованиями социального пространства и реальными закономерностями существования субъекта в мире.

Процесс реализации идентичности является непрерывным и продолжающимся, который происходит до тех пор, пока субъект не столкнется с актуальными проблемы по воплощению и актуализации своей модели самоопределения. Также возможно формирование феномена нереализованной идентичности, который заключается в том, что субъект опирается на ошибочное представление или на нарушения условий формирования идентичности, что приводит к тому, что субъект не ощущает полноценной тождественности и уверенности в своей идентичности. Реализуемость идентичности должна включать в себя несколько основных условий, которые отражают наиболее общее положение идей, выработанных исследователями в теории идентичности. Первым из условий является обладание определенными качествами, функциями и характеристикам. Сюда входят не только личностные особенности, но и определение возможных социальных связей и процессов, существование определенных структур. При допущении искажений в формировании представления о себе появится основание для несостоятельности идентичности – виду нереализованной идентичности, когда ее структура основывается на ложных представлениях о себе, вследствие чего нарушается тождественность к внешним атрибутам. Например, отрицание биологических детерминант, важность которых выделялась в работах М. Кордоба и К. Моффат [20, 21]. Это отрицание может происходить при определении гендерной идентичности, которая в результате вступит в конфликт с естественным «Я», если она отлична от половых признаков. Второе условие реализации и формирования идентичности – воздействие актуальных отношений и внешних структур на субъект. Сюда относится и влияние глобализации, виртуализации, работы социальных институтов, изменение в культуре, нации и мире, которые вызывают ответную реакцию у субъекта. Если это влияние оказывает слишком сильное давление на субъект, которому он не в силах сопротивляться, то формируется основание для замещенной идентичности. Это такой вид нереализованной идентичности, когда реальные желания и стремления субъекта замещаются внешней необходимостью. Об этом виде идентичности у подростков писал Дж. Марсиа, выделяя его деструктивный характер при развитии личности [22]. Но замещение может происходить не только в подростковый период, но и в более локальных направлениях жизнедеятельности субъекта. Также «замещенность» может проявляться на макроуровне при давлении одной культуры на другую, формируя феномен карго-культы. Необходимо учитывать процесс интериоризации и возможности анализировать собственную структуру. Третье условие реализации идентичности – возможность рефлексии и самоанализа. Без возможности анализировать свою структуру не получится актуализировать нарративную составляющую идентичности и выступать в деятельном преобразовании своей уникальной жизни. Роль определения и сохранения нарратива в конструировании идентичности выделял П. Рикёр [23]. Постоянное сопоставление актуального опыта с прошлым необходимо для сохранения постоянства идентичности. В работах Д.П. МакАдамса актуализируется идея о том, что идентичность формируется через накопление опыта и пересмотр собственных представлений через постоянное изменение контекста происходящего и транслирование собственных историй через общее переживание [24]. Отрицание этого нарратива ставит субъекта в уязвимую позицию сохранения тождественности. Четвертое

условие реализации идентичности – репрезентация идентичности через акт. Чтобы внутренние факторы имели возможность репрезентации, необходимо их транслировать в актуальную действительность через деятельность. Без этой трансляции и актуализации в деятельности появляется основание для формирования латентной идентичности, которая какое-то время сохраняется во внутренней системе без внешнего выражения, или в виде остаточной идентичности, когда представление о себе или деятельность не совпадает с требованиями актуального времени. Фундаментально это положение отражает теория профессиональной идентичности, которая строится на актуализации качеств субъекта через деятельность, выраженную в рабочем процессе. Об этом в своих работах писали С. Хаслам и Н. Еллемерс [25]. Определение человеком своей профессии зависит от возможностей окружающей среды и тех компетенций, которыми обладает субъект.

Последним условием является принятие идентичности «другими». При непринятии идентичности «ближайшими другими» формируется основание для образования конфронтационной идентичности – вида нереализованной идентичности, когда все необходимые ресурсы затрачиваются на отстаивание возможности существования идентичности вместо ее воплощения. Такое возможно только при условии, что какая-то группа принимает существование идентичности в другом контексте – культурном, национальном или мировоззренческом. А другая, близкая группа требует постоянного конфликта по отстаиванию своей идентичности. Либо формируется ошибочное представление у окружающих о субъекте или свойствах определенной идентичности, тогда формируется основание для формирования ложнопризнанной идентичности. Основанием для удовлетворения всех условий реализации идентичности выступает отсутствие конфликта между внутренними и внешними условиями формирования идентичности. Если личностные предрасположенности и восприятие не совпадают с требованиями действительности, то возникает конфликт, который приводит к дестабилизации состояния субъекта.

Заключение

В статье представлен комплексный анализ формирования и реализации идентичности. В ней рассматривается динамика формирования идентичности, подчеркивается роль как внутренних, так и внешних факторов. Также подчеркивается важность индивидуальных и социальных компонентов в формировании идентичности. Рассматривается влияние культуры, социального окружения, личного опыта, цифровых технологий, национального контекста, влияние групп и социальных институтов; сложность идентичности в современном обществе и проблемы, связанные с поддержанием стабильного чувства собственного достоинства. Формирование идентичности – динамичный и многогранный процесс, на который влияет огромное количество факторов и который подвержен ошибкам в самовосприятии и внешней категоризации, что приводит к потенциальным ошибкам ее конструирования и функционирования. Подчеркивается взаимодействие внутренних и внешних элементов при формировании идентичности, что указывает на необходимость интегративного понимания идентичности в социальной философии. К условиям формирования идентичности относятся: обладание определенными качествами и характеристиками; считывание этих качеств с минимизацией ис-

кажений; включенность в социальные отношения и принятие воздействия внешних факторов; актуализация идентичности в деятельности; принятие идентичности «другими». Из нарушений условий формирования идентичности может сформироваться соответственный вид нереализуемой идентичности: несостоятельная, замещенная, латентная, остаточная, конфронтационная, ложнопризнанная. В результате наблюдается довольно сложная структура функционирования идентичности, которая может быть нарушена из-за воздействия многочисленных факторов. Основной угрозой здесь является сложность процесса взаимодействия внутренних и внешних факторов. Кроме того, что субъекту необходимо правильно считывать свои свойства, функции и компоненты общей системы, появляется необходимость последовательной и понятной работы систем, отвечающих за влияние внешних факторов на формирование идентичности. Когда хоть одно из условий формирования идентичности встречается с ошибками в определении, идентичность теряет возможность для своей реализации. Сложность социальной и личностной структуры идентичности выделяют множество авторов, приводя основные условия формирования идентичности. Но дополнением является актуализация возможности допущения ошибок в формировании идентичности, что приводит к нарушению общей системы взаимоотношений и тождественности участников социальной системы.

Список источников

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Прогресс, 1996. 344 с.
2. Kroger J. Identity in Adolescence. The Balance between Self and Other. 2-е изд. London : Taylor & Francis e-Library, 2001. 233 с.
3. Белик А.А. Теория «Я» Дж.Г. Мида и психологическая антропология // Социальная психология и общество. 2011. № 1 (2). С. 31–43.
4. Давыдов О.Б. Единство индивидуального и коллективного в идентичности: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. Хабаровск, 2012. 176 с.
5. Vignoles V.L., Schwartz S.J., Luyckx K. Introduction: Toward an Integrative View of Identity. New York, NY. : Handbook of Identity Theory and Research : Springer, 2011. С. 1–27.
6. Carr D. Personal identity is social identity // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2020. № 20 (2). P. 341–351.
7. Yakovleva L., Kudashov V. The concept of personal identity in modern socio-philosophical discourse: theoretical and methodological aspect // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2022. № 5. С. 104–109.
8. Roccas S., Brewer M.B. Social Identity Complexity // Personality and Social Psychology Review. 2002. № 2 (6). С. 88–106.
9. Jenkins R. Social identity. 3-е изд. Routledge is an imprint of the Taylor & Francis Group, 2008. 238 с.
10. Côté J.E., Levine C. Identity Formation, Agency, and Culture a Social Psychological Synthesis. New York : Psychology Press, 2002. 268 с.
11. Герасимов С.В. Событийная идентичность // Человек. Культура. Образование. 2021. № 1 (39). С. 25–39.
12. Lindholm C. Culture and Identity: The History, Theory, and Practice of Psychological Anthropology. Oneworld Publications, 2007. 427 с.
13. Blum D.W. National Identity and Globalization. New York : Cambridge University Press, 2007. 236 с.
14. Козина О.А. Национальная идентичность: механизм образования и смысл // CETERIS PARIBUS. 2016. № 5. С. 75–78.
15. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : Чучково поле, 2016. 416 с.
16. Hitlin S. Values, personal identity, and the moral self. New York, NY, US : Springer Science + Business Media, 2011. С. 515–529.

17. Шарина К.А., Стенякова Н.Е. Феномен виртуальной идентичности // Вестник Пензенского государственного университета. 2020. № 4 (32). С. 22–26.
18. Turkle S. *Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet*. London : Weidenfeld & Nicholson, 1996. 347 с.
19. Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*. New York : The Free Press, 1968. 698 с.
20. Córdoba M. The Biological Turn on Personal Identity: The Role of Science as a Response to Children's Appropriation in Argentinian Dictatorship (1976–1983) // *Foundations of Science*. 2021. 26. С. 405–427. doi: 10.1007/s10699-019-09628-1
21. Moffat K.G. *Biological Identity* University of Warwick. Coventry, UK : Palgrave Macmillan, 2017. С. 61–80.
22. Kroger J., Marcia J.E. The identity statuses: Origins, meanings, and interpretations New York, NY, US // *Handbook of Identity Theory and Research* / eds. S. Schwartz, K. Luyckx, V. Vignoles. New York, NY : Springer Science + Business Media, 2011. С. 31–53.
23. Рукёп П. Я-сам как другой. М. : Изд-во гуманит. лит., 2008. 416 с.
24. McAdams D.P. *Narrative identity* New York, NY, US // *Handbook of Identity Theory and Research* / eds. S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles. New York, NY : Springer Science + Business Media, 2011. С. 99–115.
25. Haslam S.A., Ellemers N. *Identity Processes in Organizations* // *Handbook of Identity Theory and Research* / eds. S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles. New York, NY : Springer Science + Business Media, 2011. С. 715–744.

References

1. Erikson, E. (1996) *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Translated from English. Moscow: Progress.
2. Kroger, J. (2001) *Identity in Adolescence. The Balance between Self and Other*. 2nd ed. London: Taylor & Francis e-Library.
3. Belik, A.A. (2011) Теория “Ya” Dzh.G. Mida i psikhologicheskaya antropologiya [J. Mead's Theory of the "I" and Psychological Anthropology]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*. 1(2). pp. 31–43.
4. Davydov, O.B. (2012) *Edinstvo individual'nogo i kollektivnogo v identichnosti: sotsial'no-filosofskiy analiz* [Unity of the Individual and the Collective in Identity: Social and Philosophical Analysis]. Philosophy Cand. Diss. Khabarovsk.
5. Vignoles, V.L., Schwartz, S.J. & Luyckx, K. (2011) Introduction: Toward an Integrative View of Identity. In: Vignoles, V.L., Schwartz, S.J. & Luyckx, K. (eds) *Handbook of Identity Theory and Research*. New York, NY: Springer. pp. 1–27.
6. Carr, D. (2020) Personal identity is social identity. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 20(2). pp. 341–351.
7. Yakovleva, L. & Kudashov, V. (2022) The concept of personal identity in modern socio-philosophical discourse: theoretical and methodological aspect. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*. 5. pp. 104–109.
8. Roccas, S. & Brewer, M.B. (2002) Social Identity Complexity. *Personality and Social Psychology Review*. 2(6). pp. 88–106.
9. Jenkins, R. (2008) *Social Identity*. 3rd ed. Taylor & Francis Group.
10. Côté, J.E. & Levine, C. (2002) *Identity Formation, Agency, and Culture. A Social Psychological Synthesis*. New York: Psychology Press.
11. Gerasimov, S.V. (2021) Sobytiynaya identichnost' [Event Identity]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*. 1(39). pp. 25–39.
12. Lindholm, C. (2007) *Culture and Identity: The History, Theory, and Practice of Psychological Anthropology*. Oneworld Publications.
13. Blum, D.W. (2007) *National Identity and Globalization*. New York: Cambridge University Press.
14. Kozina, O.A. (2016) Natsional'naya identichnost': mekhanizm obrazovaniya i smysl [National identity: The mechanism of formation and meaning]. *CETERIS PARIBUS*. 5. pp. 75–78.
15. Anderson, B. (2016) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Translated from English. Moscow: Kuchkovo pole.
16. Hitlin, S. (2011) *Values, personal identity, and the moral self*. New York, NY, US: Springer Science + Business Media. pp. 515–529.

17. Sharina, K.A. & Stenyakova, N.E. (2020) Fenomen virtual'noy identichnosti [The phenomenon of virtual identity]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(32). pp. 22–26.
18. Turkle, S. (1996) *Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet*. London: Weidenfeld & Nicholson.
19. Merton, R.K. (1968) *Social Theory and Social Structure*. New York: The Free Press.
20. Córdoba, M. (2021) The Biological Turn on Personal Identity: The Role of Science as a Response to Children's Appropriation in Argentinian Dictatorship (1976–1983). *Foundations of Science*. 26. pp. 405–427. DOI: 10.1007/s10699-019-09628-1
21. Moffat, K.G. (2017) *Biological Identity University of Warwick*. Coventry, UK: Palgrave Macmillan. pp. 61–80.
22. Kroger, J. & Marcia, J.E. (2011) The identity statuses: Origins, meanings, and interpretations. In: Vignoles, V.L., Schwartz, S.J. & Luyckx, K. (eds) *Handbook of Identity Theory and Research*. New York, NY: Springer. pp. 31–53.
23. Ricoeur, P. (2008) *Ya-sam kak drugoy* [I Am Like Another]. Translated from French. Moscow: Izd-vo gumanitarnoy literatury.
24. McAdams, D.P. (2011) Narrative identity. In: Vignoles, V.L., Schwartz, S.J. & Luyckx, K. (eds) *Handbook of Identity Theory and Research*. New York, NY: Springer. pp. 99–115.
25. Haslam, S.A. & Ellemers, N. (2011) Identity Processes in Organizations In: Vignoles, V.L., Schwartz, S.J. & Luyckx, K. (eds) *Handbook of Identity Theory and Research*. New York, NY: Springer. pp. 715–744.

Сведения об авторе:

Юрченко Е.К. – ассистент кафедры философии Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: yurch96@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yurchenko E.K. – teaching assistant at the Department of Philosophy, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: yurch96@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.04.2024;
одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted 16.04.2024;
approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 11.06.2024*

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.453
doi: 10.17223/1998863X/79/18

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ В ГРАЖДАНСКОЙ СФЕРЕ

Анна Атанасовна Атанасова

*Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического
центра Российской академии наук, Москва, Россия, atanasova.a.a@mail.ru*

Аннотация. Выделены тренды в области развития цифровых инноваций по материалам зарубежных исследований. Автором был использован метод вторичного анализа данных и обзор проблемного поля. В результате обзора были выделены тренды для будущей разработки типологии цифровых инноваций и технологий. Описаны актуальные аспекты развития цифровых инноваций и рассмотрены вызовы, риски и возможности развития цифровых инноваций.

Ключевые слова: цифровая инновация, цифровая идентичность, риски внедрения цифровых инноваций, цифровая экосистема, цифровая платформа, цифровые технологии

Благодарность. Исследование выполнено в рамках проекта «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России», поддержанного РНФ, грант № 19-78-10052.

Для цитирования: Атанасова А.А. Современные тренды в исследованиях цифровых инноваций в гражданской сфере // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 199–206. doi: 10.17223/1998863X/79/18

SOCIOLOGY

Original article

CURRENT TRENDS IN RESEARCH IN DIGITAL INNOVATIONS IN THE CIVIL SPHERE

Anna A. Atanasova

*Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, atanasova.a.a@mail.ru*

Abstract. The article highlights trends in the development of digital innovation based on materials from foreign research. The author used the method of secondary data analysis and review of the problem field. The review identified trends for the future development of a typology of digital innovations and technologies. Current development aspects, challenges, risks and opportunities of digital innovations are considered.

Keywords: digital innovation, digital identity, risks of introducing digital innovation, digital ecosystem, digital platform, digital technologies

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-78-10052: Emergency Volunteering as a Reply to Natural and Technological Challenges in Russia.

For citation: Atanasova, A.A. (2024) Current trends in research in digital innovations in the civil sphere. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 199–206. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/18

Введение

Актуальность исследования заключается в том, что практически все сферы жизни общества подвергаются цифровизации и внедрению цифровых инноваций, которые несут в себе как расширение возможностей, так и определенные риски. Статья относится к типу обзора предметного поля. Отбор источников производился по ключевым словам: «цифровые инновации», «цифровые технологии», «цифровая идентичность», «риски цифровизации», «приватность данных», «добавленная ценность цифровой инновации», «цифровая экосистема», «цифровая платформа» в системе «ResearchGate»¹. Обзор осуществлен на базе анализа результатов зарубежных научных исследований за 2018–2023 гг., посвященных изучению и использованию цифровых инноваций. Автор не устанавливал фильтр по научным дисциплинам при поиске исследований, поскольку целью было определение тех аспектов процесса функционирования цифровых инноваций, которые в настоящее время изучаются за рубежом. Представлен обзор теоретических рамок для анализа и описания цифровых инноваций и технологий. Среди рассмотренных работ – С. Бонина и соавт. [1], Д. Скарпи и соавт. [2], А. Хунд и соавт. [3], Л. Томас и Е. Аутио [4], Т. Чарли и соавт. [5] и др.

На основе проведенного анализа статей зарубежных авторов были выработаны основания для типологии цифровых инноваций и технологий. Ими являются цифровая идентичность, формируемая вследствие использования этих инноваций и технологий; культура, в которой применяется инновация или технология; приватность данных; добавленная ценность инновации и технологии, которая может выражаться в сокращении затрат времени и денег; изменение ролей внутри структуры экосистемы вследствие внедрения инноваций и технологий.

Цель статьи С. Бониной и соавт. [1] внести свой вклад в продолжающиеся дебаты в области информационных систем и «ICT4D» («Information and Communications Technologies for Development» – «Информационные и коммуникационные технологии для развития»), дабы объяснить значение цифровых платформ для разработки.

Цифровая идентичность

А. Хунд и соавт. [3] пишут о том, что не хватает всеобъемлющего понимания основной природы цифровых инноваций, а исследованиям, выходящим за рамки дисциплины, не хватает интеграции. Чтобы решить эти про-

¹ URL: www.researchgate.com (дата обращения: 13.02.2024).

блемы, они рассматривали 227 статей о цифровых инновациях в восьми дисциплинах. Они предлагают новое определение и новую формулировку цифровых инноваций, систематизируют основные концепции литературы по цифровым явлениям. «В связи с этим цифровой объект может приобретать множество идентичностей от разных социальных групп, которые используют его в разных контекстах [6]. *Иными словами, люди и социальные группы могут по-разному использовать цифровой объект, придавать ему разные значения и тем самым формировать его границы.* В этом отношении П. Фолкнер и Дж. Рунде ссылаются на «социальный аспект цифровых технологий», который касается «идентичности цифровых объектов, их использования и “приспособления” в целом к социальному миру» [6. Р. 5]. Эти аргументы предполагают, что цифровая технология имеет технические компоненты, такие как материальные и нематериальные объекты, но также и социальный компонент, когда пользователи присваивают значения и таким образом формируют границы продуктов. Й. Йю и др. [7] утверждают, что продукты *индуктивно* реализуются, делая границы инновации подвижными и позволяя присваивать новые значения. *Иными словами, цифровой объект становится цифровой технологией, когда ему присваивается значение, а именно цель его применения, при этом цель определяется социальными акторами, такими как пользователи.* Как указывалось выше, многие дискуссии и определения цифровых инноваций сосредоточены на цифровых технологиях и отмечают преобразующую силу цифровых инноваций.

Авторы называют цифровые инновации социотехническим явлением и концептуализируют их «как создание и последующее изменение рыночных предложений, бизнес-процессов или моделей, возникающих в результате использования цифровых технологий. В цифровых инновациях цифровые технологии и связанные с ними процессы *оцифровки* составляют неотъемлемую часть новой идеи и/или ее развития, распространения или ассимиляции. Это рассуждение отражает то, что результаты и процессы инноваций менее ограничены, а цифровые инновации обеспечивают новый уровень текучести, когда, например, инновационный процесс, а также результаты, такие как новые продукты или услуги, *постоянно пересматриваются.* «Цифровые инновации выходят за рамки организаций и отраслей, а также охватывают пользователей и потребителей, поскольку использование цифровых инноваций связано с активным выбором ресурсов и их конфигурированием с другими ресурсами или даже с переосмыслением их использования и назначения» [8]. Встраивая цифровые технологии в продукты и услуги, цифровые инновации порождают многоуровневую модульную архитектуру. Й. Бенклер утверждает, что «цифровые инновации стали сетевым феноменом, обеспечивающим демократизированный доступ к цифровым технологиям. Подчеркиваются их постоянно незавершенный, формирующийся характер; расширение часто довольно узкой области применения цифровых инноваций за счет охвата различных возможных результатов (например, продукт, услуга, процесс или бизнес-модель); оставление открытым точного способа творения, чтобы включить в себя различные творческие процессы, пока соблюдаются другие критерии; избегание цикличности путем исключения последствий цифровых инноваций из их определения» [9. Р. 126]. Л. Томас и Е. Аутио [4. Р. 2] обнаружили, что концептуальная согласованность в терминологии экосистемы связана с двумя

ключевыми измерениями: «единицей» анализа и типом «экосистемной услуги», т.е. совокупным продуктом экосистемы. Затем мы утверждаем, что, несмотря на значительную неоднородность в применении, эта концепция отличается от других концепций, описывающих коллективы организаций, таких как «промышленность», «цепочка поставок», «кластер» и «сеть». «Для целей организационной структуры мы разделяем различные типы экосистем на три широкие категории в зависимости от характера продукции экосистемы. К первой категории относятся инновационные экосистемы. Эта категория охватывает инновации в продуктах и услугах и описывает ситуации, когда продукты, созданные различными, не иерархически связанными участниками экосистемы, объединяются в согласованное, настраиваемое пользователем предложение на уровне экосистемы, которое нацелено на определенную аудиторию... Вторая категория охватывает предпринимательские экосистемы или региональные сообщества, которые способствуют созданию новых стартапов. Эти сообщества осуществляют коллективное открытие и реализацию инновационных бизнес-моделей в качестве продукта экосистемы. В отличие от первой категории, коллективный процесс инноваций бизнес-моделей обычно не нацелен на определенную аудиторию на уровне экосистемы, а скорее зависит от сектора и технологии. В качестве третьей категории мы определяем организационные коллективы, специализирующиеся на производстве нового научного знания, продукта экосистемы, который ранее широко изучался в рамках национальных, региональных и отраслевых инновационных систем. Несмотря на технологическую специфичность, продукты экосистем знаний составляют значительную долю до коммерциализированных знаний и обычно не нацелены на определенную аудиторию» [4. С. 8]. Автор статьи не согласен с тем, что продукты экосистем знаний не нацелены на определенную аудиторию, так как у производителя нового знания, как правило, есть заказчик.

Культура применения инноваций и приватность данных

В своем обзорном документе Д. Скарпи и др. [2. Р. 1687] рассматривают конфиденциальность, связанную с цифровыми технологиями. В статье представлено несколько концепций конфиденциальности в общении: доверие, самоэффективность, воспринимаемый контроль, усталость и информационная перегрузка, предполагаемые преимущества, включая гедонизм. Раскрытие личной информации было ключевой переменной, рассмотренной в большинстве исследований конфиденциальности потребителей. На готовность потребителей раскрыть личную информацию могут влиять переменные индивидуальных различий и ситуационные факторы переменных: одним из современных контекстов, который стал настоящим стресс-тестом, была пандемия COVID-19. Хотя исследование в специальном выпуске о цифровых технологиях и конфиденциальности не касалось пандемии напрямую, в других недавних исследованиях утверждалось, что во время пандемии потребители утратили большую часть своего контроля над конфиденциальными личными данными, такими как сведения о состоянии их здоровья и местоположении. Более широкий исследовательский вопрос заключается в том, могут ли они восстановить конфиденциальность, от которой отказались во время кризиса. *Выводы, полученные в результате этого направления исследований,*

могут дать информацию для рассуждений о правах потребителей, политических мерах и управленческой практике. В то время как опыт «потребителей» и свободное владение цифровыми технологиями могут различаться в разных странах, они также могут создавать разные ожидания в отношении конфиденциальности. «Более интересные направления для будущих исследований лежат во взаимодействии конкретных переменных культурных различий и цифрового контекста» [2. Р. 1688].

Наиболее интересной автору статьи видится работа Т. Чарли и др. [5. С. 6], изучающих совместную эволюцию цифровых технологий, инноваций и навыков, которая также требует реорганизации производственных и инновационных процессов как внутри фирм, так и между ними. Это наблюдается во всех отраслях экономики: от сельского хозяйства до сферы услуг. Касаясь сферы волонтерства и потребления, можно предположить, что будет актуален как раз третий сценарий со смешанными эффектами, так как ввиду уменьшения роли человека во взаимодействии и помощи могут наблюдаться не только позитивные эффекты, такие как увеличение скорости решения задачи, точность и сокращение издержек, но также и появление обезличенности процессов, невозможность найти ответственного за то или иное решение в случае неправильно выполненного алгоритма работы программы, бота или робота.

Споры о рутинных задачах и о том, что можно автоматизировать, возвращаются к различию между «неявным» и «явным» знанием. Однако различие между ними расширилось по мере совершенствования цифровых технологий. Например, то, что раньше было нестандартным и неявным, постепенно стало стандартизированным, формализованным, более понятным и, в конечном итоге, воспроизведенным программным обеспечением и компьютерами и, таким образом, стало рутинным и систематизированным, т.е. явным. Достижения в цифровых технологиях с точки зрения вычислительной мощности, доступности и обработки больших данных для обучения машин, емкости хранилища и алгоритмов машинного обучения позволяют выполнять алгоритмическую обработку того, что ранее считалось нестандартными задачами, требующими обучения человека. Затронутые профессии варьируются от творческого и инженерного дизайна до юридических и других профессий [10].

Ключом к способности этих передовых цифровых технологий выполнять то, что ранее считалось нестандартными задачами, является не копирование человеческих процессов и мышления [11], а стандартизация некоторых частей общей задачи, чтобы сделать их поддающимися компьютеризации и обработке. После того как нестандартные сложные, т.е. интегрированные, процессы разбиваются на модульные компоненты, их становится легче автоматизировать. Задачи, требующие распознавания эмоций и формулирования реакции на них, сложнее кодифицировать в современном состоянии цифровизации. Если это так, то важность **социальных навыков** должна возрасти.

Добавленная ценность инновации и технологии

Учитывая разнообразие существующих на сегодняшний день цифровых технологий, неудивительно, что разные исследователи предлагают различные определения и классификации цифровых технологий. Автор остановился на определении цифровой технологии как цифровом объекте, которому присваивается социально согласованный смысл ссылок. Рассмотрим также опреде-

ление экосистемы, которое автор будет дальше использовать при анализе статей. Согласно Кембриджскому словарю для продвинутых учащихся [12], экосистема состоит из «всех живых существ в предметной области и того, как они влияют друг на друга и на окружающую среду». Цифровые технологии различаются по скорости их принятия организациями, а также способами взаимодействия между системами, в которые они внедряются, хотя в целом их влияние и сохраняющийся импульс огромны. «Например, робототехника – сравнительно хорошо зарекомендовавшая себя технология в производстве, но в последнее время она получила широкое распространение в сфере услуг, в частности, в розничной торговле и складском хозяйстве, а еще шире – во всех видах деятельности, таких как ответы на вопросы, телефонные звонки и чат-боты. Внедрение робототехники в производство сильно асимметрично и в основном применяется лишь несколькими крупными фирмами» [5. Р. 25].

Заключение

На основании проведенного анализа статей зарубежных авторов были выработаны основания для будущей типологии цифровых инноваций и технологий. Ими являются такие основания, как: цифровая идентичность, формируемая вследствие использования этих инноваций и технологий; культура, в которой применяется инновация или технология; приватность данных; добавленная ценность инновации и технологии, которая может выражаться в сокращении затрат времени и денег; изменение ролей внутри структуры экосистемы вследствие внедрения инноваций и технологий.

Для дальнейшего изучения требуется: углубление понимания основных настоящих и будущих траекторий цифровых технологий, расширение понимания и улучшение данных о внедрении, использовании и рекомбинации цифровых технологий, оценка их влияния на производительность и неравенство [5. Р. 17]. Фундаментальная трудность измерения принятия и распространения цифровых технологий заключается в том, что они становятся все более нематериальными или включают в себя нематериальные элементы и, следовательно, требуются данные о *стоимости транзакций*, связанных с доступом к услуге или технологии [5. Р. 20]. В сущности, проблема не в том, что она нематериальна, а в том, что использование доступа к современным цифровым инновациям сокращает рабочие места и упраздняет большое количество вакансий, при этом регуляторы не предлагают меры, такие как повышение квалификации для тех, кто остался без работы. Вопрос не в том, измерять или распространять цифровые инновации, а в том, чтобы сохранить баланс и качество жизни тех, кто не смог к этим цифровым инновациям адаптироваться. Некоторые авторы предлагали увеличить поток сбора информации о внедрении цифровых инноваций, чтобы лучше прогнозировать их траекторию развития в рамках того или иного общества, однако автор статьи считает, что сбор данных и так ведется, увеличивать объемы записи данных не требуется, требуется соблюдать международные соглашения по обмену данными о внедрении цифровых инноваций. Засвидетельствованы «большие расхождения в литературе в оценке потенциального влияния автоматизации и некоторых цифровых технологий на занятость. Прогнозирование навыков, необходимых для будущей работы, наполнено неопределенностью. Цифровизация часто больше связана с глубокой трансформацией деятельности орга-

низации, чем с простой заменой рабочих мест. Эти преобразования часто непредвиденны и развиваются вместе с инновационными процедурами и навыками. Одной из трудностей прогнозирования влияния цифровых технологий на навыки является их пластичность и простота внедрения, а также распространение нового программного обеспечения. Идет широкая и непрерывная волна постоянных экспериментов, поскольку программное обеспечение становится ядром практически любой деятельности.

Роль культуры заключается в воспроизводстве человеческого знания через искусственный интеллект и роль эмоций, которые искусственный интеллект не может передать; проблемы конфиденциальности, шифрование на трех, а иногда и более уровнях при увеличении дезинформации. С точки зрения автора данной статьи, вследствие развития информационных технологий, усложнения системы защиты информации, а также полного и тотального контроля за личной информацией пользователей, всем акторам, пользующимся инновациями, потребуется применять избирательность, фильтры и глубинную проверку на истинность как информации, так и связей, а также практику медленной жизни, выборочного потребления и использования инноваций, дабы избегать перегрузок и заболеваний.

Список источников

1. Bonina C., Koskinen K., Eaton B., Gawer A. Digital platforms for development: Foundations and research agenda // *Information Systems Journal*. 2021. Vol. 31, № 2. DOI: 10.1111/isj.12326. License CC BY 4.0
2. Scarpi D., Pizzi G., Matta S. Digital technologies and privacy: State of the art and research directions // *Psychology and Marketing*. 2022. Vol. 39, № 2: n/a-n/a. P. 1693–1694. doi: 10.1002/mar.21692. License CC BY-NC-ND 4.0
3. Hund A., Wagner H.-T., Beimborn D., Weitzel T. Digital Innovation: Review and novel perspective // *The Journal of Strategic Information Systems*. 2021. Vol. 30, № 4. P. 5–6, 11. doi: 10.1016/j.jsis.2021.101695. License CC BY-NC-ND 4.0
4. Thomas L.D.W., Autio E. Innovation ecosystems in management: An organizing typology // *Oxford Encyclopedia of Business and Management*. Oxford University Press, 2020. doi: 10.1093/acrefore/9780190224851.013.203
5. Ciarli T., Kenney M., Massini S., Piscitello L. Digital Technologies, Innovation, and Skills: Emerging Trajectories and Challenges // *ResearchPolicy*. 2021. Vol. 50, № 6. P. 1–43. doi: 10.1016/j.respol.2021.104289
6. Faulkner P., Runde J. Theorizing the Digital Object // *MIS Quarterly*. 2019. Vol. 43, № 4. P. 1–25.
7. Yoo Y., Henfridsson O., Lyytinen K. The new organizing logic of digital innovation: an agenda for information systems research // *Information Systems Research*. 2010. Vol. 21, № 4. P. 724–735.
8. Henfridsson S., Yetton P.W., Wynne P.J. A Review of Information System Integration in Mergers and Acquisitions // *J. Informat. Technol.* 2018. Vol. 33, № 4. P. 255–303.
9. Benkler Y. The wealth of networks: How social production transforms markets and freedom. Yale University Press, New Haven Conn., 2006.
10. Susskind D. Re-thinking the capabilities of machines in economics. Department of Economics Discussion Paper Series. 2017. No. 825, University of Oxford, Oxford, England.
11. Susskind R., Susskind D. Technology will replace many doctors, lawyers, and other professionals. *Harvard Business Review*. 2016. (downloaded from <https://hbr.org/2016/10/robots-will-replace-doctors-lawyers-and-other-professionals>).
12. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. "Ecosystem". Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2008. P. 447.

References

1. Bonina, C., Koskinen, K., Eaton, B. & Gawer, A. (2021) Digital platforms for development: Foundations and research agenda. *Information Systems Journal*. 31(2). DOI: 10.1111/isj.12326. License CC BY 4.0.

2. Scarpi, D., Pizzi, G. & Matta, S. (2022) Digital technologies and privacy: State of the art and research directions. *Psychology and Marketing*. 39(2). pp. 1693–1694. DOI: 10.1002/mar.21692. License CC BY-NC-ND 4.0.
3. Hund, A., Wagner, H.-T., Beimborn, D. & Weitzel, T. (2021) Digital Innovation: Review and novel perspective. *The Journal of Strategic Information Systems*. 30(4). pp. 5–6, 11. DOI: 10.1016/j.jsis.2021.101695 License CC BY-NC-ND 4.0.
4. Thomas, L.D.W. & Autio, E. (2020) Innovation ecosystems in management: An organizing typology. In: Bergh, D. (ed.) *Oxford Encyclopedia of Business and Management*. Oxford University Press. DOI: 10.1093/acrefore/9780190224851.013.203
5. Ciarli, T., Kenney, M., Massini, S. & Piscitello, L. (2021) Digital Technologies, Innovation, and Skills: Emerging Trajectories and Challenges. *Research Policy*. 50(6). 104289. pp. 1–43. DOI: 10.1016/j.respol.2021.104289
6. Faulkner, P. & Runde, J. (2019) Theorizing the Digital Object. *MIS Quarterly*. 43(4). pp. 1–25.
7. Yoo, Y., Henfridsson, O. & Lyytinen, K. (2010). The new organizing logic of digital innovation: an agenda for information systems research. *Information Systems Research*. 21(4). pp. 724–735.
8. Henfridsson, S., Yetton, P.W. & Wynne, P.J. (2018) A Review of Information System Integration in Mergers and Acquisitions. *Journal of Information Technologies*. 33(4). pp. 255–303.
9. Benkler, Y. (2006) *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*. Yale University Press, New Haven Conn.
10. Susskind, D. (2017) Re-thinking the capabilities of machines in economics. *Department of Economics Discussion Paper Series*. 825. University of Oxford, Oxford, England.
11. Susskind, R. & Susskind, D. (2016) *Technology will replace many doctors, lawyers, and other professionals*. [Online] Available from: <https://hbr.org/2016/10/robots-will-replace-doctors-lawyers-and-other-professionals>
12. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. (2008) *Ecosystem*. Cambridge: Cambridge University Press. p. 447.

Сведения об авторе:

Атанасова А.А. – научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: atanasova.a.a@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Atanasova A.A. – researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: atanasova.a.a@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.02.2024;
одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted 13.02.2024;
approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 11.06.2024*

Научная статья

УДК 316.35

doi: 10.17223/1998863X/79/19

ВОЛОНТЕРСКИЕ ПРАКТИКИ В СИСТЕМЕ ИНСТИТУТА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И РЕАГИРОВАНИЯ НА ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СИТУАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сильвия Олеговна Гоманова¹, Юлия Вячеславовна Ермолаева²

^{1,2} *Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия*

¹ *Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева, Москва, Россия*

¹ *silvia_gomanova@mail.ru*

² *mistelfrayard@mail.ru*

Аннотация. Включение волонтеров в систему реагирования на чрезвычайные ситуации (ЧС) зависит от процесса институционализации их деятельности, который влияет на возможность взаимодействия и сотрудничества с официальными службами спасения. На основе анализа государственных докладов, интервью с волонтерами и экспертами, действующими в ЧС ($n = 45$), а также анкетного опроса добровольцев ($n = 446$) выделено три этапа ЧС, в которых практикуются участие добровольцев, их возможности и роль в развитии института реагирования на ЧС. Вспомогательная роль волонтеров на всех этапах создает дополнительную подушку безопасности, тактически заполняя пробелы и слабые места там, где официальные службы не могут осуществлять деятельность.

Ключевые слова: добровольчество (волонтерство), чрезвычайные ситуации (ЧС), гражданское общество, некоммерческие организации (НКО), этапы реагирования на ЧС, цифровой активизм, социальный институт

Благодарности: исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках научного проекта № 19-78-10052-П «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России».

Для цитирования: Гоманова С.О., Ермолаева Ю.В. Волонтерские практики в системе института предупреждения и реагирования на чрезвычайные ситуации в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 207–220. doi: 10.17223/1998863X/79/19

Original article

VOLUNTEER PRACTICES IN THE INSTITUTION OF EMERGENCY PREVENTION AND RESPONSE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Silvia O. Gomanova¹, Yulia V. Ermolaeva²

^{1,2} *Institute of Sociology, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

¹ *Mendeleev University of Chemical Technology, Moscow, Russian Federation*

¹ *silvia_gomanova@mail.ru*

² *mistelfrayard@mail.ru*

Abstract. The inclusion of volunteers in the emergency response system depends on the institutionalization of their activities, which affects the possibility of interaction and

cooperation with official rescue services. This article, based on an analysis of government reports and interviews with volunteers operating in emergency situations (emergency situations) ($n = 45$), identifies three stages of emergencies in which the participation of volunteers is practiced, their capabilities and role in the development of the institution of emergency response. Stage 1 (Monitoring). General: analysis of data from official emergency services, creation of digital platforms. Search for people: selection of applications, analysis of geodata, collaborations with business, the Ministry of Emergency Situations, the police. Fires: remote monitoring of fires, mapping of different types of fires and points of their prevention. Floods and earthquakes: monitoring water levels and seismic activity. Humanitarian disasters: monitoring hot spots, assessing required resources. Stage 2 (Strategic planning). Public education: schools, lectures, events. Training and recruitment of new volunteers. Training courses, schools, camps. Formation of resource technical base. Crowdsourcing, crowdfunding, equipment purchase. Collection of essential items for first aid, humanitarian aid. Fires: fighting peat fires, landscaping. Stage 3 (Response). Medical care; information/communication; shelter; logistics; provision of life-supporting infrastructure services; coordination and security; provision. The activities of volunteers in the field of emergency response in the Russian Federation should and can be effective due to several important factors: (1) the ability to solve specific problems, including narrowly focused ones, which together gives a wide coverage of types of emergency situations; (2) interest in resolving the problem due to a high degree of involvement (empathy); (3) high speed of response and accumulation of resources to resolve the situation due to less bureaucratic burden compared to the “lag” of regular services.

Keywords: volunteering, emergencies, civil society, non-profit organizations (NPOs), stages of emergency response, digital activism, civic consciousness, social institution

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-78-10052-II.

For citation: Gomanova, S.O. & Ermolaeva Yu.V. (2024) Volunteer practices in the institution of emergency prevention and response in the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 207–220. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/19

Введение

Чрезвычайные ситуации являются частью современной жизни, и избежать их полностью невозможно, но в человеческих силах смягчить последствия. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН был подчеркнут вклад добровольцев в развитие общества в целом и в чрезвычайных ситуациях (ЧС) в частности. Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015–2030 гг. [1] включает в руководящие принципы пункт улучшения организованной добровольной деятельности граждан.

Привлечение граждан к добровольческому движению в различных сферах, включая оказание гуманитарной помощи и реагирование на ЧС, а также поиск пропавших людей, является одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации [2, 3]. Ключевым для волонтерства в ЧС в нашей стране стал период с 2010 по 2013 г. – время массового привлечения граждан к ликвидации катастроф [4–6].

Все формы волонтерства являются проявлением гражданского участия – основного принципа снижения риска бедствий и повышения резильентности городов и населенных пунктов [7]. В этих условиях индивидуальное волонтерство становится значимее, особенно если существует риск недостатка институционального ресурса [8]. Однако в большинстве развитых стран управление реагированием на ЧС и стихийными бедствиями находится в руках

государственных институтов и представляет собой использование сил профессионалов и привлечение в разной степени волонтерских ресурсов, связанных с официальными агентствами по спасению или НКО. Вклад последних в укрепление волонтерского института и участие в системе реагирования на ЧС часто недооценивается [9].

Как показывают последние исследования и анализ ситуации в России [10], вклад волонтеров в процесс реагирования на ЧС с годами увеличивается. В России же этот процесс включения начался относительно недавно, и уже становится очевидным, что волонтеры могут успешно брать на себя функции, которые не выполняются или частично выполняются официальными службами, например, поиск пропавших людей или посткатастрофную реабилитацию населения. Но вместе с тем существует ряд системных препятствий к волонтерскому участию. В связи с этим исследовательский вопрос состоит в определении потенциала и преград гражданского участия в системе реагирования на ЧС. Для этого нам необходимо решить несколько задач: 1) проанализировать современную систему предупреждения и реагирования на ЧС с учетом включения сектора добровольчества в России; 2) описать практики волонтеров на каждом этапе реагирования на ЧС; 3) определить возможности и ограничения включения волонтеров в структуру реагирования на ЧС.

Методы

Исследование состояло из нескольких этапов. На первом этапе был проведен анализ государственных докладов «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» за период с 2010 по 2020 г. [11]. В результате мы выделили и описали ключевые этапы ЧС, зафиксировали актуализацию вовлечения волонтеров во взаимодействие с государственными структурами, определили основные зоны ответственности волонтеров и штатных служб. Второй этап – анализ глубинных экспертных интервью и полуструктурированных интервью с волонтерами ($n = 45$, январь–май 2020 г.). Третий этап – массовый анкетный опрос волонтеров ЧС ($n = 446$, январь–март 2021 г.).

Система реагирования на ЧС и волонтерство

С 2010 г. в стране погибло более 7 тыс. человек и около 830 тыс. пострадало в результате ЧС. Экономические потери составили практически 60 млрд рублей за последние пять лет с постоянной тенденцией к увеличению [11].

Система управления рисками возникновения природных и техногенных ЧС в мире и России представлена в упрощенном виде на рис. 1. В РФ создана и работает единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (далее РСЧС), в состав которой могут входить общественные объединения и население по решению и под руководством органов управления единой системой. Ее эффективность зависит от акцентов, поставленных государством на каждом этапе. Очевидно, что основной упор должен быть сделан на первых двух этапах, так как это позволит значительно сократить количество и масштабы чрезвычайных ситуаций, а также повысить результативность реагирования на возникающие угрозы. Волонтерские прак-

тики направлены на снижение рисков среды и позитивно воздействуют на социальные институты и общество в целом [12; 13. С. 68; 14]. Данные практики созвучны системе реагирования на ЧС, так как требуют информации и знаний на этапе мониторинга и планирования деятельности, а также навыков для эффективного предупреждения и реагирования на ЧС.

Рис. 1. Упрощенная модель системы предупреждения и реагирования на ЧС

Стихийные бедствия являются «кризисами консенсуса», которые создают возможности взаимодействия и способы решения проблем, в отличие от «кризисов разногласий» – столкновений социальных групп [15], а гражданское общество – основной катализатор позитивных внешних эффектов, которые создаются государством, бизнесом и социальными институтами [16]. Группу волонтеров, действующих в ЧС, можно рассматривать как граждан, которые объединяются и выполняют ряд работ совместно для достижения коллективных целей, относящихся как к преодолению уже существующих бедствий, так и к минимизации потенциальных рисков ЧС [9, 17].

На практике основными ресурсами реагирования на ЧС остаются: государственные институты / службы, а также организованные и спонтанные волонтерские группы, которые создают ядро системы реагирования на ЧС. Местное самоуправление обязано нести ответственность за аварийное управление, единую координацию и выбирать оптимальную стратегию для минимизации ущерба, вызванного бедствиями, а также защитить жизнь и имущество людей с минимальными потерями различных ресурсов. После возникновения стихийных бедствий различные волонтерские объединения становятся полезным дополнением к государственным системам реагирования на ЧС.

Проблемы включения добровольцев в программы предотвращения и реагирования на ЧС тесно переплетены с болевыми точками государственных институтов, а именно с их дисфункциями (недостаток кадрового и технического ресурса, неповоротливость системы), которые становятся точками роста волонтерского сектора: тесное взаимодействие с населением, поиск альтернативных технических ресурсов, гибкие системы управления. Стратегии стимулирования таких объединений государством и установления связей включают компенсационные, экономические, репутационные стимулы, совместно создают основу взаимодействия местного самоуправления и общественных организаций, определяют развертывание коллабораций между различными институтами [18]. Ожидается, что сообщества, обладающие

большой сплоченностью и высоким уровнем самоорганизации, окажутся наиболее эффективными [19].

В государственных докладах «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» за 2019 и 2020 гг. для деятельности волонтеров и их объединений выделен отдельный параграф [11], который раскрывает количественные и качественные характеристики добровольческой деятельности. На разных этапах ЧС волонтеры могут выполнять различные функции и роли в системе реагирования на ЧС: (1) замещают функции профессиональных спасательных служб в условиях катастроф; (2) являются дополнительным ценным ресурсом; (3) необходимы как жизнеобеспечивающий социальный капитал восстановления и реабилитации инфраструктуры, для замены или дополнения ресурсов профессиональных служб спасения [20]. Анализ результатов массового анкетного опроса волонтеров позволил выделить сильные и слабые стороны добровольцев в системе реагирования на ЧС, которые представлены в таблице.

Преимущества и ограничения возможностей участия волонтеров в предупреждении и ликвидации ЧС, % от количества выборов

Преимущества	Ограничения
Возможность осуществлять «более гибкие действия вне жестко закрепленных протоколов» (59%)	Отсутствие постоянного финансирования (72%)
«Неформальный / более человечный подход к работе» (50,1%), участие в жизни местных сообществ	Нехватка людей (60,3%)
«Наличие „ноу-хау“, уникальных знаний, специальных тактик» (42,2%), которые технически могут быть недоступны для штата МЧС	Отсутствие необходимого оборудования (59,6%)
«Более быстрое реагирование и координация сил на месте ЧС» (39,6%)	Нехватка свободного времени у волонтеров (58,7%)
«Наличие локальных знаний/знаний „с места“ / от местного населения» (29,3%), инсайдерская информация и погружение	Отсутствие доступа в зону чс, связанное с законодательными барьерами (40,6%)
Возможности нецелевого финансирования, понимание потребностей пострадавшего населения в связи с «близостью к людям», наличие необходимого оборудования, доверие населения (менее 25% выборов)	Нехватка опыта, знаний, навыков (37,5%)

Далее проведем анализ волонтерских практик на каждом этапе реагирования на ЧС.

1-й этап. Мониторинг ЧС

Мониторинг включает наблюдение, оценку состояния окружающей среды, опасности зданий и сооружений, состояния здоровья населения, а также составление прогнозов на основе полученных данных [21]. Данные для мониторинга предоставляются в МЧС органами исполнительной власти субъектов РФ, МВД, Росстата, Минздрава, Ростехнадзора, Росприроднадзора, Ространса, Академии наук и др. НКО в большинстве случаев ориентируются на официальные службы мониторинга, но разрабатывают свои программы, организуют патрули и расписание дежурств, могут иметь собственную техническую базу для этого (например, базы данных).

Анализ материалов государственных докладов показал, что за последние пять лет в РФ, по сравнению с предыдущим аналогичным периодом, возрос-

ло количество ЧС федерального масштаба (2011–2015 гг.: 8 случаев, 2016–2020 гг.: 19 случаев). За последние 10 лет основную долю составляют техногенные аварии (64,34% за период 2016–2020 гг. и 59,6% за предыдущий пятилетний период), за ними следуют природные (20,65%, что на 5,6% меньше, чем в предыдущий период) и биолого-социальные ЧС, где наблюдается тенденция к увеличению, связанная с пандемией COVID-19. Среди техногенных ЧС в 2020 г. больше половины происшествий было обусловлено крупными ДТП с тяжкими последствиями (49,1%). Общее количество ЧС снизилось, а значения материального ущерба возросли, причем наиболее затратными стали природные бедствия и пропажа людей (79,3%).

Учет региональной специфики в развитии волонтерской деятельности в ЧС имеет принципиальное значение. На рис. 2 видно, что наиболее рискогенными в стране являются Приволжский (ПФО), Южный (ЮФО) и Центральный (ЦФО) федеральные округа, в то время как техногенные ЧС распространены в большей степени в Центральном, Приволжском и Сибирском (СФО) округах, а природные катаклизмы чаще обрушиваются на Приволжский, Сибирский и Южный федеральные округа. Также важно изучить ситуацию внутри каждого территориального образования на разных уровнях.

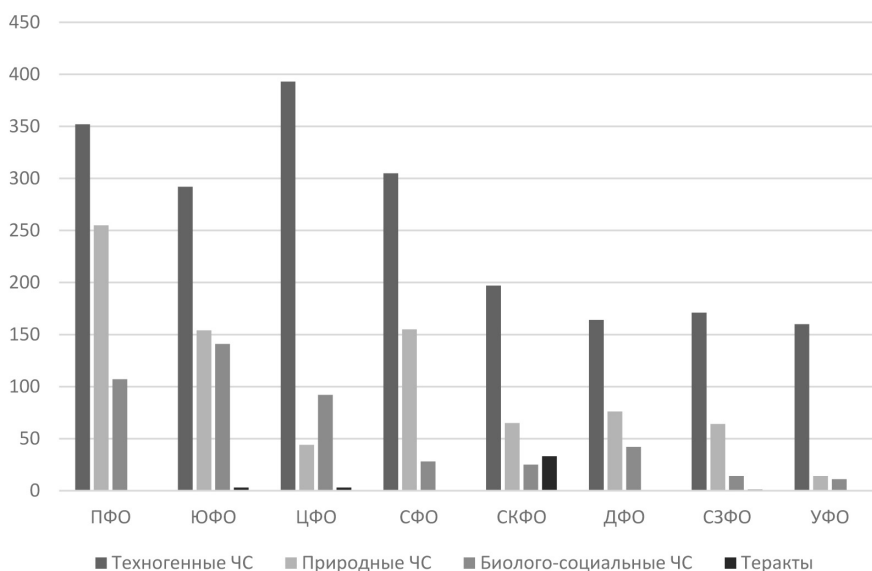

Рис. 2. Доля ЧС разного типа в зависимости от федерального округа за 2010–2020 гг. (суммарное количество случаев, федеральные округа расположены по убыванию относительно общего количества ЧС за указанный период)

Данные исследований показывают, что деятельность и ее планирование организованными волонтерскими сообществами осуществляется на основе обширного анализа данных и создания платформ для мониторинга, в том числе при использовании навигаторов, геотрекеров, программного обеспечения для картографирования, использования данных спутникового мониторинга [4]. Волонтеры выступили здесь как инноваторы и создатели «умных хабов», где аккумулируются и апробируются новые технологии, гражданская наука, методы коммуникации между населением и службами ЧС.

Наиболее активное участие на стадии мониторинга принимают добровольческие организации в сфере поиска пропавших людей и добровольные пожарные. Например, ПСО «Лиза Алерт» ведет учет статистики пропавших в связке с МЧС, полицией и Следственным комитетом РФ, организует гибридную цифровую и офлайн-платформу по мониторингу пропавших людей в партнерстве с операторами сотовой связи. В мониторинг может быть включен любой участник для реализации разных задач: вести учет заявок, работать в колл-центре. Для оперативного мониторинга также используются геоданные владельцев мобильных телефонов (после их согласия на передачу данных).

Волонтерские службы успешно организуют дистанционный мониторинг пожаров на природных территориях, примером может служить деятельность «Добровольных лесных пожарных центрального региона» [22] и противопожарной программы «Гринпис»¹, которые создают интерактивные карты пожаров используя спутниковые геоданные, информационные технологии и сообщения в СМИ.

Для мониторинга сезонных (повышенный риск затоплений) или относительно регулярных (землетрясения в сейсмически опасных или вулканически активных регионах, оползни) природных явлений добровольцы организуют сбор данных из открытых источников. Служба прогнозирования наводнений обычно предоставляет сведения о максимально ожидаемом уровне воды и примерном времени ее наступления для наиболее опасных мест вдоль участка реки, учитываются ожидаемые периоды повторяемости наводнений.

По гуманитарным катастрофам ведется в основном ситуативный мониторинг, оценивается характер и масштаб произошедших катастроф, войн: создаются горячие линии, разрабатываются опросные методы оценки нужд пострадавших. Добровольцы собирают информацию о ЧС для составления полной картины случившегося и эффективного реагирования: масштабы бедствия, определение нужд пострадавших, предварительная оценка необходимого количества волонтеров и др.

Наличие данных госслужб и проведение волонтерами собственного мониторинга, а также выявление системных связей и проблем образования ЧС определяют эффективность и своевременность реализации добровольцами следующего этапа.

2-й этап. Стратегическое планирование и снижение рисков возникновения ЧС

На основе данных мониторинга осуществляется долгосрочное планирование и проведение мероприятий, направленных на снижение рисков в рамках Указа Президента [23] и включающих информационную работу с населением, совершенствование информационных взаимодействий и контроль за выполнением мероприятий по предупреждению ЧС.

На данном этапе деятельность волонтеров ведется в нескольких направлениях: просвещение населения, подготовка и привлечение новых добровольцев, а также формирование ресурсной технической базы. В большей степени роль волонтеров здесь отмечена как просветительская.

¹ Деятельность Greenpeace была признана нежелательной на территории РФ в 2023 г., исследование было проведено до признания Greenpeace таковой.

Многие волонтеры отмечают значимость данного этапа: «<...> просветительская работа важнее чем работа на кромке пожара. <...> Все пожары потушить людей не хватит. Нам важно сделать так, чтобы их не было» (Александр Шпер, член сообщества «Добровольных лесных пожарных»). Например, пожарные ведут занятия по предотвращению возгораний, волонтеры-медики проводят просветительские акции по организации первой помощи и информированию о симптомах различных заболеваний, спасатели рассказывают о технике безопасности, поисковики организуют практические занятия для отработки поведения потерявшихся (взрослых, детей и их родителей, пожилых).

На этапе планирования проводятся учебные курсы, сборы, тренинги для волонтеров, в том числе в сотрудничестве с госструктурами: обмен информацией, доведение до сведения властей о наличии нерешенных проблем, пропаганда добровольчества и гражданского общества, создание совместных просветительских акций, учений и конкурсов.

На этапе планирования программы по предотвращению катастроф и реагирования на ЧС волонтерские организации могут проводить краудсорсинг и краудфандинг, формировать списки и запасы необходимой техники, оборудования, амуниции «Оказать экстренную гуманитарную помощь – это хорошо, но мы также стараемся оказывать долговременную, инфраструктурную помощь, чтобы в дальнейшем можно было избежать подобных случаев уже на ранних стадиях. Нужно бороться не с последствиями, а с причиной» (сотрудник АНО «Русская гуманитарная миссия»).

Для снижения последствий гуманитарной катастрофы вокруг предполагаемой зоны ЧС волонтеры заблаговременно собирают вещи первой необходимости, продовольствие, питьевую воду, медикаменты и средства личной гигиены в соответствии с разработанными инструкциями.

На борьбу с пожарами, засухами, аномальными тепловыми островами и наводнениями опосредованно направлены акции по озеленению. Деятельность по восстановлению лесов и сервис народного финансирования поддерживают не только волонтерские организации в ЧС, но и эко-НКО: «Посади Лес», РусКлиматФонд, Благотворительный фонд «Подари планете жизнь» и многие другие.

Как показывают полученные нами данные, некоторые волонтерские организации являются разработчиками программ сокращения рисков возникновения ЧС и сами их реализуют, но могут также включаться в совместную работу с штатными службами, привлекая бизнес-партнеров. Так, «Билайн» и «ЛизаАлерт» разработали приложение для поиска пожилых людей в городе «Поисковый центр». Можно также привести пример проекта «Помоги мне» [24], благодаря которому был организован сбор донорской крови.

В качестве плана развития волонтерам предлагается усиление связей между МЧС, государственными структурами, местным самоуправлением и бизнесом: совместная превентивная работа усилит эффективность защиты от возможных ЧС.

3-й этап. Реагирование на чрезвычайную ситуацию

В зоне самой ЧС наиболее эффективны государственные структуры – МЧС, армия, полиция, другие официальные службы, имеющие ресурсы и

специальную технику. Среди добровольцев реальную помощь могут оказать только организованные и подготовленные на уровне профессионалов группы. Вместе с тем в зоне гуманитарной катастрофы помощь волонтеров сложно переоценить.

Деятельность добровольцев в области ликвидации последствий ЧС в РФ должна и может быть эффективной за счет нескольких важных факторов: 1) возможности решения конкретных задач, в том числе узконаправленных, что в комплексе дает широкий охват типов ЧС; 2) заинтересованность в урегулировании проблемы из-за высокой степени вовлеченности (сопереживания); 3) высокая скорость реагирования и аккумуляции ресурсов для разрешения возникшей ситуации за счет меньшей бюрократической нагрузки по сравнению с «запаздыванием» штатных служб [25. С. 23].

Социальные волонтерские практики в ЧС классифицированы по разным признакам: регулярности, профильности, территориальному охвату, цели и форме участия (рис. 3).

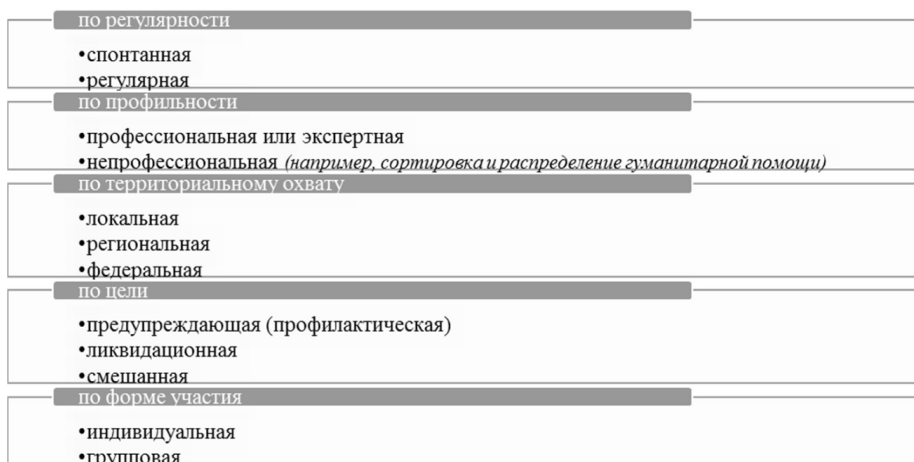

Рис. 3. Классификация типов действий волонтеров

На основе анализа литературы и проведенных опросов мы систематизировали деятельность по реагированию на стихийные бедствия спонтанных групп и организованных добровольцев, что позволило выделить следующие подгруппы оказания помощи:

- 1) медицинская помощь:
 - оказание первой помощи;
 - скорая и неотложная медицинская помощь;
 - донорство;
- 3) информация/связь:
 - регистрация жертв, перемещенных лиц и эвакуированных;
 - поиск пропавших людей, составление списков;
 - работа иностранным переводчиком;
 - координация, обмен информацией и сообщениями, вовлечение граждан;
 - сбор и анализ информации, создание карт, разработка платформ;
 - психологическая помощь при ЧС (психологическое консультирование);

- 3) укрытие:
 - обеспечение жильем;
 - хостинг переселенцев;
- 4) логистика:
 - сбор, транспортировка, разгрузка, хранение и распределение предметов первой необходимости, одежды и т.д.;
 - предоставление продовольствия жертвам и работникам аварийных служб (например, установка кухонь, предоставление продуктовых наборов);
- 5) обеспечение услуг жизнеобеспечивающих инфраструктур:
 - уборка мусора, завалов и расчистка улиц после стихийных бедствий;
 - экономическая и экологическая оценка ущерба;
 - строительная инспекция;
 - услуги по восстановлению отдельных инфраструктур города;
 - сбор средств для жертв, краудсорсинг;
- 6) координация и обеспечение безопасности:
 - координация и контроль других групп и распределение задач;
 - поддержание безопасности имущества;
- 7) обеспечение:
 - помощь в эвакуации;
 - материальное обеспечение средств защиты от ЧС (респираторы, мешки с песком, противопожарные костюмы и др.);
 - регистрация жалоб от пострадавших и лоббирование компенсации;
 - лоббирование государственных чиновников для предотвращения будущих бедствий;
- 8) иное:
 - забота о животных;
 - юридическая помощь;
 - работа с умершими, помощь в опознании и захоронении.

Когда непосредственная угроза жизни ликвидирована, часто остается проблема с обеспечением качества жизни пострадавших – нет воды, еды, крыши над головой, медикаментов, поэтому существует необходимость в дополнительной гуманитарной волонтерской помощи. В период восстановления и возвращения к нормальной жизни волонтерская помощь может быть реализована в качестве дальнейшей организации благотворительности, создания фондов, посвященных жертвам катастроф. Наводнение предполагает большое количество операций: на этапе экстренной ситуации – спасательные работы, организация волонтеров, обеспечение населения пропитанием и питьевой водой, медицинская помощь (при наличии навыков); на этапе завершения острой фазы ЧС – гуманитарная помощь, восстановление инфраструктуры и экосистемы, очистка территории, сбор и организация доставки вещей, пропитания, организация укрытия, оценка ущерба, психологическая помощь населению (при наличии навыков).

Заключение

Волонтерство в ЧС рассматривается, с одной стороны, как ресурс «поддержания» социальной структуры, с другой – продуцирует изменения социальной реальности в рамках гражданского института в целом и социальных институтов добровольчества в частности, а сами волонтеры являются акто-

рами, продуцирующими различные «социальные выгоды»: укрепление социального капитала, консолидации общества. На каждом из этапов волонтеры могут замещать, дополнять, или разделять основные функции государственных систем реагирования. Данные интервью и анализ документов показывают, что волонтерские системы предотвращения и реагирования на ЧС, согласно государственному регламенту, останутся дополнительным ресурсом в системе реагирования, несмотря на то что их технический, социальный и физический капитал растет. Волонтеры считают свою деятельность дополнительной по отношению к основной профессиональной деятельности и, как правило, не планируют участие на постоянной основе. Они осознают преимущества и ограничения своей деятельности и готовы выступать в качестве помощников, что существенно сдерживает формирование независимых низовых инициатив, наподобие западных структур, однако это не является целью государственной политики страны.

На основании анализа участия волонтеров в существующей системе предупреждения и реагирования на ЧС можно сделать следующие выводы: 1) участие добровольцев на стадии мониторинга ЧС на данный момент минимально, за исключением технологичного противопожарного и поисково-спасательного волонтерства; 2) волонтерские группы больше ориентированы на превентивные практики, компенсируют нехватку кадровых или патрулирующих ресурсов официальных ведомств; 3) чем тяжелее климатогеографические условия и выше уровень промышленного развития региона, тем менее целесообразна помощь неаттестованных волонтеров и их организаций непосредственно в зоне ЧС и более актуальны функции официальных служб, ответственных за предотвращение ЧС. Волонтеры больше ориентированы на локальные и региональные инициативы и эффективны в рамках осуществления тех функций и технологий, которые не могут реализоваться в полной мере государством. Последние достижения в области информационного добровольчества делают волонтеров инновационным ресурсом в апробировании новых технологий систем реагирования на ЧС.

Список источников

1. *Сендайская* рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015–2030 гг. UNISDR, 2022. URL: https://www.unisdr.org/conference/2019/globalplatform/assets/pdf/43291_russiainsendaiframeworkfordisasterri.pdf (дата обращения: 15.05.2021).
2. *Певная М.В., Зборовский Г.Е.* Методология исследования перспективных практик, проблем и возможностей управления российским волонтерством // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 156, № 22 (4). С. 212–220.
3. *Концепция* развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 27 декабря 2018 г. № 2950-р // МЧС. URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/rasporozhzeniya-pravitelstva-rf/3185> (дата обращения: 10.09.2023).
4. *Башева О.А., Ермолаева П.О.* Феномен цифрового волонтерства в чрезвычайных ситуациях: сущность, виды, теоретические рамки // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11 (1). С. 47–69. doi: 10.19181/vis.2020.11.1.625
5. *Ермолаева П.О., Ермолаева Ю.В., Башева О.А.* Цифровой экологический активизм как новая форма экологического участия населения // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 3. С. 376–408. doi: 10.17323/1728-192x-2020-3-376-408. EDN: HVRTBA
6. *Яницкий О.Н.* Волонтеры: гражданские и государственные // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1. С. 71–89. EDN: SHRAZH
7. *United Nations International Strategy for Disaster Reduction*, UNEP, 2007.

8. *Hustinx L., Lammertyn F.* Collective and reflexive styles of volunteering: A sociological modernization perspective. *VOLUNTAS // International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations.* 2003. № 14. P. 167–187.
9. *Alexander D.* The voluntary sector in emergency response and civil protection: review and recommendations // *International Journal of Emergency Management.* 2010. № 7 (2). P. 151–16.
10. *Российское волонтерство в чрезвычайных ситуациях: портрет, мотивы, деятельность // Информационно-аналитический бюллетень.* 2021. № 3. 121 с.
11. *Государственные доклады «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».* М. : МЧС России. ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2012. URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty> (дата обращения: 10.10.2022).
12. *Рыбакова М.В.* Социальные экологические практики: состояние и механизмы управления. М. : КДУ, 2012. 318 с.
13. *Яницкий О.Н.* Экологическая культура: очерки взаимодействия науки и практики. М. : Наука, 2007. 271 с.
14. *Ryan J., Mahoney P., Greaves I., Bowyer G.* Conflict and Catastrophe Medicine: A Practical Guide. Springer Science & Business Media, 2002. 409 p.
15. *Quarantelli E., Dynes R.R.* Response to Social Crisis and Disaster // *Annual Review of Sociology.* 1977. Vol. 3. P. 23–49.
16. *Аузан А., Тамбовцев В.* Экономическое значение гражданского общества // *Вопросы экономики.* 2005. № 5. С. 28–49.
17. *Fritz C.E., Mathewson J.H.* Convergence behaviour in disasters: a problem of social control. Disaster Study 9, Committee on Disaster Studies. Washington, DC : National Academy of Sciences – National Research Council, 1957. 102 p.
18. *Von Meding J., Oyedele L., Cleland D.J.* Developing NGO Competencies in Post-Disaster Reconstruction: A Theoretical Framework // *Disaster Advances.* 2009. № 2 (3). P. 36–45.
19. *Eyre A.* Psychosocial aspects of recovery: practical implications for disaster managers // *Australian Journal of Emergency Management.* 2004. Vol 19 (4). P. 23–27.
20. *Shaw R., Goda K.* From disaster to sustainable civil society: the Kobeexperience // *Disasters.* 2004. № 28 (1). P. 16–40.
21. *Мониторинг и прогнозирование чрезвычайных ситуаций. Термины МЧС России / МЧС.* URL: <https://www.mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/1574> (дата обращения: 16.05.2021).
22. *Добровольные лесные пожарные центрального региона.* URL: <https://firevolonter.ru/> (дата обращения: 10.04.2022).
23. *Указ Президента Российской Федерации «О стратегии в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах на период до 2030 г.»* № 501 от 16 октября 2019 г.
24. *Волонтеры-медики сдали 6,7 тонн донорской крови в 2018 году / ТАСС.* URL: <https://tass.ru/plus-one/5836900> (дата обращения: 02.03.2022).
25. *Мерсиянова И.В. Якобсон Л.И.* Практики филантропии в России: вовлеченность и отношение к ним населения. М. : Изд. дом Гос. ун-та. ВШЭ, 2009. 201 с.

References

1. UNISDR. (2022) *Sendayskaya ramochnaya programma po snizheniyu riska bedstviy na 2015–2030 gg.* [Sendai Framework for Disaster Risk Reduction 2015–2030]. [Online] Available from: https://www.unisdr.org/conference/2019/globalplatform/assets/pdf/43291_russiansendaiframeworkfordisasterri.pdf (Accessed: 15th May 2021).
2. *Pevnaya, M.V. & Zborovskiy, G.E.* (2016) Metodologiya issledovaniya perspektivnykh praktik, problem i vozmozhnostey upravleniya rossiyskim volonterstvom [Methodology for studying promising practices, problems and opportunities for managing Russian volunteerism]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury.* 156(22(4)). pp. 212–220.
3. Russian Federation. (2018) *Kontseptsiya razvitiya dobrovol'chestva (volonterstva) v Rossiyskoy Federatsii do 2025 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 27 dekabrya 2018 g. № 2950-r* [The concept of development of volunteerism (volunteering) in the Russian Federation until 2025: Order No. 2950-r of the Government of the Russian Federation of December 27, 2018]. [Online] Available from: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/rasporyazheniya-pravitelstva-rf/3185> (Accessed 10th September 2023).

4. Basheva, O.A. & Ermolaeva, P.O. (2020) Fenomen tsifrovogo volonterstva v chrezvychaynykh situatsiyakh: sushchnost', vidy, teoreticheskie ramki [The phenomenon of digital volunteering in emergency situations: essence, types, theoretical framework]. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 11(1). pp. 47–69. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.625.
5. Ermolaeva, P.O., Ermolaeva, Yu.V. & Basheva, O.A. (2020) Tsifrovoy ekologicheskiy aktivizm kak novaya forma ekologicheskogo uchastiya naseleniya [Digital environmental activism as a new form of environmental participation of the population]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 19(3). pp. 376–408. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-376-408
6. Yanitskiy, O.N. (2014) Volontery: grazhdanskie i gosudarstvennye [Civil and state volunteers]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 1. pp. 71–89.
7. UNEP. (2007) *United Nations International Strategy for Disaster Reduction*.
8. Hustinx, L. & Lammertyn, F. (2003) Collective and reflexive styles of volunteering: A sociological modernization perspective. *VOLUNTAS. International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 14. pp. 167–187.
9. Alexander, D. (2010) The voluntary sector in emergency response and civil protection: review and recommendations. *International Journal of Emergency Management*. 7(2). pp.151–16.
10. Basheva, O.A. et al. (2021) Rossiyskoe volonterstvo v chrezvychaynykh situatsiyakh: portret, motivy, deyatel'nost' [Russian volunteering in emergency situations: portrait, motives, activities]. *Informatsionno-analiticheskii byulleten' (INAB)*. 3. DOI: 10.19181/INAB.2021.3
11. Russian Federation. (n.d.) *Gosudarstvennye doklady "O sostoyanii zashchity naseleniya i territoriy Rossiyskoy Federatsii ot chrezvychaynykh situatsiy prirodno i tekhnogennogo kharaktera"* [State reports "On the state of protection of the population and territories of the Russian Federation from emergency situations of natural and man-made nature"]. Moscow: EMERCOM of Russia. [Online] Available from: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty> (Accessed 10th October 2022).
12. Rybakova, M.V. (2012) *Sotsial'nye ekologicheskie praktiki: sostoyanie i mekhanizmy upravleniya* [Social environmental practices: State and management mechanisms]. Moscow: KDU.
13. Yanitskiy, O.N. (2007) *Ekologicheskaya kul'tura: ocherki vzaimodeystviya nauki i praktiki* [Ecological culture: Essays on the interaction of science and practice]. Moscow: Nauka.
14. Ryan, J, Mahoney, P., Greaves, I. & Bowyer, G. (2002) *Conflict and Catastrophe Medicine: A Practical Guide*. Springer Science & Business Media.
15. Quarantelli, E. & Dynes, R.R. (1977) Response to Social Crisis and Disaster. *Annual Review of Sociology*. 3. pp. 23–49.
16. Auzan, A. & Tambovtsev, V. (2005) Ekonomicheskoe znachenie grazhdanskogo obshchestva [Economic significance of civil society]. *Voprosy ekonomiki*. 5. pp. 28–49.
17. Fritz, C.E. & Mathewson, J.H. (1957) Convergence behaviour in disasters: a problem of social control. *Disaster Study 9, Committee on Disaster Studies*. Washington, DC: National Academy of Sciences – National Research Council.
18. Von Meding, J., Oyedele, L. & Cleland, D.J. (2009) Developing NGO Competencies in Post-Disaster Reconstruction: A Theoretical Framework. *Disaster Advances*. 2(3). pp. 36–45.
19. Eyre, A. (2004) Psychosocial aspects of recovery: practical implications for disaster managers. *Australian Journal of Emergency Management*. 19(4). pp. 23–27.
20. Shaw, R. & Goda, K. (2004) From disaster to sustainable civil society: the Kobeexperience. *Disasters*. 28(1). pp. 16–40.
21. EMERCOM. (n.d.) *Monitoring i prognozirovaniye chrezvychaynykh situatsiy* [Monitoring and forecasting of emergency situations]. [Online] Available from: <https://www.mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/1574> (Accessed: 16th May 2021).
22. Volunteer Forest Firefighters of The Central Region. (n.d.) *Dobrovol'nye lesnye pozharnye tsentral'nogo regiona* [Volunteer Forest Firefighters of The Central Region]. [Online] Available from: <https://firevolonter.ru/> (Accessed: 10th April 2022).
23. Russian Federation. (2019) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii "O strategii v oblasti grazhdanskoy oborony, zashchity naseleniya i territoriy ot chrezvychaynykh situatsiy, obespecheniya pozharной bezopasnosti i bezopasnosti lyudey na vodnykh ob"ektakh na period do 2030 g."* №501 ot 16 oktyabrya 2019 g. [Decree No. 501 of the President of the Russian Federation "On the strategy in the field of civil defense, protection of the population and territories from emergency situations, ensuring fire safety and safety of people on water bodies for the period up to 2030" of October 16, 2019].
24. Pochuev, M. (2018) *Volontery-mediki sdali 6,7 tonn donorskoy krovi v 2018 godu* [Medical volunteers donated 6.7 tons of blood in 2018]. [Online] Available from: <https://tass.ru/plus-one/5836900> (Accessed: 2nd March 2022).

25. Mersiyanova, I.V. & Yakobson, L.I. (2009) *Praktiki filantropii v Rossii: вовлеченност' i otmoshenie k nim naseleniya* [Philanthropy practices in Russia: Involvement and attitude of the population towards them]. Moscow: HSE.

Сведения об авторах:

Гоманова С.О. – кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия); доцент Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева (Москва, Россия). E-mail: silvia_gom.anova@mail.ru

Ермолаева Ю.В. – научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, (Москва, Россия). E-mail: mistelfrayard@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Gomanova S.O. – Cand. Sci. (Sociology), researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); associate professor, Mendeleev University of Chemical Technology (Moscow, Russian Federation). E-mail: silvia_gomanova@mail.ru

Ermolaeva Yu.V. – researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: mistelfrayard@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.11.2023;
одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted 15.11.2023;
approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 11.06.2024*

Научная статья

УДК 316.35

doi: 10.17223/1998863X/79/20

ИЗУЧЕНИЕ СЕТЕЙ КОЛЛАБОРАЦИЙ РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ЕГО АПРОБАЦИЯ

Дарья Васильевна Мальцева¹, Арюна Витальевна Ким²,
Тамара Евгеньевна Щеглова³

^{1, 2, 3} *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

¹ *dmaltseva@hse.ru*

² *avkim@hse.ru*

³ *tshcheglova@hse.ru*

Аннотация. Представлен общий методологический подход к использованию библиометрического анализа для изучения различных видов сетей коллаборации российских социологов, который апробируется на данных об участии социологов в международных конференциях ESA и ISA в 2010–2019 гг. Подход может быть применен для анализа публикаций российских социологов на русском языке.

Ключевые слова: коллаборация ученых, социологическое сообщество, социальная структура, сетевой анализ, библиометрический анализ

Благодарности: проект «Паттерны коллаборации в российском социологическом сообществе: структура научных школ и возможные точки роста» выполняется в рамках гранта Российского научного фонда № 21–78–00077 по Соглашению от 27.07.2021. Руководитель – Мальцева Дарья Васильевна.

Благодарим сотрудников МЛ ПСА НИУ ВШЭ за обсуждение проекта и стажера-исследователя Н.П. Бузину за помощь в подготовке базы данных.

Для цитирования: Мальцева Д.В., Ким А.В., Щеглова Т.Е. Изучение сетей коллабораций российских социологов: методологический подход и его апробация // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 221–232. doi: 10.17223/1998863X/79/20

Original article

STUDYING COLLABORATIVE NETWORKS OF RUSSIAN SOCIOLOGISTS: A METHODOLOGICAL APPROACH AND ITS TESTING

Daria V. Maltseva¹, Aryuna V. Kim², Tamara E. Scheglova³

^{1, 2, 3} *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation*

¹ *dmaltseva@hse.ru*

² *avkim@hse.ru*, ³ *tshcheglova@hse.ru*

Abstract. Modern science research proceeds from the importance of studying social interaction between scientists to determine the effectiveness of research teams and form an idea of the structural changes necessary to increase their competitiveness. The community of Russian sociologists is characterized by weak integration into foreign sociological science and selective representation of researchers in the world scientific discourse due to the

peculiarities of its formation, as well as disintegration at the local level due to the high level of centralization and inequality between the capital cities and regions in modern Russia. This study is aimed at studying collaborative networks in the scientific community of Russian sociologists in the period from 2010 to 2019. The main method of data analysis is the bibliometric network analysis of publications, which is a special case of applying the social network analysis methodology. The article presents a general methodological approach to the analysis of collaborative networks of Russian authors, which includes the formation of a bibliographic data base, the construction of collaborative networks, and a description of the network analysis strategy for studying collaboration in the community of Russian sociologists. The proposed approach is tested based on the analysis of data on the participation of Russian sociologists in conferences of the international sociological associations ESA and ISA in 2010–2019 and can be used for further analysis of publications of Russian sociologists. The results showed many unrelated groups of authors at the local level. At the same time, the links between the authors are well expressed at the level of organizations; there is a high level of geographical centralization and the dominance of three main institutions – the Russian Academy of Sciences, the National Research University Higher School of Economics and Saint Petersburg State University. This confirms the initial assumptions and actualizes the research questions of the study. The next step in the development of the methodology is the description of a workflow using specific tools and algorithms for collecting, processing, and analyzing data from Russian-language publications. In addition to the substantive interest, the scientific novelty and practical significance of the project lies in the development of an integrated methodological approach for the analysis of bibliographic data in Russian.

Keywords: collaboration, sociological community, social structure, network analysis, bibliometric analysis

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 21–78–00077. We thank the staff of the International Laboratory for Applied Network Analysis of the National Research University Higher School of Economics for discussing the project and trainee researcher N.P. Buzina for her assistance in preparing the database.

For citation: Maltseva, D.V., Kim, A.V. & Scheglova, T.E. (2024) Studying collaborative networks of russian sociologists: a methodological approach and its testing. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 221–232. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/20

Введение

Современные исследования науки исходят из важности изучения социального взаимодействия между учеными и их коллективами для определения их эффективности и успешно используют инструменты библиометрического анализа для изучения сетей соавторства и коллаборации.

Наш исследовательский проект нацелен на изучение современной структуры коллаборации в научном сообществе российских социологов, выделение присущих ей паттернов и выявление возможных точек роста для интернационализации и повышения их конкурентоспособности. Выбор сообщества социологов как фокуса анализа определяется: 1) нелинейным характером развития социологической дисциплины и профессионального сообщества; 2) дезинтеграцией в сообществе социологов на локальном уровне; 3) слабой интеграцией российских социологов в зарубежную социологическую науку.

Для построения сетей коллабораций между российскими социологами используется методология библиометрического сетевого анализа. Помимо содержательного интереса научная новизна и практическая значимость проекта состоят в разработке комплексного методологического подхода для анализа библиографических данных на русском языке.

Литературный обзор

При изучении научной коллаборации сети соавторства используются для анализа научных областей, представленных глобально (наукометрия и информетрика [1, 2], анализ социальных сетей [3, 4]) и на национальном уровне (информационные науки в Аргентине [5], экономика в Польше [6]). На основе данных о соавторстве изучаются паттерны коллаборации в различных науках и проводится их сравнение (биология, физика и математика [7, 8], математика и нейронаука [9], все дисциплины в Словении [10, 11]). Сети соавторства изучены на многонациональном [12] и международном [13] уровнях. На их основе изучаются тренды в социологической науке в США [14, 15], США и Франции [16], Словении [17].

Хотя в российской научной периодике появляются публикации, где библиометрический анализ применяется для изучения научных областей на международном уровне [18, 19], его использование для анализа отечественной науки представлено несколькими примерами: изучением этнологии и социологии [20, 21] и группы петербургских социологов [22].

Исследования показывают, что академические сообщества имеют иерархическую структуру «ядро–периферия» [9]. Исследование петербургских социологов [22] показало наличие трех групп, отличающихся по характеристикам и научным ориентирам.

О наличии иерархизированных структур в российском социологическом сообществе говорят и другие исследования. Сетевой анализ биографических интервью [23] выделил «звезд», вокруг которых формируются группы. Изучение сообщества «прикладных» социологов [24] показало, что коммуникации между организациями относятся к типу «заказчик – исполнитель». Исследования структуры коммуникации в онлайн-сообществе социологов [25, 26] показало, что оно состоит из ядра и периферийных групп. Содержательное объяснение характеристик взаимодействия может быть взято у М.М. Соколова и К.Д. Титаева [27], выделяющих три типа научной коммуникации: столичную, периферийную и туземную науки.

Обзор подтверждает предположение для формирования проблематики исследования: российское социологическое сообщество является неоднородным и включает группы, состоящие в различных отношениях. В отличие от предыдущих работ, мы рассматриваем все сообщество российских социологов. Библиографическая информация почти не используется в российских исследованиях; закрывая этот лаг, исследование предлагает методологический подход к использованию библиометрического анализа для анализа сетей коллаборации российских социологов.

Методологический подход

Методология библиометрического анализа

Библиометрический анализ основан на применении математических и статистических методов для анализа библиографической информации. Анализ библиографических сетей – частный случай применения методологии анализа социальных сетей. Он основан на построении и анализе сетей соавторства и коллаборации, цитирования и социотирования, библиографического сочленения соприсутствия библиометрических единиц анализа. Направление

способно показать закономерности развития взаимодействия в научном сообществе, определить его структуру, динамику, направления исследований.

Применяемая методология анализа библиографических сетей разработана В. Батагелем, А. Ферлигой и П. Дореаном [28] и уже использовалась для анализа научных сетей в области сетевого анализа [3], блокомоделинга [28], научного рецензирования [29], наукометрии [30]. В отечественной литературе методология представлена при описании алгоритмического подхода к систематическому обзору литературы [17] и использовалась для изучения развития социологии [18].

Основные шаги методологии заключаются в 1) формировании базы библиографических данных, 2) построении сетей в зависимости от предмета исследования и 3) применении методов сетевого анализа для определения трендов изучаемой области. Ниже эти шаги рассмотрены применительно к изучению сетей коллаборации в сообществе российских социологов.

Формирование базы данных

Базы данных научных публикаций являются важным источником объективной ретроспективной и актуальной информации о коммуникации в научной среде. Оригинальная методология библиометрического анализа [18, 19, 28] подразумевает использование информации о публикациях из базы Web of Science (WoS). Публикации российских авторов в этой базе могут быть найдены в базах WoS Core Collection и Russian Science Citation Index (RSCI). Использование первой коллекции занижает количество работ российских социологов, а второй – сложноосуществимо в связи с неоптимальной фильтрацией.

Коллекция RSCI представлена в библиотеке eLibrary, где каждый зарегистрированный ученый получает уникальный идентификатор автора, что позволяет решать проблему дизамбигуации. Альтернативой могут выступать другие электронные библиотеки (КиберЛенинка) и базы, составленные на основе массива экспертно отобранных публикаций (что трудоемко для большого объема данных).

Другими источниками данных о научной коммуникации являются информация об участии в конференциях, данные об организационных аффилиациях и информация, полученная в ходе опросов.

Использование русскоязычных данных в качестве источника информации требует разработки методологии сбора, предобработки и анализа данных, аналогичной используемой в оригинальной методологии [28].

Построение сетей коллабораций

Сети коллабораций основаны на отношениях соавторства. Для их построения используются двумодальные сети «Работа – Автор» WA , где первый набор узлов составляют произведения (**Works**), а второй – их авторы (**Authors**). Сети коллабораций являются производными и строятся через перемножение сети на саму себя [28, 30]. Публикации выступают посредниками, через которых происходит объединение авторов, поэтому двумодальная сеть транспонируется: первый набор узлов составляют авторы, второй – их работы. В результате строятся сети соавторства $Co = WA^T * WA$, где сила связи между двумя авторами $Co[a,b]$ показывает количество работ, которые

авторы a и b подготовили совместно. Вес петель в таких сетях соответствует общему числу работ авторов.

Более сложные способы построения сетей коллаборации подразумевают предварительную нормализацию двумодальных сетей, необходимую для учета вклада авторов, через фракционный подход [28, 30]. В нормализованной сети $n(\mathbf{WA})$ предполагается, что каждый соавтор делает одинаковый вклад в статью, и вес связи делится на количество авторов работы (исходящая центральность). Общий вклад каждой работы равен 1 (max в формуле задается для учета работ, не имеющих авторов):

$$n(\mathbf{WA})[w, a] = \mathbf{WA}[w, a] / \max(1, \text{outdeg}_{\mathbf{WA}}(w)).$$

Более строгая процедура нормализации [7] понимает силу связи между авторами как пропорцию времени, затраченного на коллаборацию только с другими соавторами, поэтому из значения входящей степени центральности автора удаляется 1 (коллаборация с собой):

$$n'(\mathbf{WA})[w, a] = \mathbf{WA}[w, a] / \max(1, \text{outdeg}_{\mathbf{WA}}(w) - 1).$$

Сеть коллаборации второго типа \mathbf{Cn} [30] принимает во внимание вклад авторов в свои собственные работы и статьи, подготовленные в соавторстве. Сеть строится через перемножение транспонированной исходной сети с нормализованной сетью:

$$\mathbf{Cn}_w = \mathbf{WA}^T * n(\mathbf{WA}).$$

Сила связи между авторами a и b равна вкладу автора a в статьи, написанные совместно с автором b (может быть ассиметричен). Значения петель обозначают *общий фракционный вклад* автора в свои работы. Предложен [30] *индекс самодостаточности* (self-sufficiency) S_a – пропорция авторского вклада в свои работы и общего количества его работ. Комплементарным для этого индекса является индекс коллаборативности (*collaborativeness*) K_a – тенденция автора к работе с другими:

$$S_a = \mathbf{Cn}[a, a] / \text{indeg}_{\mathbf{WA}}(a);$$

$$K_a = 1 - S_a.$$

Перемножая нормализованные двумодальные сети, строится сеть коллаборации третьего типа \mathbf{Ct} :

$$\mathbf{Ct}_w = n(\mathbf{WA})^T * n(\mathbf{WA}).$$

Веса связей между авторами симметричны, сила связи между авторами a и b равна общему фракционному вкладу авторов в статьи, подготовленные совместно. *Общий вклад автора в поле* рассчитывается как сумма весов всех подготовленных им статей (включая статьи без соавторов, вклад в которые указан в петлях).

Сеть коллаборации четвертого типа \mathbf{Ct}' строится через перемножение транспонированной двумодальной сети, нормализованной стандартно, и двумодальной сети, построенной со строгой нормализацией [7]:

$$\mathbf{Ct}'_w = n(\mathbf{WA})^T * n'(\mathbf{WA}).$$

Полученные сети являются ненаправленными и не имеют петель. Сила связи между авторами a и b равна общему фракционному вкладу строгой коллаборации авторов в работы, написанные совместно.

Производные сети

Поскольку двумодальные сети являются связанными и могут быть перемножены в различных комбинациях, сети коллабораций могут быть дополне-

ны информацией об авторах или публикациях. Информация об аффилиации авторов (организация, страна, регион) формирует сеть «Автор–Аффилиация», которая может быть перемножена аналогичным образом в сеть связей между организациями или странами, что позволяет выйти на более высокие – мезо- и макроуровни анализа научного взаимодействия. Информация о ключевых словах в публикациях формирует сеть «Публикация – Ключевые слова», перемножение которой на сеть «Работа – Автор» позволяет получить сеть «Автор – Ключевые слова», дающую информацию о ключевых темах, характерных для (групп) авторов.

Стратегия анализа данных

Методы сетевого анализа подходят для изучения объекта исследования на разных уровнях. На микроуровне для выделения важных узлов используются метрики входящей и исходящей центральности. На мезоуровне важные подгруппы в сети получаются с помощью метода *удаления связей*, оставляющего в сети подструктуру с узлами, имеющими связи выше порогового значения, и через *подход островов*, выделяющий локально доминирующие группы узлов с более высокой сплоченностью внутри своей группы, чем с узлами-соседями за ее пределами [31. Р. 432–433].

Описание общих характеристик коллаборации на макроуровне осуществляется с помощью статистических методов анализа. Общую структуру сети коллаборации можно определить с помощью кластеризации сетевых данных – *блокмоделлинга* [32], способного выделять подгруппы узлов со схожими моделями отношений с другими узлами и интерпретировать структуру отношений между кластерами.

С точки зрения исследовательского инструментария построение сетей и их анализ в оригинальной методологии выполняются в программе Pajek [31].

Апробация

Апробация предложенного методологического подхода проводилась на основе анализа данных о докладах российских социологов на международных конференциях Всемирной и Европейской социологических ассоциаций в 2010–2019 гг. Коллаборация понимается как соавторство научного доклада: если несколько исследователей выступают авторами одного доклада, между ними выстраивается связь.

Данные

В базу данных вошли доклады с конференций ESA (2011, 2013, 2015, 2017, 2019 гг.), ISA Council (2013, 2017 гг.), ISA World Congress (2010, 2014, 2018 гг.), ISA Forum (2012, 2016 гг.). Стратегия сбора данных подразумевала полуавтоматический поиск авторов в программах конференций, в аффилиации которых указана страна «Russia» и дальнейшее ручное кодирование. Собрана информация о докладах (название, тип, аннотации, ключевые слова) и их авторах (ФИО, аффилиации и города).

В базу вошло 933 доклада с общим числом авторов 1 258. Число уникальных авторов составляет 618; они аффилированы с 151 научно-исследовательской и образовательной организацией из 60 городов России; 45 авторов имеют две аффилиации.

Наибольшее количество участников из России было на конференции ISA World Congress в 2014 г. – 210 человек, и на конференции ESA в 2011 г. – 186 человек. Наименьшее количество участников наблюдалось на конференциях ISA Council в 2013 и 2017 гг. (рис. 1).

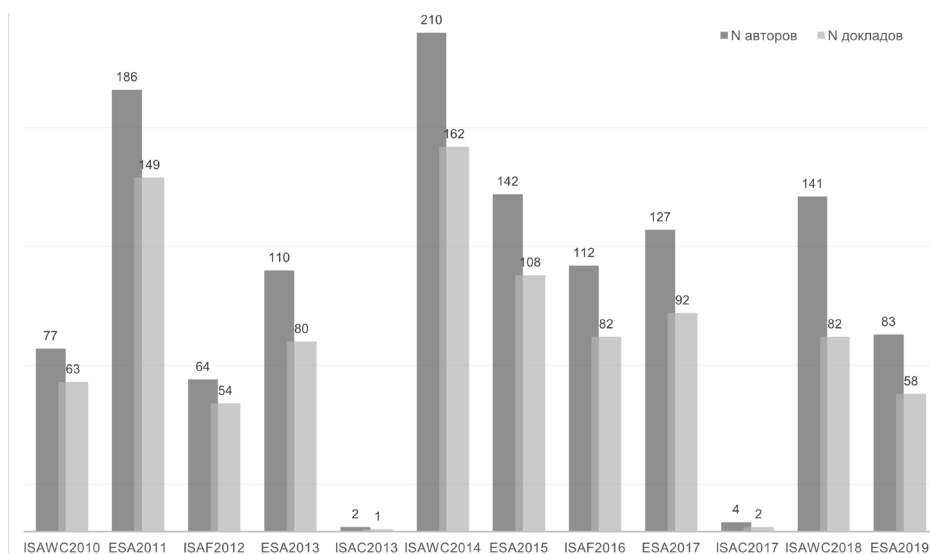

Рис. 1. Число авторов и докладов на конференциях

Из 1 303 аффилиаций авторов значительнее всего представлены организации в Москве – 776 аффилиаций (60%); Санкт-Петербурге (20%) и Новосибирске (5%). Представлены также Ростов-на-Дону, Казань, Пермь, Грозный, Саратов, Екатеринбург, Уфа.

Наиболее часто указывались организации РАН (23%), кампусов НИУ ВШЭ (23%), СПбГУ (10%). Уровень подразделений внутри организаций указан в 578 случаях. Среди организаций РАН выделяются Институт социологии в Москве (128 раз), Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского РАН (40 раз), Институт социально-политических исследований (23 раза). В НИУ ВШЭ наиболее представлен московский кампус (251 раз), кампус в Санкт-Петербурге упоминается 37 раз, в Перми – 3 раза. Уровень факультетов и подразделений указан в 325 случаях: 181 аффилиация связана с социологией, а 144 – со смежными областями (публичная политика, иностранные языки, история и философия, менеджмент).

Большинство докладов (680, 73%) сделаны одним автором. Только четверть докладов (253) созданы в коллаборации: 21% докладов с двумя, 5% – с тремя, и 2% – с четырьмя авторами. Информация об этих докладах является основой для построения сети коллаборации.

Результаты анализа сети коллаборации

Двумодальная сеть «Доклад – Автор» **RA**, где первый набор узлов составляют доклады (**Reports**), а второй – их авторы (**Authors**), содержит информацию о 933 докладах и 618 авторах.

Для апробации возможностей предложенного методологического подхода была построена первая сеть соавторства **Co_R** с 618 авторами и 312 связями.

Петли показывают количество докладов авторов. 270 узлов в этой сети являются изолированными, так как не имеют докладов в соавторстве; анализ сделан по 348 узлам.

Подход островов выделил 118 подгрупп, 68 из которых являются парами авторов. Остальные 50 подгрупп имеют размер от 3 до 10. Интересные структуры из 5 и более узлов показаны на рис. 2.

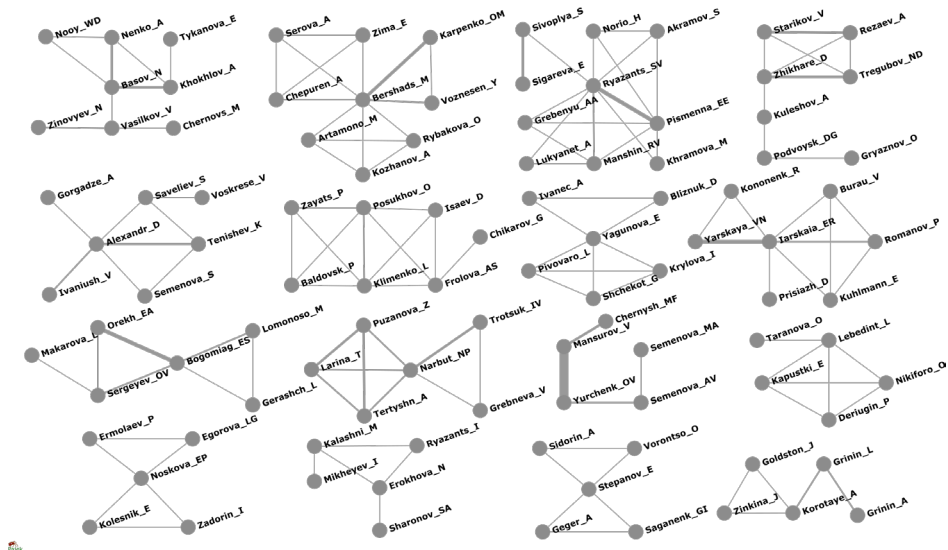

Рис. 2. Подгруппы в сети соавторства C_{0R}

Сеть связей между аффилиациями соавторов Af_A , построенная на основе сетей «Работа – Автор» и «Автор – Аффилиация», фиксирует связи между организациями. Подход островов позволил выявить 7 подгрупп с наиболее крупной структурой (68 узлов) с тремя центрами: РАН, НИУ ВШЭ и СПбГУ (рис. 3).

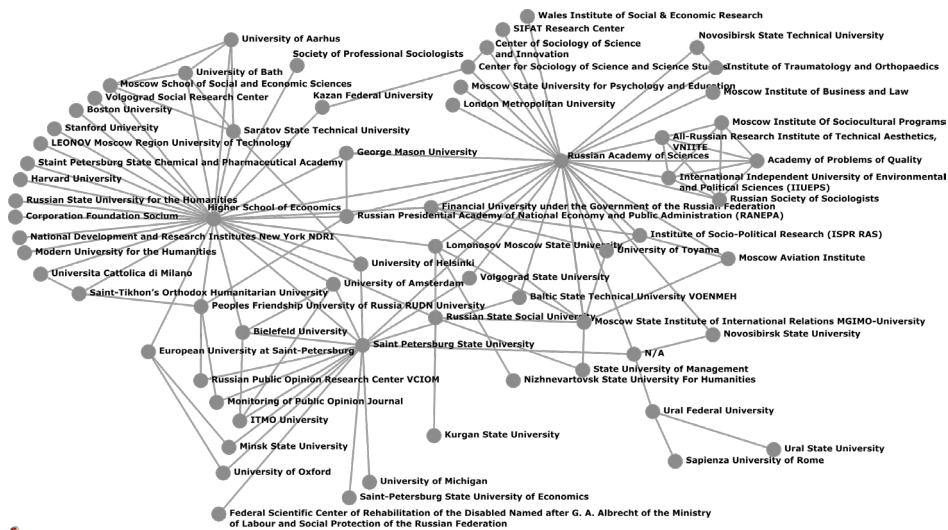

Рис. 3. Подгруппа в сети связей между аффилиациями соавторов Af_A

Заключение

Таким образом, показана важность разработки методологии библиометрического анализа библиографических описаний научных публикаций на русском языке. Представлен общий методологический подход к анализу сетей коллабораций российских авторов, который апробирован на данных об участии российских социологов в конференциях социологических ассоциаций ESA и ISA. Результаты показали множество не связанных групп авторов на локальном уровне. При этом связи между авторами хорошо выражены на уровне организаций; наблюдается высокий уровень географической централизации и доминирование трех основных институтов. Это подтверждает исходные предположения и актуализирует проблематику исследования. Следующим этапом разработки методологии является описание рабочих процессов с применением конкретных инструментов и алгоритмов сбора, обработки и анализа данных русскоязычных публикаций.

Список источников

1. *Maltseva D., Batagelj V.* iMetrics: the development of the discipline with many names // *Scientometrics*. 2020. Vol. 125. P. 313–359.
2. *Hou H., Kretschmer H., Liu Z.* The structure of scientific collaboration networks in *Scientometrics* // *Scientometrics*. 2008. Vol. 75, № 2. P. 189–202.
3. *Otte E., Rousseau R.* Social network analysis: a powerful strategy, also for the information sciences // *Journal of information Science*. 2002. Vol. 28, № 6. P. 441–453.
4. *Maltseva D., Batagelj V.* Collaboration Between Authors in the Field of Social Network Analysis // *Scientometrics*. 2022. P. 1–34.
5. *Chinchilla-Rodríguez Z., Miao L., Murray D., Robinson-García N., Costas R., Sugimoto C.R.* A Global Comparison of Scientific Mobility and Collaboration According to National Scientific Capacities // *Front. Res. Metr. Anal.* 2018. Vol. 3. P. 17.
6. *Lopaciuk B.* Collaboration strategies for publishing articles in international journals – A study of Polish scientists in economics // *Social Networks*. 2016. Vol. 44. P. 50–63.
7. *Newman P.* The structure of scientific collaboration networks // *PNAS*. 2001, January 16. Vol. 98, № 2. P. 404–409.
8. *Newman M.E.J.* Mixing patterns in networks // *Physical Review E*. 2003. Vol. 67, № 2. URL: <http://arxiv.org/abs/cond-mat/0209450> (accessed: 10.11.2019).
9. *Barabási A.-L.* Statistical Mechanics of Complex Networks // *Reviews of Modern Physics*. 2002. Vol. 74. P. 47–97.
10. *Kronegger L., Ferligoj A., Doreian P.* On the Dynamics of National Scientific Systems // *Quality & Quantity*. 2011. № 45 (5). P. 989–1015.
11. *Ferligoj A., Kronegger L., Mali F.* Scientific collaboration dynamics in a national scientific system // *Scientometrics*. 2015. Vol. 104. P. 985–1012.
12. *Glänzel W., Schubert A.* Analysing Scientific Networks Through Co-Authorship // *Handbook of Quantitative Science and Technology Research*. 2005. P. 257–276.
13. *Wagner C.S., Leydesdorff L.* Network structure, self-organization, and the growth of international collaboration in science // *Research policy*. 2005. Vol. 34, № 10. P. 1608–1618.
14. *Moody J.* The Structure of a Social Science Collaboration Network: Disciplinary Cohesion from 1963 to 1999 // *American Sociological Review*. 2004. Vol. 69, № 2. P. 213–238.
15. *Hunter L., Leahey E.* Collaborative research in sociology: Trends and contributing factors // *American Sociologist*. 2008. Vol. 39. P. 290–306.
16. *Pontille D.* Authorship Practices and Institutional Contexts in Sociology: Elements for a Comparison of the United States and France // *Science, Technology, & Human Values*. 2003. Vol. 28, № 2. P. 217–243.
17. *Mali F.* Turning science transdisciplinary: Is it possible for the new concept of cross-disciplinary cooperations to enter Slovenian science and policy? // *Modern RISC-Societies: Towards a New Paradigm for Societal Evolution* / eds. L. Kajfež-Bogataj, K.H. Müller, I. Svetlik, N. Toš. 2010. P. 461–474.

18. Моисеев С.П., Мальцева Д.В. Отбор источников для систематического обзора литературы: сравнение экспертного и алгоритмического подходов // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2019. № 47. С. 7–43.
19. Булычева Е.Е., Мальцева Д.В. Выделение актуальных тематик в социологии: взгляд сквозь призму анализа сети цитирований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 113–14
20. Сафонова М.А., Винер Б.Е. Сетевой анализ социотирований этнологических публикаций в российских периодических изданиях: предварительные результаты // Социология 4М. 2013. № 36. С. 140–176.
21. Винер Б.Е., Дивисенко К.С. Когнитивная структура современной российской социологии по данным журнальных ссылок // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 15 (4). С. 144–166.
22. Соколов М.М., Сафонова М.А., Губа К.С. Димке Д.В. Интеллектуальный ландшафт и социальная структура локального академического сообщества (случай петербургской социологии) // Гуманитарные исследования. WP6. Высшая школа экономики. 2012.
23. Батыгин Г.С., Градосельская Г.В. Сетевые взаимосвязи в профессиональном сообществе социологов: методика контент-аналитического исследования биографий // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 88–109.
24. Задорин И.В., Мальцева Д.В. Исследование информационной культуры и профессиональной коммуникации в социологическом сообществе // Телескоп. 2013. № 3. С. 41–52.
25. Бархатова Л.А. Структурные особенности коммуникации российских социологов: кейс онлайн-сообщества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 204–221.
26. Ким А.В., Мальцева Д.В. Профессиональное онлайн-сообщество российских социологов: тематики обсуждений и структура социальных взаимодействий // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2022. № 3.
27. Соколов М.М., Тутаев К.Д. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 9.
28. Batagelj V., Doreian P., Ferligoj A., Kejžar N. Understanding large temporal networks and spatial networks: Exploration, pattern searching, visualization and network evolution. John Wiley & Sons, Ltd., 2014.
29. Batagelj V., Ferligoj A., Squazzoni F. The emergence of a field: a network analysis of research on peer review // *Scientometrics*. 2017. Vol. 113. P. 503–532.
30. Batagelj V., Cerinšek M. On bibliographic networks // *Scientometrics*. 2013. № 96 (3). P. 845–864.
31. Nooy W. de, Mrvar A., Batagelj V. Exploratory social network analysis with Pajek. Revised and expanded edition for updated software. Cambridge ; New York, NY USA : Cambridge University Press., 2018.
32. Щеглова Т.Е., Мальцева Д.В., Ким А.В. Блокмоделинг для анализа социальных структур: методологические основания // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2021. Т. 1, № 52.

References

1. Maltseva, D. & Batagelj, V. (2020) iMetrics: the development of the discipline with many names. *Scientometrics*. 125. pp. 313–359.
2. Hou, H., Kretschmer, H. & Liu, Z. (2008) The structure of scientific collaboration networks in *Scientometrics*. *Scientometrics*. 75(2). pp. 189–202.
3. Otte, E. & Rousseau, R. (2002) Social network analysis: a powerful strategy, also for the information sciences. *Journal of Information Science*. 28(6). pp. 441–453.
4. Maltseva, D. & Batagelj, V. (2022) Collaboration Between Authors in the Field of Social Network Analysis. *Scientometrics*. 127. pp. 3437–3470. DOI: 10.1007/s11192-022-04364-z
5. Chinchilla-Rodríguez, Z., Miao, L., Murray, D., Robinson-García, N., Costas, R. & Sugimoto, C.R. (2018) A Global Comparison of Scientific Mobility and Collaboration According to National Scientific Capacities. *Front. Res. Metr. Anal.* 3:17. DOI: 10.3389/frma.2018.00017
6. Lopaciuk, B. (2016) Collaboration strategies for publishing articles in international journals – A study of Polish scientists in economics. *Social Networks*. 44. pp. 50–63.
7. Newman, P. (2001) The structure of scientific collaboration networks. *PNAS*. 98(2). pp. 404–409.

8. Newman, M.E.J. (2003) Mixing patterns in networks. *Physical Review E*. 67(2). [Online] Available from: <http://arxiv.org/abs/cond-mat/0209450> (Accessed: 10th November 2019).
9. Barabási, A.-L. (2002) Statistical Mechanics of Complex Networks. *Reviews of Modern Physics*. 74. pp. 47–97.
10. Kronegger, L., Ferligoj, A. & Doreian, P. (2011) On the Dynamics of National Scientific Systems. *Quality & Quantity*. 45(5). pp. 989–1015.
11. Ferligoj, A., Kronegger, L. & Mali, F. (2015) Scientific collaboration dynamics in a national scientific system. *Scientometrics*. 104. pp. 985–1012.
12. Glänzel, W. & Schubert, A. (2005) Analysing Scientific Networks Through Co-Authorship. In: Moed, H.F., Glänzel, W. & Schmoch, U. (eds) *Handbook of Quantitative Science and Technology Research*. Springer. pp. 257–276.
13. Wagner, C.S. & Leydesdorff, L. (2005) Network structure, self-organization, and the growth of international collaboration in science. *Research Policy*. 34(10). pp. 1608–1618.
14. Moody, J. (2004) The Structure of a Social Science Collaboration Network: Disciplinary Cohesion from 1963 to 1999. *American Sociological Review*. 69(2). pp. 213–238.
15. Hunter, L. & Leahey, E. (2008) Collaborative research in sociology: Trends and contributing factors. *American Sociologist*. 39. pp. 290–306.
16. Pontille, D. (2003) Authorship Practices and Institutional Contexts in Sociology: Elements for a Comparison of the United States and France. *Science, Technology, & Human Values*. 28(2). pp. 217–243.
17. Mali, F. (2010) Turning science transdisciplinary: Is it possible for the new concept of cross-disciplinary cooperations to enter Slovenian science and policy? In: Kajfež-Bogataj, L., Müller, K.H., Svetlik, I. & Toš, N. (eds) *Modern RISC-Societies: Towards a New Paradigm for Societal Evolution*. Fakulteta za družbene vede, IDV, CJMMK. pp. 461–474.
18. Moiseev, S.P. & Maltseva, D.V. (2019) Otbor istochnikov dlya sistematicheskogo obzora literatury: sravnenie ekspertnogo i algoritmicheskogo podkhodov [Selection of sources for a systematic literature review: Comparison of expert and algorithmic approaches]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (4M)*. 47. pp. 7–43.
19. Bulycheva, E.E. & Maltseva, D.V. (2020) Vydelenie aktual'nykh tematik v sotsiologii: vzglyad skvoz' prizmu analiza seti tsitirovaniy [Identification of relevant topics in sociology: A look through the prism of citation network analysis]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 6. pp. 113–14
20. Safonova, M.A. & Viner, B.E. (2013) Setevoy analiz sotsitirovaniy etnologicheskikh publikatsiy v rossiyskikh periodicheskikh izdaniyakh: predvaritel'nye rezul'taty [Network analysis of co-citations of ethnological publications in Russian periodicals: preliminary results]. *Sotsiologiya 4M*. 36. pp. 140–176.
21. Viner, B.E. & Divisenko, K.S. (2012). Kognitivnaya struktura sovremennoy rossiyskoy sotsiologii po dannym zhurnal'nykh sсыlok [Cognitive structure of modern Russian sociology according to journal references]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 15(4). pp. 144–166.
22. Sokolov, M.M., Safonova, M.A., Guba, K.S. & Dimke, D.V. (2012) Intellektual'nyy landschaft i sotsial'naya struktura lokal'nogo akademicheskogo soobshchestva (sluchay peterburgskoy sotsiologii) [Intellectual landscape and social structure of the local academic community (the case of St. Petersburg sociology)]. *Gumanitarnye issledovaniya*. WP6. Higher School of Economics.
23. Batygin, G.S. & Gradoselskaya, G.V. (2001) Setevye vzaimosvyazi v professional'nom soobshchestve sotsiologov: metodika kontent-analiticheskogo issledovaniya biografii [Network connections in the professional community of sociologists: A methodology for content-analytical study of biographies]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1. pp. 88–109.
24. Zadorin, I.V. & Maltseva, D.V. (2013) Issledovanie informatsionnoy kul'tury i professional'noy kommunikatsii v sotsiologicheskoy soobshchestve [A Study of Information Culture and Professional Communication in the Sociological Community]. *Teleskop*. 3. pp. 41–52.
25. Barkhatova, L.A. (2020) Strukturnye osobennosti kommunikatsii rossiyskikh sotsiologov: keys onlayn-soobshchestva [Structural Features of Communication of Russian Sociologists: A Case of an Online Community]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 5. pp. 204–221.
26. Kim, A.V. & Maltseva, D.V. (2022) Professional'noe onlayn-soobshchestvo rossiyskikh sotsiologov: tematiki obsuzhdeniy i struktura sotsial'nykh vzaimodeystviy [Professional Online Community of Russian Sociologists: Discussion Topics and Structure of Social Interactions]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 3.
27. Sokolov, M.M. & Titayev, K.D. (2013) Provintsial'naya i tuzemnaya nauka [Provincial and Indigenous Science]. *Antropologicheskii forum*. 9.

28. Batagelj, V., Doreian, P., Ferligoj, A. & Kejžar, N. (2014) *Understanding large temporal networks and spatial networks: Exploration, pattern searching, visualization and network evolution*. John Wiley & Sons.

29. Batagelj, V., Ferligoj, A. & Squazzoni, F. (2017) The emergence of a field: a network analysis of research on peer review. *Scientometrics*. 113. pp. 503–532.

30. Batagelj, V. & Cerinšek, M. (2013) On bibliographic networks. *Scientometrics*. 96(3). pp. 845–864.

31. Nooy, W. de, Mrvar, A. & Batagelj, V. (2018) *Exploratory social network analysis with Pajek*. Cambridge; New York, NY USA: Cambridge University Press.

32. Shcheglova, T.E., Maltseva, D.V. & Kim, A.V. (2021) Blokmodeling dlya analiza sotsial'nykh struktur: metodologicheskie osnovaniya [Block modeling for the analysis of social structures: Methodological foundations]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*. 1(52).

Сведения об авторе:

Мальцева Д.В. – кандидат социологических наук, заведующий лабораторией, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории прикладного сетевого анализа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: dmaltseva@hse.ru

Ким А.В. – младший научный сотрудник Международной лаборатории прикладного сетевого анализа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: avkim@hse.ru

Щеглова Т.Е. – младший научный сотрудник Международной лаборатории прикладного сетевого анализа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: tshcheglova@hse.ru

Information about the authors:

Maltseva D.V. – Cand. Sci. (Sociology), head of the International Laboratory for Applied Network Research, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: dmaltseva@hse.ru

Kim A.V. – junior research fellow, International Laboratory for Applied Network Research, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: avkim@hse.ru

Scheglova T.E. – junior research fellow, International Laboratory for Applied Network Research, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: tshcheglova@hse.ru

*Статья поступила в редакцию 26.04.2023;
одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted 26.04.2023;
approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 11.06.2024*

Научная статья

УДК 316.36

doi: 10.17223/1998863X/79/21

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕМЕЙНОГО МИФА КАК МЕХАНИЗМА РЕКОНСТРУКЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Мочалова Надежда Юрьевна¹, Ольховикова Светлана Валерьевна²

¹ *Нижнетагильский государственный социально-педагогический университет,
филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета,
Нижний Тагил, Россия, mochalova_n2008@mail.ru*

² *Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, s.v.olkhovikova@urfu.ru*

Аннотация. Анализируется потенциал семейного мифа как механизм реконструкции ценностей современной семьи. Вторичный анализ данных исследований семейных историй позволил соотнести их с понятием «семейный миф». Исследуя механизм трансляции семейного мифа, авторы приходят к пониманию его интересубъективной природы, что позволяет предположить, что семейный миф, формируя мир повседневных смыслов, может стать стимулом и конкретным действием, направленным на изменение жизненных проектов современной семьи.

Ключевые слова: семейная история, семейный миф, ценностные ориентации, традиционные ценности, современная семья

Для цитирования: Мочалова Н.Ю., Ольховикова С.В. Трансформационный потенциал семейного мифа как механизма реконструкции традиционных семейных ценностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 233–242. doi: 10.17223/1998863X/79/21

Original article

TRANSFORMATION POTENTIAL OF FAMILY MYTH AS A MECHANISM OF RECONSTRUCTING TRADITIONAL FAMILY VALUES

Nadezhda Yu. Mochalova¹, Svetlana V. Olkhovikova²

¹ *Nizhny Tagil State Social-Pedagogical University, branch of the Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhny Tagil, Russian Federation, mochalova_n2008@mail.ru*

² *Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation, s.v.olkhovikova@urfu.ru*

Abstract. “Family myth” has not arrived to sociological tradition yet; nevertheless, it has long been appropriated by psychological theory and practice in dealing with “dysfunctional” families. However, “family myth” receives a wider interpretation in the twenty-first century in the context of family identity as an idea that unifies all family members, also merging family myth with family history. Thus, we meet an opportunity to investigate deeper the family myth opportunities, including the inclusion of family myth into the “body” of modern family and modern society. Analyzing mythological potential of family histories in our research, we arrived to the following conclusions. Family history is also a family myth, as it essentially represents an emotionally valent word. Family myth realizes a suggestive function as a coercive mechanism applicable to individuals in authorizing urgent collective

behavioral and cognitive norms. Expressing the family unconscious, the myth also realizes the obligations that ensue the norms. Meanwhile the coercion mechanism is supported by trustful mind, the “legitimizing apparatuses” sanctified by the authority of parents and ancestors. Family myth is an event realized on the border of the immanent and the transcendent. Family mythology is the mythology of quotidian life that also structures the everyday human life worlds. At the same time, family myth appeals to ancestors and transmits transcendental meanings generated by mutual human experiences. The communicative nature of myth and the essential meaningfulness of transmittance within the family myth could explain the probability of autonomy and intersubjectivity while moving from one everyday world to another one. Meanwhile, the “inner family transmittance” functions as identification, socialization, and empathy with adaptation and reflection that nurture formation and transmission of personal axiological orientations.

Keywords: family history, family myth, axiological orientations, traditional values, modern family

For citation: Mochalova, N.Yu. & Olkhovikova, S.V. (2024) Transformation potential of family myth as a mechanism of reconstructing traditional family values. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 233–242. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/21

Введение

Изменяющаяся социальная действительность опережает все попытки прогнозов и затрагивает все социальные институты общества. Семья как базовый, древнейший социальный институт общества также не избежала этих изменений. О кризисе семьи как социального института говорят давно. Еще в начале XX в. Питирим Сорокин связал его с распадом патриархальной семьи. Аргументируя кризис, П. Сорокин связывал этот процесс с уменьшением числа заключаемых браков, ростом количества разводов, падением уровня рождаемости, увеличением внебрачных сексуальных контактов у мужчин и женщин, ослаблением религиозной основы брака, освобождением женщин из-под опеки мужа и в целом изменением взаимоотношений супругов. Тем самым семья, по мнению П. Сорокина, трансформируется, меняет свои основы – принципы супружества и родительства [1]. Особенности и тенденции изменения современной российской семьи изучаются социологами, фиксируются статистикой и обсуждаются обществом. Чаще всего в центре внимания оказываются негативные тенденции, такие как снижение брачности (числа вступающих в брак), рост количества разводов, снижение рождаемости, рост доли однодетных и бездетных семей, увеличение числа внебрачных рождений. В результате существенной диспропорции полов в России, обусловленной как особенностями исторических процессов в XX в., так и существенным разрывом в продолжительности жизни мужчин и женщин, объективно ухудшаются шансы женщин на повторный брак, рождение второго или третьего ребенка, а также шансы женщин, отложивших матримониальные планы по разным причинам.

Таким образом, можно зафиксировать, что переход от патриархальной, традиционной, сложной, расширенной, многодетной семьи к нуклеарной, малодетной, современной совершился уже в рамках прошлого века. Трансформация семьи как важного фактора общественного воспроизводства, хозяйственной ячейки общества в социально-психологическую общность, партнерскую семью, где супружество доминирует над родительством, качественно меняет отношения общества и семьи – семья становится про-

странством личной жизни, что существенно снижает возможности контроля [2]. В XXI в. мы имеем дело с социальным институтом семьи, который уже претерпел структурные, ролевые и ценностные изменения. Это современная семья, которая утратила некоторые свои институциональные признаки:

- современная детоцентристская семья по природе своей малолетна;
- для супружеской семьи родственные отношения вторичны;
- популярность альтернативных форм брака снижает роль общества в семейно-брачных отношениях.

Современная семья частично утратила репродуктивные и хозяйственно-экономические функции. Однако чем больше актуализируется тенденция индивидуализации, тем важнее становится потребность общества и человека в устойчивых ячейках, таких как семья. Семья по-прежнему остается пространством трансляции ценностей и смыслов. Насколько реально встроить в «тело» современной семьи традиционные ценности? Если речь идет о попытках нормативно-административного социального конструирования на национальном уровне модели семьи с традиционными ценностями как наиболее предпочтительной для российского общества, то они, присоединимся к коллегам [3. С. 129], обречены на провал, ибо «человеческие ценности не могут быть предметом договоренности или компромисса. Они чаще всего носят абсолютный характер» [4. С. 94]. Однако в реальности есть более гибкие инструменты социального конструирования. На наш взгляд, таким инструментом может стать социальная мифология. В основе мифа лежит совокупность ценностных предпочтений, так как, с одной стороны, мифологическая ситуация всегда характеризуется особой эмоциональной интенсивностью, а с другой – миф призван освящать и защищать социальные ценности.

Методология и методы исследования

Методологической базой исследования семейных мифов стала феноменологическая социология А. Шюца [5] и социологический конструктивизм П. Бергера и Т. Лукмана. Разделив реальность на внутреннюю и внешнюю, А. Шюц интересуется, прежде всего, механикой внутреннего и формирует новое представление о природе смысла. Это означает, что феноменологическая социология описывает смыслы и представления субъекта, сознание которого всегда находится в сфере реального, но не всегда существующего. То есть, что очень важно при постановке нашей проблемы, при рассмотрении человека в рамках методологии феноменологической социологии, исследователь заинтересован изучать представления и смыслы человека вне зависимости, закреплены ли они вовне. Потому что, согласно А. Шюцу, человек не создает смыслы, а приписывает их уже совершенным действиям. Развивая идеи А. Шюца, П. Бергер и Т. Лукман [6] говорят о совместном конструировании индивидов социальной реальности и обратном воздействии ее на индивида.

В анализе функциональных возможностей современной мифологии и в частности семейных мифов мы использовали методологию структурной антропологии К. Леви-Стросса [7], который, опираясь на идеи К.Г. Юнга о коллективном бессознательном, описал бессознательные структуры, которые лежат в основе социальных установлений, верований и обычаев, а также работы его соратника и последователя Р. Барта [8]. В контексте этого исследо-

вания особенный интерес для анализа семейного мифа представляет коммуникационная теория мифа С.В. Тихоновой [9], которая настаивает на том, что вне социальной коммуникации миф не существует, и только в процессе коммуникации возможно приобщение к мифу, вхождение в его реальность.

Эмпирической базой исследования стали вторичный анализ данных биографических интервью, проведенных Е.Л. Омельченко, Ю.В. Андреевой [10], О.А. Полюшкевич [11], А.Ю. Помниковой [12], а также вторичный анализ данных исследования «Исторические символы как фактор укрепления общероссийской гражданской идентичности», проведенного ФНИСЦ РАН в рамках первого этапа Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества в сентябре 2020 г. по репрезентативной российской выборке. Сбор информации осуществлялся методом персональных очных интервью [13]. Был проведен вторичный анализ данных исследования ВЦИОМ от 20 августа 2023 г. среди 1 600 россиян в возрасте от 18 лет методом телефонного опроса [14].

Исследование

В проблемном поле современной российской социологии семьи последние годы актуализируется понятие «семейная история», которая рассматривается как одна из форм сохранения знания о семье, некая «точка опоры человека, его внутренний стержень» [11. С. 88]. И хотя ценность и значимость семейных историй признается многими исследователями, их изучение пока не носит всестороннего характера. По результатам исследований [14], 92% опрошенных заинтересованы в истории семьи, из них 48% целенаправленно узнают о ней и 44% не делают этого специально. При этом 52% заинтересованных – это люди шестидесяти лет и старше. Молодежь менее заинтересована в истории семьи. По данным исследования ФНИСЦ РАН [13], 36% осведомленных об истории семьи – это люди с высшим образованием, 35% – жители села. Жители мегаполисов в меньшей степени заинтересованы в семейной истории, возможно, на это повлиял разрыв с родительской семьей, переезд.

В ситуации трансформации, эволюции семейно-брачных отношений все чаще люди задаются вопросом родовых связей, в рамках любительской генеалогии пытаются воссоздать историю (биографию) семьи и рода с помощью традиционных и цифровых архивов, фотоархивов, судебных отчетов. О.А. Полюшкевич называет эти инструменты воссоздания личной истории и личной идентичности формами социальной практики. При этом сама семейная история понимается авторами исследований как некий «контент, сохраняющий и передающий информацию о любых субъектах конкретной семьи» [12. С. 1]. В тоже время все исследователи уточняют, что семейная история – это не просто текст, а сложное коммуникативное явление, которое включает социальный контекст события, дающий представление как об участниках, так и о процессах восприятия. Фотографии – самая эмоционально заряженная часть архивов, они есть у всех на три-четыре поколения. Мемуары, в исследовании О.А. Полюшкевич, были у одного респондента, документ хранился в архиве г. Иркутска. У одного респондента была выписка из решения суда и у двух – документы о смерти в лагерях. Но документы в данном случае – лишь база для семейной истории. Исследователи отмечают, что именно внутрисе-

мейное общение служит основным способом сохранения и передачи информации о семье и ее членах: «Основную роль во внутрисемейной трансмиссии берут на себя бабушки: собирают и ведут семейные архивы, задавая границы памяти, вычерчивая хронологию того, о чем следует помнить. Инструментальная передача воспоминаний отданы в семьях на откуп женщинам» [10. С. 151], при этом поколение родителей намеренно выключает себя из трансмиссии, отдавая право голоса прародителям, которые избирательны в воспоминаниях. Семейный травматичный опыт определяет формат воспроизводства прошлого семьи у всех последующих поколений: забылось то, о чем молчат в семьях, и воспроизводятся только «легальные» сюжеты. Поэтому, по выводам большинства исследователей [13], история страны, как история семьи, складывается из «благонадежных биографий».

Таким образом, механизм создания и воссоздания этих историй позволяет, на наш взгляд, рассматривать семейные истории в качестве семейного мифа, термина, еще не имеющего глубокой социологической традиции, с одной стороны, но открывающего большие возможности перед исследователями. Изначально оперировать термином «семейный миф» было предложено в 60-е гг. прошлого века испанским психиатром А. Феррейра [15], который объяснял его как защитный механизм для поддержания единства в дисфункциональных семьях. Позднее семейный миф стал пониматься в психологии и социологии шире, как «некая форма описания семейной идентичности, некая формообразующая и объединяющая всех членов семьи идея, или образ, или история... В мифе содержится знание о том, что принято, а что не принято в семье думать, делать и говорить, осуждать, ценить» [16. С. 72]. При этом семейный миф как проявленное семейное бессознательное, по мнению М.Х. Богатыревой, – это социально-психологический феномен, базирующийся на механизмах психологической защиты, используемых для поддержания единства в семье на протяжении жизни нескольких поколений [17. С. 167]. В этом смысле семейный миф, во-первых, несет в себе долженствование, т.е. ориентирован на норму, а во-вторых, позволяет выйти за пределы общепризнанного и выполнить функцию поиска самого себя. В этом качестве семейный миф как способ восприятия мира обеспечивает возможность самоопределения личности в ценностно-смысловом пространстве [18].

Исследования семейных историй действительно демонстрируют нам их мифологическую сущность и потенциал. Любой миф – это эмоционально заряженное слово, рассказ. Р. Барт, характеризуя миф как слово, которое носит императивный, побудительный характер, подчеркивает, что 1) мифом может стать любое слово, все, что достойно рассказа; 2) «отталкиваясь от конкретного понятия, возникая в совершенно определенных обстоятельствах, он обращается непосредственно ко мне, стремится добраться до меня, я испытываю на себе силу его интенции, он навязывает мне свою агрессивную двусмысленность» [8. С. 72]. Как и вся вторая сигнальная система, миф – это результат суггестии, т.е. воздействия людей друг на друга посредством внушения. По сути, это система принуждения индивидов к определенным жизненно необходимым и коллективно регулируемым нормам поведения и мышления. Все авторы анализируемых исследований семейных историй отмечали высокую эмоциональность респондентов. Во время рассказа респонденты волновались: у них потели ладони, они краснели, перебивали сами се-

бя, запинались. Все респонденты были эмоционально вовлечены и искренне восхищались жизнью своих предков, «замечая и отмечая в их жизни необычные и знаковые вещи, мысли, поступки, которые меняли все в их собственной жизни, а порой и в жизни страны» [11. С. 90]. В силу того что семейные мифы глубоко переживаются индивидом, они относятся к сфере «наболевшего». В этом смысле семейные истории любви, проклятий, успехов и поражений вызывают желание поделиться ею в социальных сетях, являясь способом самопрезентации и самоидентификации.

Поскольку изначально миф – это событие, совершающееся на грани двух миров, имманентного и трансцендентного, в мифе присутствуют факты разной напряженности бытия, разной степени реальности [19. С. 412]. Поэтому современное мифотворчество создает как мифы повседневности, так и смысло-жизненные мифы. Семейный миф, с одной стороны, близок к быличке, мифу повседневности, с другой – в своем обращении к предкам, транслирует трансцендентные смыслы. Смыслонаделение и смыслообнаружение есть проявление ежедневной познавательной активности человека, глубинная потребность его психической жизни. Человек ориентируется в мире благодаря наложению мыслительных схем, сформированных в определенной социальной среде. По своей природе данные стереотипы поведения являются продуктами коллективного опыта, мифоподобными структурами, передающимися от поколения к поколению. Поэтому человек воспринимает их некритично, автоматически. А. Шюц называет это интерсубъективными смыслами и значениями, порождаемыми совместным опытом людей: «Любая интерпретация мира основана на предыдущем знакомстве с ним – нашем лично или передаваемом нам родителями и учителями. Этот опыт в форме „наличного знания“ выступает как схема, с которой мы соотносим все наши восприятия и переживания» [20. С. 129]. Семейный миф как некое знание о мире (воспринимаемое в качестве истины) представляет собой интерпретацию мира. При этом важно, что «мифы являются неспецифическим, внерациональным знанием, которое может усваиваться реципиентом до того, как его способность к рациональному, критическому познанию будет сформирована, и включаться в структуру его повседневного мира» [9. С. 49]. Поскольку на фоне ослабления брачно-репродуктивных установок в последние годы наблюдается тренд на усиление роли родительской семьи, важность эмоциональной связи с родительской семьей становится очевидной [21]. В России, как и во всем мире, идет позднее социальное взросление, большинство миллениалов получают не только материальную помощь от родителей. Пандемия продемонстрировала и рост психоэмоциональной связи с родительской семьей. На фоне виртуализации коммуникаций, «удаленной» работы, снижения роли трудового коллектива в процессе социализации семья воспринимается как буфер и защита от неопределенностей внешнего мира. Семейный миф в этой ситуации выступает «точкой сбора» семьи, ее опорой. Поэтому именно внутрисемейное общение, передача семейных мифов, выполняет функцию конструирования идентичности личности через соотнесение себя со своей семьей.

Исходя из этого расширенного толкования семейного мифа, мы можем раскрыть его потенциал в сфере формирования ценностных ориентаций. Ценностные ориентации формируются из сознательного предпочтения одних форм деятельности, поведения и отказа от других, закрепляются жизненным

опытом индивида, всей совокупностью его переживаний. Важнейшими механизмами становления ценностной сферы личности являются идентификация, социализация, адаптация, эмпатия, рефлексия и т.д. Все исследователи семейных историй настаивают на том, что это не просто текст, а прежде всего, коммуникативное пространство. Современная теория мифа предлагает нам рассматривать его в контексте коммуникации [22]. Коммуникация является способом существования мифа, поскольку «только в процессе коммуникации возможно приобщение к мифу, вхождение в его реальность» [22. С. 18]. При этом «внутрисемейная трансмиссия» выполняет функции самоидентификации, социализации, эмпатии, адаптации и рефлексии. И миф при этом как изначально ценностная структура формирует ценностные ориентации личности. При этом важную роль в этих процессах играет персонифицированный идеал, предок или основатель рода. Семейный миф, транслируясь из одного повседневного мира в другой, обретает самостоятельность, становится интерсубъективным. А. Шюц утверждает, что социум укоренен в интерсубъективном мире повседневности, который он понимает как некий смысловой универсум, некую совокупность значений, которую каждый человек должен интерпретировать, чтобы обрести опору в этом мире и прийти к соглашению с ним. П. Бергер и Т. Лукман [6], развивая идеи А. Шюца, говорят о первичной социализации индивида в семье, в рамках которой он встречается значимых для него «других». Но установление целостной идентичности для него невозможно в семье без интернализации «аппарата легитимации», который имеет мифологическую природу, поскольку предполагает неверифицируемые суждения о сущности социального порядка, освященные авторитетом родителей, предков. Таким «аппаратом легитимации» может стать и семейный миф. Таким образом, семейный миф как вариант современного социального мифа, формируя интерсубъективный мир повседневных смыслов, может стать стимулом и конкретным действием, направленным на изменение жизненных проектов и жизненного пространства современной семьи и общества в целом.

Заключение

В XXI в. российская семья обретает новую форму и содержание, которые демонстрируют, скорее, не кризис или разрушение социального института, а актуальную потребность отвечать на вызовы общества. Ценность семейных связей возрастает на фоне углубляющихся процессов трансформации и турбулентности общества. Государство видит в семье базовую структуру сохранения и воспроизводства традиции. Однако исследования социологов показывают, что традиционные ценности во многом давно утрачены современной российской семьей, и речь может идти только об их социальном конструировании. Возможности социального конструирования традиционных ценностей в обществе, где востребованы другие ценностные ориентации и установки, ограничены. Да и вряд ли возможно и целесообразно навязывать обществу нормы и стандарты демографического и семейного поведения. Мы предлагаем более гибкие и «мягкие» инструменты, одним из которых, на наш взгляд, может стать семейная мифология, поскольку миф по своей природе призван освящать и защищать социальные ценности.

Термин «семейный миф» еще не имеет глубокой социологической традиции, хотя уже достаточно долго используется в психологической науке и практике работы с дисфункциональными семьями. Однако в XXI в. семейный миф получает более широкое толкование как некая форма описания семейной идентичности, как идея, объединяющая всех членов семьи, что сближает семейный миф с семейной историей. Это позволяет провести более глубокое исследование возможностей семейного мифа как механизма реконструкции традиционных ценностей в «тело» современной семьи и общества. Анализ мифологического потенциала семейных историй стал содержанием нашего исследования, которое позволило сделать следующие выводы:

1. Семейная история является семейным мифом, так как это эмоционально заряженное слово. Как результат суггестии семейный миф является механизмом принуждения индивидов к определенным, жизненно необходимым и коллективно регулируемым нормам поведения и мышления. Как проявление семейного бессознательного он несет в себе функцию долженствования, т.е. ориентирован на некую норму. При этом механизм принуждения опирается на доверчивое сознание, «аппарат легитимации», освященный авторитетом родителей, предков.

2. Семейный миф – это событие, которое совершается на грани двух миров – имманентного и трансцендентного. То есть семейная мифология – это мифология повседневности, включенная в структуру повседневного мира человека. Одновременно в своем обращении к предкам семейный миф транслирует трансцендентные смыслы, порождаемые совместным опытом людей.

3. Исходя из коммуникационной природы мифа и сущностной значимости процесса трансляции в формировании семейного мифа, можно предположить, что, транслируясь из одного повседневного мира в другой, семейный миф обретает самостоятельность и интерсубъективность. При этом «внутрисемейная трансмиссия» выполняет функции идентификации, социализации, эмпатии, адаптации и рефлексии, которые в свою очередь являются механизмами формирования и передачи ценностных ориентаций личности.

Список источников

1. *Сорокин П.* Социальная и культурная динамика // Семейные, договорные и принудительные отношения и системы взаимодействия (группы). СПб. : РХГИ, 2000. С. 513–518.
2. *Романова К.С.* Трансформация семьи как социального института в условиях изменения государства и собственности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10. С. 271–286.
3. *Вялых Н.А.* Трансформация института семьи в российском обществе: социальные противоречия и социологические иллюзии // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 2 (41). С. 125–138.
4. *Винер Д.Р.* Экологическая идеология без мифов // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 85–98.
5. *Шюц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М. : Изд-во Ин-та фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
6. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
7. *Леви-Строс К.* Структурная антропология : пер. с фр. М. : Наука, 1983. 536 с.
8. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
9. *Тихонова С.В.* Социально-онтологический статус мифа // Философия и общество. 2008. № 3. С. 44–57.
10. *Омельченко Е.Л., Андреева Ю.В.* Что остается в семейной истории: память о советском сквозь разговор трех поколений // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 147–155.

11. Полошкевич О.А. Семейная история как социальная практика // Социология. 2019. № 3. С. 88–92.
12. Помникова А.Ю. Семейная история в дискурсивном пространстве // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7, № 1 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynaya-istoriya-v-diskursivnom-prostranstve> (дата обращения: 19.03.2024).
13. Бараш П.Э. Семейные истории и семейная память в России 2020-х годов // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2023. № 4 (111). С. 141–162.
14. Социологи назвали долю россиян, интересующихся историей семьи. URL: <https://ria.ru/20230831/semiya-1893357985.html> (дата обращения: 21.03.2024).
15. Ferreira A.J. Family myth // *Psychiatric Research Reports*. 1966. № 20. P. 85–90.
16. Варга А.А. Введение в системную семейную психотерапию. М. : Когито-Центр, 2017. 182 с.
17. Богатырева М.Х. Межпоколенная передача семейной истории. Дефекты передачи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 109. С. 164–170.
18. Каурова И.А. Современные семейные мифы в пространстве массовых коммуникаций // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. С. 58–64.
19. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Из ранних произведений. М. : Правда, 1990. С. 393–600.
20. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.
21. Аврамова Е.М. Социальное позиционирование и социальные практики российских миллениалов // Вестник института социологии. 2019. Т. 10, № 03. С. 78–95.
22. Тихонова С.В. Социальная мифология в коммуникационном пространстве современного общества : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2009. 42 с.

References

1. Sorokin, P.A. (2000) *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and Cultural Dynamics]. Translated from English. St. Petersburg: Russian Christian Institute for the Humanities. pp. 513–518.
2. Romanova, K.S. (2010) Transformatsiya sem'i kak sotsial'nogo instituta v usloviyakh izmeneniya gosudarstva i sobstvennosti [Transformation of the family as a social institution in the context of changing state and property]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 10. pp. 271–286.
3. Vyalykh, N.A. (2021) Transformatsiya instituta sem'i v rossiyskom obshchestve: sotsial'nye protivorechiya i sotsiologicheskie illyuzii [Transformation of the institution of the family in Russian society: social contradictions and sociological illusions]. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium*. 2(41). pp. 125–138.
4. Wiener, D.R. (1995) *Ekologicheskaya ideologiya bez mifov* [Ecological ideology without myths]. *Voprosy filosofii*. 5. pp. 85–98.
5. Schutz, A. (2003) *Smyslovaya struktura povsednennogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii* [The Semantic Structure of the Everyday World: Essays on Phenomenological Sociology]. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation.
6. Berger, P. & Luckmann, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Translated from English. Moscow: Medium.
7. Levi-Strauss, K. (1983) *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Translated from French. Moscow: Nauka.
8. Barthes, R. (1989) *Izbrannyye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress.
9. Tikhonova, S.N. (2008) Sotsial'no-ontologicheskiiy status mifa [Social and Ontological Status of Myth]. *Filosofiya i obshchestvo*. 3. pp. 44–57.
10. Omelchenko, E.L. & Andreeva, Yu.V. (2017) Chto ostaetsya v semeynoy istorii: pamyat' o sovetskom skvoz' razgovor trekh pokoleniy [What Remains in Family History: Memory of the Soviet Through the Conversation of Three Generations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 11. pp. 147–155.
11. Polyushkevich, O.A. (2019) Semeynaya istoriya kak sotsial'naya praktika [Family History as a Social Practice]. *Sotsiologiya*. 3. pp. 88–92.
12. Pomnikova, A.Yu. (2019) Semeynaya istoriya v diskursivnom prostranstve [Family History in the Discursive Space]. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 7(1(26)). p. 9.

13. Barash, R.E. (2023) Semeynye istorii i semeynaya pamyat' v Rossii 2020-kh godov [Family histories and family memory in Russia in the 2020s]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki)*. 4(111). pp. 141–162.
14. RIA. (2023) *Sotsiologi nazvali dolyu rossiyan, interesuyushchikhsya istoriey sem'i* [Sociologists named the proportion of Russians interested in family history]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20230831/semya-1893357985.html>. (Accessed: 21st March 2024).
15. Ferreira, A.J. (1966) Family myth. *Psychiatric Research Reports*. 20. pp. 85–90.
16. Varga, A.Ya. (2017) *Vvedenie v sistemnyuyu semeynuyu psikhoterapiyu* [Introduction to Systemic Family Psychotherapy]. Moscow: Kogito-Tsentr.
17. Bogatyreva, M.Kh. (2009) Mezhpokolennaya peredacha semeynoy istorii. Defekty peredachi [Intergenerational transmission of family history. Transmission defects]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 109. pp. 164–170.
18. Kairova, I.A. (2011) Sovremennye semeynye mify v prostranstve massovykh kommunikatsiy [Modern family myths in the space of mass communications]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 6. pp. 58–64.
19. Losev, A.F. (1990) *Iz rannikh proizvedeniy* [From Early Works]. Moscow: Pravda. pp. 393–600.
20. Schutz, A. (1988) Struktura povsednevnogo myshleniya [The structure of everyday thinking]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2. pp. 129–137.
21. Avraamova, E.M. (2019) Sotsial'noe pozitsionirovanie i sotsial'nye praktiki rossiyskikh millenialov [Social positioning and social practices of Russian millennials]. *Vestnik instituta sotsiologii*. 10(3). pp. 78–95.
22. Tikhonova, S.V. (2009) *Sotsial'naya mifologiya v kommunikatsionnom prostranstve sovremennogo obshchestva* [Social Mythology in the Communication Space of Modern Society]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Saratov.

Сведения об авторе:

Мочалова Н.Ю. – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических наук Нижнетагильского государственного социально-педагогического университета, филиала Российского государственного профессионально-педагогического университета (Нижний Тагил, Россия). E-mail: mochalova_n2008@mail.ru
Ольховикова С.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: s.v.olkhovikova@urfu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Mochalova N.Yu. – Cand. Sci. (Philosophy), docent, head of Humanities and Social and Economic Sciences, Nizhny Tagil State Social-Pedagogical University, branch of the Russian State Vocational Pedagogical University (Nizhny Tagil, Russian Federation). E-mail mochalova_n2008@mail.ru
Olkhovikova S.V. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Department of Sociology and Social Technologies in Public Administration, Institute of Economics and Administration, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail s.v.olkhovikova@urfu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.04.2024;
одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted 01.04.2024;
approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 11.06.2024*

Научная статья

УДК 37.072

doi: 10.17223/1998863X/79/22

КОМПЛЕМЕНТАРНОСТЬ КАК ПРИНЦИП РАЗВИТИЯ ПАРТНЕРСТВ В ИННОВАЦИОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Дарья Александровна Томасова¹, Андрей Петрович Глухов²

^{1,2} *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

² *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

¹ *dtomasova@hse.ru*

² *glukhovap@tspu.edu.ru*

Аннотация. Исследуется феномен комплементарных партнерств и стратегии преодоления дефицитов в инновационной образовательной системе на примере Челябинской области. В фокусе исследования находятся дефициты, формы и результаты взаимодействия образовательных акторов. Методология включает анализ полуструктурированных интервью с участниками образовательной экосистемы. В заключение поднимаются дискуссионные вопросы двойственного влияния горизонтальных партнерств на управленческую структуру в системе образования.

Ключевые слова: экосистема образовательных инноваций, комплементарное взаимодействие, образовательные партнерства, институты образовательной поддержки, инновационно-образовательная система Челябинской области, управление в образовании.

Благодарности: Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00687 «Исследование трансформации институционального дизайна российской образовательно-инновационной системы в условиях постпандемической реальности: экосистемный анализ и картографирование ландшафта».

Для цитирования: Томасова Д.А., Глухов А.П. Комплементарность как принцип развития партнерств в инновационной образовательной системе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 243–257. doi: 10.17223/1998863X/79/22

Original article

COMPLEMENTARITY AS A PRINCIPLE FOR DEVELOPING PARTNERSHIPS IN AN INNOVATIVE EDUCATIONAL SYSTEM

Daria A. Tomasova¹, Andrey P. Glukhov²

^{1,2} *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation*

² *Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *dtomasova@hse.ru*

² *glukhovap@tspu.edu.ru*

Abstract. The article discusses the formats of interaction between various participants involved in innovative and project activities in the educational sphere. We present the

interpretation, adoption and adaptation of the concept of innovative ecosystem complementarity into the educational context. The article puts a strong emphasis on specific deficits and gaps that educational innovators face in their projects, and on emerging opportunities to overcome these gaps through the complementarity of resources and competencies of different participants in the innovation process. The empirical study is based on data obtained from semi-structured interviews with representatives of the regional educational system, teachers and administrators in schools, regional authorities in the educational sphere, individual innovators (authors of commercial and non-commercial educational initiatives). The interviews covered the following topics: the history of an educational project launch; platforms for financial, expert, and information support; partnerships, mutual exchange and dissemination of innovative ideas in the educational community. This frame allowed us to explore comprehensively the interdependence of barriers and drivers of an educational project, on the one hand, and support and collaboration strategies, on the other. As a result of two-stage thematic coding, we structured the main types of resource and organizational barriers in the innovation sphere, and identified the strong impact of personnel shortages and positioning deficits on the further growth and strengthening of educational initiatives in the community. To address these shortcomings, innovators get engaged in partnerships and collaborative alliances that might allow for sharing and concentration of resources, co-branding and co-joint launch of complex projects. Another result is the detailed structure of formats of institutional partnerships and horizontal interactions in educational projects. Thus, we identified leadership and associative forms of partnerships, regular (joint project activities and expert support) and event formats of interactions. In the discussion part, the article introduces the model of complementarity in education and reveals the dual character of horizontal educational partnerships. They give a significant impetus to innovative projects development and simultaneously cause institutional tensions in the organizational and managerial structure. The article provides the foundation for future studies on the overall effects of partnerships and specialised complementarities on the heterogeneity, diversity and quality of educational initiatives, and on joint development of human capital in education.

Keywords: ecosystem of educational innovations, complementary interaction, educational partnerships, educational support institutions, innovation and educational system of Chelyabinsk Oblast, management in education

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00687.

For citation: Tomasova, D.A. & Glukhov, A.P. (2024) Complementarity as a principle for developing partnerships in an innovative educational system. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 243–257. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/22

1. Введение и методология

Современная российская система образования характеризуется увеличением институционального разнообразия и интенсивности взаимодействия между акторами и организациями. При этом часто отсутствует общее коммуникативное поле, культура эффективной коллаборации и комплементарного взаимодействия как между традиционными и нетрадиционными акторами широкой рамки экосистемы, так и внутри между игроками формальной образовательной системы на мезоуровне. Представители формальной системы образования часто занимают оборонительную позицию и не готовы к контакту с бизнесом, культурно-досуговыми учреждениями (музеями, театрами, библиотеками), НКО, пространствами совместного действия (кванториумами, технопарками, точками кипения и др.), тогда как неформальные акторы не имеют опыта, ресурсов, а также понимания контекста для встраивания в деятельность традиционных образовательных институций. Отсутствие обще-

го для экосистемы видения, интерпретации правил коллаборации, единства решаемых образовательных задач создает ситуацию не всегда уместной несовершенной конкуренции и отсекает возможности кооперации. Исходя из управленческой позиции разработки общей экосистемной образовательной политики (макроуровень), понимание вариантов достижения комплементарного партнерства между ключевыми игроками и институциями региональной образовательной экосистемы будет крайне важным и позволит избежать негативных сценариев развития экосистемы.

В нашем исследовании мы исходим из гипотезы, что именно наличие институциональных пустот и дефицитов выступает драйвером различных форматов взаимодействия и партнерства как ключевых социальных практик, интегрирующих образовательную экосистему инноваций. Вопросы эффективного партнерства, создания ассоциаций сами по себе являются предметом рефлексии руководителей образовательных организаций и игроков образовательной экосистемы.

Информационная база исследования была сформирована на основе проведения «полуструктурированного интервью». Гайды затрагивали следующие тематики: история образовательного проекта, дефициты и барьеры при реализации проекта, площадки финансовой, экспертной, информационной поддержки проектов, партнерства в инновационной деятельности. Всего было разработано 4 гайда – для сотрудников школ, организаций дополнительного образования, для авторов частных образовательных инициатив (включая НКО) и для представителей администрации. Всего для исследования было отобрано 35 наиболее показательных интервью.

Наполнение информационной базы происходило в Челябинской области в ходе полевого этапа исследований. География исследования представлена шестью населенными пунктами Челябинской области: г. Челябинск, г. Миасс, г. Магнитогорск, г. Копейск, г. Троицк, г. Южноуральск. Выбор Челябинской области в качестве объекта исследования обусловлен несколькими причинами. Во-первых, Челябинская область является типичным старопромышленным регионом Российской Федерации, находится во второй группе рейтинга инновационного развития регионов РФ [1] и в этом смысле обеспечивает репрезентативность проводимого исследования. Во-вторых, регион имеет выраженный вектор и значимые примеры успешной деятельности по созданию инфраструктуры развития и поддержки образовательных инноваций, в том числе демонстрирует положительную динамику роста ресурсных центров, опорных и региональных инновационных площадок, сетевых инновационных сообществ. В-третьих, по результатам ЕГЭ у обучающихся в 2022 г. Челябинская область заняла 23-е место среди всех субъектов РФ (т.е. находится выше среднего), структура возрастных когорт также типична для РФ в целом.

Обработка собранных данных осуществлялась при помощи двухступенчатого кодирования. На первом этапе были определены группы кодов на основании двух типов категорий. В первую категорию «Дефициты» вошли коды «Материально-технические барьеры», «Временные барьеры», «Кадровые барьеры», «Организационные дефициты». Вторая категория «Типы партнерств» содержала группы «Проектное сотрудничество», «Профессиональное обучение и стажировки», «Финансовая поддержка и ресурсы», «Событийные

форматы взаимодействий». На втором этапе все коды распределены по группам и логически выстроены, произошло формирование дополнительных групп кодов, полученных эмпирически, чтобы описать весь спектр практик партнерств в инновационной образовательной системе.

Логика статьи выстроена следующим образом. Раздел 2 содержит обзор подходов к пониманию феномена комплементарности в инновационной экосистеме образования, его условий, возможностей и эффектов. В разделе 3 представлены результаты эмпирической части исследования, посвященной выявлению дефицитов инновационно-образовательной деятельности организаций и акторов и форм комплементарного партнерства, способствующих их преодолению. Наконец, раздел 4 посвящен дискуссионным вопросам, связанным с двойственностью комплементарных горизонтальных инновационно-образовательных партнерств, дающих толчок к развитию и одновременно вызывающих институциональные напряжения в организационно-управленческой структуре и взаимодействиях.

2. Исследования эффектов комплементарности ресурсов и компетенций как драйвера развития инновационной деятельности

В исследовательской традиции комплементарность часто отождествляют с двумя понятиями – соответствием и синергией. Если речь идет о различных видах деятельности компании, то соответствие говорит о наличии общего ядра, которое и побуждает компанию осуществлять их одновременно [2, 3]. Здесь принципиальным является то, что они не противоречат другу, бесшовно сочетаясь [4, 5]. Синергия предполагает, что эффект от совместного осуществления нескольких различных видов деятельности превышает сумму эффектов от применения каждого из них в отдельности (мультипликативность) [6, 7]. В нашем исследовании мы будем использовать комплементарность во втором значении, «подсвечивая» ситуации, когда взаимодействиекратно увеличивает результат.

Далее мы рассмотрим проявления комплементарности на различных уровнях системы. На микроуровне – отдельной компании – комплементарность рассматривается в первую очередь как взаимодополняемость видов инноваций. Так, ряд авторов представляют комплементарность технологических, продуктовых, процессных, организационных и маркетинговых инноваций как основу создания комплексного инновационного капитала компании [8, 9]. Различные аспекты инновационной деятельности усиливают друг друга, при одновременном запуске нескольких проектов нарастает кривая обучения, происходит максимизация использования ограниченных и уникальных ресурсов [9].

На мезоуровне (уровень рынка) комплементарность рассматривается как одна из наиболее значимых характеристик инновационной экосистемы. И в некотором смысле можно говорить о зарождении феномена комплементарности именно в инновационной экономике, где она определяет структурирование ресурсов, информационных потоков и координирование ролей. Выделяют комплементарность двух типов: универсальную (компания встраивается в функционирование широкого круга других компаний) и специализированную (происходит формирование ко-специализированных активов) [10]. В отличие

от универсальных комплементарностей, возникающих на рынке без необходимости особой координации, специализированные комплементарности требуют создания определенной структуры отношений и повышения уровня сотрудничества между компаниями [11]. В результате взаимная адаптация обеспечивает совместное создание инновационной ценности, которая не могла бы быть создана вне коллективных усилий [12].

Отдельным направлением исследования комплементарности на мезоуровне стала взаимодополняемость знаний, источников информации. Во-первых, кумулятивным образом происходит расширение возможных комбинаций создаваемых решений, поскольку компания, которая использует только свой внутренний запас компетенций, довольно быстро достигает предела разнообразия. Во-вторых, внешние знания также комплементарны между собой, и речь идет об эффективном комбинировании партнерств с разными типами организаций: научные и промышленные партнеры предоставляют доступ к различным видам знаний [13, 14].

На макроуровне комплементарность проявляет себя во взаимодействиях различных сфер деятельности. Одной из наиболее разработанных моделей такой взаимодополняемости является модель тройной спирали, дополненная впоследствии моделями четверной и пятерной спирали. Первая модель раскрывает принципы взаимодействия трех больших акторов – университетов, государства и бизнеса. В развитии национальной инновационной системы каждый актор частично берет на себя функции других институций [15]. Это, в свою очередь, подразумевает комплементарность активов, которые университеты, предприятия и государственные институции вкладывают в развитие общей инновационной экосистемы [16]. Модель четверной спирали делает фокус на взаимодополнении интеллектуального капитала сообществ и институций [17]. Модель пятерной спирали закладывает в основу процессов инновационной деятельности устойчивое развитие сообществ в совокупности с окружающими их биологическими системами [18]. Появление каждого нового игрока в модели подразумевает новые стратегии взаимодействий.

Проведенный обзор подтверждает, что феномен комплементарности ресурсов и компетенций в инновационной деятельности детально и разносторонне изучен как исследователями, так и практиками. В литературе слабо раскрыта специфика феномена комплементарности при осуществлении образовательных проектов – особенности ресурсов, знаний и форм взаимоподдержки, которыми обмениваются образовательные организации между собой и с организациями вне образовательной сферы. И в этом мы обнаруживаем некоторый теоретический дефицит. Также отметим, что инновационный образовательный продукт имеет специфическую природу, являясь по своей сути интеллектуально нагруженным и имея ярко выраженную социальную направленность.

Таким образом, для прояснения заданной проблематики, мы ставим перед собой следующие исследовательские вопросы:

В каких случаях акторы в образовании прибегают к партнерствам в инновационной деятельности, какие дефициты они закрывают?

В каких организационно-управленческих формах в образовании проявляется комплементарность ресурсов, направлений деятельности и знаний?

Каким образом комплементарность способствует преодолению институциональных пустот и дефицитов в образовательной сфере, в том числе сопряженных с разрывами в формальных системах поддержки и сопровождения инноваций?

3. Результаты исследования инновационной образовательной системы Челябинской области

Дефициты инновационной образовательной системы

Как мы показали в теоретическом обзоре, партнерства в инновационной деятельности складываются для совместного использования дефицитных ресурсов и компетенций, а также из необходимости взаимоусиления проектов. В данном разделе мы обратимся к риторике респондентов относительно существующих проблем реализации инноваций в образовании.

Значительная часть сложностей в реализации инновационных проектов сопряжена с двумя типами дефицитов: ресурсными и организационными. Основные ресурсы инновационной деятельности мы можем, в свою очередь, разделить на кадровые, материально-технические и временные.

Начнем со сложностей, связанных с *нехваткой кадров*. С одной стороны, в дискурсе респондентов прослеживаются объективные причины отсутствия возможностей для привлечения хороших специалистов в проекты – недостаточный уровень заработной платы, имиджевые издержки, отсутствие понятных перспектив роста.

С другой стороны, по словам респондентов, проявляется несформированность специфических компетенций для инновационной деятельности у действующих педагогов. Это может быть связано и с отсутствием опыта работы на определенном оборудовании или со специфическими категориями обучающихся, и с дефицитом навыков реализации новых подходов в образовании, а также «упаковки» этой новизны в отдельный проект.

«...не учат внедрению инноваций, глобально у нас этому не учат и... систему образования нужно выводить из какого-то шаблонного мышления, то есть поддерживать инициативы, которые будут действительно направлены на нестандартное решение. Стандартные решения себя исчерпали» (проректор, университет).

В этой ситуации комплементарность проявляется в достройке недостающих в проекте компетенций за счет привлечения экспертов, волонтеров и внешних специалистов. Такая стратегия представляется разумным вариантом преодоления дефицита, но начиная с определенного момента фрагментированность и «событийный характер» инновационной команды, в свою очередь, могут стать проблемой.

Следующим типом дефицита является *нехватка материальных ресурсов*, которые мы в данном случае понимаем широко – как непосредственно материально-техническую базу образовательного процесса и как финансовые ресурсы для обеспечения потребностей инновационной деятельности. К таким потребностям респонденты относят в первую очередь затраты на профессиональное развитие и повышение квалификации членов проектной команды, закупку образовательных материалов (от учебных пособий и программного обеспечения до лабораторных инструментов и симуляционных тренажеров), создание и ведение собственных информационных каналов.

«...мы не имеем возможности крупного, какого-то областного центра, не имеем возможности доступа к каким-то научно-исследовательским лабораториям, мы не имеем доступа, да, к проведению каких-то научно-исследовательских работ для обучающихся» (руководитель, точка роста).

Нехватка финансов также тесно связана с отсутствием необходимой инфраструктуры, которая позволила бы организации мультиплицировать инновационную деятельность за счет реализации совместных проектов с предприятиями, погружения обучающихся в наукоемкие исследования и совмещения учебных проектов с созданием технологических венчуров.

Третьим ключевым ресурсом инновационной деятельности является время – и *временной дефицит* проявляется как невозможность включения дополнительных активностей, креативных практик в контур деятельности в связи с перегруженным расписанием и нагрузкой педагогов.

Здесь стратегия преодоления дефицита смещается либо к более тщательному тайм-менеджменту в сочетании с переработками «на инициативе», либо к передаче части задач партнерам при совместной реализации инновационной инициативы. Комплементарность развивается в направлении совместной организации мероприятий и распределений организационных задач между партнерами.

В логике респондентов временной дефицит во многом является следствием двух других системных барьеров – *бюрократического* и *кадрового*. Респонденты соотносят нехватку времени с невозможностью привлечь дополнительные человеческие ресурсы, а также с большими временными затратами на выполнение бюрократических процедур – излишне громоздкой отчетностью по проектам, сложной системой мониторинга результатов.

«То есть я львиную долю времени, я не скрываю, что я занимаюсь заполнением различных электронных журналов, рейтинговой системы... Такого не должно быть и должно быть доверие к преподавателю, тогда будет все нормально... А вот бюрократизация, она ведет к тому, что большинство времени люди занимаются не своей профессиональной деятельностью, а... грубо говоря отчетами, бумажками и всем остальным. То есть необходимо дать поле для свободной, творческой деятельности» (руководитель, точка кипения).

Теперь перейдем к *дефицитам организационного характера*. Как мы отметили выше, они связаны с разного рода институциональными пробелами и нарушениями каналов взаимодействий. Рассуждения респондентов идут по одному из нескольких направлений.

Первым направлением является *непроработанность механизмов выстраивания горизонтальных связей* и взаимодействия инноватора с партнерами в бизнесе, индустрии, социально-культурной сфере на сложности заключения соглашений в горизонтальной логике. Реализация партнерств проходит через несколько уровней иерархии, что усложняет получение результатов.

Второе направления развития дефицита возникает в силу *разной ведомственной подчиненности* образовательных организаций – совместные проекты муниципальных, региональных и федеральных организаций сложно оформить в силу различия в источниках финансирования, приоритетных направлениях, правилах отчетности и многом другом.

«А какие-то проекты, опять же, регионального уровня не принимаются учреждениями высшего образования, потому что они все учреждения федеральные, и, соответственно, состыковка регионально-федеральная, она очень сложная. И взаимодействие сетевое не всегда удается установить, потому что разный уровень финансирования» (директор, ЦРО).

Кроме того, существует **разделение и между частными и государственными образовательными организациями**, в том числе в силу особенностей бюджетных трансферов и невозможности паритетного финансирования проектов. Одной из стратегий преодоления барьера является поддержание грантовых инициатив непосредственно обучающихся, которые направляются на различные конкурсы. Здесь комплементарность осуществляется на уровне педагогов и обучающихся, объединенных в смешанные команды.

Третьим направлением влияния организационных барьеров становится само отношение образовательных организаций к участию в инновационных проектах как к некоторой *формальной обязанности*. Респонденты отмечают сложность реализации «живых» инициатив в условиях, когда проектные офисы существуют «на бумаге», а ряд мероприятий и конкурсов проводится по принципу квотного участия. Преодоление этого дефицита иногда достигается инициативным созданием различных неформальных ассоциаций для обмена опытом.

Наконец, четвертым направлением дискурса об организационных барьерах становится активность и *скорость верхнеуровневых преобразований*, которая препятствует органическому развитию инициатив, накоплению опыта, практик, формированию устойчивых паттернов. Быстрое изменение нормативных требований препятствует совместному созданию сложных продуктов, предполагающих длительную проработку и апробацию.

В отдельный блог организационных дефицитов мы выделили *дефицит позиционирования* – речь идет как о ригидности среды, так и о неумении инноватора транслировать ценность своего проекта. Возникает непонимание перспектив сотрудничества, распределения задач между партнерами, появляются опасения конкуренции, асимметричного использования ресурсов. Так, представители НКО говорят об отсутствии корректного понимания их роли в образовании – как связующего звена и партнера, а не конкурента или подрядчика. Для преодоления этого дефицита взаимопонимания развиваются стратегии поэтапного вовлечения новых стейкхолдеров, итеративного поиска справедливых механизмов партнерств, обхода ряда формальных ограничений и развития системы амбассадоров проекта.

В данном разделе мы зафиксировали основные типы дефицитов, возникающих в инновационных образовательных проектах, и направления развития комплементарности для их преодоления. В следующем разделе мы представим конкретные форматы взаимодействий инноваторов с партнерами и их особенности с точки зрения взаимодополнения ресурсов.

Форматы взаимодействия образовательных организаций с партнерами

В ходе анализа различий в архитектуре системных партнерств были выявлены *лидерская versus ассоциативная* конфигурации игроков. В первом

случае объединение происходит вокруг сильного лидера, генерирующего проекты. Например, система партнерств может выстраиваться на базе сильного университета. Второй вариант создания ассоциации равновеликих компаний и организаций в образовательной среде предполагает формирование профессионального сообщества на равноправной основе для совместного решения задач и развития индустрии: *«Мы вот сделали ассоциацию IT-компаний, чтобы опять их эмулировать вокруг у себя и решать такие свои вопросы»* (представительство Сколково, заместитель директора). Отдельные региональные проекты направлены на разработку технологической платформы как институциональной основы экосистемных кадровых партнерств.

В рамках российской образовательно-инновационной системы можно выделить устоявшиеся паттерны взаимодействия между акторами и организациями, исходя из «закрытия» ими тех или иных дефицитов.

1. Совместная проектная деятельность. Предполагает совместную работу акторов над определенными типами инновационных образовательных проектов и условно может быть разделена на 1) совместные исследования и практические проекты; 2) совместные сетевые образовательные программы; 3) профориентацию, акселерацию и совместные стартапы с бизнесом.

Взаимодействие в формате проектной деятельности в наибольшей степени способствует снятию внутриорганизационных ограничений: дефицит кадров замещается за счет наличия диверсифицированного набора компетенций у партнеров, финансовые и материальные дефициты могут закрываться за счет шеринга ресурсов и совместного фандрайзинга грантов, спонсорской или инвестиционной поддержки бизнеса.

Муниципалитеты городов выступают заказчиками отдельных управленческих проектов: *«С кафедры математики студенты по нашему техническому заданию разрабатывали модель эффективного управления, и, соответственно, оценки деятельности муниципалитетов, в зависимости результат / вложенный рубль»* (центр развития образования, директор).

Распространенным вариантом партнерства между образовательными учреждениями является разработка и ведение *совместных сетевых образовательных программ*, позволяющих объединять кадровые и инфраструктурные ресурсы – как в пределах региона, так и с зарубежными партнерами.

Промышленные предприятия также выступают в качестве партнеров и заказчиков как для вузов, колледжей, так и для учреждений дополнительного образования. Крупный бизнес инициирует или принимает активное участие, прежде всего, в проектах, связанных с *профориентацией и/или акселерацией и стартап-ингом* студенческих и школьных команд, поскольку данный тип взаимодействия открывает для него стратегическую перспективу рекрутинга лучших выпускников.

Кроме того, крупные региональные образовательные организации имеют возможность участия в разработке совместно с администрацией региона стратегических планов развития в рамках *проектных прогнозных исследований*.

«И таким образом в рамках этой проектно-аналитической деятельности наши студенты совместно со студентами ЮУрГУ принимали участие в разработке „Стратегии развития Челябинской области – 2035“» (институт, проректор).

2. Экспертная поддержка. Экспертная поддержка направлена на закрытие кадровых дефицитов на основе экспертной оценки или сопровождения педагогов и студентов образовательных организаций. Отдельными направлениями становятся: 1) экспертиза, менторство и консалтинг; 2) тьюторинг и методическое сопровождение педагогов и инноваторов; 3) акселерация. Ключевыми источниками экспертной поддержки могут выступать представители бизнеса, региональные центры развития образования или внутренние подразделения образовательных организаций (проектные офисы).

Экспертиза, менторство и консалтинг со стороны промышленных предприятий могут осуществляться в момент аттестации обучающихся, но и в течении всего периода обучения – как курирование проектов. Федеральные *акселерационные* программы (в частности от Фонда содействия инновациям) выступают драйверами развития школьных инициатив и студенческих стартапов. В крупных университетах существуют свои внутренние службы акселерации инновационных проектов. Наконец, региональные центры развития в рамках *тьюторинга и методического обеспечения* могут разрабатывать и предлагать для образовательных учреждений модельные решения вокруг определенных содержательных проектных тем.

«То есть любое внедрение, любая инновация требует соответствующего оформления, требует каких-то стандартных решений. И в то же самое время требует учета специфики – вот для того, чтобы создать модельные решения, мы обозначаем темы, вокруг которых мы объединяемся» (центр развития образования, директор).

3. Событийные форматы взаимодействий. За счет коммуникации и обмена идеями специальные события в сфере образования могут закрывать информационные и методические дефициты, способствуя появлению и развитию креативных проектов, а также завязыванию новых партнерств. К ключевым региональным событийным форматам взаимодействия в области образования можно отнести: 1) форумы, конференции; 2) семинары, мастер-классы, стратегические проектные сессии; 3) стажировки.

Проведение крупных региональных *конференций*, на которых представители различных образовательных организаций обмениваются опытом, обсуждают новые идеи и практики, способствуют развитию образовательного сообщества.

Наиболее распространенными форматами мероприятий для педагогов, наряду с конференциями, являются *семинары и мастер-классы*. Важным инновационным форматом выступает проведение регулярных совместных *стратегических проектных сессий*, где в целях акселерации представители учебных заведений обсуждают конкретные вопросы и задачи для ускорения развития инноваций в образовании.

Региональные ресурсные центры позиционируются в качестве региональных *стажировочных площадок*. Кросс-стажировки педагогов также выступают в качестве эффективного взаимно обогащающего варианта сетевого взаимодействия.

«Мы не только кадрово дополняем, мы еще своих педагогов на их площадки отправляем работать, их преподаватели на нашу площадку приходят вести часы или программы в рамках сетевого взаимодействия» (дворец пионеров и школьников, директор).

4. Финансы и ресурсы. Финансирование и поддержка инновационных проектов может осуществляться через: 1) гранты и субсидии; 2) спонсорство; 3) ресурсные центры.

Помимо крупных федеральных грантодателей (в частности, фонда президентских грантов) в качестве операторов конкурсов, направленных на финансовую поддержку инновационных образовательных учреждений, выступают региональные и муниципальные органы управления образованием. Частой практикой является учреждение и сопровождение инновационных конкурсов региональными центрами развития образования. Финансирование региональных инновационных площадок позволяет центрам развития образования мультиплицировать и масштабировать лучшие проектные практики.

Спонсорская поддержка со стороны промышленных предприятий и бизнеса является еще одним вариантом финансирования инновационных проектов в отдельных областях. Финансирование может направляться на реализацию конкретного проекта, поддержку инфраструктуры или проведение мероприятия.

Еще одним важным инфраструктурным элементом поддержки является *сеть региональных ресурсных центров*, отбираемых органами управления образованием на конкурсной основе. Проведение конкурса в номинации ресурсных центров дает региону возможность через получившие финансирование площадки осуществлять ресурсную и методическую поддержку всех остальных образовательных организаций, поскольку организации-победители берут на себя определенные обязательства – публикация материалов, представление результатов на форумах. Таким образом, региональные ресурсные центры наряду с другими организациями оказываются интегрированными в институциональную структуру методической поддержки и сопровождения проектов.

«У нас есть понятие „ресурсный центр“. У нас есть инновационная опорная площадка. И у нас есть теперь сетевые инновационные сообщества, которые объединены единой целью, вектором и направлением» (центр развития образования, заместитель директора).

4. Дискуссия

Анализируя в статье систему взаимодействия образовательных организаций с партнерами под разными углами, мы пришли к выводу, что комплементарность подразумевает не столько простое совместное использование (шеринг), сколько стратегическое сочетание (создание действенных конфигураций и архитектуры) ресурсов, целей и методов работы партнеров для решения общих задач. Форматы взаимодействия, такие как совместные исследования, сетевые программы, проектная деятельность с бизнесом, а также экспертная поддержка и событийные форматы могут быть интегрированы в образовательную стратегию организации или целых партнерских сетей, способствуя адаптивному и компетентностному развитию образовательной экосистемы.

Построенная модель комплементарности не только подчеркивает ценность междисциплинарного и меж- и внутрисекторального сотрудничества акторов, но и раскрывает потенциал коллективной экспертизы и объединения ресурсов, направленные на постоянное улучшение образовательной среды.

Выделим ключевые характеристики-преимущества модели комплементарности, порождающие одновременно институциональные напряжения и проблемы в рамках образовательной экосистемы.

Во-первых, партнерства способствуют *усилению гетерогенности и разнообразия образовательных инициатив*. Комплементарность между образовательными организациями и их партнерами может привести к росту инновационных идей и подходов. Разнообразие компетенций необходимо для создания команд с широким спектром знаний и умений, что способствует генерации более качественных образовательных решений, оно ускоряет реализацию инновационных проектов, привнося новую динамику в образовательную среду.

С другой стороны, гетерогенность и разнообразие порождают проблемы, связанные со сложностью интеграции и управления многообразием интересов, объединением различных подходов внутри единого образовательного проекта. Обратной стороной разнообразия становится риск институционального напряжения из-за увеличения сложности управления множеством разнообразных инициатив. Координация между различными группами требует эффективных механизмов коммуникации, согласования целей и методов работы участников и может подвергать систему риску распыления ресурсов.

Во-вторых, модель комплементарного сотрудничества предполагает *преодоление культурно-организационных различий*. Сотрудничество между организациями с различной культурой и структурой потребует гибкости и адаптивности. Комплементарные партнерства могут играть критическую роль в преодолении этих различий, предлагая модели сотрудничества, содействующие обмену опытом и наращиванию кадровой экспертизы, тем самым стимулируя развитие устойчивых инновационных практик.

Одновременно необходимость синхронизации корпоративных культур и рабочих процессов разных организаций требует значительных организационных усилий, что может создать дополнительное напряжение в образовательной системе. Существует риск непонимания и конфликтов в ситуации, когда сталкиваются разные приоритеты и ценности.

В-третьих, комплементарное партнерство обеспечивает *совместное развитие компетенций и достройку человеческого капитала*. Комплементарное партнерство образовательных организаций создает институциональные условия возможности непрерывного неформального и формального повышения квалификации в области инновационной педагогики. Успех в развитии человеческого капитала зависит от эффективной совместной работы и обмена знаниями между образовательными организациями и отдельными акторами, а не столько от финансов и ресурсов.

В то же время возможно возникновение конкуренции за ресурсы и внимание со стороны органов управления образованием и бизнеса между образовательными организациями, когда они стремятся привлечь высококвалифицированных педагогов и инвестиции в свои инновационные проекты. К тому же требуется постоянная адаптация учебных программ и подходов под меняющиеся условия сотрудничества.

В рамках инновационной образовательной экосистемы необходимо разрабатывать стратегии смягчения возникающих напряжений, такие как создание совместных рабочих групп, совершенствование системы коммуникаций и

формирование четких правил для кросс-культурного и кросс-секторального сотрудничества. Ключевая проблема заключается в том, чтобы сбалансировать подрывной потенциал инноваций с возможностью поддерживать стабильный и устойчивый образовательный процесс.

Мы предполагаем, что дальнейшие исследования в этом направлении могли бы развивать три основные линии, а именно роль партнерств в усилении гетерогенности и разнообразия образовательных инициатив, возможности преодоления культурно-организационных различий и форматы совместного развития компетенций и достройки человеческого капитала в образовании.

Список источников

1. *Абашкин В.Л., Абдрахманова Г.И., Бредихин С.В. и др.*; Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации / под ред. Л.М. Гохберга. М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. Вып. 8. 260 с.
2. *Ballot G., Fakhfakh F., Galia F., Salter A.* The fateful triangle: Complementarities in performance between product, process and organizational innovation in France and the UK // *Research Policy*. 2015. Vol. 44, № 1. P. 217–232.
3. *García-Piqueres G., Serrano-Bedia A.M., Lopez-Fernandez M.C., Perez-Perez M.* Relatedness in the adoption of different innovation types: Product, process, organizational and commercial innovation // *Technology Analysis & Strategic Management*. 2020. Vol. 32. P. 44–57.
4. *Hullova D., Trott P., Simms C.D.* Uncovering the reciprocal complementarity between product and process innovation // *Research Policy*. 2016. Vol. 45, № 5. P. 929–940.
5. *Sabidussi A., Lokshin B., Duysters G.* Complementarity in alliance portfolios and firm innovation // *Industry and Innovation*. 2017. Vol. 25, № 7. P. 633–654.
6. *Crifo P., Diaye M., Pekovic S.* CSR related management practices and firm performance: An empirical analysis of the quantity–quality trade-off on French data // *International Journal of Production Economics*. 2016. Vol. 171, № 3. P. 405–416.
7. *Schweiger S.A., Stettler T.R., Baldauf A., Zamudio C.* The complementarity of strategic orientations: A meta-analytic synthesis and theory extension // *Strategic Management Journal*. 2019. Vol. 40, № 11. P. 1822–1851.
8. *Arranz N., Arroyabe M.F., Li J., Fernandez de Arroyabe J. C.* An integrated model of organizational innovation and firm performance: Generation, persistence and complementarity // *Journal of Business Research*. 2019. Vol. 105, № C. P. 270–282.
9. *Lee R., Lee J., Garrett T.C.* Synergy effects of innovation on firm performance // *Journal of Business Research*. 2019. Vol. 99, № C. P. 507–515.
10. *Kapoor R., Lee J.M.* Coordinating and competing in ecosystems: How organizational forms shape new technology investments // *Strategic Management Journal*. 2019. Vol. 34, № 3. P. 274–296.
11. *Jacobides M.G., Cennamo C., Gawer A.* Towards a theory of ecosystems // *Strategic Management Journal*. 2018. Vol. 39, № 8. P. 2255–2276.
12. *Hage E., Roo J.P., Offenbeek M., Boonstra A.* Implementation factors and their effect on e-Health service adoption in rural communities: a systematic literature review // *BMC Health Services Research*. 2013. Vol. 13. P. 19.
13. *Haus-Reve S., Fitjar R., Rodriguez-Pose A.* Does combining different types of collaboration always benefit firms? Collaboration, complementarity and product innovation in Norway // *Research Policy*. 2019. Vol. 48, № 6. P. 1476–1486.
14. *Angelidou S., Mount M., Pandza K.* Exploring the asymmetric complementarity between external knowledge search and management innovation // *Technovation*. 2022. Vol. 116. P. 102–472
15. *Leydesdorff L., Etzkowitz H.* Emergence of a Triple Helix of University-Industry-Government Relations // *Science and Public Policy*. 1996. Vol. 23, № 5. P. 279–286.
16. *Schaeffer P.R., Fischer B., Queiroz S.* Beyond education: The role of research universities in innovation ecosystems // *Foresight-Russia*. 2018. Vol. 12, № 2. P. 50–61.
17. *Carayannis E.G., Campbell D.F.J.* 'Mode 3' and 'Quadruple Helix': Toward a 21st century fractal innovation ecosystem // *International Journal of Technology Management*. 2009. Vol. 46, № 3–4. P. 201–234.

18. Crilly M., Vemury C.M., Humphrey R. [et al.] Common Language of Sustainability for Built Environment Professionals – The Quintuple Helix Model for Higher Education // *Energies*. 2020. Vol. 13, № 22. P. 5860.

References

1. Abashkin, V.L., Abdrakhmanova, G.I., Bredikhin, S.V. et al. (2023) *Reyting innovatsionnogo razvitiya sub"ektov Rossiyskoy Federatsii* [The Innovation Development Rating of the Subjects of the Russian Federation]. Vol. 8. Moscow: HSE.

2. Ballot, G., Fakhfakh, F., Galia, F. & Salter, A. (2015) The fateful triangle: Complementarities in performance between product, process and organizational innovation in France and the UK. *Research Policy*. 44(1). pp. 217–232.

3. García-Piqueres, G., Serrano-Bedia, A. M., Lopez-Fernandez, M.C. & Perez-Perez, M. (2020) Relatedness in the adoption of different innovation types: Product, process, organizational and commercial innovation. *Technology Analysis & Strategic Management*. 32. pp. 44–57.

4. Hullova, D., Trott, P. & Simms, C.D. (2016) Uncovering the reciprocal complementarity between product and process innovation. *Research Policy*. 45(5). pp. 929–940.

5. Savidussi, A., Lokshin, B. & Duysters, G. (2017) Complementarity in alliance portfolios and firm innovation. *Industry and Innovation*. 25(7). pp. 633–654.

6. Crifo, P., Diaye, M. & Pekovic, S. (2016) CSR related management practices and firm performance: An empirical analysis of the quantity–quality trade-off on French data. *International Journal of Production Economics*. 171(3). pp. 405–416.

7. Schweiger, S.A., Stettler, T.R., Baldauf, A. & Zamudio, C. (2019) The complementarity of strategic orientations: A meta-analytic synthesis and theory extension. *Strategic Management Journal*. 40(11). pp. 1822–1851.

8. Arranz, N., Arroyabe, M. F., Li, J. & Fernandez de Arroyabe, J.C. (2019) An integrated model of organisational innovation and firm performance: Generation, persistence and complementarity. *Journal of Business Research*. 105(C). pp. 270–282.

9. Lee, R., Lee, J. & Garrett, T.C. (2019) Synergy effects of innovation on firm performance. *Journal of Business Research*. 99(C). pp. 507–515.

10. Kapoor, R. & Lee, J.M. (2019) Coordinating and competing in ecosystems: How organizational forms shape new technology investments. *Strategic Management Journal*. 34(3). pp. 274–296.

11. Jacobides, M.G., Cennamo, C. & Gawer, A. (2018) Towards a theory of ecosystems. *Strategic Management Journal*. 39(8). pp. 2255–2276.

12. Hage, E., Roo, J. P., Offenbeek, M. & Boonstra, A. (2013) Implementation factors and their effect on e-Health service adoption in rural communities: a systematic literature review. *BMC Health Services Research*. 13. pp. 19.

13. Haus-Reve, S., Fitjar, R. & Rodríguez-Pose, A. (2019) Does combining different types of collaboration always benefit firms? Collaboration, complementarity and product innovation in Norway. *Research Policy*. 48(6). pp. 1476–1486.

14. Angelidou, S., Mount, M. & Pandza, K. (2022) Exploring the asymmetric complementarity between external knowledge search and management innovation. *Technovation*. 116. pp. 102472

15. Leydesdorff, L. & Etzkowitz, H. (1996) Emergence of a Triple Helix of University-Industry-Government Relations. *Science and Public Policy*. 23(5). pp. 279–286.

16. Schaeffer, P.R. & Fischer, B. & Queiroz, S. (2018) Beyond education: The role of research universities in innovation ecosystems. *Foresight-Russia*. 12(2). pp. 50–61.

17. Carayannis, E.G. & Campbell, D.F.J. (2009) 'Mode 3' and 'Quadruple Helix': Toward a 21st century fractal innovation ecosystem. *International Journal of Technology Management*. 46(3–4). pp. 201–234.

18. Crilly, M., Vemury, C. M., Humphrey, R. et al. (2020) Common Language of Sustainability for Built Environment Professionals – The Quintuple Helix Model for Higher Education. *Energies*. 13(22). 5860. DOI: 10.3390/en13225860

Сведения об авторе:

Томасова Д.А. – кандидат наук, сотрудник лаборатории инноваций в образовании Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: dtomasova@hse.ru

Глухов А.П. – кандидат философских наук, ведущий эксперт лаборатории инноваций в образовании Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); заведующий лабораторией киберсоциали-

зации и формирования цифровой образовательной среды Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: GlukhovAP@tspu.edu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Tomasova D.A. – Cand. Sci. (Engineering), employee of the Laboratory of Innovations in Education of the Institute of Education, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: dtomasova@hse.ru

Glukhov A.P. – Cand. Sci. (Philosophy), leading expert of the Laboratory of Innovations in Education of the Institute of Education, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation); head of the Laboratory of Cyber Socialization and Formation of the Digital Educational Environment, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: GlukhovAP@tspu.edu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.03.2024;
одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted 25.03.2024;
approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 11.06.2024*

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 329.8
doi: 10.17223/1998863X/79/23

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ЭВРИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯПОНИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Денис Алексеевич Борисов

*Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия, denisborisov@mail.ru*

Аннотация. На основе макросоциологического подхода проводится анализ институциональных форм международной власти в идеологической сфере в межгосударственных отношениях между Японией и странами Центральной Азии. Японской стороне удастся реализовывать новаторские подходы, налаживая разнообразные форматы взаимодействия с государствами региона с помощью эвристических форм идеологической власти. Идеологическая власть Токио обеспечивает развитие и конкурентоспособность замкнутых на японскую сторону межгосударственных отношений в Центральной Азии.

Ключевые слова: внешняя политика Японии, Центральная Азия, международная власть, идеологическая власть, наука, образование, культура, НКО

Для цитирования: Борисов Д.А. Дальнейшее осмысление роли идеологии в современных международных отношениях: эвристический аспект на примере деятельности Японии в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 258–271. doi: 10.17223/1998863X/79/23

POLITICAL SCIENCE

Original article

FURTHER UNDERSTANDING OF THE ROLE OF IDEOLOGY IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS: A HEURISTIC ASPECT ON THE EXAMPLE OF JAPAN'S ACTIVITIES IN CENTRAL ASIA

Denis A. Borisov

*Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation,
denisborisov@mail.ru*

Abstract. The work through the lens of macrosociological approach analyzes the organizational forms of foreign power in ideological sphere of interstate relations between Japan and the countries of Central Asia. The author identifies and focuses on two most

capacious organizational forms of ideological power in interstate relations, which were called “the power of SEC” (science, education, culture) and “the power of NGO”. The two powers are distinguished into a special type – the heuristic forms of ideological power. The Japanese side manages to actively use these forms to amplify a social base of supporters of the development of Japanese-Central Asian relations. A characteristic feature of heuristic forms of ideological power is a wide range of social influence, where social interactions in the scientific and educational sphere aim to the deal-type impact with variety in authoritative-diffuse and intensive-extensive dichotomies, and the power of NGO has a pronounced authoritative-intensive influence on participants of relations between Japan and the countries of Central Asia. As a result, the heuristic influence complex creates goal-setting and individual motivation for Japanese-Central Asian relations based on the personal self-realization of participants through their involvement in regular public social communication to satisfy personal needs. The Japanese side involves a large number of actors in the implementation of heuristic forms of ideological power: development institutions (Japan Foundation, International Agency for International Cooperation), government bodies (a representative pool of government ministries) and subnational actors (municipalities, regional governments and private companies). Such diversity makes it possible to attract a wide range of different levels of Japanese specialists into the country’s international activities, which helps to distribute work in the ideological sphere among a large number of participants and more accurately select the appropriate social denominators for building more involved and motivated interpersonal contacts. The established institutional system supports a variety of social practices for the implementation of Japan’s power of SEC, which identifies four main areas of effort: cultural centers, training grants, scientific events, and professional retraining programs. The Japanese side places a quality-based emphasis on interaction with representatives of the current or potential elitists, setting high-ordering selection requirements with priority on actual mid-level government functionaries and leaders in professional, scientific, youth, and cultural environments. Japan purposefully and effectively uses the ideological forms of power to strengthen its presence in Central Asian. The diversity of ideological forms of foreign power is a characteristic feature of Japanese-Central Asian relations, which forms its own logic of interstate relations between Japan and the countries of the region.

Keywords: foreign policy of Japan, Central Asia, foreign power, ideological power, power of SEC, power of NGO

For citation: Borisov, D.A. (2024) Further understanding of the role of ideology in contemporary international relations: a heuristic aspect on the example of Japan’s activities in Central Asia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 258–271. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/23

Введение

Турбулентность международных отношений сопровождается расширением и углублением пространства и способов конкуренции между крупными и средними державами. Современная ситуация в центральноазиатской подсистеме международных отношений является показательной для изучения специфики борьбы за власть между государствами. В регионе сформировалась динамичная и конкурентная международная среда, в которой одновременно действуют множество участников. Япония выстраивает самобытный курс взаимоотношений со странами региона, который социологически фиксируется: среди крупных и средних держав только взаимодействие с японской стороной население стран региона не рассматривает как вызов в будущем [1].

Сюжеты о внешней политике Японии в Центральной Азии имеются в отечественной исследовательской литературе. Преимущественно это хронологические работы либо по широкому спектру межгосударственных отношений, включающие триаду «экономика, политика и гуманитарная сфера», либо исследования, посвященные специфике японо-центральноазиатских взаимо-

действий в одной из этих общественных сфер [2–4]. С концептуальной точки зрения деятельность Токио в ЦАР рассматривается на базе традиционных реалполитической или идеалистической парадигм, а взаимоотношения в гуманитарной сфере редуцируются концептом «мягкая сила» [5, 6]. В нашем исследовании мы предпринимаем попытку расширить теоретико-методологический инструментарий для изучения гуманитарной сферы межгосударственных отношений между Японией и странами Центральной Азии.

В нашей первой работе, обратившись к историческому макросоциологическому подходу, мы провели типологизацию институциональных форм международной власти в идеологической сфере (табл. 1). Упор в работе был сделан на аксиологических формах идеологической власти – власти истории и власти миссии: были рассмотрены количественные и качественные характеристики на основе трех дихотомий влияния, прослежена социальная практика их применения в межгосударственных отношениях [7]. Исследование показало, что Токио удается гармонично использовать аксиологические формы идеологической власти для ценностного обеспечения экономических и политических взаимоотношений со странами ЦАР. Такой подход обеспечивает формирование общего когнитивно-эмоционального дискурса о прошлом, настоящем и будущем, снижает барьеры внешней и внутренней идентификации и увеличивает ощущение общности, формируя чувство безопасности в социальных взаимодействиях между Японией и Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном.

Таблица 1. Типология институциональных форм власти в отношениях между Японией и странами Центральной Азии в идеологической сфере»

Влияние	Авторитетное	Диффузное
Интенсивное	Власть НКО	<i>Власть миссии</i>
Экстенсивное	<i>Власть культуры и образования</i>	Власть истории

Примечание. Курсивом отмечены деловая форма власти; полужирным шрифтом – коммунальная.

Продолжая структурный анализ абстрагированных социальных систем, предлагаем рассмотреть оставшуюся пару институциональных форм идеологической власти в японо-центральноазиатских отношениях – власть гражданского активизма (далее – НКО) и власть науки, образования, культуры (НОК). Данные формы отличаются ярко выраженной ориентацией на практику или достижение конкретной цели в социальных взаимоотношениях: борьба за углеродную нейтральность, реализация совместного научного проекта, получение образования (диплома) – люди участвуют в таких социальных отношениях ради определенных личных результатов. Власть НКО и НОК мы характеризуем как эвристические формы идеологической власти, которые тяготеют к деловому влиянию при вариативности в дихотомиях авторитетное–диффузное и экстенсивное–интенсивное. Основная их функция – обеспечение развития отношений через вовлечение людей в совместное предприятие или общее дело для достижения ценного результата на индивидуальном уровне.

Эвристические формы идеологической власти в отношениях между Японией и странами Центральной Азии

Власть НОК формируется на стыке тесных переплетений социальных взаимодействий в науке, образовании, культуре настолько сильно, что эти

взаимодействия действуют друг на друга амбивалентно как единое целое [8, 9]. Мы можем говорить о научно-образовательно-культурном комплексе влияния, где влияние культуры тяготеет к экстенсивно-диффузному, а власть науки и образования – к интенсивно-авторитетному полюсу властных отношений¹. Важной особенностью власти НОК является прямое или косвенное наличие во все время этих социальных отношений такого ценностного элемента, как импатия к стране и ее языку. В нашем случае это социальные отношения, которые предполагают наблюдение и понимание ценностей Японии в самом широком смысле.

Во внешнеполитической доктрине Японии уже с начала 1970-х гг. культура и образование начинают восприниматься как элементы влияния в межгосударственных отношениях, а указания на необходимость развивать культурную дипломатию сопровождалась активным институциональным строительством: в 1964 г. создана Национальная туристская организация Японии при Министерстве транспорта и туризма; в 1968 г. – Японское агентство по культуре при Министерстве культуры; в 1972 г. – Японский фонд международных культурных обменов при Министерстве иностранных дел; в 2004 г. в структуре МИД выделяется Департамент публичной дипломатии; в 2013 г. основаны Фонд «Cool Japan», «Японский бренд» и Международный комитет по творческой индустрии при Министерстве экономики, торговли и промышленности [10]. В голубой книге дипломатии Японии за 2005 год подчеркивается важность внешнеполитических действий по формированию образа страны, которые формируют чувство благодарности, восхищения Японией [11]. В ЦАР можно выделить четыре модели реализации японского комплекса влияния НОК: обучение на местах через японские культурные центры, гранты на обучение за рубежом, поддержка научного сотрудничества, программа «Техническая кооперация».

Культурные центры курируют социальную практику на территории стран ЦАР, которая действует экстенсивно-диффузно, создавая институционализованные социальные взаимодействия между японскими специалистами в гуманитарной сфере и гражданами региона с образовательно-просветительской целью на основе интереса к японской культуре, традициям, технологиям и деловой практике. Центры локализованы в трех странах: Кыргызстане при Кыргызском национальном университете им. Ж. Баласагына, начал действовать в 1995 г.; Узбекистане – с 2000 г. (в Ташкенте и с 2018 г. при Бухарском государственном университете); Казахстане – с 2000 г. при Казахском экономическом университете им. Т. Рыскулова. Душанбе и Ашхабад более осторожно подходят к институционализации двустороннего межгосударственного взаимодействия на своей территории: с 1993 г. основная работа ведется по дипломатической линии через посольства.

Количественные показатели этих социальных взаимодействий можно оценить на примере кыргызского центра, где к 2020 г. было подготовлено 1 500 выпускников по программе «MiniMBA», 3 753 – на курсах японского языка, 12 518 приняли участие в бизнес-семинарах и 136 113 человек участ-

¹ Такой широкий диапазон влияния является уникальной характеристикой власти НОК; закономерно, что в теории международных отношений власть НОК часто трактуют как «мягкую силу», что подчеркивает значение этих социальных отношений для межгосударственного взаимодействия, но подобное упрощение не позволяет понять пределы влияния таких отношений.

вовали в культурных мероприятиях [12]. Через различные формы общественной организации продолжается взаимодействие с выпускниками: силами выпускников по программе «Mini-MBA» киргизо-японского центра регулярно проводятся собрания «Hajime B Club» [13], которые содействуют развитию и укреплению дружественных отношений между членами клуба и японскими специалистами. Забегая вперед, на этом примере видно взаимодействие между властью НОК и властью НКО, что интенсифицирует социальное влияние через развитие более длительной коммуникации на индивидуальном уровне, усиливая экстенсивно-диффузное влияния культурно-образовательного комплекса авторитетно-интенсивным влиянием гражданского активизма.

Следующая социальная практика в рамках власти НОК – это образовательные гранты и стипендиальные программы, которые действуют во всех странах региона и делятся на долгосрочные (больше 12 месяцев) и краткосрочные (меньше 12 месяцев). Как правило, они реализуются либо через японские центры, либо через посольства. Гранты имеют интенсивно-диффузное влияние, которое способствует формированию лояльно настроенной политической и деловой элиты на основе объективных интересов к саморазвитию и познанию.

Среди ключевых долгосрочных образовательных программ можно отметить «Стипендиальную программу развития потенциала человеческих ресурсов» (JDS) от JICA и Стипендии Правительства Японии (MEXT). В качестве иллюстрации потенциала создаваемых социальных связей можно привести данные по работе JDS в Таджикистане. В 2018 г. японская сторона выделила \$1,1 млн на обучение 7 молодых государственных служащих в магистратуре и одного человека в докторантуре в Японии [14]; в 2023 г. на эту программу выделено уже \$2,1 млн на 15 магистерских и одну докторантскую программу для государственных служащих из Таджикистана. Как видно, данная социальная практика на регулярной основе формирует качественные связи, избирательно подходя к отбору участников с акцентом на специалистов из государственного сектора. Японская сторона прямо указывает: «...программа позволяет будущим руководителям Таджикистана приобрести специализированные знания и применить их для экономического и социального развития Таджикистана, а также способствует углублению взаимопонимания и укреплению дружественных отношений между Японией и Таджикистаном» [15]. Долгосрочные грантовые программы обладают привлекательными условиями, которые повышают личную мотивацию участников. В частности, образовательные гранты MEXT предлагают 5 видов учебных программ в Японии: «Стажер-исследователь» – длительность 1 год, «Студент» – 4 года, «Японский язык и японская культура» – 1 год, «Стажировка для преподавателей» – 1 год 6 месяцев, «Молодые лидеры» – 1 год. Все программы предполагают оплату проезда и проживания за счет принимающей стороны и выплату ежемесячной стипендии в размере от \$880 до \$1 800 [16].

Заметным участником в реализации социальной практики власти НОК во внешней политике Японии является Японский фонд (Japan Foundation), который курирует краткосрочные программы международного обмена по направлениям: искусство и культура, изучение японского языка, японоведение и международный диалог. Японский фонд предоставляет поддержку как для отдельных граждан, так и общественным организациям [17]. Специфика

предлагаемых программ четко фиксирует социальные акценты японского подхода. Направление «Искусство и культура» полностью сосредоточено на работе с креативным классом, предоставляя финансовую поддержку для участия и организации творческих мероприятий за рубежом, содействуя экспонированию связанных с японской культурой проектов (в том числе в музеях США и Европы), оплачивая издательскую и переводческую деятельность. Дополнительно можно получить поддержку для углубленного изучения японской культуры [18]. Направление «Японоведение и международный диалог» сосредоточено на работе с научным и экспертным сообществом. В рамках грантов по этому вектору можно получить финансовую поддержку на различные исследовательские проекты, которые в какой-то мере связаны с Японией. Более того, через эти гранты исследователи получают проходной билет в международные исследовательские кооперации, которые возглавляют японские и американские эксперты в области устойчивого инклюзивного технологического общественного развития.

Масштабы и динамику создаваемых социальных связей в сфере образования можно оценить на основе статистики от Японской организации обслуживания студентов (JASSO) для японско-узбекистанских отношений¹. В табл. 2 приведены данные по зачисленным иностранным студентам в аспирантуру, университеты, младшие колледжи, технологические колледжи, колледжи профессионального обучения, японские языковые институты и курсы подготовки к университету. Во-первых, очевидно влияние пандемии на динамику образовательных обменов, что отразилось на показателях за 2020 и 2021 гг. Во-вторых, виден устойчивый рост с 2011 по 2019 гг. принимаемых иностранных студентов японской стороной. В-третьих, темпы прироста иностранных студентов из Узбекистана как по всем направлениям, так и по программам высшего образования кратно превосходят общие средние значения и показатели ближайших соседей. Если сравнивать соотношения 2019 к 2011 г. для всех направлений обучения и 2019 к 2013 г. для студентов в системе высшего образования, то показатели Узбекистана выросли в 10 и 4,9 раз соответственно; среднемировые показатели – 2,25 и 1,4; России – 2,5 и 1,7; Монголии – 2,9 и 1,9. Дополнительно можно отметить, что в статистическую выборку 30 крупнейших стран в 2021 г. впервые попал Казахстан: 32 казахстанских студента в этот год смогли пройти краткосрочные образовательные программы. Заметно, что Япония ежегодно наращивает властный потенциал образовательной сферы, где опережающими темпами идет развитие отношений с Центрально-Азиатским регионом.

Важно, что японская сторона компенсирует главный недостаток власти грантов – их временный характер – с помощью включения соискателей грантовых программ в более продолжительные социальные связи на основе общественных движений и организаций. Так, в Центрально-Азиатском регионе действуют национальные клубы выпускников японских вузов (UJUAC), Ассоциация дружбы между Японией и Центральной Азией (JACAF). Интересной представляется Ассоциация преподавателей японского языка, которая действует во всех странах региона и взаимодействует с выпускниками программ как JICA, так и Японского фонда. Деятельность организации активно

¹ Только Узбекистан проходит минимальный порог выборки в ежегодных отчетах JASSO.

поддерживается на уровне посольства: проводятся регулярные встречи, ежегодно организуются национальные и региональный этапы конкурса ораторского искусства, ведется публикационная работа (выпускается журнал три раза в год и ежегодный сборник научных трудов), проводится экзамен на знание языка, обеспечивается методическая и организационная поддержка преподавательского сообщества [20].

Таблица 2. Данные по зачисленным иностранным студентам на территории Японии

Год	Узбекистан			Монголия			Россия			Минимальные показатели выборки (МПВ)		
	Всего	ВО	ДО	Всего	ВО	ДО	Всего	ВО	ДО	Всего	ВО	ДО
2011	191	Н/д	Н/д	1170	Н/д	Н/д	331	Н/д	Н/д	186	Н/д	Н/д
2012	203	Н/д	Н/д	1114	Н/д	Н/д	333	Н/д	Н/д	203	Н/д	Н/д
2013	227	227	< мпв	138	1138	47	339	339	105	209	209	37
2014	358	274	< мпв	1547	1222	56	589	404	131	268	244	44
2015	471	335	< мпв	1843	1350	57	692	451	144	284	280	51
2016	641	383	< мпв	2184	1495	77	684	505	178	342	307	59
2017	1047	441	< мпв	2517	1711	164	701	512	155	356	278	63
2018	2132	705	< мпв	3124	1965	106	771	548	176	386	272	67
2019	1942	1111	< мпв	3396	2156	79	831	566	179	419	287	78
2020	1512	1334	39	3075	2111	59	754	494	89	288	222	41
2021	1317	1110	14	2619	2093	34	713	502	78	216	178	11

Примечание. Таблица составлена автором на основе данных ежегодных отчетов The Japan Student Services Organization [19]. ВО – высшее образование; ДО – краткосрочные программы обучения менее года.

Научное взаимодействие осуществляется с помощью традиционной социальной практики – проведения регулярных научно-практических мероприятий между коллективами высших учебных и научных заведений. В информационном пространстве стран Центральной Азии наиболее часто фигурируют конференции и круглые столы по различным лингвистическим, культурным, историческим, антропологическим аспектам японо-центрально-азиатских отношений. С целью популяризации изучения центральноазиатской проблематики в Японии создано Японское общество изучения Центральной Азии (JACAS), которое с 2005 г. выпускает ежегодный научный журнал.

На фоне общегуманитарной проблематики, которая является типичной для научного международного диалога, в коммуникации между Японией и странами ЦАР качественно выделяется японо-казахстанское научно-экспертное взаимодействие в сфере ядерного нераспространения, атомной энергетики и ядерной медицины. Эти отношения имеют продолжительную историю и с 1994 г. на регулярной ежегодной основе обеспечивают деловое, интенсивное, диффузное влияние не только через краткосрочную коммуникацию (круглые столы, конференции и пр.), но и авторитетное воздействие в фарватере совместных исследовательских проектов и программ обучения. С 1996 г. в Центре подготовки кадров Японского агентства по атомной энергии (ЯААЭ) при финансовой поддержке Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии для студентов и молодых ученых Казахстана из атомной отрасли ведется подготовка лекторов и инструкторов в двух форматах: стажировки на базе ЯААЭ в г. Токай, где расположены научно-экспериментальная база и комплексы исследовательских реакторов; учеб-

ные курсы по направлению «Реакторные технологии» на базе Национального ядерного центра Казахстана в г. Курчатов с участием казахстанских специалистов, прошедших инструкторские курсы ЯААЭ, и ведущих японских специалистов [21].

Отношения между Казахстаном и Японией в ядерной сфере не ограничиваются только научной спецификой: поддерживается исторический дискурс о связи катастроф Хиросимы и Нагасаки и Семипалатинского ядерного полигона; вопросы ядерного нераспространения и разоружения являются отдельными направлениями международного сотрудничества на высшем и высоком политических уровнях; японские компании широко представлены в сфере разработки и добычи урана. Более того, имеет место и культурное измерение: казахстанский проект АТОМ был поддержан японской НПО «Earth Identity Project», которая организовала в Японии выставку картин казахского художника К. Куюкова, на которой жена премьера С. Абе отметила: «...картины Карипбека Куюкова вдохновляют людей на борьбу за мир без ядерного оружия...» [22]. Взаимодействие по ядерной проблематике в казахстанско-японских отношениях – это показательный пример наложения и пересечения различных институциональных форм международной власти, которые порождают мультипликативный комплекс социального влияния, обеспечивающий высокий уровень взаимозависимости в межгосударственных отношениях.

Следующей практикой в реализации властных отношений в идеологической сфере является профессиональное образование, которое курирует Японское агентство международного сотрудничества (ЈСА) с помощью программы «Техническая кооперация» (ТК). ТК – это многоуровневая система помощи в развитии человеческого капитала стран Центральной Азии, которая позволяет наладить межличностные отношения между японскими и центральноазиатскими квалифицированными специалистами через содействие в освоении конкретных японских технологий и управленческих практик. ТК реализуется в трех формах. Первая – отправка японских специалистов или исследовательских команд для предоставления необходимых технологий и знаний, что создает устойчивую коммуникацию на уровне местных чиновников и японских специалистов. За все время реализации ТК (по 2020 г. включительно) в Центральной Азии Казахстан посетило 339 специалистов из Японии, Кыргызстан – 1 167, Таджикистан – 392, Туркменистан – 56, Узбекистан – 1 113 и было отправлено 4 079 исследовательских команд. Вторая – ТК организует в Японии обучение для ведущих специалистов и государственных служащих, ответственных за ключевые направления развития страны. За время действия программы обучение прошли 1 710 казахских, 2 390 кыргызских, 2 380 таджикских, 562 туркменских, 2 547 узбекских специалистов. Третья – предоставление оборудования. В целом суммарные расходы японского бюджета на программу ТК в ЦАР составили свыше \$562 млн (по 2020 г. включительно) [23]. Специалисты, прошедшие обучение по программам ЈСА, также кооптируются в национальные ассоциации выпускников ЈСА (в Кыргызстане действуют с 2009 г., в Казахстане – с 2010 г., Узбекистане – с 2011 г.).

Таким образом, программа ТК является заметной интенсивно-авторитетной практикой идеологической власти Японии, которая создает социальные контакты на индивидуальном и групповом уровнях с помощью профессиональных образовательных программ по освоению японских

технологий, менеджмента и оборудования. В рамках этих взаимоотношений формируются относительно немногочисленные межличностные профессиональные контакты, но с более качественным вовлечением и персональным отбором квалифицированных специалистов.

Наконец, внешняя политика Японии уделяет внимание поддержке *власти НКО*. Частично уже упоминались наложения и пересечения этой институциональной формы с другими: JACAFA, Najime B Club, UJUAC и прочие – все это свидетельствует об особой роли власти гражданского активизма в межгосударственных отношениях, которую японская сторона использует для усиления влияния других институциональных форм власти. Однако необходимо отметить, что власть НКО присутствует во внешней политике Токио не только как дополнительное средство, но и ведется работа непосредственно для подготовки гражданских активистов для реализации широкой повестки японо-центральноазиатских отношений. В рамках деятельности JICA работа с гражданским сектором, некоммерческими организациями и молодежными лидерами выделена в отдельное направление. В ежегодных отчетах фиксируется отдельной строкой работа по подготовке японских добровольцев по зарубежному сотрудничеству (JOCV) и поддержка волонтеров в других странах: в Кыргызстане было подготовлено 240 JOCV и 40 других волонтеров, в Таджикистане – 0 и 16, в Узбекистане – 258 и 82 соответственно [23].

Также существует Японская программа обмена и обучения (JET), которая имеет межведомственный и межотраслевой статус с участием большого пула японских компаний и муниципальных учреждений (более 1000, включая 45 префектур и 17 муниципалитетов), Министерства внутренних дел и коммуникаций, Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий, Министерство иностранных дел и Советом местных органов самоуправления по международным отношениям. Именно в рамках JET заметно, что японская сторона привлекает широкий круг своих государственных и субгосударственных институтов для реализации внешней политики, что позволяет расширить форматы межгосударственного взаимодействия [24. Р. 63–87]. Основная цель JET – укрепление связей между японской и зарубежной молодежью через содействие обучению иностранным языкам и продвижение международного обмена на местном уровне. За всю историю работы (с 1987 по 2022 г.) в программе приняли участие более 70 000 человек из 75 стран, а среднее количество участников за последние 10 лет держится в пределах 5 тыс. человек в год [25]. Важной особенностью JET является совмещение образовательной и трудовой активности для соискателей: фактически участники зачисляются в штат японской государственной или частной организации сроком от 1 до 7 лет, выполняют трудовые функции, обязаны соблюдать штатный распорядок, но зарплата в размере \$27–30 тыс. в год выплачивается из государственного бюджета.

Отдельной статистики по работе JET в Центральной Азии найти не удалось, но уровень индивидуального отбора для этой организационной формы можно оценить по объявленному конкурсу на соискание претендентов на две вакансии «Координатор международных отношений в Узбекистане в 2022 г.» [26]. Кандидаты должны иметь образование не ниже бакалавра, хорошее психическое и физическое здоровье, обладать адаптивностью, хорошо владеть японским и английским языками, интересоваться Японией и иметь желание

активно осуществлять обмен с Японией и после завершения программы. Трудовые функции сводятся к профессиональной медиации и консультированию процессов и проектов между Японией и родной страной. Здесь также предполагается механизм поддержания и развития созданных социальных связей через вовлечение выпускников JET в публичные общественные отношения – Ассоциация выпускников JET (JETAА).

В целом власть НКО – это институциональная форма идеологической власти, которая работает на развитие социальных связей на индивидуальном уровне, формируя властные взаимодействия между людьми на основе высокой степени мобилизации, мотивации и институционального контроля. Другими словами, эта институциональная форма власти подготавливает «идеологов» развития японо-центральноазиатских отношений, являясь выраженной авторитетно-интенсивной формой идеологической власти.

Заключение

Макросоциологический анализ показывает, что эвристические формы идеологической власти являются неотъемлемой частью отношений Японии со странами Центральной Азии. Токио широко использует власть НОК и НКО для формирования устойчивых социальных связей, имеющие выраженное деловое, авторитетно-диффузное и экстенсивно-интенсивное влияние на японо-центральноазиатские отношения. Социальные взаимодействия в этих институциональных формах формируют индивидуальную вовлеченность на основе удовлетворения личных потребностей в саморазвитии и самореализации, что формирует социальную базу «подвижников» развития японо-центральноазиатских межгосударственных отношений.

Японская сторона целенаправленно подходит к управлению отношениями в научно-образовательной и культурной сфере. К реализации власти НОК Японии привлекается большое число исполнителей: институты развития (Японский фонд, Международное агентство международного сотрудничества), государственные органы (представительный пул правительственных министерств) и даже субнациональные акторы (муниципалитеты, региональные правительства и частные компании). Такое многообразие позволяет привлечь в международную деятельность страны широкий спектр разноуровневых японских специалистов, что позволяет распределять работу в идеологической сфере между большим количеством участников и более точно подбирать соответствующие социальные знаменатели для выстраивания более вовлеченных и мотивированных межличностных контактов.

Выстроенная институциональная система поддерживает разнообразную социальную практику для реализации власти НОК Японии, в которой выделяется четыре основных направления приложения усилий: культурные центры, гранты на обучение, научное сотрудничество и программа профессиональной переподготовки. Эти практики создают индивидуальные и групповые социальные связи между представителями Японии и центральноазиатских стран. Количественно создаваемые ежегодно социальные связи властью НОК – это десятки, сотни и только в случае с Узбекистаном тысячи человек. Однако японская сторона делает качественный акцент на взаимодействии с представителями действующей или потенциальной элиты, выставляя высокие требования к отбору с приоритетом функционеров среднего

звена и лидеров в профессиональной, молодежной, культурной и научной средах.

Особое место в идеологической власти Токио занимают социальные взаимодействия в рамках гражданского активизма или власти НКО. На примере пересечения и наложения социальных связей между властью НОК и НКО четко прослеживается функциональное значение последней. Эта институциональная форма продлевает социальную коммуникацию через создание и поддержание регулярных публичных взаимодействий между наиболее мотивированными представителями межгосударственных отношений: обучение в культурных центрах продолжается контактами в рамках *Hajime B Club*; получение диплома в японских вузах имеет продолжение в виде Клуба бывших выпускников японских вузов (UJUAC); программы Японского фонда – Ассоциация дружбы между Японией и Центральной Азией (JACAFA); изучение и преподавание японского языка – Ассоциация преподавателей японского языка. В то же время власть НКО имеет самостоятельное выражение через программы ЛСА и Японскую программу обмена и обучения (JET). Токио целенаправленно готовит активистов зарубежного сотрудничества. Власть НКО позволяет усилить авторитетное, интенсивное и деловое влияние других институциональных форм международной власти Японии, создавая посредников развития международных контактов при непосредственном участии или полностью замкнутых на японской стороне.

Япония целенаправленно и эффективно использует идеологические формы власти для усиления своего присутствия в Центрально-Азиатском регионе. Токио удается с помощью идеологической власти компенсировать объективные географические препятствия для конкурентного межгосударственного взаимодействия в регионе, что наглядно подтверждается регулярными социологическими опросами. Видовое разнообразие идеологических форм позволяет японской стороне формировать комплексную международную власть, которая сочетает все спектры социального влияния: авторитетно-диффузное, экстенсивно-интенсивное и коммунально-деловое. Развитость идеологических форм международной власти является характерной чертой японо-центральноазиатских отношений, что формирует собственную логику межгосударственных отношений между Японией и странами региона.

Список источников

1. *Opinion Poll on Japan Central Asia Region (Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyz Republic and Tajikistan) 2014, 2018, 2021* // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/culture/pr/index.html> (accessed: 05.01.2023).
2. *Добринская О.А.* Стратегия Японии в Центральной Азии: политическое, экономическое и культурное измерение / Институт востоковедения РАН. 2020. 416 с.
3. *Троицкий Е.Ф., Ким М.Ю.* Политика Японии в Центральной Азии (1992–2016 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 84–88.
4. *Парамонов О.Г., Пузанова О.В.* Евразийская дипломатия Токио: успехи и неудачи (1997–2017 гг.) // Сравнительная политика. 2018. Т. 9, № 3. С. 42–60.
5. *Дмитриева М.О.* Япония – Центральная Азия гуманитарный трек развития сотрудничества // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5, № 5. С. 474–481.
6. *Usmonov F., Inagaki F.* Understanding Japanese soft power policy and its feature in Central Asia // *Central Asia and the Caucasus*. 2021. Vol. 24, № 1. P. 31–41.
7. *Борисов Д.А.* Осмысление роли идеологии в современных международных отношениях: аксиологический аспект международной власти Японии в Центральной Азии // Вестник Том-

- ского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 253–266. doi: 10.17223/1998863X/75/21
8. *Ang I., Isar Y.R., Mar F.* Cultural diplomacy: beyond the national interest? // *International Journal of cultural policy*. 2015. Vol. 21, № 4. P. 365–382.
9. *Knight J.* Knowledge Diplomacy in International Relations and Higher Education. Springer, 2022. 179 p.
10. *Winkler S.C.* “Soft power is such a benign animal”: narrative power and the reification of concepts in Japan // *Cambridge Review of International Affairs*. 2019. P. 483–501.
11. *The Blue Book of Foreign policy of Japan* // The Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2005/index.html> (accessed: 5th May 2023).
12. *Kyrgyz-Japanese Center* human development. (2023) About center. URL: <https://krjc.kg/about> (accessed: 5th May 2023).
13. *Ambassy of Japan in Kyrgyz Republic*. 5th annual meeting “Hajime B Club”. 2002. URL: <https://www.kg.emb-japan.go.jp/files/100313236.pdf> (accessed: 5th May 2023).
14. *Lev Gumilyov Center*. The Japanese government has allocated 161 million yen. 2016. URL: <http://tj.gumilev-center.ru/pravitelstvo-yaponii-vyidelilo-161-000-000-ien-dlya-razvitiya-potentsiala-chelovecheskih-resursov-v-tadzhikistane/> (accessed: 5th May 2023).
15. *Ambassy of Japan in Tajikistan*. Ceremony of signing the Exchange Notes for the project JDS. 2022. URL: https://www.tj.emb-japan.go.jp/itprtop_ru/11_000001_00429.html (accessed: 5th May 2023).
16. *Ambassy of Japan in Uzbekistan*. Young Leaders Program. 2021. URL: https://www.uz.emb-japan.go.jp/itpr_ru/ylyp2022.html (accessed: 5th May 2023).
17. *Japan Foundation*. Annual report (Fiscal Year 2023). 2023. URL: https://www.jpjf.go.jp/e/program/dl/guidelines_e_2023.pdf (accessed: 5th May 2023).
18. *Mahmud A.* Internationalization of Higher Education Policy in Japan: The Role of International Student Mobility // *Journal of Higher Education Theory and Practice*. 2022. Vol. 22 (4). P. 52–63. doi: <https://doi.org/10.33423/jhetp.v22i4.5129>
19. *Japan Student Services Organization*. The Summary of Result on an Annual Survey of International Students in Japan. 2023. URL: <https://studyinjapan.go.jp/en/statistics/zaiseki/index.html> (accessed: 5th May 2023).
20. *Kyrgyz Republic Japanese Language Teachers Association*. What is the Association of Teachers of the Kyrgyz Language? 2023. URL: <https://jlkyoushikai-kyrgyz.jimdofree.com/kajltとは/> (accessed: 5th May 2023).
21. *Мишиязов А.* Японо-Казахстанское сотрудничество в области подготовки кадров для атомной отрасли // *Ядерное общество Казахстана*. 2020. № 3 (54). С. 19–29.
22. *ИА «Казинформ»*. Проект АТОМ представлен в Токио. 2023. URL: https://www.inform.kz/ru/proekt-atom-predstavlen-v-tokio_a2607275 (дата обращения: 05.05.2023).
23. *JICA*. Annual Reports 2008–2021. 2023. URL: <https://www.jica.go.jp/english/publications/reports/annual/index.html> (accessed: 5th May 2023).
24. *Purnendra J.* Japan’s Subnational Governments in International Affairs. New York : Routledge, 2017. 205.
25. *Japan Exchange and Teaching Programme*. History. 2023. URL: <https://jetprogramme.org/en/history/> (accessed: 5th May 2023).
26. *Ambassy of Japan in Uzbekistan*. Program “JET-2022”. 2022. URL: <https://www.uz.emb-japan.go.jp/files/100296924.pdf> (accessed: 5th May 2023).

References

1. Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2014, 2018, 2021) *Opinion Poll on Japan Central Asia Region (Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyz Republic and Tajikistan)*. [Online] Available from: <https://www.mofa.go.jp/policy/culture/pr/index.html> (Accessed: 5th January 2023).
2. Dobrinskaya, O.A. (2020) *Strategiya Yaponii v Tsentral'noy Azii: politicheskoe, ekonomicheskoe i kul'turnoe izmerenie* [Japan's Strategy in Central Asia: Political, Economic, and Cultural Dimensions"]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.
3. Troitskiy, E.F. & Kim, M.Yu. (2017) Policy in Central Asia (1992–2016). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 50. pp. 84–88. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/50/12
4. Paramonov, O.G. & Puzanova, O.V. (2018) Tokyo’s Eurasian diplomacy: Successes and failures (1997–2017). *Sravnitel'naya politika – Comparative Politics Russia*. 9(3). pp. 42–60. (In Russian).

5. Dmitrieva, M.O. (2022) Yaponiya – Tsentral'naya Aziya gumanitarnyy trek razvitiya sotrudnichestva [Japan – Central Asia: Humanitarian Track of Cooperation Development]. *Postsovetskie issledovaniya – Post-Soviet Studies*. 5(5). pp. 474–481.
6. Usmonov, F. & Inagaki, F. (2021) Understanding Japanese soft power policy and its feature in Central Asia. *Central Asia and the Caucasus*. 24(1). pp. 31–41.
7. Borisov, D.A. (2023) Understanding the role of ideology in contemporary international relations: An axiological aspect of foreign power of Japan in Central Asia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 75. pp. 253–266. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/75/21
8. Ang, I., Isar, Y.R. & Mar, F. (2015) Cultural diplomacy: beyond the national interest? *International Journal of Cultural Policy*. 21(4). pp. 365–382.
9. Knight, J. (2022) *Knowledge Diplomacy in International Relations and Higher Education*. Springer. DOI: 10.1007/978-3-031-14977-1
10. Winkler, S.C. (2019) “Soft power is such a benign animal”: Narrative power and the reification of concepts in Japan. *Cambridge Review of International Affairs*. 32(3). pp. 1–19. DOI: 10.1080/09557571.2019.1623171
11. The Ministry of Foreign Affairs. (2005) *The Blue Book of Foreign Policy of Japan*. [Online] Available from: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2005/index.html> (Accessed: 5th May 2023).
12. *Kyrgyz-Japanese Center of Human Development*. (2023) [Online] Available from: <https://krjc.kg/about> (Accessed: 5th May 2023).
13. Embassy of Japan in Kyrgyz Republic. (2002) *The Fifth Annual Meeting “Hajime B Club.”* [Online] Available from: <https://www.kg.emb-japan.go.jp/files/100313236.pdf> (Accessed: 5th May 2023).
14. Lev Gumilyov Center. (2016) *The Japanese government has allocated 161 million yen*. [Online] Available from: <http://tj.gumilev-center.ru/pravitelstvo-yaponii-vyidelilo-161-000-000-ien-dlya-razvitiya-potentsiala-chelovecheskih-resurov-v-tadzhikistane/> (Accessed: 5th May 2023).
15. Embassy of Japan in Tajikistan. (2022) *The ceremony of signing the exchange notes for the project JDS*. [Online] Available from: https://www.tj.emb-japan.go.jp/itprtop_ru/11_000001_00429.html (Accessed: 5th May 2023).
16. Embassy of Japan in Uzbekistan. (2021) *Young Leaders Program*. [Online] Available from: https://www.uz.emb-japan.go.jp/itpr_ru/ylp2022.html (Accessed: 5th May 2023).
17. Japan Foundation. (2023) *Annual report (Fiscal Year 2023)*. [Online] Available from: https://www.jpf.go.jp/e/program/dl/guidelines_e_2023.pdf (Accessed: 5th May 2023).
18. Mahmud, A. (2022) Internationalization of Higher Education Policy in Japan: The Role of International Student Mobility. *Journal of Higher Education Theory and Practice*. 22(4). pp. 52–63. DOI: 10.33423/jhetp.v22i4.5129.
19. Japan Student Services Organization. (2023) *The Summary of Result on an Annual Survey of International Students in Japan*. [Online] Available from: <https://studyinjapan.go.jp/en/statistics/zaiseki/index.html> (Accessed: 5th May 2023).
20. Kyrgyz Republic Japanese Language Teachers Association. (2023) *What is the Association of Teachers of the Kyrgyz Language?* [Online] Available from: <https://jlkyoushikai-kyrgyz.jimdofree.com/kajltとほ/> (Accessed: 5th May 2023).
21. Miniyazov, A. (2020) Yapono-Kazakhstanskoe sotrudnichestvo v oblasti podgotovki kadrov dlya atomnoy otrasli [Kazakhstan-Japan cooperation in nuclear personnel training]. *Yadernoe obshchestvo Kazakhstana*. 3(54). pp. 19–29.
22. IA “Kazinform.” (2023) *Proekt ATOM predstavlen v Tokio* [The ATOM project is presented in Tokyo]. [Online] Available from: https://www.inform.kz/ru/proekt-atom-predstavlen-v-tokio_a2607275 (Accessed: 5th May 2023).
23. JICA. (2023) *Annual Reports 2008–2021*. [Online] Available from: <https://www.jica.go.jp/english/publications/reports/annual/index.html> (Accessed: 5th May 2023).
24. Purnendra, J. (2017) *Japan’s Subnational Governments in International Affairs*. New York: Routledge.
25. Japan Exchange and Teaching Programme. (2023) *History*. [Online] Available from: <https://jetprogramme.org/en/history/> (Accessed: 5th May 2023).
26. Embassy of Japan in Uzbekistan. (2022) *Program “JET-2022.”* [Online] Available from: <https://www.uz.emb-japan.go.jp/files/100296924.pdf> (Accessed: 5th May 2023).

Сведения об авторе:

Борисов Д.А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой экономики, международных отношений и права гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета экономики и управления (Новосибирск, Россия). E-mail: denisborisov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Borisov D.A. – Cand. Sci. (History), associate professor at the Department of World Economy, International Relations and Law, Faculty of Humanities, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: denisborisov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.12.2023;
одобрена после рецензирования 29.05.2024; принята к публикации 11.06.2024*

*The article was submitted 29.12.2023;
approved after reviewing 29.05.2024; accepted for publication 11.06.2024*

Научная статья

УДК 316.346.32-053.6:32(571.53)

doi: 10.17223/1998863X/79/24

МОЛОДЕЖЬ ИРКУТСКА: ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Никита Сергеевич Ганжа

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, niktoss@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются политические ценности молодежи города Иркутска. Объектным полем исследования стала обучающаяся молодежь, проживающая на территории города Иркутска; предмет исследования – набор установок и ценностей, влияющих на электоральные предпочтения обучающейся молодежи. Хронологические рамки исследования – 2021–2023 гг. На основе полученных данных определены четыре ценностные группы в среде иркутской молодежи: «лоялисты», «ястребы», «либерально-оппозиционные», «нейтрально-одобряющие», а также определен уровень готовности к политическому действию.

Ключевые слова: молодежь, ценности, электоральное поведение

Для цитирования: Ганжа Н.С. Молодежь Иркутска: электоральное поведение через призму политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 272–281. doi: 10.17223/1998863X/79/24

Original article

IRKUTSK YOUTH: ELECTORAL BEHAVIOR THROUGH THE PRISM OF POLITICAL VALUES

Nikita S. Ganzha

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, niktoss@yandex.ru

Abstract. The article examines the political values of Irkutsk youth and analyzes their impact on electoral behavior. The object of the study was the studying youth living in the territory of the city of Irkutsk. The focus of the study is a set of attitudes and values that influence the electoral preferences of the studying youth. The chronological framework of the study is 2021–2023. The relevance of the study lies in the fact that a low proportion of young people in Russia attend polling stations, and Irkutsk Oblast is a traditional anti-leader in voter turnout at all levels. Thus, in the elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the 8th convocation in 2021, the percentage of voters who reached the polling stations was only 36.59%, which was the lowest result in the country. In the elections of deputies of the Legislative Assembly of Irkutsk Oblast of the 4th convocation, the turnout was only 24.21%. Accordingly, the share of young people voting became low. The answer to the question of why this is happening lies in the value orientations of young people. After all, it is values that in many ways motivate people to act, especially politically. To obtain the data, a questionnaire survey was conducted among pupils of Irkutsk schools (grades 9–11) and university students. The number of respondents was 114 people (28 male pupils, 16 male students, 29 female pupils, 47 female students). According to the results of the survey, the main value groups among Irkutsk youth were identified. Thus, about 15% of students and 30% of pupils are “loyalists”, about 25% are “hawks” (proponents of greater radicalization), about 30% are representatives of “liberal” views and about 30% are “neutral-encouraging”. About 15% of females and 30% of males turned out to be ready for political action, and students have a higher association between social activity of a citizen and participation in

political actions than pupils. At the same time, the need for activism is generally present in more than half of the respondents in almost all groups. The electoral behavior of the above-mentioned youth groups clearly proceeds from their common value assumptions.

Keywords: youth, values, electoral behavior

For citation: Ganzha, N.S. (2024) Irkutsk youth: electoral behavior through the prism of political values. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 272–281. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/24

Низкий уровень вовлеченности российской молодежи в электоральные процессы периодически вызывает озабоченность среди политиков и экспертов. Представители данной возрастной группы не ходят на выборы, мало участвуют в деятельности политических партий. При этом стоит отметить, что процент молодых кандидатов на выборах всех уровней за последние годы остается стабильным – 23–27%, при доле молодых избирателей в 24% от их общего числа. Избираются из них также примерно четверть [1. С. 1].

Традиционно Иркутская область – антилидер по явке избирателей на выборы всех уровней. Так, на выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания в 2021 г. явка избирателей составила 36,59%, что стало самым низким результатом в стране [2]. На выборах депутатов Законодательного собрания Иркутской области четвертого созыва явка составила всего 24,21%, и соответственно низкой была явка среди молодежи [3].

Я полагаю, что ответ на вопрос «Почему так происходит?» лежит в ценностных ориентациях молодежи. Именно ценности во многом мотивируют людей к действию, в особенности политическому. В данной статье использовано определение ценностей, предложенное К. Клахоном: «ценности – это осознанное или неосознанное характерное для индивида или для группы индивидов представление о желаемом, которое определяет выбор целей (индивидуальных или групповых)» [4. С. 39]. Согласно этому определению, ценности обуславливают целеполагание, нам же интересно, влияют ли политические ценности на электоральное поведение молодежи и какие общие ценностные группы можно выделить в данной возрастной стране. А.В. Селзнёва отмечает, что политические ценности выполняют регулятивную функцию относительно политического действия, а также поведения. По сути ценности – это то, что не только побуждает людей к деятельности, но и является ориентиром, мерилom этой самой деятельности [5. С. 22]. Данная точка зрения совпадает с авторской, и можно утверждать, что ценности могут быть маркером ожидаемого электорального поведения человека или группы. Качества кандидата, его принадлежность к определенной партии или его заявления вполне могут стать как фактором увеличения, так и снижения итоговой явки на выборы. Не менее важными являются ценностные предпочтения самого избирателя. Ю.А. Кудрина, Н.М. Печенкин и А.А. Косарев анализировали причины участия или неучастия молодежи в предстоящих на тот момент выборах депутатов Государственной думы в 2021 г. Респонденты, аргументируя позицию нежелания идти на выборы, в числе прочего называли отсутствие подходящих кандидатов и партий, указывая на расхождение их ценностных ориентаций [6. С. 147].

В данном исследовании мы выделим несколько групп среди молодежи в соответствии с результатами опроса с учетом ценностных ориентаций, что

дополняет информацию о стратификации молодежи. Так, например, согласно данным О.В. Поповой, Н.В. Гришина, М.Я. Погодина на основе анализа комментариев, оставленных в «ВКонтакте» на сайтах глав регионов РФ в 2022 г., молодежь Иркутской области оказалась в «середине таблицы». От 10 до 20% негативных комментариев и от 5 до 10% позитивных комментариев было написано молодыми иркутянами [7. С. 131]. Стоит отметить, что написание комментариев – политическое действие, следовательно, порядка 15% молодежи мы можем записать в так называемое ядро протеста и порядка 8% в так называемых лоялистов. Численность данных групп в результате нашего исследования не должна оказаться ниже указанных процентов, но представляется, что ценностно-групповая палитра молодежи Приангарья несколько шире, чем разделение на протестных и лоялистов.

Одной из важных причин электорального абсентеизма молодежи является невысокая готовность к политическому действию в широком понимании этого термина. С.Ю. Асеев и Я.Ю. Шашкова выявили ограниченный характер лидерского потенциала молодежи Алтайского края и Новосибирской области. Не более 10% опрошенных были готовы к лидерству, 47% опрошенных не были готовы участвовать в работе молодежной политической организации. Данные тенденции могут отражать низкую оценку возможности молодежи влиять на политические процессы; так, 13% респондентов считали, что молодежные лидеры не оказывают никакого влияния на ситуацию в стране [8. С. 120–121]. Склонность к совершению политического действия с оговорками также можно записать в сферу ценностных ориентаций, следовательно, данный показатель может оказывать влияние на электоральное поведение.

Представляют интерес данные опроса о политических ценностях российской молодежи, проведенного в 2017 г. исследователями Государственного университета управления. Согласно этому исследованию, около половины респондентов интересовались политикой «от случая к случаю», каждый третий не интересовался политикой в принципе. Лишь 16,5% опрошенных внимательно следили за политической жизнью, и только 3,9% участвовали в политической активности в течение предшествующего полугодия. 48% не желали стать членами политического объединения; 22,2% – хотели бы; 21,3% респондентов были готовы принять участие в акциях протеста [9. С. 57–58].

М.В. Криворучко и К.Н. Щербакова выделили три типа политической активности молодежи. Для представителей первого типа характерно выделение следующих приоритетных ценностей – «саморазвитие, материальное благополучие, индивидуальность, креативность». Представители этого типа политически активны, склонны к выражению своих интересов и составляют около 31% от всех опрошенных. Второй тип политической активности характерен для людей, принимающих участие в политике эпизодически, и их ценности включают «индивидуальность, саморазвитие, креативность и духовное удовлетворение». Представители данного типа составили 50% респондентов. Третий тип – это аполитичная молодежь, которая негативно относится к электоральной системе и процедурам в целом и среди политических ценностей называет «индивидуальность, духовное удовлетворение, взаимоотношения и достижения». Третья группа составила 19% респондентов [10. С. 181]. Такое распределение политической активности и ценностей, по мнению автора данной статьи, не совпадает с результатами его исследований. Кроме

того, вызывает сомнение тот факт, что ни в одной из групп респондентов не были проявлены коллективные ценности.

Для целей данного исследования автор предлагает следующую классификацию ценностных групп: «лоялисты», «нейтрально-одобряющие», «либералы» и «ястребы». «Лоялисты» – это молодые люди, полностью поддерживающие официальный курс современной России, включая ее внешнюю политику. Они реализуют социально-одобряемые политические действия, для них характерен коллективизм, приверженность традиционным ценностям, консерватизм и патриотизм. «Нейтрально-одобряющие» – это те, кого в целом устраивает положение в стране, их ценностные характеристики близки к «лоялистам», однако выражены менее ярко, их поведение более конформное, и они не склонны к совершению политических действий любого толка. Под «либералами» автор подразумевает не принадлежность к одноименной политической идеологии, а тех, у кого выражены ценности индивидуализма, космополитизма, антимилитаризма, прогрессизма, и кто высоко ценит личные свободы. Они также склонны к совершению неодобряемых политических действий, например участие в протестных акциях. «Ястребы» – это сторонники радикализации нынешнего курса, усиления милитаризации. Они могут быть как коллективистами, так и индивидуалистами и демонстрируют конформизм до тех пор, пока считают, что действия власти совпадают с их собственными представлениями, ценность порядка ставят выше свободы, на словах пропагандируют консерватизм, но скорее склонны к изменению существующего положения вещей.

В данном исследовании автор постарается определить ценностные предпочтения молодежи города Иркутска, а также спроектировать на их основе портрет среднестатистического молодого избирателя. Для получения данных был проведен анкетный опрос по месту обучения в нескольких школах и вузах г. Иркутска среди учащихся школ (9–11-е классы) и студентов. Анкеты заполнялись лично респондентами на анонимной основе. Общее число респондентов составило 114 человек, из них 44 мужчин (28 школьников и 16 студентов) и 76 женщин (29 школьниц и 47 студенток). Объем данных не является репрезентативным, а скорее служит для отработки авторской методики по выявлению связи между ценностями и формами политического поведения. В связи с высоким уровнем недоверия респондентов к социологическим исследованиям достаточно сложно получить правдивые ответы на прямые вопросы, поэтому была выбрана методика косвенных вопросов, которые могли не охватить некоторые ценностные группы, что будет подробно рассмотрено в последующих работах. В вопросах можно было выбрать несколько вариантов ответа, поэтому сумма ответов не составляет 100%.

В первом вопросе было проанализировано то, какая идентичность является определяющей – семейная, локальная, государственная или общемировая (табл. 1). Согласно результатам, во всех группах преобладает ответ «Гражданин России», от 55,32 до 62,5%. На втором месте – космополитичная, от 23,40 до 44,44%, при этом особняком стоят мужчины-студенты, никто из которых не выбрал этот вариант. На третьем месте практически во всех группах стоит семейная идентичность, кроме мужчин-школьников, у которых преобладает ответ «Иркутянин». Как мы видим, большинство опрошенных отождествляют себя с Россией или Иркутском, однако достаточно крупный кластер респондентов

считают себя гражданами мира, что может оказать влияние на их электоральное поведение. Рискнем предположить, что именно эти опрошенные могут представлять собой базу для так называемой либеральной оппозиции.

Таблица 1. Ответы на вопрос «К какой категории вы можете себя причислить?»

Ответ респондентов	М(ш), %	Ж(ш), %	М(с), %	Ж(с), %
Гражданин России	59,26	58,62	62,50	55,32
Иркутянин	29,63	17,24	12,50	14,89
Человек мира	44,44	34,48	0,00	23,40
Член своей семьи	18,52	20,69	31,25	14,89

Примечание. ш. – школьники; с – студенты.

Для проверки подобных предположений изначально был задан следующий вопрос: «Что для вас значит понятие „патриотизм“?» Большинство респондентов выбрали нейтральные формулировки патриотизма, такие как «любовь к природе России» и «уважение к истории России». Данные формулировки являются «общественно одобряемыми», и их использование может свидетельствовать о преобладании группы «одобряющего нейтрального большинства» среди респондентов. Патриотизм как лояльность государству («Гордость за успехи России», «Уважение к государству» и «Уважение к Президенту РФ») получил меньшую поддержку, хотя был значим для определения данного понятия. Идея «Уважения к государству» получила поддержку от 43,75 до 59,26% респондентов как маркер патриотизма. Ответ на вопрос «Уважение к Президенту РФ» позволил очертить группу «лоялистов» – около трети среди молодежи для школьников и около 15% для студентов (табл. 2).

Приверженность «региону проживания», как и в предыдущем вопросе, выбрали от четверти до трети респондентов, однако можно отметить увеличение процента выбравших вариант «Моя семья», и эти респонденты могут быть охарактеризованы как группа «нейтрально-одобряющая». Потенциал политического действия среди молодежи можно оценить как невысокий в связи с тем, что менее половины опрошенных во всех группах отметили «Готовность активно работать на благо России» как признак патриотизма. В вопросе не ставилась коннотация данной работы, поэтому под ней можно было понимать все что угодно, от политического активизма до государственной службы. После окончания школы данная готовность снижается еще на 10%. Однако стоит заметить, что данный вопрос в полной мере не раскрывает готовность к участию в политике.

Таблица 2. Ответы на вопрос «Что для вас значит понятие патриотизм?»

Ответ респондентов	М(ш), %	Ж(ш), %	М(с), %	Ж(с), %
Любовь к природе России	74,07	72,41	43,75	48,94
Уважение к истории России	66,67	58,62	81,25	70,21
Моя семья	40,74	27,59	25,00	19,15
Моя область	37,04	20,69	25,00	19,15
Гордость за успехи России	59,26	48,28	43,75	51,06
Уважение к государству	59,26	41,38	50,00	65,96
Уважение к Президенту РФ	37,04	27,59	18,75	12,77
Готовность активно работать на благо России	44,44	44,83	31,25	34,04
Готовность воевать за РФ	37,04	27,59	31,25	17,02

Целью следующего вопроса было стремление увидеть, существует ли разделение среди молодежи по отношению к стране через отношение к ее

политическим институтам, в частности к государству. Вопрос звучал так: «Согласны ли вы с утверждением: нужно разделять понятия страна и государство. Мне может нравится одно и не нравится другое?». Большинство респондентов во всех группах согласились с данным утверждением, лишь в группе школьниц процент ниже половины от числа опрошенных (48,28%), при этом значительная доля участников опроса затруднились ответить на вопрос однозначно, и лишь около 15% ответили отрицательно. Эти результаты могут коррелировать с данными о патриотизме как уважении к государству или к Президенту из предыдущего вопроса. Представляется логичным, что мотивировка ответа на данный вопрос анкеты чаще всего должна представлять собой дихотомию «власть в целом – Россия», где вариант их отождествления не пользуется популярностью. С другой стороны, можно отметить, что доля 15% явных «лоялистов» сохраняется. Отметим значимую долю затруднившихся ответить на этот вопрос или не захотевших на него отвечать по тем или иным причинам (табл. 3).

Таблица 3. Ответы на вопрос «Согласны ли вы с утверждением: нужно разделять понятия страна и государство. Мне может нравится одно и не нравится другое?»

Ответ респондентов	М(ш), %	Ж(ш), %	М(с), %	Ж(с), %
Согласен	66,67	48,28%	56,25%	63,83%
Не согласен	22,22%	13,79%	18,75%	6,38%
Затрудняюсь ответить	11,11%	37,93%	25,00%	29,79%

Целью следующего вопроса было выяснение готовности молодежи к активности – политической и социальной (табл. 4).

Таблица 4. Ответы на вопрос «Как вы понимаете социальную активность гражданина?»

Ответ респондентов	М(ш), %	Ж(ш), %	М(с), %	Ж(с), %
Участие в социально значимых мероприятиях	66,67	55,17	50,00	63,83
Добровольчество	55,56	58,62	12,50	42,55
Участие в деятельности общественных организаций	59,26	55,17	43,75	53,19
Реализация социальных проектов	44,44	37,93	12,50	36,17
Благотворительность	51,85	44,83	25,00	21,28
Участие в политических акциях	25,93	13,79	37,50	14,89

Политически активная молодежь составила около 15% среди женщин и 30% среди мужчин, причем у студентов ассоциация между социальной активностью гражданина и участием в политических акциях выше, чем у школьников. Важно отметить, что наличие потребности в активизме было выявлено более чем у половины респондентов практически во всех группах. Чаще всего были выбраны формы участия в деятельности общественных организаций и социально-значимых мероприятиях, чуть реже – добровольчество, особенно редко этот вариант встречается у студентов-мужчин. Желание участвовать в благотворительности также уменьшается после окончания школы почти на 20%. В совокупности это может говорить о преобладании индивидуализма над коллективизмом среди молодежи в целом.

Целью следующего вопроса было выяснение размера группы «ястребов» среди молодежи. При этом если в ответах на вопрос о понятии патриотизма вариант с готовностью воевать за Россию выбирали в среднем 35% мужчин и

25% женщин, то активную позицию по контрактной службе занимают уже 25% мужчин и только 5% женщин. Эти результаты могут отражать и тот факт, что возможностей служить по контракту у девушек немного, однако в среднем мы можем определить эту группу в 25% от числа опрошенных (табл. 5).

Таблица 5. Ответы на вопрос «Готовы ли вы пройти службу в ВС РФ по контракту?»

Ответ респондентов	М(ш), %	Ж(ш), %	М(с), %	Ж(с), %
Согласен	66,67	48,28	56,25	63,83
Не согласен	22,22	13,79	18,75	6,38
Затрудняюсь ответить	11,11	37,93	25,00	29,79

Для выявления значимых для молодежи города Иркутска тем для выражения активности было задано два вопроса: о необходимости единой молодежной организации и о том, чем она должна преимущественно заниматься (табл. 6). Ожидаемо большая часть респондентов заявили о необходимости создания такой организации. Наиболее популярными ответами на второй вопрос стали: «Добровольчество» и «Защита прав молодежи». И если первое может отражать общегосударственный тренд, то второе скорее связано с потребностью в представленности молодежи, в том числе и в политической системе как минимум на уровне г. Иркутска. С уверенностью можно сказать, что на данный момент отсутствует структура, с которой респонденты могли бы себя ассоциировать. Зоозащита, спорт, наука, творчество и экология вполне могут быть использованы политическими движениями как темы для привлечения части молодежи в свои ряды. Однако ответы респондентов дифференцированы и не превышают 30–40%, что не позволяет говорить об однозначном интересе молодежи к этим темам. Укрепление межнационального мира и пропаганда ЗОЖ стали наименее популярными ответами среди молодежи всех групп. Это может свидетельствовать как о низком уровне интереса к данной тематике, так и об удовлетворенности молодежи текущим положением вещей.

Таблица 6. Ответы на вопрос «Чем должна заниматься единая молодежная организация?»

Ответ респондентов	М(ш), %	Ж(ш), %	М(с), %	Ж(с), %
Добровольчество	74,07	55,17	50,00	51,06
Зоозащита	33,33	24,14	18,75	38,30
Экология	55,56	6,90	25,00	44,68
Защита прав молодежи	70,37	41,38	50,00	70,21
Воспитание молодежи	18,52	20,69	31,25	25,53
Укрепление межнационального мира	14,81	17,24	25,00	19,15
Творчество	29,63	27,59	37,50	23,40
Спорт	48,15	34,48	31,25	8,51
Наука	33,33	13,79	31,25	17,02
Пропаганда ЗОЖ	14,81	24,14	25,00	6,38
Патриотическое воспитание	29,63	34,48	31,25	12,77

Подводя итоги нашего исследования, мы можем охарактеризовать молодежь города Иркутска следующим образом: порядка 15 студентов и 30 школьников представляют собой «лоялистов», около 25 – «ястребов», около 30 – представителей либеральных взглядов и около 30 – «нейтрально-одобряющих». Группы могут пересекаться, но в целом по итогам данного

исследования мы можем выделить именно такие пропорции. При этом лишь около 15 человек среди девушек и 30 среди юношей можно назвать политически активными. Также стоит отметить нехватку представительства молодежи в органах власти и общественных организациях, что приводит к высокому запросу на создание подобной организации, целью которой может стать защита прав молодежи.

Электоральное поведение названных групп молодежи исходит из ценностных посылок. «Лоялисты» будут голосовать за предложенных кандидатов от действующей власти, «ястребы» будут голосовать скорее конформно, однако их поведение может быть скорректировано. «Либерально-оппозиционная» группа может голосовать за оппозицию либо игнорировать выборы. Также могут поступать и «нейтрально-одобряющие», которых сложно убедить прийти на избирательные участки.

Для объяснения данной ценностной ориентации необходимо проведение расширенных качественных социологических исследований, однако уже сейчас можно предположить, что школьники, ввиду большей охваченности патриотическими мероприятиями идеологической направленности, демонстрируют более лоялистские модели поведения в отличие от студентов. Для повышения электоральной активности учащейся молодежи необходимо повышать субъектность молодежных организаций, создавать новые, которые будут эффективно представлять интересы этой социальной группы.

Список источников

1. *Киреева В.* Четверть кандидатов на выборах 2022 года составляет молодежь // Парламентская газета : сайт. URL: <https://www.pnp.ru/social/chetvert-kandidatov-na-vyborah-2022-goda-sostavlyayet-molodezh.html?ysclid=lswxlgkra9914067351> (дата обращения: 25.02.2024).
2. *Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва* // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации: [сайт]. 2021. URL: <http://www.irkutsk.vybory.izbirkom.ru/region/irkutsk?action=show&global=1&vrn=100100225883172®ion=38&prver=0&pronetvd=0> (дата обращения: 07.02.2024).
3. *Выборы депутатов Законодательного Собрания Иркутской области третьего созыва* // Государственная автоматизированная система ГАС Выборы: сайт. URL: <http://www.irkutsk.vybory.izbirkom.ru/region/irkutsk?action=show&vrn=23820001780453®ion=38&prver=0&pronetvd=0> (дата обращения: 07.02.2024).
4. *Сеидов Ш.Г., Найденова Л.И., Розенберг Н.В.* Политические ценности и настроения современной молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 38–46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-tsennosti-i-nastroeniya-sovremennoy-molodezhi?ysclid=lswx8495hh360566006> (дата обращения: 25.02.2024).
5. *Селезнева А.В.* Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Образование. Коммуникация. 2020. Т. 11, № 3. С. 20–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-tsennosti-rossiyskoymolodezhi-sotsiokulturnye-osobennosti-i-identifikatsionnyy-potentsial> (дата обращения: 01.04.2024).
6. *Кудрина Ю.А., Печенкин Н.М., Косарева А.А.* Политическое участие молодежи на выборах в Государственную Думу в 2021 году: ценностные установки, электоральные предпочтения и политическое поведение // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 3. С. 142–150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-uchastie-molodezhi-na-vyborah-v-gosudarstvennuyu-dumu-v-2021-godu-tsennostnye-ustanovki-elektoralnye-predpochteniya-i?ysclid=lswxjutfhy1405800041> (дата обращения: 25.02.2024).
7. *Попова О.В., Гришин Н.В., Погодина М.Я.* Коммуникация молодежи с главами исполнительной власти регионов Российской Федерации во «ВКонтакте» в 2022 году // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 122–137. URL: <https://www.politstudies.ru/article/6050> (дата обращения: 01.04.2024).
8. *Асеев С.Ю., Шайкова Я.Ю.* Инновационный и лидерский потенциал в структуре политических установок молодежи (на примере Алтайского края и Новосибирской области) // По-

лис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 113–124. URL: https://www.politstudies.ru/index.php?page_id=453&id=5764&jid=5752 (дата обращения: 01.04.2024).

9. Чуев С.В., Тимохович А.Н., Гришаева С.А. Политические ценности российской молодежи: материалы исследования. // Власть. 2017. Т. 25, № 11. С. 54–60. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/5479> (дата обращения: 01.04.2024).

10. Криворучко М.В., ЩербакOVA К.Н. Особенности ценностных ориентаций молодежи с разными формами политической активности. // Высшая школа экономики. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/69760480> (дата обращения: 01.04.2024).

References

1. Kireeva, V. (2022) *Chetvert' kandidatov na vyborah 2022 goda sostavlyayet molodezh'* [A quarter of the candidates in the 2022 elections are young people]. [Online] Available from: <https://www.pnp.ru/social/chetvert-kandidatov-na-vyborah-2022-goda-sostavlyayet-molodezh.html?ysclid=lswxlgkra9914067351> (Accessed: 25th February 2024).

2. Central Electoral Commission of the Russian Federation. (2021) *Vybory deputatov Gosudarstvennoy Dumi Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii vos'mogo sozyva* [Elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the eighth convocation]. [Online] Available from: <http://www.irkutsk.vybory.izbirkom.ru/region/irkutsk?action=show&global=1&vrn=100100225883172®ion=38&prver=0&pronetvd=0> (Accessed: 7th February 2024).

3. The State Automated System GAS Elections. (n.d.) *Vybory deputatov Zakonodatel'nogo Sobraniya Irkutskoy oblasti tret'ego sozyva* [Elections of deputies of the Legislative Assembly of Irkutsk Region of the third convocation]. [Online] Available from: <http://www.irkutsk.vy-bo-ry.izbirkom.ru/region/irkutsk?action=show&vrn=23820001780453®ion=38&prver=0&pronetvd=0> (Accessed: 7th February 2024).

4. Seidov, Sh.G., Naydenova, L.I. & Rozenberg, N.V. (2021) Politicheskie tsennosti i nastroyeniya sovremennoy molodezhi [Political values and sentiments of modern youth]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshche-stvennye nauki*. 4. pp. 38–46. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-tsennosti-i-nastroyeniya-sovremennoy-molodezhi?ysclid=lswx8495hh360566006> (Accessed: 25th February 2024).

5. Selezneva, A.V. (2020) Politicheskie tsennosti rossiyskoy molodezhi: sotsiokul'turnye osobennosti i identifikatsionnyy potentsial [Political values of Russian youth: Socio-cultural features and identification potential]. *Obshchestvo. Obrazovanie. Kommunikatsiya*. 11(3). pp. 20–32.

6. Kudrina, Yu.A., Pechenkin, N.M. & Kosareva, A.A. (2022) Political participation of youth in the State Duma elections in 2021: Value attitudes, electoral preferences, and political behaviour. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 12(3). pp. 142–150. (In Russian).

7. Popova, O.V., Grishin, N.V. & Pogodina, M.Ya. (2023) Kommunikatsiya molodezhi s glavami ispolnitel'noy vlasti regionov Rossiyskoy Federatsii vo "VKontakte" v 2022 godu [Communication of young people with the heads of executive authorities of the regions of the Russian Federation on VKontakte in 2022]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 4. pp. 122–137. [Online] Available from: <https://www.politstudies.ru/article/6050>. (Accessed: 1st April 2024).

8. Aseev, S.Yu. & Shashkova, Ya.Yu. (2021) Innovatsionnyy i lidernyy potentsial v strukture po-liticheskikh ustanovok molodezhi (na primere Altayskogo kraya i Novosibirskoy oblasti) [Innovative and leadership potential in the structure of political attitudes of young people (a case study of Altai Krai and Novosibirsk Oblast)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2. pp. 113–124. [Online] Available from: https://www.politstudies.ru/index.php?page_id=453&id=5764&jid=5752 (Accessed: 1st April 2024).

9. Chuev, S.V., Timokhovich, A.N. & Grishaeva, S.A. (2017) Politicheskie tsennosti rossiyskoy molodezhi: materialy issledovaniya [Political values of Russian youth: Research materials]. *Vlast'*. 25(11). pp. 54–60. [Online] Available from: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/5479> (Accessed: 1st April 2024).

10. Krivoruchko, M.V. & Shcherbakova, K.N. (n.d.) *Osobennosti tsennostnykh orientatsiy molodezhi s raznymi formami politicheskoy aktivnosti* [Value orientations of young people with different forms of political activity]. [Online] Available from: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/69760480> (Accessed: 1st April 2024).

Сведения об авторе:

Ганжа Н.С. – аспирант кафедры международных отношений и таможенного дела Института мировой экономики и международных отношений Байкальского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: nikktooss@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ganzha N.S. – postgraduate student, Department of International Relations and Institute of Customs Affairs, Institute of World Economy and International Relations, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: nikktooss@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.04.2024;
одобрена после рецензирования 29.05.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted 17.04.2024;
approved after reviewing 29.05.2024; accepted for publication 11.06.2024*

Научная статья

УДК 323.3

doi: 10.17223/1998863X/79/25

ОТ «СЕЛЬСОВЕТА» К «ТЕХНОКРАТАМ»: ЛЕГИТИМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ ПРИ ИГОРЕ АРТАМОНОВЕ

Александр Владимирович Скиперских

Липецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Россия, pisatels@mail.ru

Аннотация. Представлен сравнительный анализ процессов инкорпорации и экскорпорации в политическую элиту Липецкой области в период губернаторства Игоря Артамонова. Внимание автора концентрируется на специфике легитимации нового политического класса Липецкой области. Автор демонстрирует, какие новые механизмы в инкорпорации элит складываются в Липецкой области. По наблюдениям автора, экскорпорация из политической элиты в случае правления И. Артамонова, равно как и при О. Королёве, не означает политического забвения. Статусные отставники моментально перемещаются на новые позиции, открывающие им доступ к ресурсам.

Ключевые слова: Игорь Артамонов, власть, инкорпорация, легитимация, Липецкая область, политическая элита, экскорпорация

Для цитирования: Скиперских А.В. От «сельсовета» к «технократам»: легитимация политических элит Липецкой области при Игоре Артамонове // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 282–297. doi: 10.17223/1998863X/79/25

Original article

FROM “VILLAGE COUNCIL” TO “TECHNOCRATS”: LEGITIMATION OF THE POLITICAL ELITES OF LIPETSK OBLAST UNDER IGOR ARTAMONOV

Aleksandr V. Skiperskikh

Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation, pisatels@mail.ru

Abstract. The article presents a comparative analysis of the processes of incorporation and excorporation into the political elite of Lipetsk Oblast during the governorship of Igor Artamonov. The author’s attention is focused on the specifics of the legitimation of the new political class of Lipetsk Oblast. In the author’s opinion, the new political elite is significantly different from the elite that took shape during the 20-year term of the former governor of Lipetsk Oblast Oleg Korolev. The theoretical framework of the study is the case-study method, which allows delving into the analysis of a specific case of elite construction in Lipetsk Oblast, summarizing the author’s long-term observations of elite construction in the region. The comparative method makes it possible to identify common and specific features in the processes of legitimation of elites under Artamonov and Korolev. An analysis of the current composition of the political class in Lipetsk Oblast allows concluding that almost all key decisions are made specifically by the governor. Any political figure automatically falls into the shadow of Igor Artamonov. The political legitimation of the elites takes place with the direct participation of a new structure-supplier of elite personnel – Sberbank. Using numerous examples, the author demonstrates what new mechanisms in the incorporation of elites are taking shape in Lipetsk Oblast. According to the author’s observations, excorporation from the political elite in the case of Artamonov’s rule, as well

as under Korolev, does not mean political oblivion. The high-status retirees are instantly moved to new positions that give them access to resources.

Keywords: Artamonov, power, incorporation, legitimation, Lipetsk Oblast, political elite, excorporation

For citation: Skiperskikh, A.V. (2024) From “village council” to “technocrats”: legitimation of the political elites of Lipetsk oblast under Igor Artamonov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 282–297. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/79/25

Теоретическая рамка

Процесс элитного строительства неоднократно попадал в исследовательский фокус многих политологов. Несмотря на общие черты, тем не менее, в каждом отдельном случае могли признаваться и объективные различия, связанные с условиями конкретного государства и доминирующим в нем типом политической культуры, равно, как и с региональными особенностями. Российский кейс элитного строительства был достаточно убедительно исследован О. Крыштановской, раскрывшей структурные особенности российских элит и текущую динамику их циркуляции. В ее работе можно увидеть два важных для нашего исследования процесса – инкорпорация (вход в элиту, встраивание в нее) и экскорпорация (выход из элиты). О. Крыштановская добавляет в дискурс исследования элит еще один важный термин – «вето-группы», которые она определяет как «внутриэлитные образования, в функции которых входит принятие решений по поводу разрешения или запрета каких-либо действий» [1. С. 78]. Подобное структурирование отмечает элиты вне зависимости от их уровня, в полной мере распространяясь и на интересующий нас региональный элитный слой. Если обратить внимание на тот факт, что процесс управления сегодня, с одной стороны, предельно оптимизируется, а с другой стороны, является сильно зарегулированным различными нормами, то роль вето-групп может приобретать в легитимации политических элит едва ли не решающее значение. Успешность региональных элитных групп сегодня может связываться именно с вето-группами, создающими для самой элиты объемы KPI, по которым рассчитывается их эффективность.

Некоторые политологи видят в существовании подобных «вето-групп» основу для самосохранения элиты. В частности, Л. Шевцова говорит о «группах давления» внутри элиты, которые понижают ответственности внутри аппарата самого политического лидера, давая ему «возможность быстро отрешившись от неудачных решений и заменять „проколовшихся“ разработчиков» [2. С. 517]. Справедливость такой оценки роли «групп давления» подтверждается многочисленными примерами политической хроники. Всякий раз, когда в отставку отправляется тот или иной чиновник, подписывающий важные документы, нужно понимать его неспособность принимать итоговое решение, которое в российской практике всегда остается за более влиятельной по статусу фигурой.

Структура российской элиты напоминает лестницу – многочисленные классы, разряды и звания, отсылающие нас к петровской табели о рангах (1722 г.), в рамках которой концептуализируется политический класс. Приказы передаются сверху вниз. Таким образом, как отмечает Ю. Лотман, жизнь

государственной машины проникается «идеалом регулярного государства» [2. С. 31]. В период СССР можно увидеть иное воплощение чиновничьей армии, интегрированной в номенклатурную обойму. Особенности советского структурирования жизни элиты – от государственных чиновников до областных и районных партийных функционеров – представлена в известном тексте «Номенклатуры» М. Восленского [3].

Жесткое подчинение внутриэлитной структуры в России доказывается и более универсальными схемами, выработанными классиками теории элит – В. Парето, Г. Моска и Р. Михельсом. Неверие в демократические выборы представителей маккиавелистской школы не является секретом. Становление и развитие института демократических выборов мало что меняет принципиально, являясь, судя по замечанию А. Хиршмана, «бессмысленным притворством», маскирующим неспособность изменить «правила игры» случайными чужаками [5. С. 72].

Липецкая элита после О. Королёва

В конце 2022 г. исполнилось четыре года после назначения губернатором Липецкой области Игоря Артамонова. До момента этого назначения Липецкую область было сложно назвать субъектом РФ, где происходили частые смены губернаторов. Политическая элита региона выглядела достаточно спянной, а сам регион не так уж сильно привлекал к себе внимание какими-либо громкими политическими скандалами. Деятельность политической оппозиции была сведена к минимуму. При этом в политическом ландшафте явно выделялась фигура прежнего главы Липецкой области – Олега Королёва. Более того, О. Королёв вместе с губернатором Белгородской области Е. Савченко на 2018 г. являлись самыми опытными главами субъектов РФ, находившими безоговорочную поддержку Кремля.

За период правления О. Королёва была сконструирована сильная управленческая вертикаль, включавшая в себя как влиятельных региональных чиновников, так и чиновников на местах. Некоторые из них сумели сохранить себя и в новой политической реальности. Одной из причин успешной легитимации О. Королёва могла быть его двадцатилетняя разница с его предшественником – М. Наролиным. На момент губернаторской кампании 1998 г. М. Наролину уже было 66 лет.

Важным обстоятельством для нас является и тот момент, что вплоть до своего избрания главой Липецкой области (1998 г.) О. Королёв был председателем Липецкого областного Совета депутатов и вице-спикером Совета Федераций РФ. Королёв оказался неслучайной фигурой в списке претендентов на губернаторское кресло, а готовым политиком, понимающим «правила игры», имеющим огромный административный опыт и номенклатурное прошлое.

Легитимации О. Королёва способствовали симпатии преимущественно сельских избирателей Липецкой области, волеизъявление которых находилось под контролем многочисленных «красных» директоров и глав муниципальных районов с советским прошлым. Неслучайно многочисленную команду симпатизантов, выращенную О. Королёвым, в дискурсе политических экспертов и технологов стали называть сельсоветом. Такое определение как будто бы напоминало о том, что некоторые члены команды О. Королёва в

советское время имели отношение к сельскому хозяйству и возглавляли сельскохозяйственные предприятия. В целом, губернаторство О. Королёва имело четкую сельскохозяйственную ориентацию, заключающуюся в «пристальном внимании укреплению села, сельхозпроизводству» [6. С. 87].

Перед И. Артамоновым возникал логичный вызов. Вопрос смены команды новым губернатором, имидж которого связывался с технократическим, был вопросом времени. Было понятно, что смена элиты на местах рано или поздно произойдет. Легитимация нового губернатора начинала зависеть от того, насколько быстро будет преодолено политическое, культурное и эстетическое наследие «сельсовета». В данной статье мы попытаемся проанализировать, какие последствия имела смена политической элиты в регионе и удалось ли преодолеть политическое наследие О. Королёва. Действительно, имеет ли место пришествие «технократов» в политическую элиту Липецкой области? Удалось ли сделать отбор в политический класс Липецкой области свободным от земляческих и семейственных связей, что отмечалось при прежнем губернаторе? Стал ли новый губернатор до конца свободным в кадровой политике, или вплоть до настоящего времени он склонен испытывать влияние местной элиты? На эти вопросы автор попытается ответить в данном исследовании.

«Кумовства не будет»: явление технократов в Липецкой области

Обычно назначение нового губернатора влечет за собой не только уход с политической авансцены прежнего губернатора, но и его команды. Команда является опорой губернатора, отражает приоритеты его управленческого и политического стиля, эстетические предпочтения. Практически всегда не обходится без компромиссных вариантов. В период «перехода» губернаторской власти в субъектах РФ в течение определенного периода некоторые члены старой губернаторской элиты сохраняют места в кабинете нового губернатора, и это не является какой-то политической аномалией.

В случае с назначением И. Артамонова в Липецкую область так и вышло. Отсутствие политического опыта у нового губернатора предполагало дефицит реальных исполнителей. С подобной проблемой часто сталкиваются назначенные в регионы «технократы», о чем, в частности, высказывался А.В. Кынев. Новые назначенцы не имеют опыта политического руководства, что затрудняет возможности «сформировать собственные команды» [7. С. 146].

Для И. Артамонова это актуализировало легитимацию персоналий из ближнего круга, связанных с ним корпоративными и дружественными отношениями. Такова, на наш взгляд, история появления в ранге вице-губернаторов И. Тузова и А. Якутина, никогда не замеченных в публичной политике и к тому же не имевших «липецкого» происхождения. Их появление в команде И. Артамонова свидетельствовало о том, что он готов пробовать на ключевых позициях людей, в принципе, как и он сам, не имеющих политического опыта. И. Артамонов выступал в качестве «варяга», что изначально как будто не оставляло ему каких-либо широких перспектив в Липецкой области. По замечанию О.Б. Подвинцева, репутация «варяга» в российском политическом дискурсе предполагает, что, «будучи выходцем из другого региона, гу-

бернатор – „варяг“ не связан с местной элитой» [8. С. 119]. По причине того, что высокий пост был получен без какой-либо поддержки с ее стороны, элита не имеет причин связывать нового главу региона какими-либо обязательствами для собственного политического будущего.

Следует обратить внимание на тот факт, что в сетевом анализе связей акторов Ю.О. Гайворонского и Ю.А. Баландина положение нового липецкого губернатора отмечается на периферии при весьма скромном удельном весе непосредственного узла влияния. Как видно из исследования, у И. Артамонова существует дистанция с другими акторами и наличествует только связь с Г. Грефом при достаточно скромном показателе «валентности». Более того, кейс липецкого губернатора исследователи обходят вниманием на фоне более привлекательного и событийного контекста федеральной политики и некоторых региональных историй [9. С. 146–167].

Если на момент своего назначения в 2018 г. врио Глава Липецкой области И. Артамонов как-то зависел от королевского дизайнера администрации, то к 2022 г. ситуация изменилась, и мы уже видим принципиально иной состав исполнителей в ранге вице-губернаторов. Можно сказать, что по мере своей адаптации в должности главы субъекта РФ И. Артамонов модифицирует состав ближайшего круга исполнителей. С момента назначения врио и вплоть до сегодняшнего времени в команде вице-губернаторов поменялось достаточное количество лиц. Сегодня пока еще сложно сказать, насколько они могли выступать «техническими» фигурами. Тем не менее только заинтересованная аудитория вспомнит имена бывших губернаторов в команде И. Артамонова – И. Тузова, А. Ильина, А. Костомарова, К. Вострикова и других, покинувших администрацию Липецкой области в силу тех или иных причин. Можно вспомнить и историю с перемещением бывшего топ-менеджера «Ростелекома» Д. Аверова, начавшего политическую карьеру в статусе вице-губернатора в команде Артамонова с сентября 2018 г. После выигранных праймериз «Единой России» по одному из округов Липецкой области был отказ бороться на реальных выборах в Госдуму ФС РФ. Тогда в этом некоторые политологи могли увидеть обострение противостояния с Владимиром Лисиним, видевшим в качестве претендента на депутатский мандат Госдумы М. Тарасенко. Затем была история с попыткой И. Артамонова сделать Д. Аверова своим представителем в Совете Федерации ФС РФ. В итоге все закончилось избранием Б. Аверова в Липецкий областной Совет депутатов, после чего он стал его спикером. Интересно, что бывший спикер Липецкого областного совета П. Путилин даже и не принимал участие в избирательной кампании.

В целом, если сравнить дизайн региональной администрации при О. Королёве и И. Артамонове, то принципиальным отличием выглядит только сравнительная молодость команды нового губернатора и их профессиональное происхождение. Средний возраст вице-губернаторов Липецкой области, рассчитанный автором, демонстрирует это (табл. 1).

Таблица 1. Средний возраст вице-губернаторов Липецкой области (2018–2023 гг.)

Вице-губернаторы на конец правления Олега Королёва (сентябрь 2018 г.)	Вице-губернаторы Липецкой области при Игоре Артамонове (июль 2023 г.)
60,1 лет	42,3 года

В первые недели после своего назначения И. Артамонову пришлось повлиять на смену глав в ряде муниципалитетов Липецкой области. Так, новые главы появились в Добровском, Задонском и Измалковском районах. Судьба некоторых глав была непонятной вплоть до избрания И. Артамонова губернатором в сентябре 2019 г. Обществу и местным элитам был дан недвусмысленный сигнал о том, что новый губернатор предпочитает видеть в своей команде относительно молодых и энергичных глав районов, которые не отягощены какими-либо коррупционными скандалами.

В целом, если говорить о возрасте глав муниципальных районов Липецкой области, то складывается следующая картина. Мы видим, что тенденция к омоложению корпуса глав муниципалитетов постепенно имеет место, хотя не происходит быстро. Вплоть до настоящего времени И. Артамонову пока не удастся заменить в некоторых муниципалитетах влиятельных «тяжеловесов» (главе Усманского района В. Мазо 73 года, а главе Грязинского района В. Рощупкину – 68 лет), почтительный возраст которых скрадывает разрыв в возрастной статистике. Губернаторские пожелания здесь вступают в конфликт с непростой реальностью: кадровым голодом, сильным позициями прежних, возрастных глав, смена которых может дестабилизировать ситуацию в отдельных муниципалитетах (табл. 2).

Таблица 2. Средний возраст глав администрации муниципальных районов Липецкой области (2018–2023 гг.)

Липецкая область на момент назначения Игоря Артамонова (октябрь 2018 г.)	Липецкая область при Игоре Артамонове (июль 2023 г.)
53,1 года	49 лет

Бросается в глаза сильный разрыв между возрастом вице-губернаторов Липецкой области и глав муниципалитетов на 2018 г., который составляет около 7 лет. Такой же разрыв обнаруживается в 2022 г., но только лишь с разницей, что моложе оказываются вице-губернаторы. Таким образом, следует отметить, что команда И. Артамонова выглядит более молодой и, в связи с возрастом, более работоспособной. Частые смены позиции внутри правящего класса Липецкой области позволяют говорить, что И. Артамонов в большей степени готов адаптироваться в текущей реальности.

В команде О. Королёва все вице-губернаторы имели прямую связь с Липецкой областью, их биографические истории были напрямую связаны с ней. Подобная особенность создавала определенные риски в отношении Липецкой области как субъекта РФ, где власть представляется исключительно консервативной и закупоренной, не открытой к изменениям и ротации. Причем это не характеризовало исключительно региональную власть, но и имело прямое отношение к муниципальным руководителям и их заместителям. К концу правления О. Королёва постепенно сложилась ситуация, когда все представители «королёвской» элиты были очень похожи друг на друга по своей стилистике, уровню образования и биографическим трекам. Схожим образом конструировалась и социальная политика в вверенных им муниципальных районах, в которой акцент делался на поддержку села, строительство объектов социальной и культурной инфраструктуры. В период правления О. Королёва в каждом из 18 муниципальных районов Липецкой области было построено по плавательному бассейну, а в некоторых районах появились ледовые дворцы. Несмотря на определенные сдвиги в преобразении сель-

ских муниципалитетов, тем не менее, говоря о персональном составе политического класса, возникало ощущение безысходности и застоя.

В политической элите И. Артамонова только два вице-губернатора – А. Рябченко и А. Якутин не имеют «липецкого» происхождения, хотя казалось, что пришествие «варягов» в администрацию Липецкой области станет повсеместным явлением. Возможно, И. Артамонов со временем мог увидеть в этом и репутационные издержки. Постоянные импровизации с командой (скажем, уход с позиций вице-губернаторов А. Костомарова и И. Тузова), кажется, открывают возможности для молодых «технократов» в команде И. Артамонова. Среди теперь уже редких представителей других регионов в команде губернатора отмечаются и попытки объяснения ментальной и исторической связи с липецкой землей. В частности, после своего назначения вице-губернатором А. Рябченко вспомнил ряд семейных историй, связанных с липецким краем и Лев-Толстовским районом.

На конец 2022 г. в команде И. Артамонова остался только один представитель «королёвской» элиты – вице-губернатор В. Щеглеватых. Все остальные вице-губернаторы были назначены непосредственно в период правления И. Артамонова, и не имеют каких-то политических ассоциаций с правлением О. Королёва в силу своего возраста.

Бросающееся в глаза различие между командой О. Королёва и И. Артамонова не является единственным. Обращает на себя внимание и тот факт, что в нынешней команде губернатора находятся обладатели сразу нескольких образований, постоянно повышающие свою квалификацию, в то время как в «королёвской» элите одного базового образования хватало для занятия высокой позиции. В период правления О. Королёва практически все вице-губернаторы, включая самого губернатора, имели ученую степень. Подобная мода распространялась и на других чиновников, включая даже некоторых глав муниципальных районов. В частности, бывший мэр Липецка И. Тиньков имел ученую степень кандидата экономических наук. Бывший когда-то признак хорошего тона, статусное усиление в период жонглирования различными регалиями и статусами, в новой технократической реальности И. Артамонова уже не является явным преимуществом. Возникает запрос на гибкость, обучаемость, открытость постоянным изменениям, по сути дела, все те качества, которыми должен обладать технократ.

И. Артамонов как бы противопоставляет себя остальной чиновничьей массе, невольно отграничиваясь от «сельсовета». Несмотря на практически полный политический цикл, проведенный на посту губернатора, тем не менее как бы невзначай подчеркивается, что он *другой*. Стилистика липецкого губернатора нарочно контрастирует с местным жизненным стилем и вкусом. Утренние пробежки, игра на саксофоне и увлечения И. Артамонова – местным чиновникам до сих пор не удается удачно копировать подобный жизненный стиль и политически капитализировать его.

Структуры-поставщики и некоторые персоналии правящего класса Липецкой области

В правлении О. Королёва обращал на себя внимание ряд тенденций в функционировании политических элит, связывавшийся с вероятностью инкорпорации в правящий класс Липецкой области той или иной персоналии.

Описывая схожие процессы, О. Крыштановская находит такой интересный термин, как «элитный трафик», в котором важное место занимают структуры поставщиков и приемщиков элитных кадров [1. С. 99].

В период правления О. Королёва к структурам поставщиков элитных кадров следует отнести *номенклатуру*, в которой выделялись комсомольские работники (мэр г. Липецка А. Коробейников, вице-губернатор Л. Куракова, председатель Липецкого областного совета депутатов А. Савенков, вице-губернатор Ю. Таран, вице-спикер Липецкого городского совета А. Соколов, начальник областного управления внутренней политики В. Грушихин), а также партийные секретари и председатели райисполкомов (С. Доровской – Елецкий район, Н. Тагинцев – Хлевицкий район, А. Никонов – Добринский район, В. Рошупкин – Грязинский район). Некоторые главы муниципальных районов имеют опыт руководства областями в республиках бывшего СССР (В. Мазо – Усманский район). Представители политического класса вырастали и из *руководителей сельскохозяйственных предприятий* (В. Герасимов – Становлянский район, А. Глазунов – Добровский район, М. Лисов – Хлевицкий район и др.). Структуры-поставщики дополняли друг друга в карьерном продвижении той или иной персоналии. В каких-то ситуациях можно увидеть, как та или иная персоналия, получив опыт партийной и комсомольской работы, постепенно модифицировала его и на управленческих должностях в народном хозяйстве. Корпус силовиков оказался не так заметен в правящем классе, за исключением Ю. Божко, пришедшего в вице-губернаторы Липецкой области с прокурорской позиции. Видимо, нежелание инкорпорировать силовиков в правящий класс может относиться к их общей оценке О. Королёвым, не слишком привечавшим их. Возможно, о дистанцировании от силовиков говорит и сама биография бывшего липецкого губернатора. Автору однажды пришлось слышать признание видного липецкого политика по поводу оценки губернатора, данной одному силовика, избравшемуся на должность главы одного из муниципальных районов. Тогда губернатор очень негативно отнесся к перспективе ситуации, при которой к власти мог прийти «вертухай». Именно такое определение имеет под собой достаточно популярное в низовой культуре отрицание должностей и персоналий, связанных с репрессивными органами.

Огромное значение в экономической, социальной и культурной жизни Липецкой области имеет *ОАО «Новолипецкий металлургический комбинат» («НЛМК»)*. Заметная роль металлургического предприятия в пространстве Липецкой области справедливо отражается в его политическом капитале. Всем липецким губернаторам – от М. Наролина до И. Артамонова – так или иначе приходилось считаться с его интересами вне зависимости от внутрироссийской политической конъюнктуры. По примеру структур поставщиков – партийной номенклатуры и руководителей сельскохозяйственных предприятий Липецкой области, ОАО «НЛМК» следует также рассматривать в качестве инкубатора для политической элиты. Со времен губернаторства О. Королёва в Липецкой области произошло размежевание области на две негласные сферы влияния – непосредственно г. Липецк и вся остальная область. По такому принципу практически всегда конструировались и два одномандатных округа на выборах в Государственную думу ФС РФ. Липецкий округ всегда оставался за представителями ОАО «НЛМК». Сильные позиции

комбината в г. Липецке не оспаривались региональной властью, и в то же время металлурги не вмешивались в политику области в остальных муниципальных районах. Если говорить о том, как представители ОАО «НЛМК» могли быть представлены в липецком политическом классе, то в первую очередь следует вспомнить о бывшем мэре Липецка М. Гулевском, бывшем спикере Липецкого городского совета депутатов В. Синюце, депутатах С. Мельнике и А. Соколове. ОАО «НЛМК» всегда имел депутатское представительство как в Липецком городском совете, так и в областной думе. Биографии некоторых действующих депутатов Липецкого областного совета в различное время были связаны с ОАО «НЛМК». В начале 2023 г. на должность спикера Липецкого городского совета депутатов была избрана Е. Фрай, находящаяся в родственных отношениях с экс-спикером Липецкого городского совета депутатов В. Синюцем. Как мы можем видеть, наследственные позиции присутствуют даже в законодательной ветви власти.

Видимая и невидимая конкуренция региональной власти и руководства самого влиятельного экономического игрока в Липецкой области присутствует и в настоящий момент, о чем напоминает недавняя история с нынешним спикером Липецкого областного совета депутатов Д. Аверова. Следовательно, политический водораздел между «правым» и «левым» берегом (на котором находится ОАО «НЛМК») в Липецке сохраняется вплоть до настоящего времени.

Особым влиянием в Липецкой области в период правления О. Королёва обладали статусные строители. Заметная роль строительных организаций в пространственном развитии Липецка связывалась с быстрой застройкой города еще в период СССР, позволяющей говорить о том, что «Липецк – город без окраин» [10. С. 13]. Липецкие строители создали внушительную социальную инфраструктуру и для своей отрасли, последствия которой сказываются на пространственной организации как г. Липецка, так и непосредственно Липецкой области. Многочисленные дома культуры, турбазы, дачные кооперативы, названия микрорайонов, связанные со строительным дискурсом, – все это до сих пор свидетельствует об акцентах социальной политики на рубеже 1980–1990-х гг.

Покровительство О. Королёва строительной отрасли не вызывает сомнений. Последние годы правления губернатора отмечаются перенасыщением строительного рынка и появлением микрорайонов Европейский и Елецкий вместе с проблемой недостроенных домов. Липецкие строители, ввиду значительного экономического ресурса и собственной близости к власти, заслуживают выделения в отдельную элиту, к которой следует отнести такие фигуры, как М. Захаров (СУ-5), М. Коротких («Глобус групп»), В. Тучков (АО «Свой дом») и др. Отдельного внимания могут заслуживать директор ЗАО СУ-11 В. Григорьев, А. Лаврентьев (ДСК) и В. Клевцов (ЛИК). Плотность отношений между липецкими строителями и властью может подтверждаться и родственными связями, как, в частности, между Ю. Божко и В. Григорьевым. Высокая степень интеграции влиятельных представителей строительного бизнеса и чиновников, связанных со сферой строительства в Липецкой области, доказывается и постепенной кланизацией – дети продолжают дела своих родителей, что видно из их дальнейшей карьеры. Из этого следует, что данная сфера обладает большой значимостью в экономике Ли-

пецкой области, что, в свою очередь, сопрягается с ее и политическим значением. Строительство и власть неразрывно связаны друг с другом в любых политиях, потому как именно строительство демонстрирует власть, обналичивает ее успехи, являясь ее убедительной презентацией. Неслучайны и исторические коннотации, где «происхождение строительного искусства возводится к самому Богу» [11. С. 367].

Приход к власти И. Артамонова как будто бы оттенил внимание к представителям строительного бизнеса, выросшим в период правления О. Королёва. Их имена практически уже не встречаются в информационном пространстве. Безусловно, это не может говорить о деградации строительной сферы, но свидетельствует, скорее всего, о появлении новых игроков и «правил игры». Неслучайно новый губернатор часто обращал внимание на проблему обманутых дольщиков. Показательно, что решение этой проблемы виделось им при участии принципиально других строительных компаний, не связанных с липецким бизнесом. Впрочем, сократились и объемы строительства в Липецкой области, что постепенно вытеснило из информационного пространства липецких строительных магнатов.

Особенности легитимации политической элиты в период правления И. Артамонова

С приходом к власти в Липецкой области И. Артамонова, безусловно, в жизни липецкой политической элиты наступают тревожные времена. Несмотря на тот факт, что первые назначения не дали представления экспертам о команде нового губернатора, тем не менее с каждым новым муниципальным политическим циклом губернатор давал понять, что он готов менять районных глав, а что касается вице-губернаторов и чиновником самой администрации, то это может происходить практически постоянно. Сам И. Артамонов признавался, что Липецкая область нуждается в обновлении руководящих кадров. Во время одного из первых интервью журналистам региона он заметил, что им было назначено 32 человека из числа номенклатурных руководителей, причем их средний возраст составил 39 лет. По словам самого И. Артамонова, ему часто приходилось слышать, что кадровые назначения связываются с кумовством и блатом, и ему хотелось бы развенчать этот миф [12].

Вместе с тем первый срок правления И. Артамонова в Липецкой области демонстрирует, что у нового губернатора не получается до конца сделать прозрачными правила назначения на руководящие посты. Некоторые влиятельные липецкие промышленники с приходом Артамонова значительно усиливаются через успешную политическую карьеру своих детей (А. Кремнёв – генеральный директор ОАО «Лебедяньмолоко») и даже внуков (В. Архипенко – председатель Совета директоров ЗАО «Энергия»). Некоторые назначения связываются непосредственно с крупным бизнесом, причем отсутствие политического опыта у претендента не является принципиальным ограничением. Очень многие эксперты были сильно удивлены, когда Главой г. Липецка стала Евгения Уваркина (компания «ТРИО»), не имевшая до того времени публичного политического капитала. Вместе с тем у Е. Уваркиной существовал опыт договоренностей с региональной властью, который в итоге

привел к созданию и развитию крупнейшего в регионе агропромышленного холдинга [13].

Постепенное утверждение у власти фигур, не имевших политической биографии, но обладающих значительным экономическим капиталом, рано или поздно приводит к ситуации, когда с их помощью начинает формироваться политический класс в рамках тех институций, над которыми удастся осуществлять контроль. На нижних этажах власти начинают формироваться целые команды политиков, обязанных своим продвижением ставленникам нового губернатора. Существуют многочисленные примеры, когда на смену уходящему поколению «красных» глав районов эпохи 1990-х и 2000-х гг., на горизонте липецкой политики начинают появляться и их дети и родственники.

Уникальной особенностью элитного строительства в Липецкой области является беспрецедентная активность ОАО «Сбербанк» в производстве каналов инкорпорации в региональный правящий класс. ОАО «Сбербанк» начинает выступать структурой-поставщиком элитных кадров в период правления И. Артамонова, который как раз и является выходцем из его структур. В администрации Липецкой области сегодня 7 вице-губернаторов. Из них 4, так или иначе, имели опыт работы в «Сбербанке». Процессы, когда на ключевые должности назначаются фигуры, связанные со структурами «Сбербанка», можно увидеть не только на уровне региональной политики (табл. 3). Есть примеры инкорпорации сотрудников «Сбербанка» в муниципальную политику. В частности, в марте 2022 г. на должность заместителя главы г. Ельца была назначена О. Черных, некогда работавшая в «Сбербанке».

Таблица 3. Вице-губернаторы Липецкой области и структуры-поставщики кадров (июль 2023 г.)

№ п/п	Вице-губернатор	Год рождения	Структура-поставщик
1	Александр Рябченко	1987	Правительство ЯНАО
2	Ольга Белоглазова	1982	«Сбербанк»
3	Роман Петрухин	1984	«Сбербанк»
4	Александр Кремнёв	1990	ОАО «Лебедяньмолоко»
5	Сергей Курбагов	1982	«Сбербанк»
6	Анатолий Якутин	1982	«Сбербанк»
7	Вячеслав Щеглеватых	1954	Администрация Липецкой области – команда Олега Королёва

Сегодня И. Артамоновым предлагается принципиально новый стандарт кадрового отбора, сводящийся к следующей установке. Если человек успешен в бизнесе, равно как и в управленческих практиках, следовательно, он может быть успешен и в политике. В случае «Сбербанка» становится понятно, что губернатор предпочитает инкорпорировать чиновничий аппарат из готовой структуры, специфика которой ему может быть понятна, ведь, как некогда отмечал Н. Луман, «организации представляют собой определенный способ системообразования» [14. С. 154]. Вероятно, новый чиновничий класс и может оцениваться командой губернатора теми же инструментами КРІ, что определяют эффективность того или иного отдела или сотрудника в самом «Сбербанке».

В период правления нового губернатора постепенно складывается тенденция, когда определенное политическое влияние начинают приобретать и представители успешного бизнеса, связанного с туристической индустрией. Экономический профиль Липецкой области на перспективу конструируется

как регион, в который готовы приезжать туристы. За последние несколько лет в Липецкой области заработало несколько узнаваемых проектов, готовых выступать привлекательными декорациями для легитимации областной власти. В свою очередь, владельцы дворянских усадеб, парков развлечений и этнографических парков, организаторы крупных фестивалей реконструкции почувствовали к себе неподдельный интерес со стороны региональной власти. Лояльность туристического бизнеса конвертируется для его владельцев в политическое влияние, что подтверждается рядом убедительных примеров.

Новые требования к политической элите внешне изменяют ее. Чиновники во многом становятся похожи друг на друга, достаточно сильно начинают совпадать профили в социальных сетях и рефлексия на события культурного календаря. В ленте глав муниципалитетов появляется больше акцентов на патриотизм, спорт, туристические продукты. Муниципальные и региональные чиновники быстро подстраиваются под требования нового губернатора, пытаются заимствовать его политический язык, его стилистику. Сегодня обязательной частью технократической рамки муниципального главы является умение демонстрировать презентации и держать ответ по их содержанию лично губернатору. Зачастую в языке чиновников начинают появляться новые слова, составляющие модный политический новояз: «зона комфорта», «зона развития», «зона ответственности», «общественное пространство», «малые архитектурные формы» и т.д. Перед липецкой общественностью предстают персоналии, не искушенные публичной политикой, не готовые к прямой и острой дискуссии. В одном из своих интервью бывший мэр г. Липецка С. Иванов иронизирует, что востребованными сегодня являются «красивые картинки и цифры на слайдах» [15].

В то же время новый язык управленцев, пришедших к своим постам вне законов конкуренции, есть причудливая смесь чиновничьего языка и модным аргументам бизнес-тренингов. Политический дискурс при новом губернаторе сегодня являет собой новое аргументное, характерное для закрытых групп, посвященных в таинство власти.

Подобная политическая модель И. Артамонова практически не вызывает критики со стороны оппозиционных акторов. В настоящий момент, пожалуй, единственным критиком политики губернатора выступают местные коммунисты.

Липецкая политическая элита при И. Артамонове: особенности инкорпорации и эскорпорации

Заметно стремление И. Артамонова максимально дистанцироваться от каких-либо событий, негативно отражающихся на его имидже. Любая токсичная связь моментально прерывается, и провинившемуся чиновнику тут же находится замена. Несмотря на относительно короткую скамейку запасных, новый липецкий губернатор дает понять, что любая позиция легко заменима им.

И. Артамонов в публичный дискурс адресует нетерпимость к любым признакам коррупции. Самым, наверное, громким событием, связанным с командой губернатора, является история с вице-губернатором И. Тузовым, сегодня находящимся в розыске.

В течение первого срока правления И. Артамоновым было отправлено в отставку несколько глав муниципальных районов. И. Артамонов пытается

освободиться от любых токсичных ассоциаций, реагируя на малейшие всплески публичного недовольства. Так, не остались без внимания процессы над главами Долгоруковского и Лебедянского районов, которым инкриминировались схожие схемы с закупками квартир по завышенной цене. По собственному желанию освобождены с должности главы Задонского района Г. Мосолов (завышенная стоимость закупки компьютеров в школу) и Краснинского района М. Конаныхин (ситуация с дефицитом врачей в Краснинской ЦРБ). В 2021 г. был оглашен приговор по делу бывшего главы Тербунского района С. Иванова, обвинявшегося в превышении полномочий и выдаче разрешения на добычу песка одному из местных предпринимателей. Случай с С. Ивановым – бывшим мэром Липецка, является показательным, потому что в экспертном сообществе он рассматривался как очень близкая фигура к экс-губернатору О. Королёву. Не может не обратить на себя внимание и история с самим О. Королёвым, лишенным кресла сенатора Совета Федерации ФС РФ за опасное вождение автомобиля по Липецку. Автомобиль бывшего губернатора долгое время не могли остановить сотрудники ДПС.

Таким образом, следует отметить, что самыми популярными способами эскорпорации в Липецкой области сегодня являются попадание в поле зрения региональных силовиков, а также уход с должности ввиду возраста. Правила корпорации имеют свое место и в случае отправленных в отставку глав муниципалитетов – практически все из них сегодня занимают относительно незаметные должности в Липецкой области. Потенциальному отставнику заблаговременно начинают прочить ту или иную работу, что можно увидеть на примере бывшего главы Добровского района С. Грибанова. Некоторые бывшие главы остались работать в своих же муниципальных районах, занимая руководящие должности. Эскорпорация предполагает новую инкорпорацию с определенным понижением в статусе. Так, бывший глава Краснинского района М. Конаныхин сегодня возглавляет одну из школ в районе, а скандально известный Г. Мосолов занимает пост директора Центра занятости в Задонском районе [16]. Определенные нормы и правила, существующие в рамках вето-групп и предполагающие, что в кризисные моменты вышестоящее начальство будет выведено из-под удара, по сути дела, обосновываются в продолжении скромной карьеры бывших глав липецких муниципалитетов.

Есть примеры, когда эскорпорация с поста глав муниципалитетов при И. Артамонове могла приводить и к переезду в Липецк. Такой карьерный трек можно увидеть на примерах бывшего главы г. Ельца С. Панова, ставшего заместителем руководителя Ростехнадзора по Липецкой области, и А. Москворецкого, оставившего должность главы Добринского района ради должности директора МУП «Липецкий пассажирский транспорт».

Показательны истории эскорпорации бывших вице-губернаторов и спикера областного парламента П. Путилина, которые нашли себя и при И. Артамонове в многочисленных структурах. Русская культура удивительно емка на подобные институты, легко инкорпорирующие в свои институты многочисленных бывших чиновников. Фигуры бывших членов политической элиты в течение определенного периода времени по инерции обладают определенным иммунитетом и особенной священностью, образующей, следуя мысли итальянского политического философа Джорджо Агамбена, «подвижную и неустранимую зону внутри современной политики» [17. С. 149].

Действительно, в современной российской политической реальности любая политическая позиция обладает сильным экономическим излучением, сохраняя его и после завершения политического цикла. Воспроизводя себя даже на низших уровнях политики, в многочисленных бюджетных структурах, бывшие чиновники сохраняют привычный вкус к жизни и право контролировать и распоряжаться бюджетами. Неомарксистский подход, утвердивший за политическими элитами классовый характер, здесь получает дополнительную аргументацию в пользу силы своей объяснительной модели.

Заключение

В период губернаторства Игоря Артамонова мы видим совершенно другой подход к организации политического пространства, нежели при его предшественнике – Олеге Королёве. Власть, представляющаяся неделимой и цельной в рамках региона, внутри, в своих структурах, может испытывать определенные сдвиги. Происходит новое понимание роли структур-поставщиков в политическую элиту, продиктованное во многом текущим моментом и отмиранием старых практик функционирования власти на местах. «Сельсовет» уступает место сообществу технократов, управляемому И. Артамоновым. В период правления О. Королёва местные сельскохозяйственные предприятия многое определяли внутри муниципальных районов. Каждый глава муниципалитета должен был подчеркивать органическую связь с почвой. Сегодня мы видим другую ситуацию. Земля перестает быть ресурсом, определяющим политический дизайн в отдельном муниципалитете. В Липецкой области практически нет свободной земли, и агрохолдинги, обладающие надрегиональной и наднациональной поддержкой, обладают куда большим влиянием, нежели муниципальная и региональная власть. Складывается ситуация невмешательства в дела друг друга, что позволяет новому губернатору сосредоточиться исключительно на внутренней повестке, не забывая заботиться о собственном имидже, подчеркивающей его персонифицированную легитимность, где во главу угла ставится эффективность позиционирования и личное обаяние [18]. Способствует перманентной стабильности и дистанцирование от региональной политики ОАО «НЛМК». Сферы влияния между комбинатом и администрацией разделены настолько деликатно, что в публичном пространстве сегодня отсутствуют малейшие намеки на какое-либо недопонимание. Вместе с тем самодостаточность регионального политического класса довольно иллюзорна. Характерной чертой региональных политических процессов является их сильная сопряженность с федеральной политикой, что, по сути дела, лишает региональные элиты автономии [9. С. 147].

Задачей нового политического класса сегодня является налаживание эффективной коммуникации между ключевыми субъектами хозяйственной деятельности. Именно они определяют экономический профиль отдельно взятой территории. «Технократ», кажется, должен видеть открывающиеся проблемы на расстоянии и обеспечить бизнесу максимально комфортные условия, при этом не забывая демонстрировать собственные достижения на фоне красивой, запоминающейся картинки.

Текущая политическая конъюнктура в полной мере определяет содержание и формы процессов инкорпорации и экскорпорации в региональный по-

литический класс. В настоящий момент политическая элита Липецкой области определенным образом сформирована. Каналы инкорпорации и экскопации в той или иной степени отрегулированы и настроены. Но нужно понимать, что ключевые процессы все равно так или иначе замыкаются на личном участии нового губернатора. Подобная политическая конъюнктура будет сохранять себя в той степени, в которой будет актуально политическое влияние самого И. Артамонова.

Список источников

1. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М. : Захаров, 2005. 384 с.
2. Лотман Ю. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. : Азбука, 2017. 608 с.
3. Восленский М. Номенклатура. М. : Захаров, 2005. 640 с.
4. Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М. : Росспэн, 1999. 535 с.
5. Хириман А. Риторика реакции: извращенность, тщетность, опасность. М. : Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 208 с.
6. Петров В. Преодоление. Олег Королёв: годы свершений и побед. Воронеж : Воронежская областная типография – «Издательство им. Е.А. Болховитинова», 2022. 256 с.
7. Кынев А.В. Феномен губернаторов-«варягов» как индикатор рецентрализации (Опыт 1991–2018 гг.) // Полития. 2019. № 2 (93). С. 125–150.
8. Подвицнев О.Б. Губернаторы – «варяги»: тенденции сосуществования и взаимодействия с региональными элитами // Губернаторский корпус в условиях трансформации политической системы Российской Федерации. Пермь : Перм. науч. центр, 2014. 306 с.
9. Гайворонский Ю.О., Баландин Ю.А. Рекрутирование губернаторского корпуса в современной России: эволюция патрональных сетей (2017–2021) // Полития. 2022. № 4 (107). С. 146–167.
10. Березин А. Земля наша липецкая. Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1974. 455 с.
11. Зотов С., Майзульс М., Харман Д. Страдающее Средневековье. М. : АСТ, 2019. 416 с.
12. Малоков С. Без кумовства и блата // Липецкая газета. 2019.03.01.
13. Демидкина К. Сладкие миллиарды: как сестры-близнецы с нуля построили агрохолдинг с выручкой 17,1 млрд рублей // Forbes. 2019.10.28.
14. Луман Н. Власть. М. : Праксис, 2001. 256 с.
15. Коротких И. Последний год губернатора Артамонова и подмена морально-нравственных моментов // Abireg.ru. 2023.18.01. URL: Последний год губернатора Артамонова и подмена морально-нравственных моментов – прогнозы с бывшим мэром Липецка Сергеем Ивановым (дата обращения: 25.01.2023).
16. Орлов Е. Бывшему главе Задонского района Григорию Мосолову нашли место в управлении труда и занятости // Lipetsknews. 2020. 01.03. URL: Бывшему главе Задонского района Григорию Мосолову нашли место в управлении труда и занятости (дата обращения: 25.12.2022).
17. Агамбен Д. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М. : Европа, 2011. 256 с.
18. Скитерских А.В. Персонафицированная легитимность // Свободная мысль. 2005. № 8. С. 191–204.

References

1. Kryshchanovskaya, O. (2005) *Anatomiya rossiyskoy elity* [Anatomy of the Russian Elite]. Moscow: Zakharov.
2. Lotman, Yu. (2017) *Besedy o russkoy kul'ture: byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: the life and traditions of the Russian nobility (18th – early 19th centuries)]. St. Petersburg: Azbuka.
3. Voslenskiy, M. (2005) *Nomenklatura* [Nomenclature]. Moscow: Zakharov.
4. Shevtsova, L. (1999) *Rezhim Borisa El'tsina* [Boris Yeltsin's regime]. Moscow: Rosspen.
5. Hirshman, A. (2010) *Ritorika reaktcii: izvrashchennost', tshchetnost', opasnost'* [Rhetoric of Reaction: Perversion, Futility, Danger]. Moscow: HSE.

6. Petrov, V. (2022) *Preodolenie. Oleg Korolev: gody sversheniy i pobed* [Overcoming. Oleg Korolev: Years of Accomplishments and Victories]. Voronezh: Izdatel'stvo im. E.A. Bolhovitinova.
7. Kynev, A.V. (2019) Fenomen gubernatorov-“varyagov” kak indikator retsentralizatsii (Opyt 1991—2018 gg.) [Phenomenon of Governors-“Outsiders” as Indicator of Recentralization (1991–2018)]. *Politiya – Politeia*. 2(93). pp. 125–150.
8. Podvintsev, O.B. (2014) Gubernatory – “varyagi”: tendentsii sosushchestvovaniya i vzaimodeystviya s regional'nymi elitami [Varangian governors: Trends of coexistence and interaction with regional elites]. In: Ashikhmina, Ya.G. et al. (eds) *Gubernatorskiy korpus v usloviyakh transformatsii politicheskoy sistemy Rossiyskoy Federatsii* [The Governor's Corps under the Transformation of the Political System of the Russian Federation]. Perm: Perm Scientific Center.
9. Gayvoronskiy, Yu.O. & Balandin, Yu.A. (2022) Rekrutirovanie gubernatorskogo korpusa v sovremennoy Rossii: evolyutsiya patronal'nykh setey (2017–2021) [Recruitment of the governor's corps in contemporary Russia: Evolution of patronal networks (2017–2021)]. *Politiya – Politeia*. 4(107). pp. 146–167.
10. Berezin, A. (1974) *Zemlya nasha lipetskaya* [Our Lipetsk Land]. Voronezh: Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo.
11. Zotov, S., Maizuls, M. & Harman, D. (2019) *Stradayushchee Srednevekov'e* [The Suffering Middle Ages]. Moscow: AST.
12. Malyukov, S. (2019) Bez kumovstva i blata [Without Nepotism and Clout]. *Lipetskaya gazeta*. 1st March.
13. Demidkina, K. (2019) Sladkieilliardy: kak sestry-bliznetsy s nulya postroili agrokholding s vyruchkoy 17,1 mlrd rubley [Sweet Billions: How Twin Sisters Built an Agricultural Holding from Scratch with Revenue of 17.1 Billion Rubles]. *Forbes*. 28th October.
14. Luhmann, N. (2001) *Vlast'* [Power]. Translated from English. Moscow: Praktis.
15. Korotkikh, I. (2023) Posledniy god gubernatora Artamonova i podmena moral'no-nravstvennykh momentov [The last year of Governor Artamonov and the substitution of moral and ethical issues]. *Abireg.ru*. 18th January. [Online] Available from: <https://abireg.ru/newsitem/96211/> (Accessed: 25th December 2022).
16. Orlov, E. (2020) Byvshemu glave Zadonskogo rayona Grigoriyu Mosolovu nashli mesto v upravlenii truda i zanyatosti [The former head of the Zadonsk district Grigory Mosolov found a place in the labor and employment department]. *Lipetsknews*. 1st March. [Online] Available from: [Byvshemu glave Zadonskogo rajona Grigoriyu Mosolovu nashli mesto v upravlenii truda i zanyatosti](https://lipetsknews.ru/newsitem/11111/) (Accessed: 25th December 2022).
17. Agamben, D. (2011) *Homo Sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo Sacer. Sovereign Power and Naked Life]. Translated from English. Moscow: Evropa.
18. Skiperskikh, A.V. (2005) Personifitsirovannaya legitimnost' [Personalized legitimacy]. *Svobodnaya mysl'*. 8. pp. 191–204.

Сведения об авторе:

Скиперских А.В. – доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия). E-mail: pisatels@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Skiperskikh A.V. – Dr. Sci. (Political Science), professor at the Philosophy and Social Science Department, Bunin Yelets State University (Yelets, Russian Federation). E-mail: pisatels@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.01.2023;
одобрена после рецензирования 29.05.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted 25.01.2023;
approved after reviewing 29.05.2024; accepted for publication 11.06.2024*

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2024. № 79

Редакторы: *Ю.П. Готфрид, Н.А. Афанасьева*

Оригинал-макет *О.А. Турчинович*

Дизайн обложки *Яна Яковсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 01.07.2024 г. Дата выхода в свет 05.07.2024 г.

Формат 70x100¹/₁₆. Печ. л. 18,7; усл. печ. л. 24,2; уч.-изд. 25,6.

Тираж 50 экз. Заказ № 5953. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательства
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru